

Анна Майская

НИКУДАШНИКИ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

САМИЗДАТ

Жил человек, работал дальнобойщиком, разъезжал по командировкам, редко бывал дома. Зарплата — приличная, кое-что отложил на старость. С тех пор как похоронил мать, остался один в их трехкомнатной квартире. В свои семьдесят два года выглядел вполне прилично и на здоровье не жаловался.

Он жил один, за жизнь так и не женился, и никаких изменений в привычной жизни не ожидал, откуда бы им взяться...

Наивный...

В общем, такая вот мелодрама с некоторой долей иронии.

Анна Майская

НИКУДЫШНЫЙ

ШАЛЬНОЕ НАСЛЕДСТВО

Богатство свалилось на голову Григория Сергеевича неожиданно.

Но два месяца назад получил приглашение в нотариат, и там ему показали бумагу, где черным по белому написано, что он является обладателем наследства в двести пятьдесят миллионов долларов, дома в пригороде Парижа, нескольких крупных магазинов и мастерских по огранке драгоценных металлов. И все это завещал ему бездетный дядюшка, который эмигрировал за границу грудным ребенком вместе с отцом и матерью еще во время революции. Там его отец умер, а мать вышла замуж за богатого человека. Видно, у них все в роду были против детей, потому что, как оказалось, при розыске наследников Григорий Сергеевич являлся единственным ближайшим родственником.

Вернувшись домой, он позвонил своему давнему и надежному другу Константину и попросил срочно придти к нему. Тот явился незамедлительно, поскольку жил в этом же доме, в соседнем подъезде.

Константин Петрович, тоже бывший коллега — дальнобойщик, лет двадцать прошедший вместе с Григорием в машине, сухопарый, седой, в поношенных домашних тапочках и спортивных брюках с пузырями на коленях, появился почти сразу.

— Здорово, Гриша! Что произошло? Я был в отлучке всего два месяца. Навел порядок на могилах родителей, продал домишко, теперь у нас с тобой есть деньги, целых пятнадцать тысяч рублей. Можем немедленно приступить к их ликвидации. А у тебя, что за архисрочные дела объявились?

— Ты и представить себе не можешь того, что произошло.

— Расскажешь — узнаю.

— Лучше читай сам, — и Григорий Сергеевич протянул листок бумаги другу.

Тот прочитал, крикнул, снова пробежал глазами по написанному и спросил:

— Может, разыгрывает кто?

— Нет. Все по-серьёзному. Вместе с недвижимостью наследство оценивается в четыреста миллионов. В долларах.

— Ничего себе подарочек. И что ты теперь делать с такими деньжищами будешь?

— Пока не знаю. С тобой посоветоваться хочу. Детей у меня нет, и не бывало, родственников тоже никаких.

— М-да.... — Константин, отложив бумагу, походил по комнате, — Стоп, дружок. Помнишь тебе мать перед смертью сказала, что твой отец согрешил на стороне и там осталась девочка. Я даже помню как ее зовут и фамилию. Надежда Грехова, в селе Демьяново проживает. Ей сейчас уже лет сорок будет. А может, у нее кто есть. Все, какая-никакая, а родственница. Адрес у тебя в шкатулке лежит, я точно помню.

— Ишь ты, памятный какой. Успеется. Поживем — увидим. Это все дальше. Приблудная сестра.

— Все равно какая, но сестра.

— Эх, будь у меня свои дети, сейчас бы их миллионерами сделал!

— А почему ты знаешь, что у тебя их нет? Погуляли мы с тобой в свое время неплохо, пока дальнобойщиками были. Помнишь, сколько баб с задранными подолами по дорогам оставили?

— А знаешь, помню. Не всех, конечно, но были такие, что долго в памяти цеплялись по

ночам.

— У тебя самого может быть и с десяток ребятишек осталось. Только где они и как узнать, что родились таковые?

— Чудно. О чем мы с тобой вообще разговор держим? Непонятный какой-то. Те красотки все замужем давно и состариться успели. Да и мужья у них наверное законные имеются. Так что тут уже никак не разберешь, чей ребенок потом родился. Хотя кто знает, может какая и родила, а замуж не вышла.

— Тебе что в Париж выезжать надобно, или так оформят?

— Никуда не надо ехать, все сделают сами, лишь бы оплата была.

— Ничего бы на Елисейские поля глянуть, в Соборе Парижской Богоматери побывать?

— Куда нам с тобой по Европам шастать? Надо будет подумать, что с деньжищами делать?

— Не расстройся, мы им найдем применение.

— Надо подсчитать, во сколько нам обойдется с тобой кухарка, горничная... — мечтательно протянул Константин, усевшись на продавленный диван и закинув ногу на ногу.

— Что ты собираешься с ними делать?

— Как что? Супец сварить, там кашу какую. Яйцо всмятку в рюмке подавать будет. Жить мы с тобой будем вместе. Наши квартиры обменяем и доплатим, чтоб хоромы были, всем на завидки.

— Хочешь, чтоб нас обворовали?

— А мы охрану найдем. Телохранителей и шофера.

— Так у нас с тобой нет машины?

— Купим, самую крутую.

Помолчали.

— Сергеевич, а как мы с тобой такую кучу деньжищ хранить будем? — снова подал голос Григорий.

— Ты что, хочешь забрать их все домой?

— Ну не в сберкассе же хранить их? Забыл 1991 год, когда наши с тобой накопления канули в Лету, до сих пор ни рубля не выдают.

— Грабеж цивилизованным порядком сделали. Мы с тобой надрывались, колесили с грузом по стране, а какой-то начальник придумал и экспроприировал наши кровные. И спасибо не сказали. Увели и все. Это как если бы они лежали дома и залез вор, забрал их. Того вора поймали бы и осудили, посадили бы обязательно.

— «Своя рука-владыка».

— «Что хочу-то и ворочу».

— Почему государство себя в положение вора поставило? И никак уже более десятка лет не желает с нами рассчитаться.

— То-то и оно. Опасно деньги держать в банках. Теперь они все акционерные стали. Улетят доллары, тю-тю, и как не бывало наследства.

— Поэтому и давай-ка, подумаем, как ими распорядиться.

— Да пусть в зарубежных банках и лежат, все надежнее. А дальше что? Детей искать будем незаконнорожденных?

— А что? Правильно, пусть лежат, чего это я. А детей искать это ты хорошо придумал, все же родня, — мысль явно пришлась Григорию по душе.

— А не получится: — «Чей бычок ни скакал, а телятки — все наши»?

— А хоть бы и так.

— Тогда тебе приют организовать надо.

— Так дети-то уже все большие, наверное. У них свои уже, поди, есть.

Григорий Сергеевич почесал затылок, погладил растущее брюшко, и сказал:

— Без бутылки не разобраться.

— Что ж. Разберем жалобу.

Разобрать жалобу на их языке означало выпить водочки. На столе появилась яичница с салом и маринованные огурчики. Жизнь была дорогой и шиковать с питанием не приходилось. После того, как деньги на вкладах заморозили, в банки больше не ходили, а малость, появляющуюся от поездок, прятали дома. Обычно в кухонном шкафчике, в банке с крупой. Капиталы были небольшими и вполне помещались в этой посудине. Тоже банк, только с буквой «а» в конце.

За месяц все формальности были оформлены, мучения с бумагами пройдены, пришлось даже дать интервью нескольким журналистам, что непривычный к такому вниманию Григорий перенес с большим трудом, и через некоторое время на счету у Григория Сергеевича в разных банках в Европе появились валютные счета с очень солидными суммами. Так им посоветовал знакомый юрист.

— Вдруг, какой из них обанкротится.

Лев Борисович посоветовал также вложить свободные деньги в надежное предприятие, чтобы получать с них прибыль, а уже работающие за границей не трогать.

— В такое как МММ? — по-стариковски съехидничал Константин Петрович.

— Зачем вы так? Есть и перспективные фирмы.

— Смотря для кого.

— А без прироста капитала вы их проживете, и все. Денег не будет.

— Да если мне по сто тысяч долларов в год тратить, то придется жить не одну тысячу лет!

— Но почему по сто? Можно и по пятьсот тысяч в год.

— Все равно десять веков не меньше прожить надо. А мне уже семьдесят два, и моему другу тоже.

— Постройте что-нибудь. Детский дом, дом для престарелых. Вас все чтить будут.

— Подрядчики — да. Они построят, а мы без денег и без постройки, — опять заладил свое скептик Костя, проигнорировав тот факт, что наследство оставили не ему, а Григорию.

— Извините, но с вами говорить невозможно, — вздохнул Лев Борисович, — Вы очень жадный человек? Зачем вам столько денег?

— Хочу хоть раз в жизни распорядиться ими по своему усмотрению, а не как мне государство указывает, — поддержал друга Григорий, — Налоги я заплатил, и немаленькие, все остальное — мое. А вам гонорар за консультацию. 100 баксов хватит?

Юрист взял деньги и с видом человека, которого только что угостили уксусом вместо чая, и вышел за дверь.

— Не успели старички «разобрать очередную жалобу», как в дверь позвонили.

— Открой, Петрович, кого там еще принесло?

В двери стояли две тетki. Одна очкастая, востроносая, более похожая на дятла, чем на женщину и вторая, лохматая, взъерошенная, как после драки.

— Здра... Здравствуйте, — сказали обе почти одновременно, но вразнобой.

Дятлообразная прошла в кухню, смахнула с краю крошки и пригласила взъерошенную.

— Проходи, Майя, будем гостями, если хозяйка не приглашают.

— А мы не любим не званых, — засопровтивлялся Петрович, — Вы кто такие, чего надо? Ему эти гости сильно не понравились. Но выслушать их надо, хоть и непрошенных.

— Мы из социальной защиты, — объявила дятел. — Положение в стране тяжелое, много инвалидов и многосемейных нуждаются в помощи.

— Вам как лучше? Закрепить семьи и вы сами ежемесячно будете им помогать? Или мы будем приходить и забирать деньги, а потом разносить их по городу тем, кого вы выберете?

— И много нуждающихся у вас конкретно на территории?

— Две тысячи человек.

— И я всем должен помочь?

— Вы же не бесчувственный человек? Понимаете, что ближним помогать надо.

— А откуда вы вообще узнали обо мне?

— Из передачи по телевидению. Вчера вечером диктор сказал, что в нашем городе объявился богатый спонсор. Он получил огромное наследство и теперь беднякам будет легче жить.

— А кто его просил говорить об этом?

— Вы же не в лесу живете, — подскочила дама-воробей. — Вот на столе водка и сало. Пьете, а о других не заботитесь.

— Я теперь что, должен раздать свои деньги кому попадя?

— Не кому попадя, а бедным.

— Кто их бедными сделал? Родное государство? Без работы оставило? Или я виноват в приплоде многосемейных? Нет, дорогие, увольте меня от благотворительности.

— Насколько я знаю, государство помогает этой категории людей через вашу социальную защиту.

— А вы, господин, не считайте государственных денег, научитесь сначала распорядиться вашими.

— Дамочки, а не пошли бы вы куда подальше?

— Что?! — завопила взъерошенная. — Я буду жаловаться, вы меня оскорбили!

— Странно, — рассердился Петрович, — сижу у себя дома, никому не мешаю, разбираю жалобу с другом, а тут являются какие-то тетки и начинают вымогать деньги.

— Это мы тетки?

«Дятел», вскинув свой острый носик, пошла на Григория тараном. «Воробей, приподняв сумку, опустила ее на голову Петровича. Тот, долго не раздумывая, открыл дверь, дотащил упирающуюся взъерошенную гостью к проему и слегка поддал ногой. Она распласталась на лестнице. Следом, таким же макаром, вылетела и ее спутница. Очки свалились и она, шаря вокруг себя, сидела и вопила:

— Хулиганы, злодеи! Милиция!

В глазках всех дверей появились любопытные, но вступаться за «девиц», оскорбленных приземлением на заднее место, не желали. Поорав для проформы минуту-другую, дамы поднялись и, поддерживая друг друга, покатали по лестнице вниз.

Новоиспеченный миллионер-капиталист и его друг сидели снова за столом и попивали прохладную водочку.

— Как ты думаешь, Петрович, еще кто-нибудь придет к нам?

— Думаю, да. Этого чертова журналиста нужно найти и в харю дать, чтобы не прославлял на всю страну. Еще, чего доброго, кто похуже явится, долю требовать.

Не успели друзья допить свою злосчастную бутылочку, как новый звонок раздался в двери.

— Не пойду, — шепотом сказал Григорий. — Ну их к ляду.

— Откройте, — раздался зычный голос. — Милиция.

— «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», — шлепнул себя по лбу Костя.

— Нас с тобой нет дома, понятно?

— Не очень, куда мы делись?

— Айда через балкон к соседу Сергеичу.

Оба друга вышли на балкон. Перегородка между двумя квартирами была символической, так как в былые времена соседям приходилось присматривать за квартирой Григория, всегда находящегося в разъездах. Они проникли в квартиру без осложнений. Дома оказался шестилетний внук соседей Колька. Он не удивился их появлению, только спросил:

— Вы что, Карлсосы стали?

— Карлсосы, Карслосы, Колька. Ты тише, я потом тебе куплю большую конфету.

— Когда? — ухватив его за штаны, — потребовал ответа мальчишка.

— Скоро. Как только выберемся отсюда.

Мальчик понял, что они не могут выбраться, так как закрыта дверь. Подбежав к замку, открыл его и распахнул двери.

— Идите, я открыл дверь.

Друзья онемели. А в дверь уже заглядывал участковый инспектор с планшеткой в руках, Григорий видел его пару раз, когда бывал дома наездами, а за ним маячили две мымры, только что отправленные друзьями на лестницу.

— Здравствуйте, — поприветствовал друзей участковый. — Вы что это скандалы учиняете, граждане, проживающие в моем квартале?

— Какие скандалы? — удивился Григорий Сергеевич. — С кем?

— С нами! Они просто вышвырнули нас на лестницу!

— А в чем они выражаются, гражданочка? — вежливо спросил участковый даму с побитой задницей.

— В компенсации морального вреда нам обеим, причиненного при исполнении служебных обязанностей.

— Служебных? — удивился Петрович. — А ну, покажите-ка ваши документы!

— Да, — повторил представитель закона. — Дайте-ка ваши бумаги, позволяющие войти в чужую квартиру.

— Мы активистки! У нас нравственные обязательства перед незащищенной категорией населения, — сбавив тон, неуверенно прошептала взъерошенная.

— Эти две мымры, товарищ участковый, явились требовать у нас деньги.

— На что?

— На благотворительность.

— Значит мошенничеством занимаетесь? — грозно сказал участковый. Статья 159 Уголовного Кодекса.

— Мы не для себя, — оправдывались просительницы.

— Они еще и рукоприкладством занялись, — пожаловался Петрович.

— Пройдемте в отделение, — строго сказал участковый, — составим протокол и возможно, что вы, гражданочки, будете задержаны.

— Нет, — завопили желающие облагодетельствовать всех бедных, представительницы

«социальной защиты» населения. — Мы больше не будем. Все нормально, у нас нет претензий.

— То-то, — сказал довольный участковый, усмиривший бунт во вверенном ему доме. — Раз так, уходите и больше такого не допускайте.

Поверженные воительницы спустились вниз, а потерпевшие «благодетели» пригласили старшего лейтенанта, у которого кончалось время дежурства, к себе. Вскоре они перешли на «ты», заспивали про «дивчину молодэньку» и обсудили все мировые новости.

— Ты, Григорий Сергеевич, и вправду получил наследство? — спросил его, икая, лейтенант Миша.

— Вправду, чтоб мне лопнуть, вправду, — пьяно качнул головой Григорий.

— Теперь держись. От тебя не отстанут. Еще и мафия, чего доброго, привяжется.

— А мы найдем телохранителя, — промычал Костя, лежа носом в тарелке с хлебом.

— Берите меня. Сколько жалованья положите?

— Жалованья. Думаю, тыщ двадцать.

— В год?

— В месяц. И харчи, транспорт, жилье.

— Я живу в коммуналке. Холостой. Хочу работать с вами. Заявление писать?

— Какое? — спросил его работодатель.

— О приеме на работу.

— А кому заявление?

— Тебе, Костя.

— Ошибся, малость, Мишенька, я — друг, а он — буржуй.

— Буржуй — это хорошо. Отбиваться будем. Вот сейчас поспим и начнем действовать по плану, как нам с вами держать оборону.

— От кого?

— От желающих финансовых вливаний. У вас взять, себе положить.

— А если я не дам?

— Сами взять могут.

— Это как же?

— Путем утюга, удавки, пистолета, — он изобразил руками в воздухе названные предметы.

— Почему? Деньги мои? — глупо вытаращился на него Григорий, с трудом фокусируя взгляд.

— Многие думают по-другому.

— Права... не имеют!

— А они без прав приобретают то, что им захочется.

Друзья повесили бы носы от такой информации, но они у них находились в лежачем состоянии в тарелках с объедками. Петрович объяснялся с невидимым противником и даже шевелил ногами под столом, битва принимала сидячее положение. Ему в ответ дернулась нога Григория, но получила нокаут от Миши, который еще что-то соображал. Он крикнул в супницу:

— Граждане, тише! Граждане не прекословьте! Граждане, соблюдайте порядок!

Два гражданина, бывших под его защитой, начали дружно посапывать и посвистывать носами. Вскоре и сам, блюститель порядка, мирно храпел вместе с охраняемыми им гражданами.

В это время оскорбленные особы с распухшими от падения задами прибыли в домоуправление и, подумав немного, на старом конторском компьютере быстро настучали плакатик такого содержания:

«Тот, кто имеет большую семью и не может ее прокормить, одинокие пенсионеры, бездомные дети и бомжи, могут смело рассчитывать на помощь доброго миллионера, получившего несметные богатства от заграничных родственников и не понимающих как правильно их потратить. Все, кто подходит под эту категорию сможет бескорыстно получить круглую сумму пособия по безработице. Обращаться по адресу: ул. Энергетиков, дом 5, квартира 12. К Телегину Григорию Сергеевичу. На прием можно записаться по телефону 5-17-77».

Потом написали еще одно объявление:

«ВНИМАНИЕ: все, кто вложил деньги в МММ, должен получить их по этому же адресу. Ответственный за выплаты долга Телегин Григорий Сергеевич».

Очаровательницы развесили свои объявления на видном месте и убежали за угол, полюбоваться на вновь открытое предприятие. Сначала один, потом, два, мало-помалу подходили желающие прочесть, что там написано.... Вглядевшись еще раз повнимательнее, они тут же принимали стойку на месте, потом, потоптавшись, видимо соображая в какую сторону бежать, срывались и летели, со скоростью автомобиля. Видимо, едва ли не каждый прочитавший считал себя если не обманутым вкладчиком МММ, то уж малоимущим точно.

Через час вся улица Энергетиков и прилегающие к ней, были запружены странными соревнованиями: неслись женщины молодые и старые, мужички, обгоняя их, показывали им нос. Воюющие «спортсмены» запрудили улицы так, что остановилось движение транспорта. Водители, не понимая в чем дело, гудели на разные голоса. «Скорая» остановилась вместе со всем транспортом и врачи принимали роды прямо на улице. Проехать было невозможно.

Самые первые прорвались в подъезд и стояли у закрытой двери. Хорошо, что дверь открывалась наружу. У подъезда стоял столик, и два человека с красными повязками записывали очередников в тетрадку. Там уже была 2009 очередь, остальные не могли протолкнуться к ним. Какая-то толстая баба, в косынке и куртке из непонятного цвета и качества ткани орала:

— Товарищи! Нас снова дурют. Господин коммерсант пожелал выдать нам пособие, но чиновники не дают подойти к дому. Выходи на баррикады! Да здравствуют неимущие! Проверьте справки у тех, кто записан. Они явно живут припеваючи на нашей крови!

Появились красные косынки. Мелом на них было написано:

— Вперед, беднота!

Некоторые ухитрились добраться до балконов и теперь помахивали стоящим внизу, руками, отчего толпа истошно орала.

Звонок в дверь беспрестанно звонил, вперемишку с телефонным. Почивающие за столом бизнесмены проснулись от шума и попытались понять, что это такое?

— Может вода прорвалась в ванной? Затопила нижних соседей?

— А может где горит квартира?

Помятая компания устремилась к окну. У них разом поднялись волосы и зашевелились уши.

— Штурм, — испугался участковый Миша. — Наверно, бандиты кого-то берут, а народ сопротивляется.

Константин подошел к телефону и взял трубку:

— Але, это квартира Телегина?

— Да, — ответил Петрович.

— Деньги уже дают?

— Какие деньги? — спросил Константин.

— Как это какие? Пособия неимушим.

— Кто вам сказал?

— Объявление прочитали.

Костя положил трубку, но она снова зазвонила. Он выдернул шнур и присоединился к мужикам, разглядывающим толпу в окно.

— Там пособия какие-то спрашивают, объявление висит.

— Что делать? — спросил растерянный миллионер.

— Бежать, — ответил Миша. — Собирайте документы и, айда, иначе разорвут.

— Но как мы проберемся через толпу?

Посоветовавшись, решили опять использовать балкон соседки. Григорий захватил все свои документы, в том числе на наследство, и чековые книжки. Перепуганная Акимовна кудахтала от страха и кроме как «куд-куд-куда» от нее не слышали ни одного слова.

— Молчать! — разъярился Миша. — Слушать мою команду.

Акимовна перестала кудыкать и вытянулась по струнке.

— У вас есть юбка и кофта пошире? — спросил Петрович моргающую женщину.

— Юбк-юбк-юбк... — пробормотала старушка.

— Заклинило, — расстроился виновник событий. — Акимовна, нам нужно выбраться из дома, а ты сама видишь, что осада надолго затянется, мы можем стать жертвами жаждущих денег. Ты мне даешь юбку, кофту, платок. Я переодеваюсь и через чердак исчезаю на крышу.

— А дальше куда? — заговорила соседка. Они тебя выловят и на крыши и на дне морском. Я еле пробралась домой, когда их было поменьше. Правда, говорят, что тебе Мавроди дал деньги, чтобы ты их вернул обманутым вкладчикам?

— Охренели! Что теперь с нами будет?

— Вы делом занимайтесь, а не нытьем, — строго произнес блюститель порядка. Если сам Александр Керенский в женском платье выбрался через охрану вооруженных солдат, то через эту толпу, мы проберемся.

Силами розыскных действий из старого сундука была извлечена юбка, длинная с оборками, кофта с рюшками и платок, с красными разводами. Вскоре перед ценителями артистических данных Телегина предстала брюхатая, жирная баба, с полным отсутствием прелестей, должных присутствовать спереди для определения в ней женского пола. Огромные сандалии пришлось оставить и добавить к туалету лифчик, наполненный ватой и связанный поясом сзади, так как габариты новой женщины были несколько завышены.

— Сойдет, — оценила Акимовна.

— Хорош, бабец! — шлепнув по заду, пропел Костя.

— Ты, Григорий Сергеевич, чуток погоди. — Они тебя не знают. Я сейчас звоню и вызываю машину «Скорой помощи» с носилками. Мы укладываем тебя и как больного

вывозим. Я объясняю гражданам, что человек болен, пусть дадут дорогу врачам. А ты по пожарной лестнице на крышу. Возле вас стоит кран. Я сейчас же выловлю крановщицу, и ты будешь переправлен на соседнюю улицу.

План был одобрен. Все наследственные документы были сложены вместе со сберкнижками и кредитными картами в сумку из старого платья Акимовны, которую она уже не носила с собой, но выбрасывать не решалась. Жалко.

— Акимовна! Тебе не привыкать хозяйничать у меня дома. Там в банке с крупой лежат деньги, это тебе за труды. Как смогу, вышлю еще. Пока у самого мало. Все лежат на этих окаянных кредитках и книжках.

Акимовна перекрестила соседа и всю честную компанию.

— Авось, даст Бог, свидимся.

— Миша вызвал «скорую помощь». Вышел, вернее, пробился в коридор и объяснил стоящим у двери:

— Граждане. Вы учиняете препятствие прохождения машины к больному человеку. Выходите на улицу. Иначе я вызову ОМОН.

— Напугал. Ишь, как оберегает своего миллионера. Мы знаем уже, что это помощник Мавроди.

— Граждане, вы правильно оцениваете обстановку. Срочно принесите свои акции и получите долгожданные деньги. Кто скорее придет — тот и получит первым.

Шелест вдоха пролетел над толпой. Видимо, не все страждущие взяли с собой нужные бумаги. Вначале все припустили бежать за документами. Потом сообразили, что кого-то надо оставлять охранять список.

— Я присмотрю, — заверил участковый. — А вы — одна нога туда, другая обратно.

Но не все граждане повернулись выполнять предписание. Многие, сидевшие на лестницах, мусорных баках и деревьях, проводили совещание по поводу отсутствия акций МММ и думали на какие другие «ценные» бумаги они смогут получить, когда-то вложенные деньги.

Скорая подошла. Миша завел врача в комнату к Акимовне и бдительные акционеры, оставшиеся в коридоре наблюдать за дверью Телегина, не нашли ничего крамольного в том, что кто-то заболел рядом.

— Грибами отравились, сразу семья. Муж и жена, — объяснял Миша прибывшему врачу и попросил взять из машины носилки.

— А кто их понесет? — спросил врач.

— Муж сам пойдет, а жену придется нести. Тяжелая, вряд ли выживет.

Врач с шофером и носилками вошел в квартиру Акимовны.

На диване лежала пузатая, толстая старуха со скрещенными на груди руками. Тощий мужичок вертелся рядом с диваном. Как только врач взял больную за руку, чтобы пощупать пульс, ее смиренный муж, сунул в руку врача тысячерублевую бумажку. Тот незаметно смахнул ее в карман и незамедлительно нашел состояние больной явно опасным для жизни:

— Срочно госпитализировать!

Не успели поставить носилки к дивану, как больная спустила вниз сначала одну ногу, потом другую и быстро улеглась на носилках. Натянула простынку на голову, ноги заботливо прикрыл ее муж.

Шофер, видя усердие больной, сообщил, что не может таскать тяжести, так как у него больная спина. В его руку легла пятисотрублевая бумажка. Спина немедленно исцелилась,

водитель кашлянул и встал у носилок со стороны головы умирающей. Миша был доволен. Не понадобится помощь крановщицы. Процессия с умирающей больной и ее скрюченным мужем, благополучно добралась до машины. Вскоре с ревом «скорая» мчала их по улице и остановилась там, куда указал Миша. Распрощались без объятий и уверений в любви.

Врач с шофером укатили дальше, а на окраине города, у скверика остановилась странная компания: высокая старуха с тощим мужем, на вид типичным алкоголиком, и строгий милиционер в звании старшего лейтенанта в помятой форме. Они осмотрелись, прикинули, что делать дальше и двинули на проезжую часть дороги. Дождавшись рейсового автобуса, все они влезли в него и поехали до ближайшего пункта, подальше от родного города.

А в брошенной ими квартире события развивались самым драматическим образом. Акимовна некоторое время жила в осаде, пока, наконец, самые нетерпеливые не ворвались в квартиру бежавшего хозяина. В отместку за то, что он скрылся с их «кровными» деньгами, вынесли все, даже банку с крупой, которой так и не успела воспользоваться добропорядочная соседка. После этого она закрыла дверь на ключ, снаружи забила ее досками и, прорубив дверь из своей комнаты, сделала из двух одну. Теперь ее внуки могли спокойно разъезжать на велосипеде по пустому жилищу.

Беглецы добрались до окраины. Слезли с автобуса, в привокзальной роще сосчитали свое «состояние» наличных. При подсчете оказалось, что у них имеется тысяча долларов, принадлежащая Григорию, двести рублей у старлея и еще восемьдесят копеек, которые выскреб из своих карманов Миша.

— Сумма благоприятно-положительная при наличии собственной крыши, но учитывая наше положение и необходимость продвижения вперед, весьма скудная. Три рыла, три билета. Харчи. Одежонка.

— Не вписываемся в сумму, — огорчился миллионер, — А твои кредитки?

— Вот они. Надо найти банкомат.

— Сейчас выясним, есть ли он здесь, — успокоил их Миша. — Мне лично нужно вернуться в отдел, чтобы уволиться, или получить отпуск.

— А мы? Без телохранителя я не согласен оставаться.

— Какие мы капризные стали. Толпу забыл, Сергеевич?

— Что ты, что ты, не напоминай мне об этом, — вытаращил глаза Григорий, — Едва ноги унесли! На старости лет вот уж не думал по балконам лазить.

— Могли просто разорвать, — передернуло его сухопарого друга, — И непременно разорвали бы!

— Вы останетесь здесь, а я уйду на разведку. Узнаю, можно ли получить деньги? Доставай кредитки.

— Но они все с большими суммами, — простонал обладатель миллионов.

— Тогда сиди с ними в обнимку в сквере, а я поехал назад. Мне на дорогу денег дайте.

— Ты, что спятил? — прикрикнул на спутника Петрович! Денег пожалел. Мы что же, по-твоему, так и будем жить на скамейке?

Обиженный обладатель миллионов, вытряхнул на скамейку документы, бумаги, кредитки, старые фотографии и пару потрепанных записных книжек. Он выбрал одну карточку, на счету которой, как он помнил, было меньше всего денег.

— Тут двадцать тысяч евро, хватит?

— Надеюсь. Не бегать же без конца, не искать, где получить деньги.

Миша, записав пин-код, ушел, а Костя с обиженным Григорием принялись рассортировывать спасенные вещи. Григорий посмотрел на друга и сказал:

— Ты у меня ближайший родственник, хотя таковым и не являешься. Вот тебе карточка, дарю, она твоя. Тысяч десять евро тебе хватит?

— Сколько дашь, все пригодится, — ответил Костя, удивляясь скупердьяйству друга.

— Бери, не глядя, они почти все одинаковые, я специально разделил на несколько, мало ли кто отберет.

Костя не глядя, вытащил карточку. Григорий, расчувствовавшись от собственной щедрости, прибавил ему еще одну.

— «Дареному коню в зубы не смотрят», — поблагодарил его друг, засунул одну кредитку в потайной кармашек на штанах с пузырями и застегнул маленькую «молнию». Он всю жизнь имел «заначку» сначала от пьяницы отца, а потом от жены, которая с ловкостью вора обшаривала все его карманы, кроме единственных зачуханных домашних брюк, присутствующих постоянно при нем. Таковых за его жизнь было не более трех. Эти четвертые уже грозили развалиться и упасть прямо на землю. Но это ничуть не беспокоило их хозяина.

— Чем затрапезнее вид — тем меньше соблазнов для грабителей.

Теперь он, не глядя, засунул одну карточку в карман, потом, подумав, положил туда и вторую.

— Мог бы и миллиончик подарить, — подумал друг про себя, — У него их целых четыреста, да еще каждый месяц деньги прибывают.

— Как только мы с тобой устроимся по-настоящему, я тебе тридцать миллионов подарю, слово! — как будто читая его мысли, задумчиво сказал друг.

— Лучше синица в руках, чем журавль в небе, — ответил Константин, спасибо и на том. Ты мне не обязан деньги дарить.

— Обязан. Ты же мой лучший друг.

— Найдешь своих детей, и я тебе буду не нужен.

— Старыми друзьями не разбрасываются.

Коротая время, Константин Сергеевич достал из вороха бумаг потрепанную записную книжку. Открыл, почитал и откинулся на спинку скамейки.

— Помнишь, друг, ты надо мной посмеивался, что я веду учет, ты его называл — кобелиный?

— Помню. А что?

— Тут у меня записи, когда, где и насколько мы с тобой останавливались в рейсах. А где ночи проводили, там и имена имеются. А кое-где и фамилии. Рядом — адресочек.

— Ну-ка дай глянуть.

Григорий подал ему книжку. Костя углубился в ее содержание. Смотрел и вспоминал события с шестидесятых-восьмидесятых годов, когда они колесили с грузами по огромной стране, тогда еще именуемой СССР.

— Да, — проговорил он. — Если посчитать всех, с которыми ты кувыркался в тот период, можно насчитать сотню, не менее твоих временных «жен».

— Но тут у тебя много пробелов. То фамилии нет, то адреса нет. Посчитаем, сколько точных мест у нас имеется.

После нескольких трудовых усилий по предполагаемому молодому поголовью в условных единицах, точные данные были на 13 человек, и все они находились в разных

концах географического пространства. Это с учетом того, что 26 уточненных голов могущих родиться детей, остались в странах СНГ, а туда не так-то просто можно было попасть.

— Начнем штурмовать Россию.

— Представляешь, как обрадуются матери, что нашелся богатый отец у их дитяти.

— Надо будет конфетами запастись — выдал Костя.

— Чего?! Очумел? Да твоему самому младшему может быть не менее 20 лет. Так что эти годы можно отбросить, не считая.

— А жаль.

— Меньше нужно было силенки растрачивать.

— Ну чего ты скулишь? Нам с тобой больше наследства останется.

— Да его на всех хватит.

Было жарко. Хотелось есть и пить. Миши все не было. Роптать было бесполезно. Вылазки совершать без приказа телохранителя — тоже. Подремали, прикрыв головы от солнца, посетившего их скамейку, наблюдавшуюся в этих просторах в единственном числе.

Наконец еще через два часа показался Миша. Еще издали по его улыбающемуся лицу стало ясно, что вылазка по денежному вопросу закончилась успешно. Он подошел к ним, вытер лицо, присел на неудобную скамейку и вытащил две большие пачки денег, рублей и евро.

— Здесь целых пять банкоматов. Я снял пять штук евро и сто пятьдесят тысяч рублей. Поживем недельку в гостинице.

— Желательно удовлетворить просьбу желудка, — сказал Костя, поглаживая тощий урчащий живот.

— Я купил мобильники, так что мы с вами можем вызвать такси.

— А дорого возьмут? — испугался Григорий.

— Шутишь? — рассмеялся Миша, — Тебе можно закупить все городские такси в собственность только на часть бабок, имеющихся на карточках в твоей затрапезной сумке.

— И правда, — протянул Григорий, — Все никак не привыкну.

Вскоре машина с шашечками стояла перед господами — путешественниками и они степенно садились в нее. Таксист с удивлением пялился на явного мужика, почему-то одетого в женскую одежду.

— В ресторан, — приказал Миша.

Шофер с сомнением оглядел его спутников и спросил:

— А что теперь милиция своих задержанных кормит в ресторанах?

— Почему задержанных? — обиделся Григорий.

— Да потому, бабуля, что видок у вас такой, как будто вы после преступления сбежали, а вас поймали и везут куда следует. Только вот непонятно, почему через ресторан.

— «Любопытной Варваре — нос оторвали», — процитировал Петрович, прикрывая коленочки с пузырями.

— Вас не пустят в ресторан в таком виде.

— Не пустят? — самолюбие Григория, новоиспеченного миллионера, подпрыгнуло до температуры раскаленного чугуна.

Он покраснел, сердито посмотрел на насмешника и приказал:

— Рассчитайся с ним, Михаил. И вызови другое такси.

— Да ладно вам, я то довезу куда надо, а вы сами там увидите обстановочку: — Поцелуй пробой и айда домой, — угрюмо добавил водила.

Машина остановилась у ресторана с громким названием «Французская кухня». Пассажиры вышли, шофер еще раз сомнительно глянул на них, но в это время Миша протянул ему сто долларов, от чего тот сначала побледнел, затем схватил их, понюхал, помял и выдал: — Сдачи нет!

Согласно счетчика они были должны семьдесят целковых.

Миша, не ответив, захлопнул дверцу. Путешественники пошли по направлению ресторана. Любопытный водитель глядел на них из окна машины.

В вестибюле их встретил «позолоченный» швейцар с усами в виде изваяния, изображающего «Родину-мать» на Мамаевом кургане. Его габариты едва умещались под сводами «Французской кухни».

Изваяние осмотрело их с ног до головы и промолвило, не поворачивая головы, видимо в связи с отсутствием шеи.

— Куда прете?! Идите в столовую.

Миша развернул удостоверение.

— Вы проходите, товарищ лейтенант, а бабка и алкаш пусть уходят.

Миша достал еще одну сотенную бумажку. Швейцар на мгновение замер, после чего расплылся в улыбке, и, поклонившись, гостеприимно распахнул дверь перед господами эксцентричными посетителями:

— Проходите, уважаемые, вон столик в углу, очень рекомендую.

Компания вошла в зал. Ресторан был превосходно отделан. Стены, изображающие французский пейзаж, вплоть до Эйфелевой башни, словно пригвоздили к себе троих, позабывших, зачем пришли в это заведение. Официант, уже проинструктированный швейцаром, подскочил к ним и сказал:

— Пожалуйста, в уголок, за крайний столик.

— Не хочу в уголок, — заупрямился Григорий.

— Мадам, — вежливо изогнувшись, промолвил поборник приличий. — Нужно было соответственно одеться, когда вы шли к нам.

— Григорий, отстегни этому парню, — сказал Миша.

Мгновенно выпрямившаяся «единица» не успела с негодованием отметить наличие мужского имени, у стоящей перед ним бабенции, как в его руку переключили триста баксов. Эстетическая согласованность в одежде гостей была моментально улажена. Они сами выбрали куда сесть.

— Что желаете заказать? — спросил их самый приветливый голос.

— Сосиски с картошкой, соленые огурцы, бутылек водки, буханку хлеба и какой-нибудь колбасы. Все умножить на три. Григорий с видом знатока откинулся в кресле. Спутники согласно закивали.

— А фирменное блюдо французской кухни не желаете? Его едят даже короли.

— Ну, если короли, тогда, конечно, три штуки.

— Будет сделано, — и проворный парень удалился на кухню.

Голодные посетители готовы были съесть все, но пища отсутствовала в их поле зрения.

Наконец, хлеб появился на столе вместе с водкой и огурцами. Путешественники набросились на еду. В один миг исчезло всё, кроме водки. Это ничуть не успокоило их требовательные желудки.

— Ну, где он там, с сосисками и блюдом королей? — вопрошал Петрович.

— Думаю, я мало заказал, нужно еще что-то добавить, — сокрушался главный виновник

торжества.

Наконец, им подали сосиски с картофелем. Обмануть голодные животы такими порциями не удалось.

— Эй, ты, где французское блюдо? Терпения нет больше ждать.

Из кухни появился сияющий официант. Под закрытыми крышками глубоких тарелок что-то вкусно пахло.

— Эх! — воскликнул малость захмелевший Григорий, сейчас поедим.

— Они открыли крышки и их носы приняли выразительно-брезгливое выражение. На тарелках лежали лягушьи лапы.

— Вы что охренели, всякую пакость подавать!? — заорал Григорий на официанта.

— Мадам, здесь французская кухня, вы пришли в ресторан, где подают пищу французам.

— Я тебе не мадам, — рассвирепел Григорий.

— Хорошо, гражданочка.

— Какая еще гражданочка?

— Судя по вашей одежде...

— Молчи, — шепнул на ухо рассвирепевшей даме Миша. — А то выставят нас и в милицию сдадут.

— Ладно, — пораженчески промолвила дама. — Зовите меня леди.

— Слушаюсь, леди.

— Неси-ка ты нам что-нибудь готовое из мяса, да побольше. Жрать хочется. Уже час как ждем путевой еды. Водки пару бутылок.

— Не много будет? — переспросил официант.

— В самый раз. Только жратвы побольше.

На этот раз на стол легли с блюдо размером отбивные с разными гарнирами, ветчина, помидоры, зелень.

— «Раз пошла такая пьянка — режь последний огурец», — проговорил Петрович, вгрызаясь в отбивную.

Вскоре тишина установилась над столом, где слышалось только сопение, чавканье, да вздох передышки. Бульканье водки повторялось каждые десять минут.

Вскоре усталые от борьбы с едой, гости отвалились на спинки кресел. Официант подал счет.

— Ого, — подал голос Петрович.

— Ничего себе, — добавил Григорий.

— Вполне нормально для такого ресторана и нашего аппетита, — подвел итог Миша.

Довольные, сытые и пьяные гости вывалились на улицу.

— Куда теперь?

— Думаю в гостиницу, — сказал блюстителю закона.

— А если мест нет. В нашу пору разездов всегда ночевали по частным хатам. Невозможно было попасть в отель.

Снова вызвали такси и благополучно добрались до гостиницы под названием «Уют».

Дама с сердитой вывеской на лице не слышала, о чем говорит ей толстая неуклюжая женщина в допотопной одежде, мужичок с протертыми коленками на брюках и молодой милиционер, явно не из городского отдела, значит обращать на него внимания не имело смысла.

— Гражданочка, — басом проговорила надоедливая женщина. — Нам нужен номер.

— У нас нет дешевых номеров. Обратитесь в дом колхозника на рынке.

— Сколько стоит ваш паршивый люкс, — спросила надоевшая ей женщина.

— Триста долларов в сутки.

— Идет, — повеселела нахалка. — Выпишите нам трехкомнатный номер.

Дама посмотрела на них, сначала сверху вниз, потом снизу вверх и потребовала:

— Покажите деньги.

Ужасная женщина полезла в тряпичную сумку и достала из нее горсть долларов в беспорядочном состоянии.

На глазах у отвергаемых клиентов происходило чудо. Дама расцвела в улыбке, попросила их паспорта и дала бланки для заполнения.

— Сколько вы собираетесь пробыть у нас?

— Неделю, — ответил за все Михаил.

Заплатив деньги, они стали обладателями превосходного номера с видом на центральную улицу. На первом этаже гостиницы находился ресторан, парикмахерская, а через дорогу Универмаг.

— Сейчас мы с вами вымоемся, отдохнем и пойдем покупать одежду.

— Пора бы тебе Григорий мужиком стать. Баба из тебя получилась хреновая, сердитая и толстая.

— А ты на замороженного червяка похож, — рассердился на друга Григорий.

Они сколько себя помнили, всегда препирались, даже бывало так, что Петрович плюнет от злости и уйдет домой, а через час к нему в гости Григорий приходит, жалобу разбирать, т. е. бутылочку оприходовать. Они жалобу разберут, все на место встанет, и друзья снова живут припеваючи до новой ссоры.

— Айда в ванную, очередь занимать, — шутливо сказал Миша. — Здесь и душ отдельно от ванны. Так что сразу двоим мыться можно.

Все принадлежности для принятия душа имелись. По три полотенца на рыло. Мыло разное, шампунь.

— За такие бабки можно шампунь поставить, — рассуждал Григорий.

Вскоре вымытая команда залезла назад в грязные шмотки и отправилась в магазин за покупками.

Продавщицы мужского отдела с подозрением смотрели, как брюхатая тетка потащилась в мужское примерочное отделение. Они приготовились вызвать охрану, но Миша показал им свое удостоверение, да и форма на них действовала положительно. Удивленно разглядывали солидного мужичка в хорошо сидящем на нем костюме, дорогом, по их мнению, после юбки с кофтой в рюшках. По его просьбе они завернули его бывшее одеяние. Он забрал бабьи шмотки с собой, авось пригодится.

Петровича тоже нельзя было узнать. При галстуке, костюме, новых ботинках, белой рубашке, ну чисто бизнесмен, вместо задрипанного путешественника, появившегося в магазине.

Миша в темно-сером костюме, шляпе такого же цвета, был хорош необыкновенно.

В гостинице дежурная их не узнала и таранилась на преображенную нарядами троицу. Даже улыбалась им, до того понравились ей их костюмчики.

— Деньжищ сколько отвалили, — ворчал Петрович.

— Ну и ходил бы в своих брюках.

Сумки у всех — клевые, под цвет одежды. Первое, что сделали они, это отправились

посмотреть на город и прикинуть, можно и нужно ли здесь надолго останавливаться. Миша дозвонился до своего начальника отдела и сказал, что ему нужен срочно отпуск месяца на два.

— Я уволю тебя, если ты еще раз заикнешься об отпуске.

— Увольняйте, я вам заявление по факсу вышлю.

— Не забудь и форму одежды туда же засунуть, щенок, — кричал рассерженный начальник.

Кадров не хватает хороших, а этот парень перспективный на будущее, отмочил номер, с дежурства смылся с какими-то подозрительными типами и еще увольняться по факсу решил.

— Я тебя, голубчик, по этапу привезу назад. — Посмотришь, как финты откалывать.

— Дел у меня, как у губернатора, — пожаловался Миша. — Надо съездить и объяснить с начальством. У меня девчонка знакомая в больнице работает, попрошу достать справку о медвежьей болезни. Скажу на толчке три дня просидел.

— Думаешь поверят?

— Мне все равно уходить надо. Я теперь у вас на службе нахожусь. И зарплату вперед получил, и одежду, которую бы не купил на свое ментовское жалованье, разве что пар пять трусов и майку. Вы меня здесь подождете. Пока смотрите маршруты, выбирайте, вспоминайте свои похождения, а я тем временем разрешу свои проблемы.

Все согласились, и начальник охраны отбыл в командировку. Друзья тем временем начали углубленно изучать старые маршруты по записной книжке. Первый день они почти никуда не выходили. Заказывали в номер выпивку и закусь. Им это так понравилось, особенно, когда человек в форме официанта вкатывал тележку с заказанными деликатесами. Им нравилось давать этому кормильцу «чаевые» и степень удовольствия от полученных в благодарность чаевых равнялась пропорционально его прогнутой почти до полу спине.

— Ну прямо вопросительный знак, — дивился Петрович. — Сколько он этих дармовых за день насобирает?

— Тебе-то что. Мне его спины жалко, так недолго и остаться согнутым навсегда.

— Разговоры у нас с тобой не похожи на миллионные. Мы как две старухи-сплетницы базарим ни о чем. Пора делом заняться.

Отодвинув на столе тарелки, они примостились с краю и принялись вспоминать былое. На третьей странице значилось, что в городе Плавске, на окраине, на улице Кузнечной состоялась встреча с задержкой на три дня. Написано сокращенно: кр., нев, доб, хол, безд., что в переводе означало: красивая, невысокая, добрая, холостая, бездетная. Одна беда, слишком давно это было. Более сорока лет. Сейчас она могла уже покоиться на кладбище и этот вариант они рассматривать не стали.

Прошло уже трое суток со дня отсутствия их телохранителя и начала работы по розыску. У стола и на кроватях, сидя на диване за журнальным столиком работали друзья, не покладая рук. А так как количество «разобранных жалоб» все увеличивалось, то вскоре они начали терять начатую азартную трудоспособность по розыску, возможных, «условных» детей, на появление которых они не рассчитывали в былые времена.

Пока что насчитали потенциально могущих быть четырнадцать голов. Их возможные матери вызывали до сих пор чувственное настроение у новоиспеченного миллионера.

По географическому положению получалась весьма продолжительная поездка. В них входили двенадцать больших центров России, а в некоторых подолгу задерживали когда-то тоскующие девицы и вдовушки, готовых удовлетворить их желание дальнобойных рыцарей.

Тогда это была романтика, с поцелуями, обещаниями, уверенностью, что так и есть на самом деле, и говорят они головокружительные слова своим временным Джульеттам от чистого сердца, но проезжая тысячу-две километров и встретив новую любовь, старая забывалась, как ночной туман. Опутал, окутал и рассеялся.

— Как же они обрадуются твои женщины приезду богатого отца, пожелавшего одарить неизвестное ему дитя, — умилялся Петрович, а Григорий кричал, поглаживая брюшко.

Он уже представлял, как сидит за столом на почетном месте, а женщины несут и несут закуски на стол, а дети обнимают за шею своего долгожданного деда или отца. Он даже головой затряс от такого видения.

— Ты как конь, башкой трясешь, будто отгоняешь, — пробудил Григория от сладкого наваждения Петрович.

— Картинку представил умильную.

— Скоро твоя картинка превратится в настоящую. Миша приедет, и мы двинем дальше.

— В какую сторону?

— А мы с тобой сейчас бумажки напишем и айда, куда маршрут выпадет, а потом уже, куда поближе будет по пути.

— А ты не думал о том, что какая-нибудь временная жена до сих пор нас дожидается. Твоя — тебя, а моя — меня.

— Все в этой жизни возможно, — ответил польщенный Петрович. — Мы с тобой как два пенька в глухом лесу, никому не нужные.

— С деньжищами?

— С деньжищами всем понадобится, в очередь выстроится. Невест будет не пересчитать.

— Нужно, чтобы о деньгах бабы не знали.

— Ты думаешь их прельстить нашей козлиной внешностью с потрепанной физиономией?

За разговорами дни шли быстро. Был составлен первый маршрут, который проходил недалеко от места, где они находились теперь. Это была Орловская область, город Мценск. Именно там находилась записанная Сергеичем с полными внешними данными Клавдия, пухленькая, сдобная вдовушка.

Миша приехал. После словесных баталий с начальством, он выиграл сражение и был отпущен на все четыре стороны. В полной боевой готовности, телохранитель прибыл, чтобы приступить к своим новым обязанностям. Встреча была радостной к обоюдному удовольствию всей честной компании.

Первое, что сделал начальник охраны и телохранитель, это повез Григория Сергеевича в головной банк города, где они открыли валютный счет, с переводом из родного, бывшего города и взяли сейф для хранения документов. С собой у них в наличности теперь было сто тысяч долларов и миллион рублей. Целенаправленная компания выехала из гостиницы и усаживалась в новую «десятку», приобретенную в «Ладе» для путешествия. Теперь город Курск стал для них центром, из которого они начинали свой путь. После первых двух-трех поездок решено было возвращаться сюда, так как базироваться пока что они собирались в центральной России, нищей и оттого более привлекательной для спонсорской помощи пострадавшим от любви.

Дорога, по которой они ехали, желала быть лучшей. Асфальт был дряхлым и серым как сама жизнь. Вдоль дороги тянулись пространства без леса, кустов. Только трава, жухлая от

солнца, смотрела на проезжающих тусклым желтым пятном. Им вспомнились липецкие смоляные леса, великолепные, чистые, прозрачные, залитые солнцем и усыпанные грибами. Сейчас приходилось довольствоваться пейзажем, навязанным им маршрутом по выполнению цели. Сколько бы ни ехали, а все равно конец наступает. Впереди показался столб с мрачными буквами в названии «Мценск».

У Сергеевича похолодело в груди. Петрович сидел напряженно, вытянув нос. Адрес был точный и путешественники прибыли к дому с высоким забором и надписью:

«Осторожно — злая собака».

Машину поставили на противоположной улице, а сами решили произвести разведку. Миша постучал в калитку дома и подождал. Забор был невысоким. Было видно, как на крыльцо вышла бабуля. Она подошла к воротам и спросила:

— Кто там?

— Мы приехали осмотреть достопримечательности вашего города и нам нужно спросить, куда лучше ехать сначала? Где у вас тут исторические места.

— Историю и литературу учили? — спросила бабуля, открывая калитку.

— Учили. Знаем Лескова. Про Катерину и Сергея написал в книге «Леди Макбет Мценского уезда».

— Хорошо, — сказала любопытная старуха. — Заходите во двор. Воды колодезной попейте.

— У вас до сих пор нет водопровода? — воскликнул Григорий.

— А ты откуда знаешь про водопровод? — подозрительно уставилась на него бабуля.

— Так это ж по всей матушке России в частных домах вода в колодце, да в колонке, одной на всю улицу.

— Что правда, то правда.

Бабуля провела их в чистый, ухоженный дворик и усадила за щербатый стол, с серыми потрескавшимися досками. Подвела Мишу к колодцу, подала ведро, и тот зачерпнул воды. Вода оказалась прозрачной, холодной и вкусной.

— Вот это водичка, — похвалил Миша.

— Вы давно здесь живете? — поинтересовался Петрович.

— Испокон веков. Все мои деды и прадеды тут похоронены.

— Вы одна или с семьей живете? — спросил ее Григорий Сергеевич.

— А ты никак, милоч, ко мне свататься приехал? — рассмешила всех бабушка.

— Точно угадали, — подыграл ей Сергеевич.

— Тут у нас женихов проезжих хватает. Сейчас меньше стало, а раньше дальнобойщики проходу не давали. Мы на окраине живем, так и были всегда заместо постоянного двора.

— И что же они вам так навредили, что вы их не любите?

— Охальники, не люди. Бабам юбки позадирали, уехали, а нам деток качай. Попробуй, покорми дитя, когда работы нет, напротив моя родня Клавдия, родила себе сыночка от прохвоста одного, он ей клялся и божился, что неженатый. Сын родился, а отец испарился, почти тридцать лет прошло, а он так и не появился ни разу.

Гости затаили дыхание.

— А что же, Клавдия до сих пор ждет его?

— Еще чего? Прохвост, он и есть прохвост. Сыночку исполнилось три года и она вышла

замуж за местного участкового. То браковала, пока в девках была, а тут выскочила, ничего не объясняя.

— И где же сейчас она сама?

— Дома сидит, хозяйство ведет.

— А сын?

— Сын тоже в милиции работает, закончил милицейскую школу. А чего это ты заинтересовался Клавдией и ее сыном?

— Я просто, нужно же в Мценске, пожить несколько дней, собираемся узнать кого-то из людей?

— Что ж, правильно. Они мне не чужие люди, Клавдия брата моего дочка.

— Как вас зовут, хозяйюшка?

— Вера Пименовна. Вы что ж нашли уже, где остановиться?

— Пока нет, вас первую увидели. В гостинице, как вы думаете, места свободные есть?

— А зачем вам гостиница? У меня в горницах прохладно. Много с вас не возьму. Накормлю, напою, а мне все достаток какой будет.

— Конечно, конечно, — обрадовались приезжие. — Здесь магазины близко?

— Здесь все растянуто на километры. Строили раньше в длину город наш. Да вы же на машине. А что вы хотите купить? Зелень, овощи и фрукты у меня свои. Деньги туда зря не возите. А другие продукты, пожалуйста. Вы что же все уезжаете?

— Нет, Вера Пименовна. Съездит Миша, а мы с Петровичем отдохнем пока.

Григорий вышел за ворота и дал указания насчет покупок. У Миши было на расходы десять тысяч рублей. Он подмигнул детоискателю и тихонько сказал:

— Может сегодня с сыном познакомишься?

— Все может быть, — рассеянно ответил Григорий.

Миша уехал и вскоре привез пару коробок продуктов и отдельно выпивку.

— Вы что пьяницы? — нахмурилась хозяйка.

— Боже упаси! Мы сегодня вечером собираемся пригласить в гости ваших родственников и поговорить, посидеть.

— Ладно, — успокоилась строгая старуха. — Я предупрежу Клавдию, чтобы вечером были у нас. А сейчас кто из вас будет помогать мне?

Все трое согласились оказывать помощь. Но старуха выбрала почему-то Петровича. Она дала ему в руки нож и заставила разделывать мясо на шашлыки, — так пожелали ее гости.

— Куда такую прорву накупил? Не приесть будет. Вы что месяц жить тут собираетесь?

— Это видно будет.

— Ну-ну, — сказала она подозрительно, глядя на помощника. — Выкладывай, с чем приехали, по какому поводу, почему именно к нам?

— Вы же сами сказали, хата с краю, всегда заезжие были. А зашли мы спросить, куда ехать?

— Ладно, — успокоилась бабушка. — У меня родственники милиционеры, живо к порядку призовут.

Заготовка вечерних блюд закончилась не скоро. Мясо на шашлыки было готово. Салаты, нарезанные языки, ветчина, колбасы призывали к столу. Все ожидали прихода гостей. Строгая бабуля поспешила открыть ворота на стук. Мелодичный певучий голос принадлежал женщине, полноватой, но вполне привлекательной, с косой вокруг головы, смешливыми глазами, ногами в туфлях с носочками, юбке и свободного покроя блузе, розового цвета,

подчеркивающего ее белую кожу. Слегка подкрашенные брови, изогнутые, придавали выражению лица удивительную прелесть. Она посмотрела на Мишу, подала ему руку, сказала:

— Клавдия.

Затем подошла к Петровичу и тоже назвала свое имя, пожав ему руку.

Возле Григория остановилась, чуть затормозила подачу руки и, вглядываясь в его лицо, спросила:

— Мне кажется ваше лицо знакомым, мы встречались когда-нибудь? Как вы думаете?

Григорий Сергеевич оробел и непослушный язык выдавил нелепость:

— Может в другой жизни?

— Может быть, — согласилась она, и нельзя было понять, узнала она его или нет.

Следом вошли отец, сын и внук. Муж у Клавдии подтянутый, с седыми висками, серьезный человек назвал свое имя всем сразу:

— Андрей.

— Григорий, — назвал себя сын Клавдии.

— Сергей, — произнес серьезно внук.

— Григорий, Григорий, — произносил про себя горе-отец. Моим именем назвала.

Гости сидели за столом, Андрей хлопотал с шашлыками у мангала во дворе с Мишей, а несчастный искатель приключений не мог говорить. Как будто подавился чем-то и еле выдавливал из себя слова. Разговор поддерживал молодой Григорий и Петрович.

Клавдия в упор разглядывала Григория Сергеевича, тот не знал, куда деваться от ее пристального взгляда. Выручили шашлыки. Все, наконец, устроились за столом, налили по рюмке, и началась неторопливая в начале беседа, ускоряющаяся по мере уменьшения жидкости в бутылках. Вскоре все стали своими, и разговор оживился. Как-то получилось, что Миша разговаривал с внуком, Петрович с Андреем и Сергеем, сгорающими от любопытства по новостям, бытующим по дорогам, Клавдия и Григорий как будто существовали отдельно ото всех остальных.

— И все-таки я где-то вас видела, — сказала она серьезно.

— Я раньше по этим краям проезжал, может и останавливался.

— Когда?

— Лет тридцать тому назад.

— И кем ты был тогда?

— Дальнобойщиком.

Клавдия откинулась на спинку стула и произнесла:

— Здесь душно. Может во двор выйдем? Кто желает с нами прогуляться?

Занятые разговорами и продолжением ужина, гулять не пожелали. Женщина встала, прошла мимо него, он тоже поднялся со стула. Сердце учащенно билось. Жар разлился по лицу. Руки немного тряслись. Они вышли и сели за ущербный столик во дворе.

— Ты зачем приехал, псина? — злобно прошипела еще недавно смиренная Клавдия.

— Хотел разыскать тебя и помочь.

— Помочь? Еще одного ребеночка сделать? Так я уже стара, внук имеется.

— Зачем ты так, я хочу от чистого сердца обеспечить тебя и сына.

— А ты не спросил меня, хочу ли я твоей помощи? Тебе надо было думать о ней, когда меня брюхатую оставил. Наобещал жениться, скоро вернуться и вернулся, всего двадцать девять лет прошло. Я тогда со стыда сгорала и с голоду чуть не сдохла, когда меня родители

из дому выперли, как последнюю шлюху. Надеюсь, вернешься, и все образуется. В поле вкалывала от зари до зари, спасибо бабе Вере, что за сыном присматривала. Ржаной хлеб твой сын сосал в марле с сахаром. Я не могла ничего купить другого. За гроши работала. И одеть его не во что было. Из старого бабушкиного платья ему пару рубашек сшила. Босиком рос твой сынок. Три года прошло, нашелся добрый человек, замуж вышла, прикрыла грех. В свидетельстве о рождении прочерк был в графе «отец», а он его усыновил, и у ребенка появилось полное имя, отчество и фамилия отца.

— Я все время хотел написать тебе и приехать, да работа такая, разъездная. А ты, почему мне не написала, что ребенок будет?

— Куда? «На деревню дедушке. Константину Макаровичу? «Так я не Ванька Жуков.

— Я наследство получил, большое и сразу же поехал искать тебя?

— Прямо меня? Одну-единственную?

— У меня сохранились записи, я увидел тебя первой.

— Что ты сказал? Записи? Ах, ты кобель несчастный, проходимец.

Она тяжело поднялась, шаря по земле глазами, и вдруг нашла то, чего хотела. Это были грабли. Размахнувшись, Клавдия опустила их на спину «жениха» и снова пошла на него, намереваясь охлобучить посильнее. Бедняга, с перекошенной мордой от боли, ворвался в дом и присел сзади стола.

— Что случилось? — завопили разом все.

— Я убью эту образину! — кричала разъяренная Клавдия.

— Остановись! — хватая ее за руки, кричала бабуля. — Разобьешь все!

Андрей выхватил деревянное оружие из рук жены, но та, изловчившись, ухватила сковороду и обрушила вместе с жареным картофелем на злосчастную голову миллионера. Ее держали двое мужчин, но она все время пыталась вырваться и успела ногой поддать Петровичу под его тощий зад. Тот свалился с копыт носом вниз. Падая, подшиб бабу Веру, и та очутилась под ним, вернее его задней частью. Миша, сориентировался и, подняв несчастного, заброшенного картошкой благотворителя, вывел его во двор и запер в сарай. Вернувшись на поле брани, он попытался установить тишину и попросил слова:

— Граждане воюющие, выслушайте меня. Только без мордобития.

— Где, гад ползучий! — кричала Клавдия — Я его желаю видеть в белых тапочках под оркестр!

Муж принялся уговаривать жену. Любопытный внук покатывался со смеху. Баба Вера выбралась из-под Петровича с помощью Григория, сына Клавдии и кричала как заяц, во время грозы пронзительным голосом:

— Что случилось? Объясните, люди добрые!

Еле — еле удалось усадить всех за стол. Миша решил разъяснить народу ситуацию.

— Нечего греха таить, — сказал парламентар. — Григорий, сидящий передо мной, является сыном Григория Сергеевича, миллионера, получившего несметные богатства и пожелавшего передать сыну состояние. Он если пожелает, может жить в Париже. Там есть недвижимость.

— Ура! — закричал внук, и, подняв ноги кверху, задрогал ими, крича:

— Хочу в Париж! Да здравствует дед!

— Предатель! — заорал на него отчим и дал своему отпрыску оплеуху.

— За что? — запротестовал внук. — Он правильный дед, если пожелал поделиться наследством.

— Предатель! — крикнул Андрей, муж Клавдии. — Я ее голую и босую подобрал, воспитывал ребенка как родного. А ты, негодный, захотел меня променять на чужие деньги?

— Почему чужие, мои, я отпрыск вашего рода и не хочу сшибать десятку у бабушки.

— Замолчите идола, — встряла бабушка. — Давайте все по порядку обсудим. Где виновник?

— Я его спрятал, — сказал Миша. — Опасаюсь за его жизнь. Как никак являюсь его личным телохранителем.

— Ого, — снова произнес с завистью внук. — Тут штанов приличных не имеется, а родители отказываются от законного богатства.

— Я тебя убью, щенок! — завопила Клавдия. — Это тебя твоя мать научила на чужое богатство рот разевать?

— Бабушка, а тебя твоя мать научила в нищете лапу сосать?

Второй подзатыльник усмирил бунтаря. Но ненадолго. Через пару минут молчания внук заявил:

— Это нарушение прав человека. Вы не можете меня лишить законных благ. Будете сопротивляться, я уеду с дедом.

Поднявшуюся для физической расправы с неугомонным отпрыском мать, удержали мужчины. Теперь за ее стулом стояли двое, Миша и муж.

— Клавдия, вы должны выслушать все доводы обвиняемого, который сейчас содержится в изоляторе, находящемся в коровнике и мы должны привести его сюда для дачи показаний.

Миша произнес речь и немного успокоился. Вроде бы женщина вела себя нормально.

— Хорошо, выпустите его из сарая, но близко ко мне не подпускайте.

Ввели обвиняемого. Внук с любопытством смотрел на плененного деда. Григория усадили с противоположной стороны стола.

— Говорите, — приказала баба Вера.

— Я признаю свою вину.

— «Повинную голову с плеч не рубят», — вступился внук. Дед благодарно посмотрел на него.

— Я получил богатство, сам того не ожидая. И решил помочь вам.

— Мне не нужно от тебя ничего, — решительно повторила Клавдия. — И чем скорее ты уберешься отсюда, тем гарантированнее, что твоя голова останется сидеть на собственной шее.

— Нам действительно ничего от вас не нужно, — продолжил ее мысль муж.

— Очень даже нужно, — заявил внук. — Согласно Гражданского Кодекса вы не имеете права лишать меня моей собственности, которую хочет подарить мне дед.

— А я не знаю, как поступить, — в раздумье заявил сын Григорий. По этике, не дающей в жизни ни гроша, я должен отказаться от предложенного мне наследства. По жизненной ситуации я буду дураком, если не приму этих денег.

— Разве тебе будет хуже, мама, если у меня появится собственное предприятие, хорошая машина, стабильная жизнь, при которой я могу стать сам работодателем и помочь многим бедствующим, предоставив им работу.

— Хороший сын, — подумал обвиняемый.

— Дед, а сколько ты предполагаешь дать нам денег?

— Пять миллионов.

— Ого!

— Долларов, — добавил Миша.

— Ого-го, и ты еще чего там бормочешь, маманя? И когда это может произойти?

— Сейчас, немедленно. Я выпишу чек. А пятьдесят тысяч баксов на мелкие расходы выдаю наличными.

— На мелкие расходы пятьдесят тысяч баксов?

Неугомонный внук нарушил все отказы Клавдии. Ее муж тоже был не против свалившегося наследства. В конце концов, он же вырастил сына. Его, свалившегося на голову миллионера.

— А что я получу? Все, как понимаю, денежки дед отдаст моему папане?

— И тебе тоже, золотой внук. Ты защитник деда, а защита оплачивается дорого.

— Куркули вы, — подытожила баба Вера. — Обрадовались, забыли, как жили.

— А зачем же продолжать так жить, если есть возможность изменить все к лучшему? Искусственную нищету оставить?

Все закончилось перемирием. Выписан чек, выданы наличные. Никто не был обижен.

А внук получил на собственные расходы по мелочи сто тысяч рублей и теперь отплясывал лихо от радости вокруг смущенного деда.

— А это тебе на совершеннолетие. Книжечка стоимостью миллион баксов. Идет?

— Едет, а не идет, — выхватив книжку из рук деда, — прокричал внук. — И прочитал вслух:

— На предъявителя.

Назавтра баба Вера совсем смирилась с охальником, околпачившим девчонку и оставившим ее на произвол судьбы. Старость ее теперь была обеспечена чеком, который она положила за икону. Перекрестилась и подумала:

— Побольше бы таких охальников.

Провожали гостей все, кроме Клавдии. Она не вышла из дома и не пожелала попрощаться с Григорием.

— Знаешь почему? — как бы читая его мысли, спросил Петрович?

— Почему?

— Из-за женского самолюбия. Ты предложил ей деньги, но отверг любовь.

— Какая любовь? — возмутился Григорий. — «Мой любовник» давно лежит похороненный, я только с виду мужик.

— С виду ты казак, ядреный.

— С большим соцнакоплением, из-за которого лишен увидеть собственные ноги.

— Чего тебе на них смотреть, ноги как ноги. Гимнастикой заниматься надо.

— И все-таки этих баб не поймешь, она меня чуть не убила. Почему? Привез ей денег, жизнь облегчить захотел, а она как змея, граблями по спине, сковородой по голове, встретила называется.

— А вы пока там на улице шушукались ты ей хоть слово про любовь нержавеющей сказал?

— Какая любовь, о чем ты, Петрович?

— Вот за это ты и получил. Если б ты этой женщине наговорил сто верст до небес о своих не угасших чувствах, грабли стояли бы на месте и картошку жареную мы бы тоже съели.

— Хрен их разберет этих баб.

— На ошибках учатся, — вставил свое мнение Миша.

— А ты, салага, вообще не смыслишь ничего в сердечных делах.

— То-то я гляжу вы много смыслите, оттого теперь и едем исправлять ошибки молодости.

— А может бросить эту затею с ошибками? Поехать на море, жить весело.

— Еще кучу детей после себя оставить.

— Бросьте вы эти шуточки. Давайте посмотрим, нужна ли помощь чумных папаш, которые сами себя лишили родительских прав и бросили чада на произвол судьбы. Мы с вами заедем в один из детских домов и убедимся, нужно ли продолжать наше путешествие.

— Куда дальше путь держим? — спросил Миша притихших искателей детей.

— В Краснодар.

— Почему в Краснодар? — съехидничал Петрович.

— Да потому, что там живет наш коллега, Сидоров. Помнишь такого?

— Помню, помню, — проворчал Петрович. — И на кой он тебе сдался? У него ни кола, ни двора, поди, давно уже окочурился.

— Грех его в беде оставить при моих деньжищах. Да и на город посмотрим. Не были там уже, почитай, четверть века.

— Не думаю, что он сильно изменился, я имею в виду город. Как большая деревня была, так ею и осталась.

— Ну, это мы еще посмотрим, — подытожил разговор Григорий. Он уселся поудобнее и стал смотреть в окно. Нахальная память вторглась в его настроение. Григорий вспомнил, как Сидоров стоял на обочине и махал рукой вслед удаляющейся машине. Григорий тогда сильно рассердился на него, хотя сейчас никак не мог вспомнить за что.

Ехали долго, по пути не уставая удивляться произошедшим за столько лет переменам. Вместо узенькой плохой дороги построили отличные трассы, да и сейчас во многих местах еще шли работы. Краснодарский край неузнаваемо менялся, причем, судя по новизне тех же дорог, довольно быстро. Наконец, впереди замаячила долгожданная дамба, шлюзы и большая надпись «Краснодар» указала на прибытие к месту назначения.

Григорий полистал свою записную книжку. Там под одним из номеров значился домишко по улице Северной. Петрович в той последней поездке не был и Григорию оставалось полагаться только на свою память. Но город настолько сильно изменился, что уверенно узнать когда-то знакомые места было невозможно. Он смотрел и не узнавал прежние улицы Краснодара. Северная с бывшими старыми, приземистыми домишками теперь походила на величественную красавицу, глядевшую свысока окнами рядов блистательных зданий на кое-где чудом еще сохранившиеся старые развалюхи. На месте бывшего домика Сидорова высился синеокий красавец. Рядом с ним и через дорогу хвастались своей новизной такие же здания. Григорий кряхтел, думал, смотрел, но не мог узнать бывших улиц. Знойный южный город преобразился до неузнаваемости. Все вокруг утопало в цветах, улицы поражали чистотой мостовых, аккуратно выложенных плиткой. Буйное многообразие цветников удивляло, радовало, глаз нельзя было отвести от клумб. Выдумщики Зелентреста славно потрудились над созданием причудливых форм газонов. Все это вместе создавало впечатление о заботливом хозяине.

— Ну и ну, — вытирая пот с лица, удивлялся Григорий, не уставая крутить головой и раскрыв от удивления рот. Нет, узнать когда-то простой, серый город он решительно не мог.

Он подошел к стоящей у обочины машине с шашечками, за рулем которой курил усатый таксист. Поздоровался.

— Это кто же у вас тут порядок навел? Не город, а сад сплошной — поинтересовался путешественник.

— У нас, брат, теперь всем городским хозяйством управляет мэр. Мужик головастый, хозяйственный. Как пришел, так и началось преобразование нашего Краснодара, сами удивляемся. Он с губернатором дружит, а известно общая забота и есть успех дела.

— Вам что же, губернатора прислали из Москвы?

— Ну и что. Часто по телевизору показывают. Вот это человек, никогда на Кубани толковой не было, — с гордостью сказал таксист, — Видал, какие дороги за городом теперь строят?

— Видал, и про мэра много слышал конечно, да и губернатор края хорош. Я не смотрю телевизор за неимением такового. А сейчас в путешествия ударился. Совсем отстал от жизни.

Таксист, скучавший в ожидании пассажиров, видно, был совсем не прочь поболтать со случайным человеком, так искренне похвалившим город. Он с гордостью вспомнил и про зимнюю олимпиаду, которая пройдет в Сочи, добавив, что и в этом большая доля заслуги губернатора. Похоже, с приходом новых мэра и губернатора дела в регионе шли отлично, и край, и его столица развивались невиданными темпами.

После переговоров со словоохотливым таксистом отправились в адресный стол. Там им выдали справку о месте пребывания Сидорова и они отправились к нему в гости. Недружелюбная женщина с хмурым лицом встретила их у калитки дома. Двор был неухоженный, замусоренный.

— Что надо? — спросила злая бабенция.

— Нам бы Сидорова повидать, — робко пролепетал из-за широкой спины Григория Петрович.

— На кой он вам ляд сдался? — удивилась хозяйка неприветливого дома. — Друг был наш, вместе работали когда-то.

— В больнице ваш Сидоров, в кардиологическом отделении. Да не жилец он. Едва живого увезла вчера скорая.

Упавшие духом путешественники не стали дальше расспрашивать женщину, только узнали, в какой он больнице. Вскоре они очутились возле нового здания кардиологии. И здесь была та же картина, что и во всем городе, всюю шло строительство новых корпусов рядом со старыми.

— Тряхни мощной, — посоветовал Петрович Григорию, — отправь его за границу. Там вылечат точно. Больницы не нашим сродни.

— Посмотрим, — пробурчал миллионер и направился к главному входу.

Здание и внутри было добротным, красивым. Медсестра, встретившаяся на пути, вежливо указала, где находится нужная палата.

Григорий с трудом узнал своего бывшего друга. Сидоров очень удивился и обрадовался, увидев старых друзей, неожиданно появившихся у его кровати. Посиневший от плохого кровообращения, он с трудом улыбнулся Григорию.

— Я тебя отправлю в Германию, или куда хошь. Там тебя поставят на ноги. Не то что здесь.

— Опоздал, чудак-человек, — отозвался сосед по палате. Это к нам теперь врачи приезжают из-за бугра. Наши доктора делают редкие операции. Главврач вообще самородок. Этой больнице бы еще побольше оборудования, и никакой Европе не уступим. А друга

вашего на ноги поставят. Даю вам слово.

Григорий, продолжавший находиться под впечатлением города, изменившегося до неузнаваемости, в этом не сомневался.

Прикатили в Тульскую область. По пути пролегал маленький город Плавск. Так себе город — не город, деревня — не деревня, впрочем, как бы то ни было, а здесь оба дальнбойщика однажды застряли чуть ли ни на месяц. Теперь предстояло выяснить, не осталось ли здесь тоже родственников. На окраине, в сторону Московского шоссе, недалеко от спиртзавода проживала раньше Красникова Антонина. Красивая баба, видная, любительница хмельного и мужичьего племени. Тогда у нее разыгрался роман с Петровичем, так как Григорий внезапно попал в больницу и ему сделали операцию аппендицита. Остановились у домика с палисадником, без ограды. Корова, куры, гуси важно выхаживали вокруг неогороженного жилья. Правда, выход на дорогу был огражден и все это рогатое, пернатое и хрюкающее войско не могло выскочить перед машиной.

Толстенная бабка выкатилась на двор. Ее ручищи напоминали бревна, гора-живот не давала наклониться и она, переваливаясь с боку на бок, окликнула пассажиров в машине.

— Вам чего? Спирту, молока?

— Нам бы Антонину увидеть, Красникову.

— А зачем она вам понадобилась? — спросил неприветливо живой бабаб.

— Привет ей надо передать от одного друга бывшего.

— И что это за привет? — поинтересовалась она.

— Пригласите в гости, увидите.

— Заходите, кому жалко.

Дом-коттедж, запущенный снаружи и изнутри представлял себе жилище с некрашеными, вернее давно облезшими полами, деревянными скамейками у длинного стола, ведрами, стоящими на полу. Ни малейшего желания проходить дальше у гостей не было.

— Это у нас кухня, — проходите.

Дальше была более или менее чистая комната. Половики домотканые, старый сервант, полумягкие ободранные стулья.

— Присаживайтесь. Налить чего-нибудь?

— Можно, — ответил Григорий. — Пить ужасно хочется.

— Наташка, — прокричала хозяйка, — принеси чаю и спирта. Да огурцов и хлеба прихвати.

— У нас есть с собой закуска, — сказал Миша и проворно нырнул на улицу в багажник машины.

Вскоре он принес несколько банок мясных и рыбных консервов, сыр, колбасу.

— Вот это другое дело, таких гостей встречать одно удовольствие.

На столе появились стаканы, общепитовские вилки, пачку салфеток Миша захватил с собой. Гости представились хозяйке и ее остроглазой с короткой стрижкой дочери.

— Антонина. Наталья.

Значит все-таки Антонина, в жизни бы не узнал в этой бабище непоседливую Тоню. Она его тоже не узнала. Выпили за то, за се. Миша спросил:

— Вы не знаете, проживает ли здесь Бендер Оксана Остаповна, она когда-то работала нянечкой в больнице.

— Живет. Со мною по соседству. Прихварывает. Все больше дома по хозяйству управляется.

— Она замужем?

— Была много раз, только ни разу официально. Когда-то ее соблазнил один большой дальнбойщик, случайно попал по дороге на операцию в их больницу, она дочь родила от него. А чужой ребенок кому нужен? Так и кукуют одни.

— Дочь тоже не замужем? — поинтересовался Миша.

— Нет. Ее женихи боятся, бойкая очень. Укротить невозможно.

— А у вас большая семья?

— Пять дочерей?

— А муж где работает?

— Муж объелся груш. К чему мне еще одного иждивенца. Сейчас мужики лядащие, смотрят, что им жена принесла.

— Так уж все и лядащие, — обиделся Петрович.

— Хорошие — все пристроены, а бросовых — нам не надо.

— Так ведь дети откуда-то появляются.

— В охотку побалуешься с мужичком, какой тебе понравится, а там не аборт же делать.

Раз завелось, значит — рожай. Вот и нарожала я себе пятерых.

— Сколько старшей лет?

— Наташке? Двадцать, а младшей семь.

— Живется трудно?

— Как придется. С голоду не помираем и по миру не ходим, Слава Богу.

Петрович успокоенно откинулся на стуле. Они тут были лет двадцать шесть назад, не меньше. Значит все в порядке.

Антонина глянула в окно.

— А вон, видите на дороге женщину, это и есть Оксана Остаповна. Позвать?

— Можно.

— Через несколько минут черноволосая женщина, с приятным лицом лицом, подтянутой фигурой, хорошо сохранившейся вошла в комнату и поздоровалась с незнакомыми людьми и хозяйкой. Без церемоний присела к столу. Ей тоже налили рюмку.

— За вас, Оксана Остаповна, — сказал Григорий Сергеевич.

Она внимательно посмотрела на него, но невозможно было понять узнала она его, или нет. Поговорив немного и выяснив, что гости желают остановиться на ночлег и пробыть в городе несколько дней, спросила:

— Желаете, можете ночевать у меня, но за оплату. Нынче трудные времена и приходится крутиться, чтобы прожить.

— Мы согласны. Скажите сколько?

— Договоримся. Идемте.

Вся честная компания вскоре расположилась в трех уютных комнатах, хорошо обставленных и чистых.

— Небось не понравилось у соседки? — спросила она Григория.

— Где чище, там лучше.

Гостям была отведена большая комната. Там стоял диван и кровать. Для Миши нашли раскладушку. Григорий внимательно следил за хозяйкой, та иногда ловила его взгляды, но виду не подавала.

— Гордая, — подумал он. — Какая раньше была жгучая любовница.

Он вспомнил, как много лет назад они остановились на ночлег и у него начался приступ

аппендицита. «Скорая» увезла его в больницу. Срочно сделали операцию. Шов плохо зарастал, и его выписали только на десятый день. Рана открывалась, гноилась и необходимы были перевязки. В больнице он и познакомился тогда с Оксаной, еще девчонкой. Она ухаживала за ним сорокалетним с гаком больным и незаметно поддавалась искушению. Это произошло у нее дома, где ему пришлось жить еще две недели в этом городишке. Понравился он ей своей непосредственностью, интересными рассказами и она, влетела «в любовь» плотскую, с сильными объятиями и жаркими уверениями в любви. Родителей своих едва помнила. Сама она была сирота. Утверждали, что является дочерью прототипа Остапа Бендера, знаменитого персонажа, которого ей видеть не довелось, имевшего любовную связь с ее матерью. Мать подтверждала этот факт, но говорила, что отец никогда не обещал ей жениться.

— Я свободный художник, и в женщине люблю прекрасное, но как только женишься на ней, цветок превращается в Горгону.

Куда он отбыл после двух ночей любви, для матери Оксаны всю жизнь было загадкой, которую она не пыталась разгадать. Дочь любви, Оксану, мать отдала в приют. Так с пятилетнего возраста девочка училась жить самостоятельно. После выхода из детдома ее устроили в больницу нянечкой. Никто ею не интересовался, никому она была не нужна и тихонько мечтала о принце, который найдет ее и полюбит. Встретив оперированного, беспомощного ловеласа Григория она приняла его уверения искренне, а желание любить за самую любовь.

Время жарких объятий прошло незаметно. Пришло время расставаться. Григорий, много повидавший на своем веку, чуть было не забрал с собой эту черноглазую девочку, страстно влюбленную в него. Но, подумав, что он будет постоянно в рейсах, а она всегда одна, попрощался, обещал приехать за ней при первой же возможности, и она осталась у дороги махать вслед уходящей машине ручкой, молодая, беспомощная. Григорию стало жалко ее, он чуть было не вернулся, но подумал, что лучше заедет за ней в другой раз. Так они и расстались. Другого раза не случилось. Он встретил новую обворожительную ветреницу, которая надолго закружила ему голову, а когда бросила своего неповоротливого на женитьбу любовника, прошло более двух лет. Он вспомнил об Оксане, но решил, что время — хороший доктор и она давно забыла его.

И вот теперь он у нее в доме, старый, потрепанный, неухоженный, внезапно разбогатевший человек и непонятно, узнала она его или не желает в этом признаться.

Она узнала его сразу.

— Ишь ты, как постарел, — думала Оксана Остаповна, ворочаясь в своей постели.

Вспомнилось его присутствие тогда, когда она еще снимала «угол» у хозяйки, как они ночами, таясь от ее зоркого глаза, ухитрялись найти время для любви.

— Наплачешься ты, девка, поверь мне, — совестила девчонку пожившая женщина и видевшая много на своем веку любовных походов.

— Мне плакать — не вам, — отвечала ветреница и любовь продолжалась.

Оксана была абсолютно уверена в своем мужчине, вдвое старше ее. Когда поняла, что будет ребенок, хотела написать ему, но порывшись в памяти, вдруг не нашла его точных данных. Только по больнице знала его фамилию, имя, отчество. Она могла бы попросить и его адрес в архиве больницы, но стеснительность помешала ей дать возможность судачить всем о ее связи с проезжим. Так и остался в неведении Григорий Сергеевич, что через несколько месяцев после его отбытия, родился ребенок, его дочь, по имени Соня. Это имя

она получила за то, что все время спала. Молодой матери было невдомек, что все новорожденные пребывают в сонном состоянии большую часть времени.

— Признаться ему или нет, что узнала его? — думала женщина.

Он не был похож на того крепыша, насмешника, стал толстым, обрюзгшим дедом, к которому невозможно уже вспылать любовью. Видимо верность в таком возрасте сохраняется супругами благодаря привычке, и устанавливаются прочные нежные отношения, поддерживающие друг друга в старости. Поздно ночью раздалась чертыхания, и возглас дочери разбудил всех:

— Мать, ты что, устроила ярмарку-продажу мужской обуви в нашей прихожей?

— Тише ты, людей разбудишь?

— Каких таких людей? — не унималась дочь.

— Она явно была поддатой, что не было удивительным для матери.

Принюхалась. На кухне ей понравились запахи и она прошла к столу, где все еще стояли закуски, ожидая ее прихода. Соня присела на краешек стула и принялась уплетать все, что лежало на тарелках. Потом обнаружила в холодильнике остатки вина в бутылке с красивой этикеткой, допила его из горла и, икая, пошла спать. Завалилась в кровать и сразу же уснула.

— Дочь пришла, — подумал Григорий Сергеевич. — Интересно какая она? Похожа на мать или на меня?

Он долго ворочался, прислушивался к тонкому посвистыванию легкому храпу, что мешало ему, привыкшему жить в тишине, спать.

— Нет, — подумалось ему. — Детей хорошо проведывать, но жить с ними, нет. И как только их матери выдерживают?

Философия закончилась, тяжелый сон принял его в свои объятия.

Проснулся он оттого, что кто-то стоит возле него и разговаривает. Он открыл глаза и увидел у кровати девчонку, очень похожую на мать в молодости, с дерзким взглядом, упорно, глядящим на него.

Сразу же вскочил и сел, спустив ноги на пол.

— Пришла на дорогого родителя посмотреть, — развязно произнесло молодое существо, угрожающим голосом.

Его тембр явно не собирался запеть арию любви, наоборот, готов был обрушиться на голову так называемого батюшки площадной бранью.

— Сядь, — сказал он тихо. — Не надо войны, я тебе хочу объяснить....

— Приехал посмотреть на свое изделие? — не дала она ему договорить.

— Все не так, как ты думаешь, — бывают обстоятельства, которые выше нашей воли.

— Какие обстоятельства могут быть у вора, укравшего у девчонки честь, единственное ее состояние? И бросить с твоим дитем?

— Ты должна меня выслушать.

— Никакие миллионы не заставят меня слушать твой бред. Надевай портки и айда отсюда по холодочку, пока я своего дружка не вызвала. Он тебе намнет бока, не посмотрит, что ты уже облезлый.

— Но послушай?

— Не желаю, — и она выскочила за двери.

В спальне никого не было и он затревожился. А ну как опять начнут его бить. Это ему явно не подходило. А в это время Петрович и Миша сидели за столом, пили чай. Соня ворвалась как фурия в кухню, смахнула чашки на пол.

— Ошалела? — закричала мать.

— Это у тебя с головой не в порядке. Старого маразматика принимать с его приятелями. Забыла, как всю жизнь горбатилась, чтоб меня вырастить?

— Надо было отдать тебя в приют.

— Спасибо, родительница. Сначала кувыркаетесь с кем попадя, потом рожаете, не спрашивая нас, хотим ли мы на свет белый появляться?

— Ты ненормальная.

— Вполне. Плохо, что дети не участвуют в своем появлении на свет Божий. Захотели — родили. Не нужен — бросили. И так делают многие безответственные. Кошка и та кормит своих котят, даже когда они становятся взрослыми. А многие мамы, как моя бабушка, например, спроваживают детей в приюты. Почему? Если ребенок не нужен родителям, то почему его должны воспитывать и кормить чужие люди? Я бы таких горе-мам и пап заставляла работать на самых не престижных местах, чтобы все знали, о том, что это бесстыжие любители ночных оргий. И всю их зарплату отдавала в детдом, где растут их дети.

— Я же не отдала тебя никуда.

— Жалеешь об этом?

— Что ты говоришь, опомнись, дочка.

— Вышвырни отсюда кобеля, тогда и поговорим.

Миша решил объяснить цель приезда Григория Сергеевича.

— Ваш отец наследство получил и решил отдать вам часть его?

— Часть? Как алименты, которые он не платил? И большое это наследство?

— Большое, — ответил Петрович.

— А тебя, облезлый кот, я не спрашиваю.

Петрович обиделся на столь неприличное оскорбление и потащился к выходу, где на скамеечке во дворе сидел его приятель.

— Схлопотал? — спросил он поверженного в уныние папашу. — И мне досталось от нее тоже.

— Да, — протянул непризнанный отец, — тяжело быть родителем.

— Давай закончим нашу благотворительность. Все равно не исправить прошлого. Ишь, как кидаются бабы, как рыси, растерзать готовы.

Пока шли переговоры-жалобы двух друзей, Соня взяла бумагу, вычислительную машинку, ручку и сказала Мише:

— Хорошо. Я сейчас подсчитаю все расходы, понесенные матерью на мое воспитание, плюс моральный ущерб за оскорбленное человеческое достоинство, пока ее все считали гулящей, а меня называли байстрючкой, и упущенную выгоду.

— А это зачем? — удивился Миша.

— Мать могла выйти замуж, если бы он не испортил ей жизнь. А с ребенком, прижитом вне брака, она потеряла свое достоинство, и на ней никто не пожелал жениться.

— Ладно, — согласился Миша. — Читайте.

Он вышел к своим друзьям и сказал:

— Сейчас ваша дочь составит счет, и вы его оплатите.

— Какой счет?

— А такой, в котором будут учтены все убытки, причиненные вами вторжением в жизнь Оксаны Остаповны.

— Да, — протянул Петрович. — Истинная дочь своего деда.

— Остап Бендер никогда ничего не крал, он всем предъявлял счета и всегда выигрывал.

— Во-во, — закивал Миша. — Хорошо, что не через суд она вам предъявит счет, а то стыда не оберешься, на всю Россию прославят.

— Я не муж, — мрачно произнес Григорий. — Никто мне алименты не присудит.

— Раньше присуждали содержание ребенка, если отец просто проживал какое-то время вместе с матерью, вели общее хозяйство и рождение сына или дочери укладывалось в рамки плюс девять месяцев после их расставания.

— Так я же сам добровольно хочу заплатить им.

— Ваша дочь Соня Бендер и тут добровольно не пройдет, придется платить по счету.

Компания благотворителей ждала решения своей участи. Решение было вынесено в списке из трех листов, исписанных со всех сторон, где было учтено все, начиная от пеленок, молока, прочего, до не получившихся путевок на отдых, болезней, могущих иметь место нарядах, злословие по поводу социального статуса матери-одиночки и безотцовщины. Всего под итогом стояла сумма в долларах и составляла на сегодняшний день — сто тысяч баксов, тридцать центов наличными.

— И всего-то? — сказал «отец».

— Не всего-то, а точно по списку. Можно подумать, что у тебя таковая сумма имеется, — насмешливо проговорила дочь.

— Вот тебе пятьдесят тысяч долларов, остальные на сберкнижку.

— А может чеком? — съехидничала Соня, но ее округлившиеся глаза при виде выложенной на стол суммы, заставили закрыть разговорчивый рот.

Она села на стул, пересчитала деньги.

— Да ты и впрямь, папашка, свихнулся. Добровольно по счетам платить. Ты даже не пересчитал мои цифры.

— Я могу тебе выдать миллион.

— Ну ты, ври, да не завирайся.

— Нет, точно. Вот тебе сберкнижка.

— На предъявителя, — прочитала Соня. — Не пойдет, — положив книжку на стол, объявила она. — Принимаю только по счету. Остальное не мое, и я не хочу чужих денег.

— Хорошо, ответил Григорий. — Едем в сбербанк и через интернет ты получишь завтра свою сумму.

Недоверчивая дочь поехала с ними. Вежливые служители банка немедленно открыли ей счет и выполнили все формальности.

— Завтра к вечеру можете приехать, и мы вам выпишем сберкнижку.

— Лучше наличными. И про тридцать центов не забудьте.

Ехали домой молча. Только один раз Соня сказала:

— Точно мать говорит: «Бог даст и в окно подаст».

Остальные от комментариев воздержались. Назавтра деньги прибыли, Соне были выданы вместе с тридцатью центами и она спросила мать:

— Ты за проживание сколько взяла с них?

— Нисколько пока, а что?

— Тридцать долларов на всех. Оплатите матери, ей стирать после вас придется.

— Я хочу оставить тебе еще денег, — робко сказал Григорий.

— А вот этого не надо. Ты мне, господин хороший все оплатил, но вступать с вами в

родственные отношения я не желаю. И вообще забудьте, что мы с матерью есть, как не помнили о нас все эти годы.

Миша положил пятьдесят долларов на стол и Соня полезла за сдачей.

— Не надо, — произнес Миша, — считайте их чаевыми.

— Мы тебе не лакеи, — взъерилась дочь. — Забирай свои паршивые двадцать долларов и катись поскорее отсюда.

Оксана Остаповна смотрела на дочь, потом перевела взгляд на Григория. Ей не было жаль этого потертого облезлого, внезапно разбогатевшего ловеласа и его миллионов вместе с ним, ей тоже было не надо. А то, что дочь взяла с них деньги, все правильно. По счетам надо платить.

Покидали Тульскую область с явным нетерпением. Слишком задели самолюбие Григория Сергеевича эти женщины. Оказывается деньги — это не всё. И его благодетельство обрушивается на собственную голову.

— Куда теперь? — спросил Миша.

— На Юг. Есть такой городок у Черного моря, Крымск. Там у меня тоже кто-то наверняка остался. Был в отпуске полтора месяца.

И старый ловелас погрузился в воспоминания прошлого.

* * *

Как часто любовь на заре, в полночи, нечаянная, отчаянная, мимоходная, крепкая, преходящая, скоропалительная бросает двух человек в объятия друг другу. В тот момент — главное это удовлетворение страсти, охватившей тело, и мало кто вспоминает о душе и о последствиях столь непродолжительного восторга любви. Физиология она у всех одинакова, глаз не имеет. Разум — у каждого свой. Редко кто думает о последствиях, плодах любви, и как эти плоды должны себя чувствовать, появившись непрошенными на свет и зачастую ненужными тем, кто их произвел. Этим «родителям» абсолютно неизвестно о том, как живут их «цветочки», на чьем окошке цветут или засыхают никому не нужные.

Родители же, прожив жизнь, так и не узнают о своих произведенных на свет чад, и им невдомек какое горе мыкают большинство из них.

Таким путем появился на свет еще один горемыка. Он прожил в детдоме свои семнадцать лет. В день рождения ему вручили аттестат зрелости, полученный в школе, пару белья, немного денег и определили его место проживания. Им оказалось село Демьяново, в котором располагался тогда еще совхоз «Путь Ильича», в двадцати километрах от районного центра.

Вокруг Демьянова стояли еще несколько похожих сел, чахнувших от недостатка внимания руководства. Наступала новая эпоха, которая вскоре получит наименование «демократия», а пока на экранах телевизоров появился Михаил Сергеевич Горбачев и своими многоречивыми обещаниями поверг народ в надежду получить вскоре «манну небесную».

Все перестали смотреть кино и переключились на баталии политиков. Это было так необыкновенно, как если бы при Сталине подойти и плюнуть при всех на его памятник.

— Какой правитель, необыкновенный, смелый, решительный, повернёт нашу серую жизнь на 360 градусов, — радовались люди, толпами собираясь у совхозного

громкоговорителя, где слышался голос нового вождя.

Под дебаты политиков в ожидании чуда-дня проходила жизнь сельчан.

— «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить», — распевали крестьяне и запивали свое будущее счастье самогонкой, которая была запрещена, но имелась в каждом доме.

Саньку привезли в совхоз под вечер на попутной машине и так как директора не нашли, оставили его в конюховке, так именовалась избушка, где хранится сбруя для лошадей.

Он сидел на выщербленной скамейке рядом с конюхом и угрюмо молчал. Весь он был какой-то бесцветный, худой, узкоплечий, горбящийся, в желании скрыть свою длину. К тому же еще и не разговорчивый. Конюх Алексеевич узнал от человека, доставившего новенького в совхоз, что вырос тот в детдоме, в ремесленное не поступил по причине слабого здоровья и бестолковости, и посему направлен в совхоз для определения на работу.

К тому же, когда-то именно здесь он родился у не просыхающей от пьянства Надежды Греховой, которая вскоре сгорела от самогона, а мальчонку отправили в детдом. Никто толком не знал, от кого родила Надежда, называли, правда, отцом ребенка некоторые дальнобойщика, пару раз побывавшего в селе. Да кто толком мог знать об этом, за ноги не держали, а болтать, чего только не наговорят:

— Язык без костей, мели что хочешь...

Была у пьянчужки своя избушка, да за время пребывания Саньки в детдоме развалилась: теперь там рос бурьян. Остатки печи все еще виднелись на развалинах. Местные ребяташки играли в руинах в войну. И именно оно, так называемое домовладение, послужило причиной появления Сани Грехова в Демьяновке.

Словоохотливый Алексеевич поспрашивал Саньку о том, о сем, но кроме бурканья, непонятного без переводчика, так ничего и не узнал ничего нового. Рассерженный конюх плюнул и сказал:

— Ничего, жрать захочешь — заговоришь.

Он ушел к себе домой, а юнец остался глотать слюни от голода. Он сидел, понутив голову, и невесело вспоминал о детдомовской жизни, где за нелюдимый характер ему доставалось от всех. Старшие ребята избивали его ночью, закрыв одеялом, учитель географии бил указкой по рукам за нерасторопный ответ, а математичка, выставив его у доски, говорила:

— Посмотрите на этого балбеса и запомните — более глупых, я в жизни не видела.

Теперь, сидя в тесной, продуваемой насквозь конюховке, он думал о своей тощей детдомовской постели и о каше, которую бы дали сегодня на ужин. Но сейчас он находился в полном одиночестве, голодный, замерзший от проливного дождя, протекающего прямо на пол избушки.

Алексеевич зашел домой, приложился к заветной самогонке и пошел дальше по селу. Вскоре весть о новеньком детдомовце, сыне покойной Греховой Надежды, разнеслась повсюду. Приходили, стояли, смотрели и уходили. Как в зоопарке разглядывали. Только один человек, пастух Петро бесцеремонно схватил его за рукав и потащил к себе в дом. Санька не упирался, он был рад попасть к людям. Жена, Степанида, поглядев на парня, напоминающего молодого журавленка на длинных ногах, подставила ему табуретку, взяла из рук узелок, который он прижимал к груди, поставила перед ним миску со щами и кусок хлеба. Санька без лишних церемоний, принялся хлебать варево, заправленное старым салом, со свеклой и морковью, которое показалось ему слаще меда. Доев, он облизал ложку, и степенно положил ее на стол. Потом Степанида принесла кружку с горячим кипятком,

заваренным травами с сахаром и положила перед ним большой крендель, который исчез в Санькином пузе так же быстро, как и щи.

Показала, где у них имеется нужник во дворе, летний душ, пока бывший за ненадобностью, по случаю проливного дождя и постелила ему в просторных сенях на скамейке, довольно широкой, что явилось его постелью, так как в доме была всего одна комната, да закуток за ширмой, именуемый кухней. Под него подложили овчинный тулуп, сложенный вдвое, вместо матраса. Подушка оказалась фальшивой — была набита соломой. Укрыться дали одеяло, пошитое из лоскутков, старое, но теплое, ватное. И парень провалился в глубокий сон, свойственный только молодости.

Назавтра директор, просмотрев его документы и прочитав характеристику, выданную в школе и детдоме, при всем народе, собравшемся поглазеть на новенького, важно произнес:

— Никудышный ты работник. Определяю тебя, в подпаски заместо Евсеича к Петру. Он уже стар, будешь учиться на замену.

Так и вернулся Санька от директора с прозвищем «Никудышный» и профессией — пастух.

Потекли дни, нерадостные как осенняя погода. В обязанности Никудышнего, так его теперь звали от стара до мала в селе, в том числе и хозяева, где он проживал, входило рано утром в пять часов, от начала до конца села собирать в стадо коров, останавливаясь у каждого дома. Хозяйки выгоняли их за ворота, где коровы собирались в общее стадо. Он вместе с Евсеичем гнал их за околицу деревни, туда, где было побольше травы. От дома расстояние было с километр и трудно подъемные животные шли неохотно, постоянно останавливаясь у каждого куста, приходилось щелкать кнутом, которым Никудышный пока плохо владел. У Евсеича выходило щелканье с оттяжкой. Коровы, подозрительно слушая этот неприятный для них звук, быстренько шли стройной колонной туда, где и должны были находиться. Тут не схалтуришь. На плохой траве сразу спад молока получается, а за это хозяйки не поглядят, облают на чем свет стоит. Такие рулады Саня услышал в первый день своей работы, но предназначались они Евсеичу, который с заплетающимися ногами и языком остановил стадо на вытоптанном месте с жидкими островками травы.

Ор стоял на все село, слышно было от края до края, и Санька уяснил сразу непреложную истину: нужно было пасти коров там, где они могли быть сытыми вволю.

Петр теперь был переведен скотником и вместо него за главного пастуха должен стать Никудышный. Евсеич со следующего сезона уходил на отдых. А пока Никудышный, хоть и был назначен главным пастухом, должен был во всем слушаться старого Евсеича.

Евсеич на другой день, обруганный и обиженный, пригнав стадо в нужное место, прилег в кустиках и молчал. То ли спал, то ли просто сердился на неповинного новичка. К обеду сменил гнев на милость, пригласил парня поесть. Они развернули свои узелки и выложили все вместе на старую тряпицу, которая служила Евсеичу в качестве скатерти уже много лет.

Их обед состоял из молока в бутылке каждому, хлеба полбуханки, сала шматок, лука зеленого и оладьев, напеченных его старухой. Было еще по два вареных яйца, но это на полдник. День у них длинный, работа с пяти утра до восьми часов вечера. В обед даже коровы, утомленные щипанием травы, головой в наклон, лежали, жевали жвачку. Сейчас они были смиренные, просто любо было на них смотреть. Но, когда начинали пастись, две из них Жиголо и Обезьяна, получившие такие прозвища за своенравное поведение, не давали житья. Они неслись неизвестно куда, многие буренки тянулись за ними. Не дай Бог потеряться какой-нибудь, со света сживут хозяева пастуха. Вот и носился за ними Саня весь день, чтобы

сами не уши и других не увели.

Евсейч был рад помощнику. Теперь его старые ноги в покое находятся от рогатых негодниц. Единственно, чего они боялись, это кнута Евсейча, который он применял в качестве наказания бегаящим рогатым безобразникам. К вечеру Саня не чуял под собою ног. Еле тащился по селу. И когда пригонял к дому последнюю коровку, шел домой как семидесятилетний старик. Частных коров было шестьдесят голов и сотня совхозных. За них раньше отвечал Петр, а теперь все они полагались директором на ответственность Никудышнему.

За совхозных полагалась зарплата, маленькая, но денежная, можно было что-нибудь купить для себя. Пока зарплату забирал Евсейч, а Саня стеснялся сказать ему о том, что им полагается разделить ее пополам. За частных коров по установленному графику пастуху полагалось дежурному двору выдать за день десяток яиц, два литра молока, полкило сала, буханку хлеба и десять рублей денег. Хозяевам это обходилось в денежном выражении десять рублей за два месяца, а пастухам, всего шестьсот рублей на двоих. Здорово не разгуляешься.

Очень скоро, бегая за непослушными коровами по лесу, Санька докатился до того, что у куртки протерлись рукава и лацканы, брюки пузырились на коленках и появлялись просветы на ткани, он стал он похож на взъерошенного воробья, потрепанного своими сородичами.

Прошел месяц, а денег Саня не получил и Степанида пошла наводить порядок. Что и как она говорила Евсейчу, но с собой она принесла триста рублей от частников и столько же за государственных буренок. Назавтра она пошла утром с Саней по хозяевам и пока он собирал коров в стадо, Степанида решила все экономические вопросы. Повысила ставку оплаты за голову до двадцати рублей и наказала строго настроено отдавать половину ее подопечному. Так как удои у коровушек повысились, никто не перечил о повышении ставки. Саня стал получать свою мизерную оплату. Все до копейки он отдавал хозяйке вместе с полученными продуктами. Жизнь у них ему нравилась, никто не ругал, не клял, кормили наравне с собой, по субботам ходил в баню с чистым бельем. А однажды Степанида достала из шкафа костюм с рубашкой и подала его Сане.

— На, носи. Сына моего был. Он училище авиационное закончил. Призвали его куда-то на секретную службу. Даже писем не пишет. Жена его Галина носа не кажет. Как приехала после свадьбы один раз, так на этом и закончила с нами родство. Денис написал, что она ждет ребенка. А сама она не считает нужным сообщить нам об этом. Образованная, а мы кто, лапотные крестьяне. Всю жизнь в навозе возимся.

Костюм пришелся Сане в пору. Совсем другой коленкор. И плечи пошире стали и горбиться перестал.

Каждое утро ему приходилось знакомиться с новыми хозяевами подопечных буренок.

Сегодня он впервые узнал, где живет их фельдшерица Анна Федоровна, молодая миловидная женщина без мужа, но с ребенком. Девочка Аленка была еще совсем маленькая. И она совсем не походила на свою черноволосую с гладкой прической и карими глазами мать. Аленка была похожа на ромашку, золотистые кудряшки падали ниже пояса, а синие глазенки — чистые васильки. И хороша же была девчушка, ну прямо картинка, заглядение, а не ребенок. Она подбежала к Сане и спросила совершенно серьезно:

— Ты лешего видел?

— Нет, — удивился Саня, — а разве он есть в нашем лесу?

— Есть, — округлив глаза, шепотом сказала Аленка. — И кикиморы в болоте живут.

— Я только ежика, да зайчонка видел.

— А ты передашь от меня им привет? — спросила маленькая фея.

— Обязательно, и подарок принесу от них, если встретятся.

Весь день, с помощью Евсеича, мастера делать свистульки, он вырезал для этой необыкновенно понравившейся ему девчушки свирельку. Потом нарвал вместе с ветками малину и в березовый туесок, поставил ее как букет.

Вечером Аленка ждала его с поля. Еще издали, за оградой своего дома он увидел ручонку, машущую ему. Подошел поближе, сдал бабушке Пелагее буренку и подошел к малышке. Откуда у него слова появились, сам не понял, вечный молчун. Может оттого, что похожа она была на ясно солнышко, приветливая и сказочно красивая, совсем не похожая на деревенских детей, загорелых, стриженных под горшок, чумазных.

— Это тебе от зайца, — подавая Аленке туесок с ветками малины, сказал Саня. — А свирельку ежик послал.

Маленькими пальчиками она серьезно взяла из рук Сани лесные подарки, — сказала, — спасибо, — и побежала хвастаться деду Сидору, мастерившему бочонок.

Так он и познакомился с этой семьей, особенной, отличающейся какой-то светлой добротой и отзывчивостью.

Дома его ждали. Ужин стоял на столе, вода для умывания приготовлена заранее, чтоб холодной не была. Ему было приятно, что есть дом, в котором его ждут люди, где он нашел новую семью, непохожую на детдомовскую, оголтело-бесшабашную.

Жили хорошо, не тужили, да приключилось с Петром, хозяином Сани, несчастье. Жеребца нового привезли, Петр решил его объезжать, ненароком замешкался и красавец вороной копытом зашиб его до смерти. Хватил по голове наклонившегося мужика, тот упал, а он еще раз по нему прошелся.

Степанида дурным голосом закричала. Еле отходили, фельдшера пришлось вызывать. Степанида и так — то хворая была, ноги ее не слушались. Болезнь мудреная какая-то не давала ей жизни от боли, крутила по ночам, да и днем Степанида плохо ходила. А тут свалилась совсем.

Военкомат отказал в приезде сына на похороны отца. Дочка шалопутная телеграмму не получила, та вернулась с пометкой: адресат выбыл. Хорошо хоть соседки по дому помогли с похоронами.

На двор зима пожаловала, как всегда гостьей незваной. Первый снег только ребятишкам в радость был. Хозяин заранее заготовки на зиму сделал: дровишек не менее, чем на два года хватит, хворосту для растопки тоже. Теперь по субботам нужно было баню топить. Баня не баня, а небольшая халупка утепленная с печью из камней, чтоб жару наподдать. В деревне баню каждый, всяк для себя, редко кто затапливал. Конечно, у кого большая семья, те каждую неделю сами у себя мылись, а такие как Степанида, через неделю у одних, потом у других и соответственно получалось, что свою приходилось топить в три недели раз. Зато в чьи дни приходился банный день, вымытые гости были приглашены к чаю. Правда, вместо самовара на столе всегда красовалась бутылка с самогоном.

В селе стало жить веселее с появлением телевидения. Уже несколько лет как к ним перестал ездить киномеханик. Кому охота тащиться в холодный клуб, более на сарай похожий, если включи ящик и получай любое кино.

В доме Степаниды тоже был черно-белый телевизор. Санька почему-то не смотрел, по его мнению, охальные фильмы. Ему было стыдно самому, а тем более, если бы такую

гадость увидела Степанида. Фильмы он любил спокойные, про любовь, жизнь в селе, городскую без похабщины.

У него время для просмотров было только поздно вечером. С тех пор как хозяин умер, на него свалилась вся работа по дому. Даже корову доить научился. Поросенок «Хрюк» ходил за ним по пятам. А если он забывал закрыть за собой калитку, то вслед за ним по улице шли, выстроившись в очередь, собака Шарик, кот Забулдыга, поросенок Хрюк и дальше ровным строем вышагивали петух и все двадцать куриц.

Саня в первый раз не понял, отчего все соседи и встречные селяне со смеху покатываются, пока пацаненок Жорка не показал ему, чтобы тот обернулся назад.

Обернулся и увидел весь скотский строй. Самому смешно стало. Развернулся и направился назад, не идти же с такой оравой в магазин. Его гвардия разворачивалась по всем правилам. Задние остановились и ждали пока подойдет их очередь стать в строй. Так и привел он их к дому. Рассерженные на беспорядок гуси, гоготали на его эскорт. Плотно закрыл калитку и пошел снова.

Развеселившиеся жители показывали на него пальцами и пересказывали тем, кто не видел интересную картину.

— Вот тебе и Никудышный. В него вся скотина влюблена. Парады устраивает. Можно на Октябрьских праздниках строем выводить, флажки привязать на шею каждому.

Санька слушал насмешки, а в душе умилялся сообразительности его живности. Ему было приятно, что он нужен всем этим хвостато-пернатым друзьям.

Придя домой, накормил, напоил своих подопечных и разговаривал с ними как с людьми. У всех у них были свои клички. Вскоре Шарик мог различать их по званиям. Безошибочно смотрел на ту курицу или поросенка, чье прозвище называл хозяин.

Саньку пристроили работать по вывозу на поля удобрения — навоза из коровника. Иногда заставляли заменить водовоза, загуливающего по неделе, чтобы буренки без воды не остались.

А вскоре и вовсе сделали его скотником на зиму.

И тут случилось чудо. Вечно чумазые, лежащие в навозе буренки за неделю стали чистыми. В коровнике полы были выдраены по частям. Выпускал три — четыре буренки во двор и вымывал их места. Стелил, правда скудно, соломку, боялся до весны не хватит, потом запускал буренок назад, а дальше следующих выводил на прогулку по случаю санитарного дня.

Доярки ахали от удивления. Ко времени дойки вода в баке была подогретой, чтобы вымя коровам не застудить, а полотенца, стали чище, чем дома.

Он брал их с собой домой и кипятил в соде кальцинированной, или мыле. Вскоре к нему стали относиться серьезно. Даже директор Прохвятилов явился сам на ферму и был поражен, что к ней можно подойти. А всего-то Санька ровно неделю возил гальку и песок от реки, засыпал дорожку и поставил из прясел ограду, чтоб доярки ноги свои не пачкали.

— Как тебя там по батюшке кличут? — спросил, свысока глядя на скотника, директор совхоза.

— Григорьевичем.

— Александр Григорьевич, — значит. — Отчество как у матери.

— Зовите лучше как звали, Никудышный.

— Ну что ж, тебе виднее, Никудышный.

Собрались доярки, заведующая фермой Феня подошла и все они потребовали выписать

парню премию за работу.

— Разберемся, — отмахнулся Прохвятилов и уехал на своем газике.

Премию Саньке выписали, целых сто рублей и он купил на них лекарство для Степаниды.

Ее боли становились все невыносимее, она с трудом, переставляя табуретку и держась за нее руками, подтягивала непослушные ноги, чтобы добраться до нужника, а потом и это ей стало не под силу.

Вызванный из района врач увез ее с собой в районную больницу. Теперь все хозяйство было на Сане. Ему нравилось, как встречали утром выход кормильца животные. Их приветствия были громкими. Пронзительнее всех орал Хрюк. Зато, получив по своим кормушкам, сваренное с вечера каждому свое питание, уминали молча, только чавканье стояло в хлеву и кукаренье, означающее — спасибо, в курятнике.

В деревне было мало молодежи, все подались в город, кто на учебу, кто на работу. Сверстников Сани вообще не было. Школа здесь была неполная средняя и доучиваться детям приходилось в районе. Зато вдовушек здесь хватало. Женское население преобладало над мужским. Особой скромностью, оставшиеся молодайки в селе, не отличались.

Летом сюда наезжали на выходные городские к реке, изобилующей рыбой.

Был еще пруд, с печальными ивами, светлый лес с грибами и ягодами, поляны солнечные, усыпанные цветами и земляникой возле раскорчевки, пней оставшихся от вырубленных деревьев.

Парное молоко, свежие овощи, чистая вода привлекали туристов на пару дней, а некоторые в отпуск приезжали каждое лето. Тут тебе и отдых приличный и карману не в тягость. Увозили с собой заготовки солений и варений разных. Стояли на квартирах у стариков и молодаяк, тех, у кого позволяло жилье.

С наступлением зимы на Саньку началась охота вдов. Сначала к нему пристала Феня, заведующая фермой, женщина лет двадцати пяти, старше Сани, но не желающая этого знать.

Как-то вечером, когда Саня приготовился ложиться спать, кто-то постучал в окно. Он открыл занавеску и в лунном свете увидел лицо Фени, прильнувшее к стеклу.

— Выдь, на минуту, что-то сказать тебе надо, — услышал он сквозь стекло.

Сунув ноги в растоптанные тапочки, он открыл дверь и впустил гостью.

— Не поздновато? — спросил хозяин.

— В самый раз, — ответила она, входя в комнату.

Оглядевшись по сторонам, удивленно отметила:

— Да у тебя как у хорошей хозяйки все прибрано.

Саня промолчал. Он стоял, скрестив руки, в ожидании объяснений о причине столь неожиданного визита.

— Удивляешься, что пришла?

— Да.

— «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе», — слышал про такое. — Или к тебе вообще никто не заходит.

— Бог милует.

— Вот ты как относишься к гостям.

— С чем пожаловали?

— Зови меня на ты. Я ведь не старуха какая.

— Вы — уважительнее.

— А мне может как раз и не нужно твое уважение, — сказала она, и, на ходу снимая куртку, подошла к нему вплотную.

Саня отступил к печи, широкой, теплой.

— Мне что же с тобой в догонялки играть прикажешь?

— Не знаю. Объясните причину вашего прихода.

Она вновь подошла, надвинулась на него и обвила его шею руками. Саня задохнулся от возмущения. Он попытался снять ее руки со своих плеч, но женщина неожиданно впила в его губы так, что у него перехватило дыхание. Он не почувствовал призыва к близости с ней и отодрав ее руки от своей шеи, ловко перескочил к столу.

— Да ты никак импотент, Никудышный?

— Считайте, как хотите.

— Что ни разу с бабой не переспал, глупый.

— Вам нужно уйти, — сопротивлялся Санька.

— И не подумаю. Сейчас мы с тобой ляжем спать.

— Тогда я уйду, — решительно заявил он и, схватив одежонку, выскочил на улицу.

В комнате раздались рыдания. Плач звучал громко и продолжительно. Он стоял возле дома и ждал, пока гостя выйдет во двор. Через некоторое время она выбежала и, подбежав к нему, вцепилась в щеку.

— Никудышный ты был, Никудышным и остался.

Саня потер щеку и неожиданно для себя, рассердившись, произнес:

— Я не бык, которому корову привели на случку.

— Ты подлец, заморыш, импотент, — наградила Феня отказавшегося от нее парня и побежала бегом. Видно самой стало стыдно.

Но оказалось, что это не так. Женщина жила она по принципу: «Стыд — не дым, глаза не выест».

Назавтра вдовушки встретили его на работе улыбочками и ухмылками. А самая бесшабашная бабенка Людка спросила его громко, чтобы слышали все:

— Ну как, сердечный, не изнасиловала тебя наша барышня? Может там у тебя в штанах ничего не имеется? И ты зря брюки носишь?

В это время Саня доставал из стога солому. Он увидел, как Людка направляется к нему вместе с Феней и обе улыбаются похабной улыбкой.

— А мы сейчас с тебя штаны-то сдернем и поглядим, что там за штуковина неработающая, да и починим тебе ее.

Намерения Людки были откровенно понятны. Она остановилась прямо перед ним и вместе с Феней, протянули к нему четыре руки.

Саня, развернул вилами острием назад, чтобы не поранить охальниц и черенком ткнул в пузо нахальной бабенке так, что она опрокинулась на землю, увлекая за собой товарку. Хохот прекратился. Но злобный Людкин взгляд был хуже смеха.

Саня понял, что нажил лютого врага и сегодняшняя сцена этим не закончится.

С этого дня две подружки его больше не замечали и не приставали с разговорами сексуального порядка. Прошло более двух недель и все, забыли о «шутке» вдовушек.

Вскоре позвонили в совхоз из больницы и попросили приехать за Степанидой. Ее выписали. Директор дал ему свой газик и он привез Степаниду домой.

Только теперь Саня понял, что значит быть, беспомощным человеком. Ему пришлось на руках вносить в машину и выносить из нее сухонькую, казавшуюся лишившуюся веса

Степаниду. Она держалась за его шею, пока он нес ее в дом. Осторожно положил на кровать, подготовленную заранее, раздел ее, укрыл одеялом.

— Как теперь мы с тобой жить будем, сынок? — проговорила казавшаяся старухой женщина, хотя ей было всего пятьдесят лет.

Всхлипывая, вытирала слезы и неожиданно спросила:

— Может ты не захочешь теперь у меня жить, я не буду в обиде, кому нужно за инвалидом ухаживать. Ни ноги, ни руки не слушаются.

Он присел перед ней на корточки и сказал неожиданно для себя ласково:

— У меня никого нет кроме вас, как же я вас оставлю? Будем жить как и жили. Я буду работать, хозяйство вести и за вами ухаживать.

— Обидно, — заплакала она навзрыд, — свои дети есть, а ухаживаешь ты за мной. Надо бы отписать сыну и дочери, что я больна. Может приедут, да к себе заберут, чего тебе с колодой возиться, ни на что непригодной. Я ведь даже картошку почистить не могу, в нужник сходить. Ты, Саня сходи к фельдшеру, она у нас молоденькая, но хорошая, может посоветует как быть с такими делами, как по нужде справиться.

— Зачем нам с вами фельдшер, — ответил Саня. — Вы с кровати сползти без меня сможете, пока я на работе, а я потом все вынесу.

— Не хватало парню молодому за мной горшки таскать, — убивалась Степанида.

— Если вопрос только в этом заключается, то считайте, что мы его с вами решили.

Первые дни как — то было стеснительно вынужденное ухаживание за тяжело больной, а потом все стало на свои места и вошло в привычку. Самый главный вопрос был разрешен.

Готовил Саня щи или борщ, что получится, на три дня. Когда-то сын привез родителям в подарок холодильник «Бирюса» и он работал безотказно. Утром Саня быстро варил кашу или молочный супчик, чай заваривал, благо была газовая плита под привозные баллоны. Правда цену задирали доставщики, но зато удобно было наскоро приготовить любое блюдо. Была еще духовка электрическая, но Саня не пользовался ею, так как не освоил выпечку и запеканки.

Рано утром зимой перед работой он подставлял на стул у кровати еду, а потом в обед прибежал, убирал грязную посуду, разогревал заготовленные заранее первые блюда. Вторых у них не было. Они довольствовались молоком с хлебом, вареным яйцом, чем попроще. А на ужин картошку жарили или варили, ели с капусткой, огурцами, грибами солеными, заготовленными еще Степанидой. Мяса свежего пока не было, только засоленное и сало. Но были по воскресеньям курица или петух. Саня едва научился отрубать им головы.

Его убивало то, что сначала он их ласково прикармливал, разговаривал с ними, а потом по предательски, «тяп» и голова с плеч. Но человек привыкает ко всему, даже к тому, к чему бы он не хотел привыкать.

Наступил март с его ярким солнцем и весенними паводками, а на пригорках появились подснежники. Стало веселее жить на свете. Весна вселяла надежду в то хорошее, которое всю жизнь ждали люди, но оно почему-то не находило дорогу к ним.

Однажды Саня пришел домой с работы и увидел у стола женщину лет за двадцать с гаком, завитую, модно одетую, с сигаретой в руках. Рядом с ней на стуле сидел мальчик лет трех.

— Дядя, ты кто? — спросил мальш, подбегая к нему.

— Я Саня, а ты?

— Колюнька. А это мама Света.

Светлана подставила стул и кокетливо спросила:

— Может в этом доме угостят чем-то покрепче чая?

— Бесстыдница, — проворчала мать. — Это ты должна угостить моего кормильца. Не он бы так и померла, и вы бы не узнали об этом.

— Ну ты, мать наговоришь тоже. Живи себе.

— Да как жить, коли ноги не носят, руки не работают? Кому я нужна? Ты глаз не кажешь. Надолго приехала?

— Не знаю, как телеграмму от Семена получу.

— Какого Семена? — удивилась мать. — Твоего мужа зовут Федором.

— Федор был, да сплыл. Теперь Семен. Геолог, я с ним в партию собираюсь пойти. В лес на полгода.

— А сын?

— Тебе оставить хотела.

— Да куда ж мне, если за мной самой уход требуется.

— Он уже большой, сам за собой ухаживает.

— Ухаживаю, — подтвердил Колюнька.

— Горе ты мое, — заплакала мать.

— Всего полгода. Одного мужика отпускать нельзя. Забалуется.

— Денис тоже ни слова, ни полслова не пишет, как в воду канул.

— Значит хорошо живет.

— Кто знает, хорошо ли плохо, — запричитала мать.

Сане самому пришлось собирать ужин на стол. Светка занялась косметикой, собиралась навестить замужнюю подружку.

Ужинали они втроем. Степанида на кровати, Колюня с Саней. Мальчик ему рассказал, как мамка с папкой все время лаются, а ему под задницу перепадает от их споров.

Ночевать Светка не пришла, а лишь после ухода Сани на работу заявила полупьяная, серая от бессонной ночи.

— Бесстыжие твои бельмы, где ты шаталась?

— Отстань мать. Мне некогда. Сейчас ваш Прохватилов едет в район и я с ним.

— А сын?

— Побудет пока здесь, я заберу его, не беспокойся.

Наскоро умылась, причепурилась перед зеркалом, поцеловала сонного сына, плачущую мать и выпорхнула за дверь.

Теперь у Сани добавилась еще одна забота — Колюнька. Надо было накормить его, постирать за ним, заниматься ответами на все «почему». Малыш ходил за ним следом как привязанный.

— Никак ты, Никудышный себе ребенка без жены завел? — смеялись женщины на работе.

— Завел.

— Не хвались. Чужого растишь, а своего не хочешь заводить?

— Нет, желания такого пока не испытываю.

В селе был маленький детсад — ясли. Там всего-навсего находилось четырнадцать человек детей и два сотрудника смотрели за детьми. Заведующая, она же воспитательница Софья Ивановна и повар-няня Вера. Продукты детям поставлял совхоз бесплатно и платил зарплату сотрудникам. Родители доплачивали всего по несколько рублей.

— Отдадим Колюньку в детсад, — сказала вечером Степанида.

— Зачем? — удивился Саня.

Для него что детсад, что детдом ассоциировались плохо.

— Там ему плохо будет. Ребятишки обидят, или не накормят?

— А ты попробуй, отведи его туда.

Колюньку приняли в детсад. В первый же день малыш объявил, что домой идти не хочет, а останется тут. Ему очень понравилось в детском саду. Особенно няня Вера. Она играла с ребятами в паровозики, танцевала с ними в свободное от забот время. Была не замужем, любила детей, и они ей платили тем же. На Саньку она посмотрела строго и сказала:

— Нужно принести переменную одежду. Дети играют на улице и пачкаются.

— У него нет, — ответил Саня.

— Так купите. В магазин завезли.

— Я поздно прихожу с работы домой, магазин уже закрыт.

— Хорошо, — сказала Вера, — я куплю ему одежду сама.

— А деньги я вам отдам.

— Само собой разумеется.

Так и остался еще один беспризорный человечек при живой матери на попечении Сани.

Время шло и наступило лето. Травы дурманили голову. Цветы заставляли смотреть с надеждой на беспросветную жизнь. Все благоухало, радовалось, а вместе со всеми и Саня с домочадцами. Как-то прослышал он по телевизору о травах, помогающих людям при таком заболевании как у Степаниды.

Пошел он вечером к бондарю Сидору Никитовичу, уважаемому человеку в селе, дедушке полюбившейся ему малышки с синими глазами. Он посмотрел по сторонам, хотел увидеть ее, но Сидор опередил его взгляд.

— Аленка нынче с матерью в город поехала, сфотографироваться решили.

— Хорошая у вас дочь и внучка.

— Да уж не жалуемся. Бог дал таких. Только это не дочь моя, а внучка и соответственно — правнучка. Ты по делу, Александр Григорьевич?

— Вы мое имя знаете? — удивился Саня.

— У каждого есть имя. Я за тобой давно приглядываю, ты хороший человек.

От похвалы малознакомого ему Сидора Никитовича, столь редкой, Саня немного расстроился. Вся эта семья выражало добротное положение в жизни, казалась самой счастливой у них в селе.

От этого человека зависело, в чем воду держать, в чем соления на зиму заготавливать, квасок делать, масло сбивать. В каждом доме нужный всем человек был. Рост высокий, усы темные, лицо чистое, глаза пронизательные, но такой добротой светятся, как будто Саня ему наибольший родственник дорогой и явился к нему по зову в гости, а не с просьбой.

— Сидор Никитович, я к вам по делу пришел.

— Проходи.

— Вы меня выручите?

— Сначала изложи, чего тебе надо, а потом про выручку говорить будем.

— Мне нужна низкая, широкая бочка, чтобы там сидя человек поместился.

— А для чего тебе это надо?

— Хочу в травах попарить тетю Степаниду. Она совсем не ходит, а я прослышал, что

травы могут помочь.

— Не всякие, — подумав, сказал Сидор Никитович. — Ну что ж, Александр, просьбу твою я выполню. Послезавтра приходи, получишь свою бочку.

— Как мне вас благодарить? Сколько это будет стоить.

— А ты уже оплатил, парень, своей добротой к человеку. Моя работа, твой уход за человеком.

Саня даже присел на бревно, лежащее во дворе.

— Спасибо вам.

— Ты сказал уже спасибо. Много раз повторять, в рабство себя вгонять.

Санька летел домой, не чуя под собой ног.

Колюнька, завидев его, бежал навстречу.

У Саньки оказались редкие способности нежной няньки. Он подхватил это маленькое существо, посадил к себе на плечи и шел с ним так, улыбаясь своим неожиданным маленьким радостям. Он даже говорить начал с малышом, баюкал его, а спать Колюнька ложился теперь только с ним.

Санька глядел на это маленькое беспомощное чудо, вся нежность, которой он не знал в жизни, вдруг всколыхнулась в нем. В лесу он вырезал для него свистульки, собирал ягоды, орехи, а когда подходил к дому, малыш как сейчас, раскинув ручонки, летел к нему. Они подошли к дому.

Степанида, глядя на этих нежно любящих друг друга, совершенно чужих по кровному родству людей, молча утирала слезы.

Саня взял литовку и пошел неподалеку в заросли шиповника, за которым у оврага росла нетронутая трава. Он накосил охалку, увязал ее веревками и, вскинув на спину, понес домой.

— Чего это, Никудышный, так рано траву начал заготавливать? — удивлялись встречные селяне, другие же, не спрашивая, смотрели молча на его причуды.

— Что ты с него возьмешь с Никудышнего?

— «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало».

Пока катил кадушку от бондаря тоже видел насмешливые взгляды жителей.

— Какая низкая кадушка! Что с ней можно делать? — и качали головой в знак утверждения Саниной никчемности.

Вечером он поставил кадушку у постели Степаниды, положил на дно охалку травы и залил ее кипятком. Закрыв дерюжкой, дал постоять, пока температура воды позволила посадить Степаниду в кадку, и он, заранее все объяснив, спокойно погрузил ее туда. Мягкая трава пахла крепко и приятно. Сидеть на ней было мягко. Погружена Степанида была по пояс, нельзя, чтобы сердце тоже оказалось в этой необыкновенной ванне. На руки и спину, Саня наложил запаренную траву и прикрыл, чтобы скоро не остыла клеенкой и дерюжкой. Немного подливал осторожно горячей воды и когда процедура была закончена, он откинул траву с рук и спины, накрыл полотенцем, потом тихонько принял Степаниду в сухую теплую простынку, и положив на кровать, не впуская под простынь воздуха, чтобы пар не вышел, надернул на нее миткалевую кофту, укрыл и пошел отдыхать. Колюня уснул, не дождавшись его.

Через неделю Степанида начала спать по ночам и поднимать немного руки. Она смотрела на то, как возится с нею Саня и думала:

— Жаль, что ее дочь совсем не похожа на этого парня. Доброго, надежного, безобидного, работающего.

Все лето изо дня в день он проделывал эту водяную процедуру и однажды, вернувшись домой вечером, он увидел как Степанида, тихонько переставляя свои еще не совсем слушающиеся ее ноги, накрывала на стол нехитрый ужин.

От радости за нее он готов был душу отдать, чтобы только она не болела, а благодарная женщина нежно гладила по голове, сидящего за столом своего спасителя и молчаливая обоюдная нежность матери и сына, стала самым лучшим мгновением в его жизни.

Прошло два года. Ни от сына, ни от дочери не было ни слуху, ни духу.

Пришел однажды Саня с работы поздно вечером, видит, Степанида слезами заливается, а перед листок лежит на столе и конверт распечатанный.

— Горе-то какое, сынок, — запричитала женщина.

Саня взял листок бумаги и прочитал.

Писала его Галина, жена Дениса, которая не хотела знать деревенскую свекруху. Сообщала она о том, что в госпитале в Ростове находится ее тяжело раненый сын Денис, и, что сам он не способен двигаться. Инвалид первой группы, нуждающийся в посторонней помощи. И еще добавила, чтобы о ребенке Олежке, которому уже два года исполнилось, не беспокоились, так как она выходит замуж и новый муж усыновит его. Прощалась с ними и написала адрес госпиталя.

Прочитав это ужасное письмо, Саня опустил на стул и погладил по щеке несчастную мать. Та и вовсе залилась слезами. Колюнька тоже жалел ее, он залез к бабушке на колени и обхватил ручонками ее шею.

— Не плачьте, тетя Степанида. Мы с вами что-нибудь придумаем.

— Да что ты можешь придумать, сынок, я еле ноги передвигаю, Колюнька малой на твоей шее, куда ж еще мы инвалида денем?

— Не бросать же его в госпитале или доме для инвалидов? С нами ему все лучше будет.

— Горе ты мое, душой богатое, добротой неисчерпаемое. И за что только тебя Никудышным зовут люди злые?

— Обо мне потом говорить будем, я пойду к директору, отпрошусь на несколько дней. Поеду в госпиталь, проведу Дениса. Отвезу ему гостинцев. А там, может он и поправится.

Денег скудно было, пришлось обратиться к Сидору Никитовичу, тот без разговора дал. И напутствовал:

— Передавай привет земляку, скажи, чтоб поправлялся. А за коров не беспокойся, каждый хозяин по очереди пасти их будет. Так что отправляйся с Богом!

Аленка тут как тут золотоволосая.

— Дядя Саня, а ты мне гостинец из Ростова привезешь?

— А как же, принцесса, как полагается. Там, наверное, все, что душа пожелает есть. Попрошу для Аленушки, хорошей девочки.

— Хорошей, — соглашалась она.

И поехал Саня гостинцев в госпиталь отвезти. Напекли-настряпали печений всяких, варенья положили, сала, колбасы домашней. Много чего пришлось тащить ему в рюкзаке и сумке неподъемной.

— Их там много, поди в госпитале-то, на всех надо гостинцы, мало у кого и родных может нет, — провожая его, говорили сельчане.

Отец Ростов с его улицами, прямыми линиями, понравился Сане. Люди охотно объяснили ему, где расположен госпиталь. И через час он был в приемном покое большого медицинского здания. Там его расспросили и повели к заведующему отделением, где находился летчик Денис Петрович Шорников. Заведующий, видно повидавший на своем веку не мало всякого горя чужого, спросил:

— Вы его проведать приехали, или заберете домой?

— А можно? — спросил Саня.

— Нужно, — ответил усталый человек. — Его все равно в дом инвалидов отправят, с такими же бедолагами. А там что, лежи, жди, пока кто подойдет.

— Нет, я не оставлю его, возьму с собой.

— Вы представляете себе, о ком говорите?

— О Денисе, раненом.

— Раненом, действительно не только в тело, но и душу. Сначала пойдете, посмотрите, а там уж вам решать.

Они пришли в палату с четырьмя койками, где лежали забинтованные, загипсованные, так что лиц не было видно. Подошли к кровати, на которой висела табличка:

Шорников Денис Петрович.

Саня смотрел на кровать и не мог понять, где этот Денис умещается. Коротенькое что-то лежало под одеялом. Лицо с одним глазом, на другом повязка и вся щека в обожженных рубцах. Нет нормальной кожи. Плечо из-под одеяла выставлено, а руки нет.

Доктор откинул одеяло, и Саня увидел обрубок без ног, одной совсем под самый пах не было, а другая повыше колена как будто обрублена. Рука правая вся в шрамах без трех пальцев. Сохранились большой, без одной фаланги и указательный, скрюченный, но присутствующий на руке. Саня смотрел на него все глаза и не знал, что ответить или сказать доктору.

— Хорош? — спросил его хриплый тихий голос с кровати.

— Я от мамы вашей, Степаниды, приехал за вами, — неожиданно для себя вымолвил Саня.

Из глаза обрубленного человека покатила слеза, а потом целый каскад произвольных слез. Его рука натянула на лицо полотенце. Саня осмотрел потихоньку палату и увидел человека без лица. Вместо него было сплошная рваная уже зажившая рана. И носа не было на этом ужасном лице.

— Тоже короткий, — подумал Саня.

— Я с тобой никуда не поеду, — твердо оповестил хриплый голос Саню. — Кому я такой нужен?

— Матери. Мне.

— Ты кто такой? — переспросил от удивления тот, кого звали Денисом, искалеченный физически, но все еще сопротивляющийся обстоятельствам.

— Я живу у вас с тех пор, как из детдома в село прибыл. Мы теперь одна семья. Мама ваша плачет, убивается. Она плохо ходит еще, совсем ноги отнимались, но теперь налаживаются. Она вас так любит.

Глаз заморгал, заморгал, но от слез удержался.

— Я тут гостинцев всем привез.

Саня положил на стол все, что было у него с собой. Доктор посмотрел, понюхал:

— Вкусно пахнет. Угостим всех сегодня. Пойдемте ко мне в кабинет, обсудим наши дела.

В кабинете доктор долго уговаривал Саню, предварительно расспросив о их семейном положении, оставить Дениса здесь. Но Саня был непреклонен.

— Ну что ж, мил-человек, решать не мне, Денису Петровичу. Пойди пока погуляй, вернешься после обеда. Будет ясно, что делать?

После обеда Саня пришел, как было велено и остановился у двери.

— Твоя взяла, — сказал врач. — Повезешь домой своего Дениса Петровича. Может оно и к лучшему, для его настроения будет. Назад в любое время его можно вернуть. Многие так поступают. Сначала забирают, а потом понимают, что это надолго и привозят назад. Вот тогда наступает новая трагедия, человек заново переживает боль.

На дорогу им дали питание, довели на «скорой» до вагона, помогли внести в купе и распрощались.

Дениса положили у окна, но головой к двери, чтобы мог смотреть на пробегающие пейзажи. Саня кормил его, подавал то, что положено по нужде, и Денис благодарно смотрел на неожиданного «родственника». Саня боялся прихода поезда в район.

— Как я справлюсь с больным? — без конца тревожила его мысль.

Поезд прибыл утром на их районную станцию Пролетарская. Саня глянул в окно и увидел, стоящую рядом с поездом «скорую». Люди в белых халатах вошли в вагон и взяли на носилки Дениса.

— Откуда вы про нас узнали? — удивился и растрогался Саня.

— Птичка шепнула, — подмигнул молодой парень с носилками.

Домой их доставили комфортабельно.

— Вот тебе и доктор и местный военкомат, — подумал Саня, надо же как все быстро организовали.

Вся деревня сбежалась к дому Степаниды. Впереди стояли ребятишки, за ними старики, а уже за теми молодежь и те, что постарше, но еще не старики. Все молчали. Когда Дениса вынесли на носилках, прозвучали голоса приветствия:

— С возвращением тебя, Денис Петрович.

Он кивнул им головой и носилки скрылись в проеме двери.

Степаниде казалось, что у нее сердце из груди вынули и оставили там рану на его месте.

Уже несколько дней прошло с тех пор как ее сын, или вернее подобие человека, находился в доме. Ночью она выходила, еле выползала, держась за стены в сени, чтобы поплакать в досталь. При сыне нельзя было показывать слабость.

Дениса окружили теплом и заботой. Колюнька садился к нему на кровать и принимался рассказывать ему поселковые новости. Степанида старалась не охать от боли в ногах и руках, а скрепя сердце улыбалась, разговаривала с сыном, пыталась даже развеселить его тем, что скоро изобретут новые ноги и руки для людей клонированием и заменят, как сейчас меняют лампочку, когда она сгорит.

Глаз Дениса смотрел угрюмо, без искорки просвета на улыбку. Саня приносил ему и Колюньке свежие ягоды, рассказывал, как оно там на улице.

Саня переживал за то, что пока невозможно Денису бывать на свежем воздухе. Он на работе с раннего утра, а поздно вечером слишком усталый уже не мог сидеть с ним вечерком, так как в четыре утра снова нужно было вставать. В лесу он тоже не сидел без

работы. Обыкновенную тачку приспособил так, что она находилась со стороны его спины, привязанная на лямки. Ее он загружал хворостом и возил домой на зиму, да и летом, когда кончался газовый баллон, приходилось топить плиту под навесом на улице.

— Менять тебе надо работу, — говорила Степанида. Ну что за жизнь находиться в лесу по шестнадцать часов в день всю весну, лето, осень.

— Директор не отпускает, — жаловался Саня, — он не понимает моего положения, что мне нужно дома бывать побольше.

Как-то раз в его отсутствие Прохвятилов сам зашел к ним. Его одолели женщины с тем, что в доме одни инвалиды, да беспризорное дитя.

— По вашему я их инвалидами сделал? Кто просил сыночка лезть туда, куда не следует. Его в Афган не приглашали, сам полез.

Люди тогда не понимали, что скрывая действия в Афганистане, правительство тем самым делало инвалидов изгоями, не нужными официально портить сводки в военкоматах. И пенсию Денису назначили мизерную.

— Чтоб штаны не свалились, — сказал он хрипло.

О своих ранениях говорить не хотел. Особенно, когда спрашивали, приставали, где он их получил.

— Захотелось на самолете покататься. Ну за гору и зацепился, свалился в лес, прямо в берлогу к медведю. Тот был голодный и определил меня на обед.

— А ожоги?

— Так он же сначала меня поджаривал на костре, не хотел сырым есть.

И это было все, что слышали люди о его ранениях. Сане добавилось работы и заботы, он теперь дома был незаменим. За лето, пока пастушил, насобирал грибов, ягод, орехов. Все это они со Степанидой заложили на зиму впрок. С огородом управился. Своей картошки на зиму хватит и всякой там овощи: капусты, моркови, свеклы, засушенной зелени. Дров заготовил — на два года хватит. Он пока был пастухом, валежник в кучи рассортировывал и теперь вывез на двор. Иногда Сидор Никитич присылал к нему желающих заказать бочонок или бочку и он уже спокойно справлялся с этим делом.

Совершенно неожиданно умерла Степанида. Она уже полгода как свободно ходила и работала по дому. Сердечный приступ, пока Сани не было дома, унес ее жизнь.

Вызвать дочь на похороны не удалось. Не было адреса. И опять соседи с Саней хоронили ее, как и мужа Петра. Положили их рядышком в одну ограду. Теперь заботой Сани стал непоседа — Колюнька и лежащий инвалид Денис.

Все село внимательно следило за тем, как поступит Саня. Отправит Дениса назад или еще куда, к жене, например, но не могли выспросить у отмалчивающегося Сани и оставались в любопытном неведении. Разговор начал Денис.

— Ну что, Александр, — тихо прохрипел он. — Собирай меня назад в Ростов. Напиши в военкомат и они все организуют.

— Что все?

— Мою доставку в дом инвалидов.

— Тебе плохо с нами?

— Хорошо.

— Тогда почему ты меня обижаешь, Денис Петрович?

— Жалею трудов твоих ради чурбана чужого.

— Ты не чужой мне. Ты брат. Степанида ко мне как к сыну относилась. И я тебя

родным считаю.

Он вышел во двор и сел на скамеечку. Колюнька прибежал с улицы, заглянул домой и выскочил назад.

— Саня, тебя Денис зовет.

— Иду.

— Ты меня прости, Саня. Трудно привыкнуть к доброте человеческой. Жена меня бросила, сына, Олежку ни разу не видел, а ты такой вот.

— Какой такой. Никудышным меня все зовут.

— Золотой ты. Тебе памятник при жизни надо ставить.

— Мы с тобой еще увидим лучшие времена.

— Хорошо бы.

— А сейчас давай-ка поедим. Что-то живот требует покончить с унылым состоянием и действовать ложкой.

В глазу Дениса появилась искорка смеха.

В мастерской Саня с мужиками придумывал коляску, такую, чтобы можно было Денису в ней полулежать и бывать на улице. Прикидывали так и сяк. На Руси всегда умельцы были. Пригласили на консультацию кузнеца Парфена, старого, но незаменимого в своем деле и Сидора Никитовича. Покумекав, пошумев в разногласном споре, наконец, все пришли к единому выводу.

Как-то раз, возвращаясь с работы, Саня вез впереди себя сооружение очень похожее на инвалидную коляску. Колеса у нее были от мопеда, сиденье мягкое от машины, спинка тоже, ручной тормоз служил самим собой, впереди выдвигалась дощатая панель и по ней можно было сползти прямо на кровать. Когда это сооружение появилось в комнате, глаз Дениса сверкнул, откуда-то упавшей на него росой. Он внимательно оглядел и ощупал рукой коляску и не верил своим глазам.

— Да мы ее сейчас же и опробуем.

— Хорошо, — ответил Денис.

Саня посадил его в мягкое кресло, укрыл культю покрывалом и выкатил во двор. Поставил в тень к забору, под деревья и Денис остался наедине с природой. Саня тихонько наблюдал за ним из окна. Сегодня в их доме произошло великое событие: парень мог теперь дышать свежим воздухом.

Во двор заглянула Вера, она привела из детсада Колюньку. Увидев у забора Дениса, сказала:

— Что Денис Петрович, прогуляемся по селу?

— А что, Вера, поехали, если на меня время не жалко.

— Я бы с вами, Денис Петрович, хоть на край света поехала.

— Со мной, Вера, а не с моим подобием.

— Кто знает, кто знает, — ответила Вера Денису и выкатила коляску на улицу.

Они проехали вдоль всей деревни и старухи, не работающие и все видящие смотрели на гордо идущую Веру позади коляски, в которой восседал Денис, бывший летчик, а теперь получеловек, как его величали сельчане.

— Вези, вези, — говорили злопыхатели. — Только замуж за некого выйти. Обрубок есть обрубок и сколько его ни катай, нигде ничего не прирастет.

— Посмотрим, Денис, падет твоя крепость. Я тебя еще в школе любила единственного, а ты умчался жениться в город — думала Вера, и, иногда останавливаясь, разговаривала с

ним о былых временах, а он вторил ее шуткам хриплым голосом со счастливыми нотками.

ПОДКИДЫШ

Аннушка, фельдшерица с дочкой Аленкой шли по улице районного центра. Они сегодня провели весь день вместе и дочь радовалась новизне незнакомого городка.

Потом они сели в автобус и очутились на улице Заречной.

Прямо возле остановки стоял дом под железной крышей. Большой, важный, с новыми окнами и забором. Залаяла собака. Аннушка посмотрела на калитку и вдруг услышала лязг кольца в двери. Она схватила дочь за руку и тут же побежала к подошедшему автобусу, идущему обратно в город. Малышка ничего не заметила, а сама Анна вдруг вспомнила все, что произошло несколько лет назад в этом доме. А событие было неординарное.

Семья Железновых состояла из пяти человек. Лида и Анна — дети от первого мужа, погибшего в паровозном депо, где он работал сцепщиком и Мишутка, сын от отчима, жестокого, малообразованного человека, чем-то покоровившего их мать так, что она не замечала его дерзкого обращения с дочерьми.

Рано утром Аннушка вышла на крыльцо, так как собиралась на практику в больницу, ей нужно было успеть к семи часам. Нетерпение молодой студентки медицинского техникума гнало ее чуть свет из дому. Закрыв за собой дверь, она вдруг услышала жалобный писк и увидела сверток.

Анна подняла кого-то, завернутого в байковое одеяльце, и принесла в дом.

Из кухни вышел отчим и недовольно спросил:

— Чаго ты ты там приперла? Рябенка штоли? Убяри куда хочешь, мне дома байстрюки не нужны.

Мать жалостливо попросила:

— Покормить надо дите, да перепеленать.

Отец жестко ответил:

— Мне еще чужих щенков в доме не хватало! И, побагровев, заорал на Аннушку:

— Пошла вон, дурища! Тащи его в милицию.

Мать тихо сказала:

— Слушай, что говорит отец, — отнеси.

Всегда робкая, послушная Аннушка вдруг запротестовала:

— Зверь ты, не человек! Никому не отдам, сама растить буду.

Отчим подошел к ней, сгреб своей лапицей за шиворот, подтащил к двери, ногой распахнул ее и сказал:

— Пошла вон! Поумнеешь — вернешься.

Мать запричитала, но Аннушка, очутившись за дверью, уже ее не слышала. Она бежала по улице, а ребенок пищал надрывно, жалобно. Потом все громче и громче и, наконец, залился хриловато, слабо.

Вдруг она увидела полуторку, грузовую машину с шофером, из села, где проживал ее дедушка по отцу. Молодой парень, малознакомый, спросил:

— Тебе куда?

— В твое село, ты же знаешь наверняка моего дедушку. Сидора Никитовича?

— Еще бы — единственный бондарь на весь район, постоянно к нему обращаемся. Только я больше там не живу. Переехал на хутор Светлый за пять километров.

Увидев расстроенное лицо девчонки, он открыл дверку машины и, взяв ребенка из рук

подождал, пока она сядет в кабину. Потом положил ей на колени сверток.

— Совсем слабо питит, маленький? — заметил он.

Она прижала малыша к себе, но он не унимался. Тогда она, тихонько развернула ему ножки, и, увидев мокрые пеленки, стащила с шеи платок, подложила ему и завернула снова. Ребенок затих и проспал пока они добрались до села. Ехала она к деду Сидору, родителю ее умершего отца.

— Что я ему скажу? — думала Аннушка. — Вдруг он тоже не захочет принять меня с ребенком?

Свои сомнения она молча держала при себе и только прижимала маленькое существо, которое ни за что на свете никому не отдаст.

Удивленный дед виду не показал, только спросил:

— А это кто?

— Дедушка, — заплакала девчонка, — я нашла сегодня утром малышку у нас на крыльце, попросила оставить ее у нас, а меня отчим из дома выгнал. Я не могу никому ее отдать.

— Девочка? — просто задал вопрос дед. — А ну, разворачивай, сопрела, небось в одеяле, да в мокрых пеленках, красавица.

Дома было тепло. Малышку развернули и она снова принялась пищать слабым голосом, видимо давно не ела.

— Да она совсем кроха. Ей явно не больше двух-трех дней, — удивился дед. — Нужно срочно ее кормить.

— Чем? — расстроилась новоиспеченная мать.

— Твоего отца мы козьим молоком выпоили. Своего не было. Сейчас достанем, не расстройся. А ты пока срочно воду в таз наливаешь, ее помыть надо.

Подходящий таз длинный, овальный как раз подходил для ванночки. На плите у деда стоял двухведерный бак с теплой водой. Все делалось впрок, пока плита топится. Сам он побежал через дорогу к Катерине, которая держала коз вместо коровы.

— Здравствуй соседка, — проговорил он, ступая на порог — Мне бы молочка от твоей какой-нибудь одной козы. Сейчас и дальше. Парное.

— Ты никак младенцем стал? — удивилась Катерина. — От одной козы только для самых маленьких берут.

— Так оно и есть. Внучка с дочкой в гости приехала.

— Это которая? И когда она успела замуж выйти?

— Катерина, — строго остановил ее сосед. — Про замужество мы поговорим потом, а сейчас срочно молоко.

— Поняла, вот оно, твое молоко, утреннее. Час назад подоила. А в обед специально для вас еще надою и вечером.

— Спасибо тебе, — поклонился Сидор. — После договоримся о цене.

Молоко быстро вскипятили на газу, балонном, но имеющемся на разные случайности. У малышки в пеленках оказалась и бутылочка, правда пустая, и соска. Видно в роддоме позаботились.

Через несколько минут девочка сосала молоко, захлебываясь от жадности, приходилось останавливать малышку, чтобы ненароком не захлебнулась. Она совсем мало выпила из бутылочки и выпустила соску из рук. Тут же испачкала пеленки и, пока ее купали, блаженно заснула.

— Поговорим, внуча.

— Поговорим, бабушка.

— Ты серьезно решила оставить девочку у себя?

— Серьезно.

— Но тебе еще семнадцать лет, а ты себя закабалишь навеки.

— Все равно не отдам ее никому.

— А как замуж выскочишь, попадет такой, как твой отчим, и не влюбит ребенка?

— Я никогда не выйду замуж, — упрямо ответила внучка.

— А учеба?

— Осталось только практика и экзамены. — Но ведь ты мне поможешь? Посмотришь за ней, пока я сдаю экзамены?

— Ох, помочь то я тебе хочу, а вот смогу ли?

— Попросим кого-нибудь из женщин.

— Да уж лучше я сам. А что мы скажем, если спросят, чей это ребенок?

— Так и скажем, мой. Обманул парень какой-то и не женился.

— Срам на всю жизнь.

— А мне все равно. Лишь бы малышка со мной была.

— И как же мы ее назовем этот цветочек аленький?

— А ты уже назвал ее — Аленка.

— А отчество?

— Отчество я ей даю моего папы.

— Правильно, — оценил дед. — Ну теперь держись, молодая мама. Всего от людей наслушаешься.

— Я согласна. Пусть говорят.

— Ей же документы надо выправить. Так не регистрируют и свидетельства о рождении не выдадут.

— А что надо, бабушка?

— Справку из роддома, что такая-то родила девочку тогда-то. И эту справку в ЗАГС для того, чтобы выдали нашей Аленке свидетельство о рождении.

— Но кто же мне даст эту справку?

— Никто. С ними строго. Но главврач больницы, сын моего фронтового друга. На моих руках помер раненый. Он это хорошо помнит. Я надеюсь, что поможет он нам с Аленкиной справкой. А то как же человек без документов жить будет.

— Бабушка. Но мы с тобой никогда и никому не скажем, что Аленка не моя дочь.

— Конечно, голубка. Решили — запечатали. А теперь иди-ка ты отдохни. А я съезжу завтра же в район за документом, а за одним и про твою практику поговорю, может они тебе разрешат какое-то время здесь в нашем медпункте ее проходить?

— Вряд ли. Там нужно во всех отделениях поработать.

— Ладно. Утро вечера мудренее. Ложись-ка ты отдохни. Скоро опять дитя кормить.

Аннушка долго смотрела на спящую девочку и нежное чувство, покоровившее ее сердце крепчало оттого, что эту кроху она вырвала из лап неминуемой гибели. Еще час-другой и она могла погибнуть. А еще в ее воображении представилась та, которая подбросила только что родившегося ребенка на крыльцо чужим людям. Анна нежно поцеловала сердитое во сне личико, но малышка не проснулась. Тогда вновь испеченная мама прилегла рядом с ней, уснула, но ее сразу же разбудил писк проголодавшейся дочки.

Все это вспомнилось молодой маме, побывавшей возле родного дома, но не осмелившейся зайти. Ей хотелось увидеть сестру, маму, брата, который теперь уже совсем большим стал. Но встреча с отчимом пугала ее и была нежелательной. Мать потихоньку приезжала изредка к ним, не чаще двух раз в год, больше не могла вырваться из дому. Сестра вышла замуж за военного и уехала куда-то в гарнизон на границу.

Анна привязалась к малышке так, что родные матери такой любви к детям, порой не испытывают.

Сначала было очень трудно. Дед Сидор ее идею воспитать чужого ребенка вместо своего и дать обет безбрачия, счел не такой уж безумной. Они выгнали на свет из сундука все платья, платки, юбки и кофты покойной бабушки и Аленка все эти годы была обеспечена красивой одеждой, перешитой мамой из пригодившегося старья. И шить она научилась из-за дочери.

Дед через неделю уже выправил документы на девочку. Была одна женщина, что рожала в больнице без документов, девочка погибла при родах. Та женщина ушла, так и не назвав своего имени. Поэтому друг деда и выдал справку новорожденной на имя Железновой Анны Федоровны. И дочь теперь была тоже Железновой Аленой. Только с прочерком в графе, где значится отец.

Все село судачило о ней в первое время. Потом, по окончании техникума, Анну направили работать в их сельский медпункт фельдшером и скоро, скромная, знающая как помочь больным, молодая женщина уже не вызывала чесотку в языках кумушек. Она безотказно в любую погоду, днем и ночью шла на вызовы.

Никудышный появился в селе и сразу же завоевал симпатии этого дружного семейства. Анна сочувствовала этому нескладному юноше и иногда разговаривала с ним на разные темы, но так как времени было совсем мало, то и разговоры их были так, проходными, сию минутными. Она жалела этого парня. Чисто бабьей жалостью к неустроенному человеку.

А тут еще Аленка подружилась с ним. Он так очаровал юную принцессу, что когда наступал вечер, малышка заранее садилась на крыльце и ждала, когда стадо пойдет мимо их дома, а он принесет ей гостинец от ежика или зайца, того, кто попадется ему раньше.

Вместе с нею в медпункте работала Варя. Девушке было уже двадцать два года, но на замужество не было никакой надежды. Дело в том, что при миловидной физиономии Варя была хромоножкой. В детстве неудачно ей вывернули ножку и плохо заживили. Она стеснялась своего недостатка и не пыталась никогда бывать там, где собиралась молодежь.

Как-то Саня поранил в лесу руку и зашел, чтобы наложить шов — рана была большая. Варя помогала Аннушке и взгляды Сани и Вари встречались ненароком, или казалось что ненароком, несколько раз. Варя тоже была из детского дома, ее забрала оттуда уже шестнадцатилетнюю, бабушка. Но вскоре бабуля умерла и девушка осталась одна.

Аннушка видела, что парень, которого незаслуженно зовут Никудышным запал ее коллеге в душу. Стеснительная Варя на разговор не шла и Аннушка, тоже имеющая тайну, понимала, что расспрашивать ее неуместно. Только один раз она сказала, покрасневшей Варя, когда мимо проходил Саня.

— Счастье самой надо иногда брать штурмом. Если ты уверена, что ему нравишься, не стесняйся, попадись на глаза, заговори, придумай какую-нибудь работу по дому.

Варя как-то остановила Александра у своего дома и попросила зайти. Она не могла собраться с мыслями, чтобы придумать такое, что показало бы правдивым оправданием его здесь.

— Вы, Александр Григорьевич, все места ягодные знаете. Пастбища в разных местах. А мы с Аннушкой собрались сходить в выходной за ягодами и не знаем куда. Вы нам поможете отыскать лучшие места?

Он смотрел на ее милое лицо, полыхающее от румянца. Нельзя сказать, что он был влюблен в нее — нет, его сердце не было задето чувством под названием любовь, просто эта девушка притягивала его какой-то смутной неясной тоской о любви, предмета которой он пока не замечал. Собеседница она была отличная.

Они пошли в этот день за ягодами и обедали вместе с ним на пастбище, играли в догонялки, как маленькие, рассказывали смешные истории из жизни детского дома и Александр был в этот день счастлив как никогда. Ему было весело с этими говоруньями без всяких выкидонов и чванства. Он вечером тогда все рассказал Степаниде, она уже тогда начала ходить после его ванн. И та их ночная беседа вела к тому, что Степанида назвала Варю его суженой и убеждала держаться за эту девушку.

— То, что она хроменькая, ничего страшного. Зато человек замечательный и ты ей явно по душе.

Будь жива Степанида может быть теперь все сложилось по-другому у Сани. Уж она посоветовала бы как ему быть.

А сейчас обстоятельства сложились так, что Саня вынужден был жить по навязанным ему жизнью обстоятельствам.

В доме Железновых готовились спать. Аленка давно видела десятые сны, а Анна и Варя, которая пришла к ней недавно, запоздно разговаривали на кухне.

— Что я ему скажу, ты мне нравишься?

— Да так и скажешь, — убеждала ее Анна.

А просто человека пригласить к себе нельзя? — подал голос дед. — Он этот парень, можно сказать, герой. Орден заслуживает. Ишь какую обузу себе на шею повесил и ни за что не хочет расставаться с совсем чужими ему людьми..

— Правда, дедушка, — обрадовалась Варя, но я не уверена, что смогу как он относиться к чужим людям как к своим.

— Вольному воля. На такое не каждый человек способен. Он особенный и счастлив будет тот, кто находится рядом с ним, бескорыстным?

— А что люди скажут?

— Тебя только это интересует, — рассердился дед. — Да пусть они говорят, что хотят. Если он люб тебе, присмотрись, свято место пусто не бывает, найдется такая же как он, бессребреница. Господь его не оставит.

Варя ушла. Она не сомкнула глаз в эту ночь, так ей было жаль этого парня.

А он тоже лежал и думал о том, что ему нравится Варя, милая, скромная девушка, о которой нужно забыть. Она хороший человек и ей наверняка найдется такой же, без оравы беспомощных людей, которых он не променяет ни на какую, даже самую раскрасивую женщину.

— Саня, а ты что же так и будешь куковать с нами неженатый? — спросил его Денис.

— А к чему мне нужна жена, мне и с вами хорошо живется.

— Странный ты, человек, Александр.

— Никудышный, так меня все называют.

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

Часов около четырех по селу раздался истошный вопль. Нечеловеческий голос, полный боли взывал о помощи. В селе зажглись в окнах огни, захлопали двери. Саня тоже вскочил, прислушался.

— Что это? — спросил его Денис.

Саня босиком, в трусах и майке, продолжал прислушиваться к наступившей тишине сонного поселка.

— Не знаю. Мне показалось, что кричит человек.

— Мне тоже. Но кто и где?

Кругом было тихо. Вскоре во всех окнах снова погас свет и сонная тишина более не нарушалась воплями.

Утром Саня погнал коров на пастбище. Подошли к дому Федосьи Аникиной, ворота закрыты, корова не выгнана из хлева, а слышно было как она мычит, зная свое время.

— Федосья Андреевна! — крикнул Саня в окно.

Никто не отозвался. Он постучал черенком кнута довольно громко, ответа не последовало. Толкнул дверь и она открылась. Он тихонько прошел в дом, тишина. Заглянул в кухню — никого. Прошел в горницу и остолбенел. На полу лежала в крови старая Федосья, в ночной сорочке, с синим избитым лицом, руками, ногами. Остолбневший Саня не зная что делать, выскочил во двор и крикнул:

— На помощь!

Те соседи, которые уже выгоняли своих буренок в стадо, прискочили ко двору Федосьи и вместе с ним, который не смог ничего объяснить от волнения, вошли в дом.

— Батюшки, — послышался громкий бабий вой и на этот крик начали сбегаться один за одним вся деревня.

— Да что же это такое деется!

— Не слыханное в нашем селе до сих пор.

Стояли, судачили, спорили. Кто-то сбегал за Анной. Директор позвонил в район, в милицию.

Участковый жил на хуторе в пяти километрах отсюда. За ним поехал верховой, Васька Пермяков, шестнадцатилетний подросток. Сане ничего не оставалось, как гнать коровушек в поле. Бесхозную буренку тоже выпустили из хлева и не доенную угнали со стадом.

Все село терялось в догадках:

— За что могли убить самую безобидную старуху? Слова лишнего не скажет, плохо ни о ком не посудачит.

— И на тебе, лежит, раскинув ноги на полу, полуголая.

Целый день работали в деревне следователи из уголовного розыска. Многие слышали ночной крик, непродолжительный, да кто ж знал, где кричат. Допросили кого надо, а что там наспрашивали, никто не знал, хотя всем было интересно. У Федосьи детей не было, наследников тоже и сельский совет опечатал домишко. Скотинку по дешевке продали желающим. А убийц так пока и не нашли.

Буквально через неделю случилось странное событие. У соседа Сани, Евсеича, ночью с веревок наматрасник украли.

В доме побелку затеяли и оставили на улице во дворе подушки, одеяло, одежонку кой-

какую. Утром как корова языком слизала, ничего не оказалось. Может в на матрасник краденое уложили?

Вызывать милицию не стали, а заявление о краже участковому отдали. Участковый парень молодой, еще толком народ не знает, начал всех расспрашивать, заходить в каждый дом, знакомиться.

И снова никто ничего не видел и не слышал.

Вскоре еще краше чудеса объявились. У Арсентьевны из подвала все банки с соленьями и вареньями выгребли. Некоторым уже по три года было, стояли себе хлеба-соли не просили, а тут на тебе. Семья за стол села завтракать, хозяйка в подвал спустилась, а там шаром покати, словно Мамай прошел. Пусто.

Никого в деревне новых не было. Все на виду, каждый другого знает на что он способен.

И собаки деревенские как будто онемели, когда убийство да кражи происходили.

Бабы на перекрестках гурьбой судачат, про детей забыли.

Саня теперь одних своих домочадцев дома оставлять стал бояться.

Стадо теперь гонял на пастбище паренек Сергей, по прозвищу Заика. Он с детства заикается и пока дослушаешь, что сказать хочет, терпения не хватит. Зато ноги резвые, за буренками смотрит, старается парень, матери копейку в помощь заработать желает. Саня его обучал делу и потому пока ходил с ним в поле. Вот уже самостоятельно парень должен был пойти, а тут на тебе.

С перепугу парень в поле отказался идти, просит дать ему человека в помощь. А ну как там убивцы находятся.

Составили список хозяев, чьи коровки как дети в детсад, в стадо ходят и по списку пришлось идти бывшему пастуху Евсеичу. Тот с собой старую берданку прихватил. А Серега все время кнутом обороняться учится.

Вечером дома Саня сказал своим, чтобы пока его дома нет, двери на крючок закрывали и по улице Колюнька не шастал.

— У страха, глаза велики, — произнес Денис.

— Береженого — Бог бережет, — ответил Саня.

— Хорошо, если тебе будет так спокойнее.

Саня все как всегда к обеду приготовленное, на стуле возле Дениса поставил. Вчера он сварил целую кастрюлю борща и горшок каши. Поставил в подвал, чтобы на несколько дней хватило. А к обеду напек им лепешек с медом, да со сметаной. Молока кринку поставил..

Денис задремал, а непоседа Колюнька сбежал потихоньку. И дверь прикрыл на замок, так без ключа, обманку сделал. Соседи их сегодня в лесу были, дома ихние, стоящие в маленьком переулке, были пустыми.

Вернулся Саня к вечеру домой, смотрит, подвал открыт, на порожке сидит Колюнька, на коленях горшок пустой из под каши держит, и подскребает со дна остатки. У Сани глаза на лоб полезли. Кашу варил на три дня на всех троих.

— Колюнь, ты что же кашу продал кому?

— Сам съел, видишь доедаю, мало, не наелся.

Саня у него лоб пощупал, может температура повысилась, не помнит что делает. В угол на пол глянул, а там и чугунок с борщом пустой. Только половник торчит в нем. Да у Колюньки на рожице остатки томата краснеют.

— Ты что же и борщ съел?

— Да, — серьезно ответил «чемпион» по обжорству.

Саня прикинул: пять литров борща, три каши. Итого восемь, не многовато ли для ребенка?

Пошел в дом, Денис уже проснулся.

— Поесть бы не мешало, — сказал он Сане.

— Саня глядь, а на стуле у Дениса тоже пусто, а он есть просит.

— Чудно, — подумал он.

— Денис, как ты думаешь, может человек Колюнькиного возраста за один раз чугуна борща съесть, горшок каши и все, что я тебе оставлял на стуле.

Денисов глаз прищурился, соображая.

— Нет, конечно. А если так, то его нужно срочно к фельдшеру. От обжорства умереть можно.

Саня наскоро собрал поесть Денису, поставил около него и потащил парнишку в медпункт. Аннушка и Варя удивились его приходу.

— Здравствуйте, — тут у нас авария обжорная приключилась, надо наверное желудок промыть парню. Он восемь литров зараз съел борща и каши.

— Девчонки засуетились. Колюнька орал пока ему пить давали, да рвоту вызывали.

— Но у него желудок пустой, — сказала растерянно Анна.

Подвергшийся экзекуции Колюня под угрозой вторичного промывания признался, что горшок и чугуна были пустые, а он только стенки заскребал. Есть хотел. Саня опустил на стул.

— Кто же тогда все это съел? — встревожились девушки.

— Понятия не имею.

— Странные дела у нас твориться начали, — испуганно сказала Варя. — Я дома одна, боюсь ночевать.

— Это дело поправимое, можешь замуж выйти.

— За кого?

— А что тебе парней не хватает?

— Каких? Заике шестнадцать лет. Семке — семнадцать. Сашке восемнадцать, в Армию ушел. Больше не имеется подходящих кандидатур, кроме одной.

— Какой?

— Твоей, Александр Григорьевич, — ответила Анна.

— Да я же, как мать многодетная, обставлен заботами.

— Вместе и будете ухаживать за ними.

— Не смейтесь надо мной, Анна Федоровна. Разве вы забыли, что я Никудышный.

Забрав Колюньку он пошел домой. А мысль царапалась в мозгу, останавливала его на словах девчонок.

— Да что за чушь тебе в голову лезет, Никудышный? — подумал о себе.

Саня решительно отогнал назойливую мыслишку в сторону.

— Все это не для тебя. Тут семью кормить надо, а не о женитьбе думать. Какому ляху я со своей оравой нужен?

Дома его встретил вопросом Денис:

— Все в порядке с Колюней?

— Да. Ложная тревога.

— Я бы так не сказал. Просто у нас побывали незваные гости.

— Так я же видел, как наш пострел самолично доскребывал горшок с кашей.

— Правильно, доскребывал, а съел ее кто-то.

— Неужели кто чужой в лесу объявился и ходит по селу в поисках еды.

— Все возможно.

На работе после обеда не досчитались Людки, веселой вдовы. Все ее поздние попытки кончались неудачей. Он стойко выдержал ее осаду и неприятель отступил.

— Где она может быть непутевая?

— Да кто же знает? Может какого чужого хахала встретила.

— Так ведь сейчас день на дворе.

— А ей все одно, день или ночь.

Не прошло и получаса, как появилась Людка, помятая, растрепанная, с драным подолом. Она попыталась прошмыгнуть мимо своих товарок, но они встали стеной и не пропустили исчезнуть нарушительницу.

— Ты где была?

— Где была, там нет.

— Что за вид у тебя?

— Вид как вид.

— Да тебя будто по овину таскали.

Людка, эта язва сибирская, а не баба, как называли ее мужики, на которых были направлены ее боевые действия сексуального свойства, вдруг расплакалась. Удивленные бабы, сразу забывшие про ее сучьи проделки с их мужьями начали расспрашивать и уговаривать ее.

— Да что случилось? Нам — то ты можешь рассказать?

— Изнасиловали меня, — захлебываясь слезами, промычала бедная бабенка.

— За что боролась — на и напоролась, — неприветливо прокомментировала Ксюшка, чей мужик только вчера побывал в объятьях ненасытной искательницы приключений.

— Да кто посмел?

— Ты же сама кого хошь удельывала?

— Как могла поддаться, али сначала приманила, а потом отбой дала?

— Да их трое было.

— Кто? — приступили яростно бабы, подозрительно ища в толпе своих благоверных.

— Не знаю, — ответила Людка. — Они меня головой в бочку засунули.

— Куда? — переспросили любопытные.

— И какой же должна быть бочка, чтобы тебя из нее вверх ногами достать?

— Та самая, что Степаниду Никудышный парил.

— А ты молчала?

— Они мне рот заткнули.

— Да кто они такие.

— Не знаю, — я их не видела. Только слышала как разговаривали.

— Как же ты вылезла?

— Бочка-то низкая, я уперлась руками и вылезла.

— Беги домой, мойся. Да в милицию сообщить надо.

Тут же отправили гонца к Прохвятилову, чтобы милицию вызвал. Телефон только у него одного имеется. Самого его не было, а его краля, говорят сожительница, не жена, пообещала передать все мужу, так она его величала.

Вечером не пришел пастух Заика. Стадо прибыло самостоятельно, коровы разбрелись

кто куда, а парня не оказалось. Мать в слезы.

— Куда девался, сыночек?

Пошли искать. Там на пастбище не оказалось никаких следов. Только кнут за куст зацепился. Кликали, кликали, толку нет. В темноте вернулись домой. Опять милиции сообщили. Странно, что до сих пор никто из района не прибыл. Обычно хоть участковый приезжал на своем мотоцикле, а теперь никого. И Прохвятилов задержался где-то тоже. А на утро и вовсе все село чуть с ума не свихнулось. Еще не нашли пастуха и сами очередники направились выгонять стадо. Сегодня выпала очередь Василию и Наташке, его соседке. Они рано утром коров гонят, поравнялись с Федосьиной избушкой, той, которую убили недавно и Наташка вдруг крикнула:

— Ой! — и с копыт долой.

Василий нагнулся посмотреть, что с ней приключилось и закричал громко так:

— Помогите, человеку плохо.

Глянул вперед и сам рядышком с Наташкой прилег.

Подбежала на крики Ксения, начала их поднимать. Кто-то произнес над нею:

— Может водички принести?

Ксения глядь, а перед нею похороненная недавно Федосья стоит и смотрит так жалостливо на всех. Ксюха тут же глаза закрыла, но в обморок не упала, а про себя повторяет:

— Чур меня, чур меня.

Тут народ стал подбегать. Дивятся на лежащих посреди дороги людей. В это время «Федосья» с ковшиком воды вышла из своей расколоченной избы:

— Нате, — говорит, — напоите их.

Толпа начала пятиться назад, потом с криком:

— Покойница ожила! — приударила по улице.

Друг дружку роняют, те, кто свалился начинают вскакивать, ногами буксуют, а бежать не могут. Так и присели на дороге. В это время появился участковый, ему только сейчас сообщили о происшедшем в селе Демьяново.

— Что случилось граждане, селяне, — спросил он ошалевших от страха людей.

Они только руками махали, да в сторону дома Федосьи показывали. Ну он туда и повернул. Поглядел на избу, а в дверях покойница стоит. Покачнулся от видения, но взял себя в руки.

— Вы почему, гражданочка, не на месте находитесь, а в чужой дом влезли?

— В каком же я месте по вашему должна находиться? — съехидничало привидение.

— На кладбище, в своем гробу, обитом красным. Мы его сами делали.

Федосья хохочет, руки в боки, веселая такая. Участковый думает:

— Веселишься, я тебя сейчас успокою, и достает пистолет из кобуры.

Покойница моментально в хату забежала и двери на крючок закрыла.

— Я, — кричит, — сестра ее, Лизавета, двойняшка, а ты, милиция, сначала документы спросить был должен, а потом пистолетом стращать.

Вскоре ситуация разъяснилась и все пришли поглазеть на похожую сестру.

— Ну прямо, копия с протокола, — развеселил всех Евсеич.

На том пока и расстались. Рано утром в селе недосуг лясы точить, работы много.

Прохвятилов собрание собрал в бывшем клубе, закрытом за ненужностью, танцевать некому стало. И представил сестру умершей Елизавету, которая приехала пока пожить здесь,

а там видно будет.

— Хозяйство-то как возвращать будем?

— Я не умею хозяйничать, — ответила Елизавета. — Вы мне лучше кто молока, кто яиц принесете. Вот и оплата будет.

На том и порешили.

Заику так и не нашли. Как корова языком слизала. Селяне начали бояться в лес за грибами, да ягодами ходить. А тут на хуторе Светлом, где сам участковый проживает, в километре от хутора нашли скелет человека, без мяса, кое-где кусками еще осталось догнивать, а так все обработано, как на хорошем баране. Кто это, определить невозможно. Скелет увезли, а следователи начали работать вокруг селений, где таинственные дела превращались в постоянные.

Совхоз как таковой отдавал концы. Нечем было рассчитываться с МТС, налогами, за удобрения, перестали платить зарплату. Прохвятилов все объяснил просто:

— Нужно нам всем вступить в акционерное общество. Иначе село наше умрет и мы останемся без света и магазина. Вам сейчас выделяют всем пай, земельный надел. Каждый из вас, согласно Указа, будет хозяином земли.

— А что мы с ней будем делать?

— По сколько земли на брата получается?

— По пять гектаров каждому в семье. У кого семья большая, сразу хозяином становится.

Живи — не хочу.

— А как мы ее обрабатывать будем? Голыми руками?

— Государство предусмотрело и имущественный пай к земле.

— Это как?

— В суммарном выражении вам к земле положены акции на сумму, которая состоит из стоимости всего имущества и всего, что у нас с вами имеется: зерна, овощей, скота, сельхозмашин.

— Получается, что если нас здесь около четырехсот человек, а трактора два, то мы поделим кому что?

— Мне рукоятку. — а тебе гусеницу, так что ли?

— Имущество выделяться не будет. Мы создаем акционерное общество. Вы сейчас все напишите заявления, что вступаете со своим земельным паем в арендные отношения с АО.

— И что это нам даст?

— Так как земля требует обработки, то вы, отдав ее в аренду, будете ежегодно получать натурально продукты, производимые вами же. Вы сможете не уходить с работы, оставаться тут же. Но за аренду земли получите отдельно натурплату, а за работу деньги.

— Значит, если ребенок, или старик отдает свою землю в аренду, то получает за ее использование продукты?

— Да.

— И сколько?

— Это покажет урожай.

— И что мы получим из продуктов?

— Сахар, растительное масло, картофель, зерно и прочие овощи.

— Во, житуха наступит, — сказал кто-то. — Сиди дома и получай продукцию.

— Да, за вас будет работать ваш земельный надел. А сейчас заявления. Вот образцы и бумага, пишите.

Заявления писали так, как будто им премию по ним большую заплатят и только упрямец Никудышный, Сидор Никитович и Евсеич отказались вступать в акционерное общество.

— Вольному воля, — скривился Прохватилов, но вы пожалеете о вашем упрямстве.

— Наше дело, может и пожалеем.

— Если ваш надел останется необработанным, его у вас изымут.

— Нет уж. Никто не может отнять нашу землю, если ее выдали с правом собственности на владение.

— А трактор? Прочее?

— А мы через суд попросим свой имущественный пай, — ответил Сидор Никитович.

На том все и решилось. Написали заявления, кроме трех упрямцев все население бывшего совхоза «Путь Ильича», и стали они теперь акционерным обществом, дожидаться урожая, чтобы получить как новые хозяева свои дивиденды.

Странная жизнь началась у бывшего совхоза. Прохватилов теперь Генеральный директор, а по ночам груженные машины уходят из села куда-то. Спросить нельзя. Сразу же грубости начинаются.

— Какой же урожай будет у вас, — рассуждал Сидор Никитович, — если заранее все продано. Получите вы шиш с постным маслом, или дырку от бублика.

И началась в селе ночная жизнь, кто с мешком, кто с тележкой, таскал по ночам с полей и с тока урожай. Сторожами были свои люди, видевшие, как воруют машинами их организатор с бухгалтерией и тоже спешили собрать свою положенную часть, кто что сможет. Не у каждого была такая возможность. Были совестливые, немощные, ленивые, надеющиеся на справедливое возмещение обещанного.

Если бы задумавшим вредителям сельского хозяйства нужно было до конца разорить деревню, то лучшего способа невозможно было бы найти. Верхушка богатела, а крестьяне, надеявшиеся на кормильца — пай, получили чуть больше шиша. По 10 кг. сахара, 5 литров постного масла, 50 кг муки, 50 овощей. Это за всю землю, сданную в аренду. Пришли в склад получать свой урожай, а им сказали, что прежде пойдите и заплатите в кассу общества деньги. Вот и оказалось, что все они должны были купить сами у себя.

— А плата за аренду?

— Все ушло на погашение долгов.

Вскоре немощных стариков забрали к себе в город кого родственники, кого пристроили в дома престарелых. Молодежь, которой итак не густо было, подалась на заработки в города. В селе осталось не заколоченных домов всего штук тридцать.

Три семьи, собрав свои капиталы и землю, решили действовать самостоятельно, фермеровать. Но им даже за деньги не дали трактор вспахать землю. Пришлось обращаться к соседнему обществу. Те предложили отдать половину земли им, а остальную будут помогать обрабатывать. Пока согласились на этот грабеж. Урожай обещал быть хорошим. Только в одну прекрасную ночь все помидоры в буром виде были растоптаны кем-то так, что собрать ни одного ведра не удалось. А подсолнух вывезен с корнями.

Горевали фермеры об их подорванной экономике, но пока не сдались, хотя надеяться на лучшее было напрасно.

— Не горюй, Саня, мы с вами пчел разведем, в красивых бочонках продавать будем. Лучшие сорта меда. Да в такой упаковке сделаем, что у нас с вами на экспорт дорого пойдет. У меня есть целая сотня ульев. Раньше тут пчеловоды заезжие их ставили, а мне за помощь

мою оставили всё, когда перестали заниматься медовым хозяйством.

— Надо Сидор Никитович, надо экономику нашу подымать. У меня семья беспомощная, кормить надо.

— Боишься, что придется в дом инвалидов Дениса отдавать и Колюньку в приют устраивать?

— Ни за что не отдам. Носом землю пахать буду, а их никуда.

Дома Денис с тревогой смотрел на него. Теперь их коровушка была продана, вместо нее пара коз приобретена. Утки, гуси, остались. Кур с десятков, возглавляемых одноглазым петухом. Бойцовский, дерется со всеми. Хвост без перьев, глаза нет, а все наскакивает на соседних, осмеливающихся подойти к его курам.

— Прямо хан Батый, неумный, — сердито говорил Саня, смазывая ему расцарапанную лапу.

— Правильный петух, — смеялся Денис, свою землю защищает как ты.

Лесные дары спасали семью, витаминами снабжали. Теперь и Колюнька ходил вместе с Саней в лес. Ягод намочено, наварено, насушено, и с веточками и так. Грибов впрок всяких. Куры яйца несли, на троих вполне хватало. Козы козлят принесли, вроде на привязи находились, недалеко от дома, нет ведь нашли себе женихов, и теперь по двору резво бегали два козленка. Тоже зимой мясо будет. Поросенок хрюкает. Пока еще недоросль, до зимы вырастет.

Утречком в воскресенье Саня взял берданку и отправился в лес. У реки решил остановиться. У него с собой удочка, червей Колюня накопал.

Присел он за пригорком, в низинке, там укромное место, как шкаф в берегу сделанный и хорошо все вокруг видно. А перед выемкой в метре два кустики растут и слева и справа по иве раскидистой стоит. Царское место для отдыха, особо если ты хочешь, чтоб тебя никто не видел. Саня приморился, шастая по лесу, и решил часок отдохнуть, а потом и рыбкой заняться, авось попадетя, она здесь не пуганая. Прислонил голову к траве на склоне выемки растущей и закрыл глаза.

Вдруг слышит разговор идущих людей, так как голоса приближались к тому месту, где он сидел. Остановились на пригорке над ним прямо. Но им его не увидеть оттуда, ни сверху, ни сбоку, ни спереди от реки.

— Может хватить нам с вами в холуях ходить? — послышался голос хриповатый, видно от курения.

И табачком сигаретным запахло.

— Что ты предлагаешь?

— Взять эту бабу, что под Лизавету косит, допросить с пристрастием, пусть, стерва покажет, где оно все зарыто.

— Ты думаешь она знает?

— Думаю, да.

— Ошибаешься. Хозяин бы давно уже объявился в этих краях. Нет он шастает по северу. Видно все-таки там находится захоронка. Чего не хватает для того, чтобы это место найти?..

— Совсем немногого. Знать, где клад зарыт.

— Может все это блеф? Выдумки? Сказки?

— Стопроцентная правда. Помнишь, когда еще Гдлян с Ивановым и всеми там шерстили бывшие республики, сокровища были отправлены тремя машинами на вокзал. Тогда я сам лично грузил особые ящики в вагон. На сундуки похожие, только квадратные.

Расписные. Но я лично только из одной машины. Остальные грузили другие. Когда заваруха в Пролетарском районе на станции вышла, меня тоже хотели шлепнуть, ранили, да видно смерть моя опоздала, я свалился в яму и остался живым. Темно было и им искать некогда было, да они сказали кому-то:

— Живых не осталось?

— Вроде нет.

— А охрана?

— Все готовы.

— Начальник поезда?

— И он, и двое из почтового, где груз был, всех порешили. Даже двух пассажиров, которые проснулись и смотреть начали, что происходит?

— Дежурный по вокзалу?

— У себя в кабинете, возле стола валяется.

— А как с грузом успели?

— Так сначала погрузили, а потом уже упокоились.

— Так вот они разговаривали, а я случайно, получивший пулю в плечо, вместо головы, выжил.

Много лет прятаться приходилось. Я уже по трем местам все облазил. наших никого. Карты нет. Может и здесь ничего не найдем. Теперь ты все знаешь. нас мало. Вместе с тобой трое. Если и разыщем все, то куда деваться с грузом? Правда говорили, что его разделили на четыре части и здесь должна быть только четверть.

— А если пока ты раненый неделю, говоришь скрывался, могли и дальше вагон умчать, на другую станцию?

— Могли, конечно. А могли и сюда вывезти машинами. Такой разговор был.

— Куда?

— Прямо в деревню. Пустых домов много, мест в лесу тоже, охотничьи домики опять же. У них карта было, где груз захоронить надо.

— Нам к чему цацки нужны?

— Обменяем на валюту.

— Где мы ее найдем?

— Найдем. Я пару человек знаю, которые с руками оторвут те погремушки. Сбыт есть. Хозяин московский обеспечит.

— Пулей, как тогда?

— Не бойсь, мы что-нибудь придумаем. Сначала надо разыскать захоронку. Я боюсь, что те, кого наши скелетами тоже были нашими.

— Так скелетов уже столько в разных местах понаходили?

И то правда, но могли попасть и те, кому было известно о грузе.

В числе знавших карту назначения была женщина, вполне возможно, Елизавета, иначе чего городская с головы до ног в село приперлась?

— А ту, Федосью, кто порешил?

— Тебе зачем знать это? Наши.

Они постояли и к ним присоединился третий голос.

— Пора, мужики, мне нужно в район, я вас подброшу.

Голос чисто прохватилковский. Ну со всеми его интонациями.

— Не может быть, — подумал Саня. — Я ошибся, — убеждал себя он.

Вся троица вскоре удалась и Саня, забыв про рыбалку выбрался из укрытия. Он увидел на лесной дорожке вездеход Прохвятилова и сомнения его исчезли. Домой шел и боялся.

— А ну, как еще кто там есть и увидит его. Не дай Бог притащится да его народу в избе беды наделает.

Домой несся сломя голову. Даже все дары леса, что насобирал, оставил там, у реки. Он пока понятия не имел, что ему делать? Знал одно, что ту, настоящую Лизавету, которую Федосьей звали, убили и теперь этой, другой, тоже грозит опасность, но она, как он понял, тоже ловить золотую рыбку сюда приехала.

Дома все было спокойно. Он никому ничего не сказал. Боялся, если кто проговорится, конец им всем.

— Поживем — увидим, — решил он и занялся хозяйством.

СЕМЕЙНЫЕ СТРАСТИ

Все застыли в изумлении. Она вошла в зал, где проходило празднование Дня Милиции и внимательно осмотрела, остолбеневших перед ней молодых офицеров, да и тех кто был постарше. Правда, в рукава последних крепко вцепились присутствующие рядом с мужьями жены и недовольно поглядывали на возмутительницу спокойствия.

У входа стояла молодая девушка, казалось, что это ангел красоты вошел в зал, чтобы поздравить мужественных блюстителей правопорядка.

Ее темно синие глаза под дугами бровей, делали взгляд капризно-удивленным. Высокие скулы матово-бледного лица придавали ему нежную аристократичность. Высокий рост гармонировал с правильными линиями тела и делал ее недосягаемо-небесным созданием.

Каскад золотистых волос кудрявыми прядями струился ниже пояса. Ее правый указательный нервный пальчик, изящной формы, накручивал у виска завиток волос и снова раскручивал его в обратном направлении. Туфельки лишь подчеркивали красоту ее точеных ножек. Открытый вырез на груди вызывал зависть дам мраморностью до неприличия прекрасных линий груди.

Она стояла и смотрела на всех, а все на нее. Внезапно обнаружилось, что она пришла в сопровождении дамы средних лет. К ней тотчас подлетел полковник из управления и представил:

— Нонна Сергеевна Новицкая. Ее дочь Лилия.

Молчание разрядилось. Оркестр заиграл модное танго и Лилия очутилась в середине танцующих. Полковник вел в танце как хрупкую ценность свою спутницу.

— Вы прелестны.

— Я это слышу постоянно.

— Вы прекрасны.

— Оставьте полковник.

— Вы — чудо.

— Вы тоже, но бывшее.

— Как вас понимать?

— На вас смотрит исподлобья женщина в платье с разводами, вероятно ваша родственница.

Родственница уловила момент прекращения музыки и крепко ухватила своего мужа, увлекая в коридор для разговора.

— Над ней как будто несколько величайших мастеров колдовали несколько веков, чтобы создать столь великолепный экземпляр.

— Редчайшая красота.

— Хотелось бы знать кому она достанется.

— Вероятнее всего никому, к ней страшно подходить. Можно только любоваться издали.

— Что-то вы в лирику ударились, — господа офицеры, человек, как человек. Я не вижу оснований для особой траты нашего времени.

Алексей Строганов, душа коллектива особого отдела, неженатый, тридцатилетний, словно ножом в сердце ударил строптивую красавицу, отозвавшись так нелюбезно о ее прелестях.

На танцы ее приглашали нарасхват, но она, упорно накручивая локон на пальчик, частенько отказывалась от очередного приглашения в ожидании того, кто не хотел восхищаться ею. К концу вечера она уже гневно постукивала ножкой и частенько бросала взгляд в его сторону.

Вечер закончился, а она так и не дождалась от упрянца приглашения к танцу.

— Мама, — сказала дочь, делай что хочешь, но он должен проводить меня домой.

— Что я могу сделать? — удивилась мать.

— Разве начальник управления не твой друг и не мой крестный? Пусть прикажет этому майоришке проводить нас.

Вскоре они садились в Опель. Мать рядом с шофером, а Лиля на заднем сиденье с упрямым майором. Ехали молча. Машину внезапно качнуло, от резкого торможения на пробегающую через дорогу пару, и Лилечка уперлась грудью в его подставленные руки. Их глаза встретились. Ее испуганный, его твердый. Ее испуг внезапно изменил весь ход мыслей строгого провожатого. Он нежно отстранил ее на прежнее место и взял за руку.

— Успокойтесь, — опасность миновала.

— Спасибо вам, — ответила трусиха.

При выходе из машины возле дома, Лилля, не дождавшись пока ей откроют дверь, сама выскочила и, торопясь, подвернула ногу.

— Ой, — пискнула она, попадая в его крепкие руки, подоспевшие на выручку. — Мне больно.

Она попыталась встать на ногу, но ее милое лицо исказила боль и она качнулась к нему, прильнула.

Он высокий, сильный, обхватил ее руками, приподнял и понес, вслед за идущей впереди мамой.

Мама ворчала на ее неосторожность, но она молча прижимаясь к сильному могучему торсу груди, млела от удовольствия.

Вошли в дом. Ему пришлось пройти одетому в ее спальню и уложить на кровать.

— Нужно вызвать доктора.

— Не надо, я боюсь, он мне сделает больно.

Алексей, не ожидавший от высокомерной красавицы такой слабости, кротости, по-другому взглянул на это бледное испуганное лицо. Огромные синие глаза благодарили его за помощь. Она внезапно прижалась губами к его руке.

— Спасибо.

Он, как ужаленный отдернул руку и ему стало стыдно за себя, за то что он принял эту беззащитно глядящую, милую девушку за светскую львицу, пожирательницу мужчин.

Ее хорошенькая головка была полна мыслей укрощения строптивого офицера, таких как он по социальной значимости, у нее было много. Но как известно, зачастую разум теряется там, где входит самолюбие.

Ему было стыдно за свое поведение и очень жаль оскорбленную его невниманием на вечере девушку.

Бутон алых губ был полураскрыт совсем близко от него и он не удержался, облапил ее хрупкую, нежную, ждущую внимания и поцеловал ее крепко, долго и не мог оторваться от соблазнительного существа.

Потом соседка по лестнице врач, так сказала мама, сделала девушке тугую повязку на ногу и объяснила, что это не вывих, а растяжение связок, болезненное и долгосрочное.

— Придется полежать недели полторы, — сказала она.

Лилия нахмурилась, но строгий режим уложил ее в постель.

— Вы придете меня проведать, — спросила она своего спасителя.

— Если позволите.

С нежностью поцеловал ее протянутую ручку и пошел к выходу в сопровождении маман.

Маме совсем не понравился начавшийся роман.

— С кем попадая с такой внешностью не встречаются.

— С кем бы ты хотела видеть меня?

— С бизнесменом. Заграничные поездки, Европа, весь земной шар. Да ты могла бы стать королевой.

— В гареме какого-нибудь шейха?

— С тобой невозможно говорить.

— А ты не говори. Я хочу за него замуж.

— У тебя блажь сегодня, завтра она пройдет и ты на этого мента даже не глянешь.

— Ошибаешься. На этот раз готовься к свадьбе и не отговаривай меня, бесполезно.

Назавтра мама поехала к высокому милицейскому начальству, седому плюгавому генералу, который уже десяток лет был ее бессменным любовником. Она была все еще красива и элегантна эта Нонна Сергеевна, а с ним у них началась любовь, когда он, коррумпированный чиновник, привлек ее к ответственности по делу о сбыте драгоценностей и через нее вышел на группу, которая сделала его двуликим Яном и обладателем Нонны.

Сейчас она ехала к нему, чтобы расспросить о будущей перспективе майора в связи с новыми обстоятельствами.

— Не расстраивайся, — сказал он своей пассии. — Помнишь дело об исчезнувших драгоценностях шахов и тех, что еще нашли в республиках Азии. Тогда они так и исчезли при перевозке. Сейчас именно этот майор вышел на след и кто знает. Я буду в курсе дел, и вы тоже. Возможно отыщутся те самые наши бриллианты, что так удачно уплыли в неизвестном направлении.

Домой Нонна Сергеевна вернулась успокоенная и даже анекдоты рассказывала дочери, лежащей в постели.

Лилечке незачем было принимать столь усердное горизонтальное положение, но она ждала приезда еще необузданного мустанга. Рано было праздновать победу.

Он явился вечером с цветами, шампанским и конфетами. Безупречная благосклонность матери не могла быть им расценена, как возможность найти жениха для дочери. Дочь была восхитительна и не нуждалась в рекламе. Аскет по своему характеру вдруг влюбился страстно и окончательно.

— Лилия, — вы так похожи на этот цветок. Такая же благородная красота.

— А вы стойкий оловянный солдатик.

— Который расплавился от любви.

В этот вечер они целовались напропалую и Алексей не выдержал:

— Будь моей женой, — сказал он просто.

— Хочу, хочу, хочу быть твоей, — и эти страстные слова вскружили и без того смятенную голову строптивного майора.

Сначала он получил звание подполковника и назавтра по протекции, сократив срок для регистрации брака, они стали мужем и женой.

Все влюбленные одинаковы и слова тоже одинаково произносят на разных языках.

Его Лилия, или Ляля, так называла ее мать и Алексей, оказалась целомудренной. Такая красавица, и вдруг, для него это было полной неожиданностью. Ее сохраненная чистота вызвала в нем еще большее чувство благоговения перед любимым существом. Он, казалось, даже задышался от счастья.

Время летело быстро.

Однажды Ляля, потупив глазки, объявила, что ждет ребенка. Он схватил ее, закружил по комнате, смеялся вместе с ней счастливо, с надеждой. Они уже придумывали имена, когда мама нарушила семейную идиллию.

— Идемте пить чай, — пригласила она, будущих родителей, ошалевших от счастья.

Чай казался необыкновенно вкусным и солнце светило по-особому ярко, заглядывало в окна и лучики золотистого цвета пронизывали насквозь комнаты, освещая дальние углы. Все светилось и радовало.

Теперь Алексей оберегал жену как хрустальную вазу. Он не разрешал ей резких движений, далеких походов, покупок в магазине.

— Ты из нее скоро принцессу сделаешь, — смеялась теща.

— Берегу наследника.

— Было бы что наследовать, — насмешничала Нонна Сергеевна.

— Мы же с вами живем нормально, без богатств?

— Живем, верно, только вот концы с концами едва сводятся.

— В каком плане?

— Материальном, зятек, материальном. На еду хватает, а что купить, выкраивать надо.

— Я же вроде приношу зарплату полностью.

— Да какая это зарплата при красавице жене?

— А некрасивой хватило бы?

— Красивой женщине подобающая огранка требуется.

— Не понял?

— Понял, ты все, зятек. Она ни одного платья себе не купила замужем.

— Но у нее их столько, что вряд за сто лет переносить можно будет.

— А это уж тебя не касается. И сидите вы дома, никуда не выходите.

— Но я устаю на работе и поздно прихожу.

— Значит работу менять надо.

— Позвольте, Нонна Сергеевна, мне самому решать о своем занятии.

— Вольному воля.

— У вас неправильное восприятие жизни.

— Это почему же?

— Тяга к накопительству, сверх необходимого для жизни человеку, приводит к печальным последствиям.

— Это что же в Уголовном Кодексе написано?

— В нравственном, человеческом.

Рассерженная теща ушла, а молодые предались в своем уголке любви. Ляле не надоело еще тешить себя мыслью о замужестве и ей нравился ее муж, хотя, по мнению матери, он, простак и совсем не подходит для их семьи.

— Но, — добавила она, — может быть этот простак перекует свое мнение под воздействием любви.

Нонна Сергеевна настойчиво спрашивала дочь избавиться от беременности, пока еще позволяет время.

— Куда ты с пеленками, привязанная навеки к мужлану, еще неизвестно что из него выйдет.

— Он убьет меня, если я это сделаю.

— Ты могла бы упасть, приболеть, договориться с врачом, что тебе опасно рожать.

— Поздно, надо было не говорить об этом ему. А теперь поздно. Я ни за что не хочу с ним расставаться, но и ребенка иметь — тоже не хочу.

Время шло, фигура у Ляли приняла округлую форму. На лице появились коричневые пятна. Ляля была в ужасе.

— Уже семь месяцев нам, — говорил Алексей, прислушиваясь к толчкам ножки ребенка.

— Он брыкается как толкатель ядра. То там, то там поддает.

— Почему ты не посмотришь на УЗИ кто это? Мальчик или девочка?

— Не хочу, — упрямилась Ляля. — Пусть кто будет.

Она теперь постоянно капризничала. Ее отяжелевшая фигура была ей ненавистна. Вся ее гибкая прелесть исчезла под этим ужасным животом.

У Алексея наступила серьезная пора в работе. Когда-то его отец был направлен на разработку операции на месте по коррупции и изъятию драгоценностей огромной стоимости в Азиатских республиках. Тогда Алексей еще только заканчивал среднее образование и собирался поступать в Высшую Милицейскую школу. Когда он был курсантом его отца привезли в запаянном гробу. Почести похорон не могли компенсировать любовь живого отца.

Мать не вынесла этого горя и вскоре ушла вслед за отцом.

У Алексея оставалась тетка Елена Николаевна, старая дева, сердитая и малоразговорчивая. Алексей уже мало нуждался в ее воспитании, но дома, по приезду из училища в отпуск его ждали холодные стены квартиры и мрачное выражение лица тетушки. Она была сестрой его отца, у нее был свой дом в одном из районов города, но она пока жила здесь, сохраняя квартиру Алексею.

— Ты, примак, Лешка, не стыдно тебе жить у тещи?

— Но Ляля не соглашается на переезд от матери. Тем более, что сейчас она ждет ребенка.

— Не соглашается? Тряпка, ты, а не муж. Цацкаешься с ней, как с куклой. Погоди, принесет она тебе сюрприз, твоя красавица.

— Ты просто настроена против нее, тетушка.

— Я знаю женщин лучше тебя и мне хватило нескольких раз встретиться с этим лисьим отродьем, чтобы познать всю их суть.

— Она меня любит.

— Она любит любовь в образе тебя. Но скоро твоя жизнь, полная опасностей и мизерной оплатой за это, ей наскучит и она найдет себе занятие.

— Тетушка, ты ее так ненавидишь?

— Я говорю, то что будет. Эта женщина принесет тебе несчастье.

Он уходил с досадой в душе за невосприятие родной тетей его любимой жены.

Все это происходило несколько лет тому назад.

В отделе произошло нечто серьезное. Это был особый отдел и мелочами они не занимались. Почему-то вдруг его вызвал начальник управления генерал Постников, тот самый любовник его тещи, о чем он конечно не догадывался.

Постников Сергей Сергеевич, как будто высушенный на солнце мужичок, ничего не представлял из себя такого, на чем можно было остановить для раздумий взгляд. Несколько месяцев до пенсии досиживал он в своем кресле. Но его боялись даже могущественные представители Главного управления. Цепкая мохнатая рука держала его на этом месте. Сейчас Сергею Сергеевичу понадобился человек, честный, чтобы не прикарманил сокровищ которые ему предстояло найти, но одновременно контролируемый в случае, если взбрыкнет при выполнении приказа его, Постникова.

Нужна была и фамилия Алексея, так как отец его занимался теми огромными сокровищами и именно на эту фамилию, мог кто-нибудь клюнуть, надеясь на знание Строганова о драгоценностях от отца. Сам генерал прощупал своего подчиненного от и до и был уверен, что тот ничего не успел узнать от погибшего.

А тут у генерала имелись свои глаза и уши в доме полковника. Нонна Сергеевна, давняя осведомительница самых высоких лиц, теперь еще и любовница генерала, гарантировала ему полную информацию о действиях «любимого» зятя. Прослушка уже стояла и подумывали о том, нужно ли его снабдить невидимым маячком.

— Можно дать ему в помощники преданного вам человека, — посоветовала Нонна.

— Ты до сих пор на посту, — сделал ей комплимент генерал.

Только несколько дней назад вышли на след участника азиатских событий Ведиёва, который явно мог знать что-то об этом деле.

Алексей Николаевич отправлялся поэтому на пару месяцев в командировку в далекую Сибирь, где по информации генерала окопался один из тех, кто вез ценный груз из Азии, но раненый, остался жить.

— Ценная информация, — могу доверить только самому проверенному офицеру.

Несметные богатства укрыты от государственного ока и их необходимо вернуть в казну.

— Понятно, что я вас взял не случайно, ваш отец занимался этим делом.

— Я никогда ничего не слышал от отца, чем он занимался в последние годы своей жизни.

— Ваш отец погиб на посту, как герой, защищая государственное достояние. Вы тогда находились здесь и не могли ничего знать.

— Мне и сейчас нельзя просветиться в деле, на которое я иду?

— Только то, что я сказал. Сокровища были довезены благополучно до определенного места. Там их погрузили по частям на машины и часть оставили в вагоне для продолжения следования к месту назначения, а часть где-то на месте так и осталась. Мы предпринимали попытки поисков, но в районе разгрузки ничего не нашли. Никаких следов.

— И что же я?

— Начнете с Севера, где недавно отыскался один из участников событий. В помощники пойдет к вам Вадим Медведев. Будет чем-то вроде вашего денщика. Вы должны выяснить у человека, живущего теперь под именем Ведиёв — Русаков Иван Терентьевич, где спрятаны сокровища с поезда из Средней Азии. Можете применять любые средства для раскрытия

дела. Связь только со мной. Медведев ваша подстраховка. Очень надежен. Вы когда-нибудь слышали о почтовом вагоне, который увели на одной из станций двенадцать лет назад и не найденный до сих пор.

— Нет, не слышал, товарищ генерал.

— Хорошо, полковник, значит услышите.

— Вы ошиблись, товарищ генерал, я подполковник.

— Это ты ошибаешься, не я. Держи свое новое парадное и повседневное одеяние.

Молодой старлей вынес свертки с одеждой и вручил вновь испеченному полковнику.

Вышел так же незаметно как и вошел.

— А теперь о деле.

И Алексей узнал то, что должен был сообщить ему перед отъездом в командировку генерал.

Возвращаясь домой, Алексей вдруг вспомнил то, что рассказывал ему его отец. Они были посланы на изымание заработанных коррупцией богатств. Там были найдены в большом количестве бриллианты, изделия из них и других драгоценных камней, слитки золота, бесценные женские украшения трехсот вековой давности, которые чиновники отбирали в семьях местной знати, беспощадно убивая всех в семье, чтобы некому было искать потом исчезнувшие из домов драгоценные вещи. Он даже вспомнил, как однажды отец, вернувшись живым на несколько дней перед тем, как его убили, как-то вечером сказал:

— Никогда не думал, что коррупция дошла до таких размеров. Это раковая опухоль охватила все вышестоящие органы чиновников. Убивают и режут тех, кто имеет отношение к любым сокровищам. Особенно старинные роды ханов, чьи дети остались в распоряжении страны советов. Кинжалы, чеканки, оружие всех видов в драгоценном обрамлении. Женские украшения — приговор всей семье. Сейчас ищем убийц, нашли много сокровищ. Жаль, что я не могу назвать имен зверей, обладающих властью. Они могут безнаказанно грабить, убивать, насиловать. Изгонять из своих республик неугодных им людей. Я тебе, Алеша, говорю, потому, что ты сам без пяти минут особист.

Сейчас Алексей вспомнив слова отца, понял, что речь идет о том самом поезде, из-за которого погибло столько людей. Все, кто имел отношение к составу поезда, его отправлению, погрузке, пути прохождения, все были уничтожены. А сами драгоценности исчезли.

Беспокоило его и состояние жены, ей до родов оставался всего месяц. Но приказ, есть приказ и он должен ехать.

— Надолго? — спросила огорченная Ляля.

— Месяца на два. — Постараюсь раньше, как получится.

— Я не хочу оставаться без тебя.

— Надо. Есть такое слово — надо.

Прощание было печальным. Ляля плакала, Алексей ее успокаивал.

Сидя в вагоне поезда, он постоянно думал о ней:

— Как она справится с рождением ребенка?

А в это время у Нонны Сергеевны появились другие планы. Ее дочь полностью повиновалась своей умной матушке и даже замужество не могло пошатнуть ее непререкаемый авторитет. Мать очень расстроилась с этим браком, абсолютно нарушившим ее планы, тем более что на горизонте имелся унылый молодой человек, сын новоиспеченных высокопоставленных бизнесменов, прямая дорога в браке с которым — это жизнь в Вене

или Париже. Как она допустила этот мерзкий брак? Правда в нем было одно смягчающее обстоятельство: зятю поручили дело много миллиардной прибыли, если провести его с умом. Ее верный друг именно по ее наводке отправил Алексея на разведку. Но кто знает, что выкинет этот усердный ментяра, найдя несметные богатства, подчинится ли он генералу особисту или решит все сдать государству.

Именно поэтому пришлось дать ему в «помощники» Медведева, костолома, проверенного временем. Специально этому молодому полковничку погоны старлея надели, показать перед Алексеем, что этот государев человек, отличается строптивостью, а иногда и не подчинением прямому указу начальства, если оно идет вразрез с законом.

Алексей принял все рассказанное генералом о его спутнике как отличное качество честного человека. В деле, куда они ехали, честь — главная защита от всякого рода непредвиденных обстоятельств, со стороны длинноруких коррумпированных оборотней в погонах.

Купе у них было двухместное, нельзя было много рисоваться перед пассажирами. Обедали, правда в вагоне-ресторане, скромно, не высовываясь. И вообще это были приятные журналисты, едущие в Сибирь за новыми сенсационными тайнами. Газета ждет их с нетерпением, чтобы разогнать кровь обывателю, читающему о странностях мира сего.

Ехали долго, нудно, но, наконец, добрались до места назначения.

Это была Тюменская земля, истощаемая понемногу любителями выкачивать ее нефтяные и газовые запасы и делать все новых буржуев и чахнувших брошенных городов, где процедура передела нефти в доллары уже была закончена. Только в казну страны мало что попадало от тюменских богатств.

Конечной остановкой москвичей, приехавших на разведку, был городок Кондинск. Там был свой аэропорт, речной порт. Дремучая тайга окружала Кондинск со всех сторон.

Несметное количество комаров и прочего гнуса мешали жить на этой благодатной земле.

Поселились в гостинице. Удостоверения газетчиков давали зеленый свет во все учреждения и организации. Рыбколхоз, когда-то знаменитый, теперь пробавлялся остатками от прошедших на собственных катерах аристократов, с мордами костоломов, Севера.

Снасти были неравноценными и аппетиты тоже. Приезжающим на рыбалку нужна была осетровая икра и большие рыбы со вспоротыми брюхами печально гнили на берегу. Там, где жители были поближе к местам разбоя на реке, забирали задыхающуюся в смертельной агонии рыбу. Но наводить порядок на водных северных просторах Алексею дано не было.

Сначала он попытался разыскать Салмана Ведиева, через администрацию Сельского совета нужного им поселка. Там рассказали, что за рекой имеется заимка и там проживает старик с такой фамилией, а он это или нет они не знают.

— Ишь ты, не боится значит, если фамилию не сменил. А может просто однофамилец.

Это в Москве транспорта всякого множество, а здесь на Севере про трамваи не слышали, троллейбусы тоже. Автобус, лодка-моторка заменяли весь транспорт. Села располагались вдоль рек и самый что ни на есть близкий путь — через лодочку с мощным мотором.

Путешествовали уже третью неделю, а нужный им объект не нашли.

Медведев разговаривал мало, был грубоват, но с Алексеем почтительно придерживался субординации. Знал бы Алексей, что полковник Медведев, костолом и человек без принципов, ни за что не поехал бы с ним в командировку. Его же спутник хоть и

малоразговорчив, но четко выполняет все, что положено делать приставленному как бы в ординарцы офицеру к высшему по званию. Они имели с собой карту с подробным нанесением всех населенных пунктов, рек, озер, притоков, лесов.

В обед пришел Вадим и сказал Алексею, что арендовал моторку с хозяином в придачу, который поработает с ними по розыску Ведиева.

* * *

Ляля с кислым видом, небрежно одетая сидела в своей комнате и ожидала мать.

— Куда она запропастилась? — раздраженно думала она.

Ее беременность ей наскучила, была в тягость и она готова с крыши прыгнуть лишь бы освободиться поскорее от тяжелой ноши.

— Зря я позволила себе такую «роскошь». Теперь еще и пеленки, бессонные ночи.

А она привыкла вставать не раньше десяти часов утра. И получать в постель вкусный завтрак, приготовленный мамой.

— Я даже трусики свои не стирала ни разу, а тут запачканные пеленки, гадость какая, — думала она с раздражением.

И на Алексея сердилась, виновника ее теперешнего положения.

Мать появилась нескоро. У Ляли терпение лопалось.

— Где ты так долго?

— Привыкай, голубушка, скоро сама все будешь делать, смотреть за ребенком, готовить ужин и все прочее.

— А ты куда?

— Замуж выхожу, за генерала.

— С ума сошла, я что буду делать?

— Ты взрослая, знала на что шла.

— Но я не умею.

— Научишься.

— Я не хочу.

— Это твое дело.

— Ты, мама, всерьез уйдешь от нас?

— И очень скоро.

— Но я не смогу жить без тебя с ребенком?

— Не нужно было заводить.

— Но теперь-то что мне сделать, чтобы исправить положение?

— Есть много разных возможностей.

— Каких?

— Отдать богатым людям бездетным.

— С ума сошла? Что мне муж скажет?

— Тебя интересует его мнение?

— Я люблю его.

— Как только я уйду от вас и вы сядете на его зарплату — любовь пройдет.

— Но как отдать можно своего ребенка?

— Ты сможешь его растить без меня?

— Нет, конечно. Я не люблю детей, они сопливые и пеленки приводят в ужас от одного только представления о них.

— Тогда собирайся.

— Куда?

— Исправлять положение пока твой муж отсутствует.

— И что мы будем делать?

— Увидишь. Собирайся.

Очень скоро две женщины садились в вагон поезда дальнего следования.

— Куда мы? — спросила дочь.

— Все равно, только подальше от Москвы.

Проехав часов сорок, они рано утром прибыли на станцию под названием Развилка.

— Странное название, сказала Нонна Сергеевна. Здесь что, село или город?

— Городок небольшой. Километрах в десяти отсюда.

— Мы здесь сойдем, дочери нужно в больницу.

— Я вижу, вы в опасное путешествие пустились в ее таком положении.

— Рожают везде, — ответила Нонна.

— Так-то оно так, — покачала головой проводница.

Пассажиры высадились. На перроне были видны их одинокие фигурки. Внезапно Ляля охнула и схватилась за живот.

— Началось, — подумала Нонна Сергеевна.

Она быстро забежала к дежурному по станции, вызвала «скорую» и их доставили в городскую больницу, единственную в этом городе, но имеющую свое родительное отделение.

Вскоре крики изнеженной Ляли огласили родильное отделение. Ее уговаривали, но она кричала пока схватка не отпускала ее. Потом начиналось все снова. Врачиха-акушер сердито внушала ей, что необходимо успокоиться.

— Все рожают, — но такой беспокойной я еще не видела.

— А-а-а, — надрывалась Ляля.

Мать беспокоилась. Она вызвала врачиху и попыталась сунуть ей денег.

— Вы что хотите, чтобы я за нее родила? — рассердилась врач и отбросила протянутую руку с деньгами.

— Какие некультурные здесь, — возмущалась Нонна Сергеевна, сидя в коридоре приемного покоя, на втором этаже которого сейчас надрывалась ее дочь.

Она долго орала, беспокойная мамаша, всполошившая всех, и роды у нее протекали нервно, врачи боялись, как бы это взбалмошное существо не задавило своими беспрерывно двигающимися ляжками, ребенка.

Наконец, ребенок появился на свет.

— Девочка, — сказала пожилая акушерка, занимающаяся ребенком. — Прехорошенькая, с длинными волосами.

Ляля, измученная родами, этим неподдающимся описанием кошмаром, думала про себя, что больше ни за что на свете не допустит беременности. Она жалела себя, растерзанную, с болями от разрывов, так как ее поведение привело к тому, что пришлось накладывать болезненные швы. Потом ее увезли в палату и два дня у нее сильно болел живот.

Кормить девочку она отказалась. Сразу же туго перевязала пеленкой грудь. Ее пытались

уговорить, но она отвернулась от всех и молча лежала, не разговаривая ни с кем.

Мать ее видела только в окно. Кто и как кормил девочку Ляля не интересовалась. В палату вошла врач.

— Ваша мама настаивает на выписке. Это рано, но она слишком настойчива.

— Я хочу домой.

— А ребенок, вы его возьмете, или оставите в больнице?

— Возьму.

— Хорошо мы подготовим вам справку о рождении дочери и вы по приезду в Москву должны зарегистрировать ее в ЗАГСе.

Назавтра они уже втроем, девочка была на руках у матери и Ляля не смотрела на сверток с ней, были доставлены на вокзал.

Поездов было много. Но они не стали ждать какой-то определенной. На первом пути объявили отправление. Мать с дочерью, вскочили в вагон, не обращая на вопли проводницы.

— Нам одну остановку, — сказала Нонна Сергеевна сердитой проводнице и сунула ей в карман деньги.

Вопрос был исчерпан. Ехали недолго.

— Следующая остановка Пролетарская, — сказала им ставшая любезной проводница.

Поезд остановился. Дамы вышли на перрон.

— Постой тут, я скоро, — сказала мать и проворно понеслась с девочкой по улице.

Было около семи часов утра и прохожих почти не было.

Нонна Сергеевна оглянулась по сторонам и увидела большой дом под железной крышей. Она вошла в калитку и положила сверток с девочкой на крыльцо. Не оглядываясь, побежала и скрылась за углом дома. До станции было десять минут ходьбы.

Ляля не спросила про дочь, а мать не сказав ничего, вошла в двери вокзала и купила два билета до Москвы.

Проходящий поезд не задержал их на этой станции. Через десять минут они ехали в купе и смотрели в окно сосредоточенно, как будто им было дано задание сосчитать все мелькающие у дороги столбы.

Им было все-таки стыдно взглянуть друг на друга, потому они и ехали, думая каждая о своем.

Москва встретила их нормально, как будто бы в жизни этих двух человек, относящихся по признаку пола к женскому, ничего особенного не произошло. Ну выехали на прогулку по российским железным дорогам две путешественницы, посмотрели мир и вернулись обратно.

Лялю донимало молоко в грудях, желающих кормить ребенка. Они как будто не понимали того, что некого тут в доме кормить грудным молоком, и никто их не просит об этом, но мать-природа заботилась о малышке и часто, по нескольку раз в день подбрасывала молочка для брошенной где-то далеко девочке. Только малышка не знала, где искать свою теплую грудь и потому привыкала к жесткой маме с козьим молоком.

Тогда Ляля нервничала не об оставленной на станции малышке, а о неудобствах, причиняемых природой, заставляющей прибывать и прибывать не востребованное питание для родившейся дочки.

А еще неприятно было ожидание мужа. Он был нужен молодой сильной представительнице прекрасного пола, как муж, но не самец, производитель детей. Он нужен для жарких ночей и нежных объятий. Ляле так нравились его сильные руки, поднимающие ее с пола и прижимающие к своей груди, где стучит неистово мужское сердце.

Ей предстояло впереди объяснение с мужем, куда и как исчез ребенок. Мать заготовила целый трагический рассказ о неудачных родах, но как пройдет спектакль, они предположить не могли. В душе боялись разоблачения.

* * *

Алексей и Вадим прибыли в назначенное место, где, по их мнению проживал Ведиев, нужный им человек. Лодка причалила к берегу. Совсем недалеко, метрах в трехстах стоял домишко. Так себе средний, с покрытой шифером крышей. Дорога была настлана досками. От постоянных наводнений, скользкая земля не давала возможности ходить по илу, нанесенному с реки. А тут, дал струю из шланга на дощатую дорожку и ходи спокойно, босиком, по струганым дощечкам.

Хозяин сидел во дворе, маленький, как будто в обертку глянцевою упакованный, с синеватым оттенком. Его синие губы и мрачные глаза вызывали отвращение. Но им был нужен не красавец Ведиев, а владеющий тайной человек. Незнакомых людей он встретил настороженно. У ног его лежал пес, лайка, дружелюбно помахивая хвостом.

— Ты хвостом не крути перед каждым, — отчитал хозяин добродушного пса.

Видимо пес совсем не обиделся на упрек хозяина, потому что тут же подошел к Алексею и ткнул мокрым носом в его руку. Алексей погладил его. Но, когда Вадим протянул к нему руку, пес зарычал и ошетинился.

— Не понравился, ты ему, паря. Что вас привело ко мне, гости незваные?

— Журналисты мы, пишем о здешних краях. Вот и захотелось посмотреть как на отшибе люди живут. Совсем один человек, а кругом тайга с трех сторон.

— По воде всегда можно уйти, — ответил хозяин. — Заходите, гостями будете.

По количеству выпитых бутылок видно было хобби Ведиева. Он усек взгляд Алексея и пояснил:

— Гости часто бывают, дома жены со света сживают, а тут пей, сколько душа пожелает. С собой привозят обычно.

— Мы тоже не лыком шиты, прихватили с собой полдюжину.

— Значит надолго? Рыбачить? На охоту? Или просто посмотреть тайгу? Так она опасная хозяйка, заведет и пропадет человек, в жизни не выйдет из буреломов таежных.

— Сами пока не знаем насколько.

— Проходите. Угощение у нас царское. Стерлядка мороженая в холодильнике припасена, муксун, икра.

— Ого. Как в ресторане самом престижном.

— Тут этого добра хватает.

Алексей и Вадим начали вытаскивать из баулов овощи, фрукты, конфеты, буженины кусок.

— Точно бывалые люди, знаете чего в тайге не хватает.

— Я здесь первый раз, — сказал Алексей.

— А я бывал в этих местах. Только мы по Оби путешествовали на теплоходе «Ленинский комсомол», в Тобольске побывали.

— На Севере тоже свои примечательности имеются.

— Вы давно здесь живете?

— Сколько себя помню. Батя мой он объехал весь свет и сгинул где-то, а мы с матерью жили не выезжая.

— А сейчас где ваша матушка?

— Померла, уже годков пять будет.

— Почему же вы не в поселке со всеми живете?

— В рыбнадзоре служил когда-то мой отец, а потом, когда его назначили работать на юг, где он и сгинул, работал я. Невозможно стало работать. Или глаза закрывай, не замечая ничего, либо тебя пристукнут.

— А сейчас?

— Живу тем, что река да тайга дают. До пенсии еще время не вышло. Да и что сейчас эта пенсия даст. Насмешка над народом.

Стол был накрыт, добавилась к городским деликатесам стерлядь мороженая. Хозяин стукнул ее на дощечке обухом топора и она распалась на части. Положил в тарелку алюминиевую и на стол.

— Пробуйте.

— Действительно деликатес, а не рыба, вместо костей, хрящик на шнурок похожий.

— Это что же здесь вся такая рыба? — поинтересовался Алексей.

— Только стерлядь, остальная с костями, но не страшными, их совсем мало, особенно у муксуна. Вот глядите, — он показал гостям распластанного подсолненного муксуна, величиною с полметра.

Ели и ахали. Вкуснятина необыкновенная. Потом еще брусника появилась моченая. Такая роскошь по вкусу. Морс из нее непревзойденный. Вскоре хозяин захмелел. Видно постоянные упражнения в приеме гостей с водкой давали о себе знать. Он похрапывал прямо у стола. Усталые гости расположились на топчанах, накрытых оленьими шкурами. Вместо подушек наволочка с ветками деревьев. Топчанов насчитали шесть.

— Широко живет, — заметил Вадим.

Прошло время и хозяин проснулся.

— Скучно стало, паря? — спросил он Вадима. — Ты молодой, ноги резвые, спустись к реке, там морду вытащи и рыбку сюда. Уху варить будем. Ведро в сенях возьми.

Когда Вадим ушел, Ведиёв внимательно посмотрел на Алексея и сказал:

— Никакой ты не журналист. Рассказывай чего надо, пока твой товарищ рыбу шарит.

— Ошибаетесь, правда приехал написать серию очерков.

— Ну смотри тебе лучше знать.

Рыбу Вадим принес, была чудесная уха, под водочку с песнями про Стеньку Разина и бродягу из диких степей Забайкалья.

Потом хозяин свалился вдрызг пьяным. Свой был вечером, но как только Ведиёв протрезвел — стал настороженным зверем.

— Далмат — Оглы, расскажите о своих здешних корнях, кто были ваши предки, про все ваше генеалогическое дерево.

— Дерево, говоришь, оно у нас огромное, ветвей много. Выходцы из Средней Азии. Революция призвала моего деда на Север, так тут и остались.

— А братья, сестры отца?

— Некоторые остались там в азиатских республиках, тоже порядок надо было наводить.

— У вас есть семейный альбом?

— Конечно. Моя мать была образованной женщиной, занималась ликвидацией

неграмотности, а отец контру громил. Только они вместе почти не жили, он в Азии, она на Севере. Переписывались.

— А дети были, — продолжил каламбур Вадим.

— Мать к нему наезжала иногда, а он сам всего три раза домой приезжал.

— И сколько же сестер и братьев у вас имеется?

— Два. И еще один, но он в тюрьме находится, там его постоянное место жительства.

— Что так?

Все какие-то сокровища ищет, плетет невесть чего, его бьют, он бьет, так и не кончаются сроки.

— А между сроками здесь проживает?

— Нет, на Урале в Верхотурье его дислокация постоянная. Там у него и жена числится, правда не знаю, которая по численности. Детей нет.

— У вас бывает?

— А что ему тут делать, он на золоте помешался, — говорит, всеравно найду. Видно в тех местах, если после колонии там ошивается.

Интересно посмотреть на отца, мать вашу, остальных родственников, чтобы иметь представление.

Выпили по рюмочке и Ведиев принес альбом.

Альбом, как альбом. Все они похожи друг на друга. Алексей с Вадимом начали его рассматривать. Но так медленно получалась эта работа при многословном рассказе о каждой фотографии, что Вадим заскучал и вышел покурить. Он стоял у двери и прислушивался к тому, что рассказывает хозяин. Где-то уже перед концом, когда Вадим устал прислушиваться и вышел в сарай, пошарить, нет ли там чего интересного, Алексей перевернул предпоследний лист картона и чуть не закричал, на фотографии рядом с уже знакомым старшим Ведиевым сидел его отец, Строганов Николай Николаевич, в косоворотке, какую он носил в жарком Ташкенте.

— А это кто? — спросил он так просто, не придавая значения.

— А это начальник моего отца, фамилию забыл, зовут Николаем. Они вместе выполняли задание. Кто-то предал их. Убили обоих. А эшелоны отправили неизвестно куда.

— Откуда вы знаете?

— Мама туда ездила, всех расспрашивала, нашелся человек рассказал ей все. Она тогда и брата с собой брала, он с тех пор и помешался на сокровищах.

— Тут ващ отец хорошо смотрится, можно я возьму эту фотографию, сделаю хорошие снимки и пришлю вам обратно.

— Берите. Не жалко.

Листнул последнюю страницу. Ведиев уже встал и пошел приложиться к очередной рюмочке. Из альбома выпала фотография, на ней была изображена молодая женщина. Надпись на фото была сделана рукой отца Алексея. Написано: Елизавета. Село Демьяново ст. Пролетарская. Кокетливая женщина смотрела на Алексея. Он положил фото к себе в карман и закрыл альбом. Подсел к столу к Ведиеву и они затянули песню, на этот раз про золотые горы. Вскоре пришел недовольный Вадим. Когда хозяин дошел до кондиции, он сказал Алексею:

— Не того братца мы с тобой разыскали.

— А почему ты так думаешь?

— Этот не слыхивал ни о чем, что связано с угнанными драгоценностями.

— Вот тебе и помощник, осведомлен получше меня. Значит господин генерал послал его не на помощь мне, а следить за мной.

Ни слова не говоря о своих подозрениях, он потянулся и сказал:

— Мура это все. Сказки бабки Василисы. Уже сколько лет работаем, а ни о чем таком в управлении не слышали.

— Верно, — решил исправить ошибку Вадим. — Нам бы завтра домой отчалить с утренним катером.

— Сказано — сделано. Едем.

Утром они распрощались с хозяином, тот проводил их до мостков и стоянки катера и они, помахав ему руками, отчалили от берега.

Домой вернулись ровно через два месяца после отъезда.

Все это вспоминалось Алексею через десяток лет после всех этих происшествий. Он тогда влетел домой и первое, что увидел, снова стройненькую жену.

— Кто? Спросил он с нетерпением? — Кто у нас родился?

Ляля заплакала, теща тоже. Они стояли и проливали слезы в три ручья.

— Что случилось? — Отвечайте.

— Она умерла при родах. Травма головы.

— Какая травма? В космос летаем. Какая смерть? Я немедленно еду разбираться с этими неумехами.

Ляля повисла у него на руках.

Теща шепнула на ухо:

— Она чуть жизни не лишила себя от горя. Психиатр занимался ею. Не говори ничего, я потом все объясню тебе.

Алексей глянул на милое, поникшее бледное (не накрашенное специально) лицо и ему до слез стало жаль свою беззащитную в горе жену. Он взял ее на руки как ребенка и принялся укачивать, уговаривать. А она повиликой обхватила его шею и приникла к нему, сама нежность и очарование.

Первая опасность миновала. Нонна Сергеевна праздновала победу, пока еще маленькую, но победу. А назавтра его вызвали в управление и они долго разговаривали по поводу поездки. Генералом на заметку была взята мысль брата о другом, который между ходками ищет сокровище.

Началась разработка версии по выпуску осужденного Ведиева и взятие под контроль все его передвижения. Немедленно был командирован Вадим, втайне от Алексея к арестанту домой в Верхотурье. Женщина отсутствовала и пока ее не было проведен тщательный обыск в домике. Были найдены некоторые бумаги, написанные почерком недоучки и нарисованные так, как будто ворона рисовала своими лапами по ватману. В одной из бумажек значились пункты ст. Бежица, Брянской области и Сеща Смоленской. Был написан номер вагона семизначными цифрами. Все это сфотографировал Медведев и постарался навести порядок, чтобы хозяйка не заметила беспорядка.

По видимому что — то происходило с поисками сокровищ, но полковник Строганов больше задействован не был.

Дома наступили восхитительные дни. Он успокаивал свою расстроенную жену. И у них началась новая пора любви, беспокойно-нежной. Алексей берег свое сокровище. Он любил ее так, что казалось у него сердце разорвется от горя, видя ее сидящей в уголке, пока она дожидалась его с работы. В душе Ляли не было горестной утраты, она прекрасно научилась

манипулировать мужем и почти совсем забыла о происшедшем на далекой станции. Актриса из нее получилась превосходная.

Так и жили они в обмане и лжи, и лишь Алексей не имел понятия, с кем он рядом находится, и кого любит до самозабвения.

Природная лень с помощью опеки матери сделали Лялю созерцательницей жизни. Она ничего не делала, валялась целыми днями непричесанная и только перед приходом мужа начинала заниматься собой.

Она все реже выходила из дому, читала, смотрела телевизор, гадала на картах с матерью, наблюдала как та готовит обед или ужин и все больше и больше отстранялась от жизни извне.

— Ты повторяешь Обломова, — говорила ей мать — Что будешь делать без меня, я не вечна.

— У меня есть муж. Пусть он за меня думает.

— Смотри не влети снова.

— Мне гениколог сделал все, чтобы этого не случилось.

— Он больше не пристаёт к тебе с расспросами?

— Нет, не хочет меня расстраивать.

— Правильно делает.

— А тебе ещё он не надоел?

— Нет, я люблю его.

— Тогда почему стала прикладываться к рюмке?

— Ты ещё спрашиваешь. Вчера исполнилось ровно десять лет той девчужке. Жива ли она?

— Тебе не за чем забивать себе голову.

— Просто мне иногда становится страшно. Вдруг она погибла?

— Значит мучиться на этом свете перестала.

— Ты циник, мама.

— А ты? Это не я родила ребенка, а ты.

— Ну ладно, хватит. Я не буду больше касаться этой темы.

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Аленке исполнилось 10 лет. Это была уже совсем большая девочка, серьезная, красивая, не похожая на сельских детей. Частенько бабы судачили о ней и говорили Анне:

— Она у тебя как Херувим. Прямо — таки ничуть на тебя не похожая.

— Похожа на своего отца, — бросала Аня не оборачиваясь и проходила мимо.

— Ишь ты гордячка, а у девчонки прочерк в свидетельстве.

— А ну пошли, бестолковые, — увидев такую сцену, ругался на них Сидор Никитович.

— Да мы просто, так. — Просто, — ворчал он, разгоняя сплетниц. — Чтоб я не слышал больше такого.

— Ты, Анна, не обращай на них внимания, чешут языками так, как помелом, лишь было о чем болтать.

В поселке сгущались тучи.

Пастушонок как пропал, так и не нашелся. Обыскали все, как в воду канул. Мать плачет, заливаясь. Экспертиза, сделанная в городе по скелету в лесу, определила, что это и есть пастушонок. Мать заходила от горя. Пришлось гроб закрыть, чтобы не смотрела. Мужики экстренное совещание проводили, так чтобы их бабы не слышали:

— Видно волки завелись возле села.

— Да, так обгрызть парня могут только они.

— Странно, что мясо с костей снято как ножом, а не зубами выдрано.

— Может саблезубый какой волчара пришел к нам.

— Что делать будем?

— Капканы ставить. Коровушек по домам, пусть всяк за своей смотрит.

— Теперь мало осталось, пастух не нужен.

— С похоронами опять же помочь надо.

И снова в селе были похороны.

Ну предположим, что Заику сожрали волки. А кто тогда Людку в бочку затащил и отделал?

— Может медведь, — засомневался кто-то.

— Да она говорит, три их было.

— Гляди-ка. Нет. Медведи стаями за бабами не ходят.

— Опять же пропажи еды пошли, вещей с веревок.

— Тут что-то не так. Завелись чужие, но кто такие и что им нужно, неизвестно.

— Надо бы к леснику сходить, посоветоваться, может видел кого, что присоветует.

Сказано, сделано. Парламентеры были серьезные: Евсеич, Прокопъич, бригадир-полевод Жора, и с ними баба одна увязалась, новенькая Елизавета, та, что чуть заиками всех не сделала.

— Я, — говорит, ничего не видела, хочу познакомиться с людьми и по лесу гулять, где грибов больше.

— Ладно, иди, не на себе нести же тебя придется. Убытку не будет от присутствия чужестранки.

Заимка лесника была похожа издали на маленькую крепость. Домик с башенками, двойными воротами. Забором высоким, крепким. На опушке у реки место выбрано. И селс близко, не более двух километров. Хозяин живет здесь уже почти три года. Зовут Равиль.

Фамилия Насыров. А жена Оксана, хохлушка смешливая. Встретили парламентаров радушно. На стол накрывать стали. Гости свою самогоночку-первачок — шась на стол. Не льком шиты, поди. Хозяин за столом в рубашке-косоворотке, видно женой вышитой. Все брюшко-соцнакопление поглаживает. Говорит голосом тихим, приятным, не задирается. Хозяйка та все смеется по каждому поводу, такая заводная. На кухне что-то готовится. Вскоре гости пили и ели шашлыки с помидорчиками на шампурах между мясом. Наелись до отвала.

— Лосенка завалил, медвежатинки не желаете отпробовать?

После трехлитровой бутылки и лягушку жареную попросишь. Ели медвежатинку в соусе приготовленную. Хозяйка от похвал раскраснелась. А когда прощаться стали всем по пакетику мяса отвалили.

— В селе в эту пору живут постничают, а скоромного хочется?

— Еще как, — ответил Евсеич.

— А нельзя ли как самому пристрелить кого на мясо? — спросил Жора.

— У меня лицензии на отстрел имеются, — сказал хозяин и показал им целых пять штук разных.

— Тут тебе и медведь, и лось, и зайцы, и кабан, что душа пожелает.

— Дорого лицензия стоит?

— Дорого, если за нее деньги отдавать.

— А как по-другому?

— Кому лес, кому охота. Так и происходит бартер.

— А купить мясца изредка хоть можно?

— Можно и недорого, мне бы на патроны только хватало, да на курево с хлебом. На той неделе подходите будет вам сохатинка, или медвежатина.

— У нас тут волк завелся, пастушонка сожрал.

— Слышал, были у меня милиционеры. Я уже капканы поставил.

— Думаю какой-нибудь одни бешеный от стаи отстал, а так вроде бы у нас их здесь не имеется.

— В селе начались пропажи разные.

— Это не волки. Волк в горшок с кашей не полезет. И наматрасник с подушками ему не нужен.

— Ну ладно, прощевай, хозяин дорогой. Спасибо за привет.

С тех пор иногда потчевал хозяин свежатинкой приходящих гостей, да и с собой давал на шашлычки, готовое, расфасованное в кулечки. Ели, нахвалиться не могли.

— Человек этот Равиль, каких мало.

— Душа — человек.

— Щедрый.

— И жена нежадная.

— Другая бы за такие подарки всыпала ему по первое число.

— Первачка надо ему отнести побольше.

— Первачок, то хорошо, но мясо денег стоит.

— Соберем вскладчину и расплатимся.

Теперь каждый месяц можно было отовариться у лесника. Совсем почти задаром.

Один только Сидор Никитович не признавал щедрот этого человека.

— Он лесом распоряжается, как своим собственным.

— От леса не убудет.

- Не скажите. Раньше можно было встретить на дороге лосенка, лисичку, зайчат. А теперь? Этот человек уничтожает природу и еще за деньги продает вам государственное.
- Где оно государство наше?
- Хозяйство прахом пошло, лес вывозят, рыбу выловили, да отравили нечистотами. Грибы перерождаются. Берешь хороший гриб, а потом неделю с толчка не сходишь.
- Да, — проговорил молчавший Евсеич. — От нашего села осталось семей тридцать не больше и то половина собирается уезжать.
- Куда?
- К родственникам, поближе к городу. Там тоже есть бросовые дома, за бесценок купить можно.
- Магазин наш закрыли. Ладно бабы по очереди хлеб пекут.
- Только за дрожжами приходится за двадцать верст шастать, хорошо когда сухие попадают, а на таких много хлеба впрок не наделаешь.
- Целую неделю теперь черствый едим.
- А как зима, да распутица весенняя застанут, что делать будем?
- Прохватилов на тракторе привезет что надо.
- Странно, все вроде порушилось, проку никакого, а он сидит в селе и никуда не собирается уезжать.
- Правда интересно. Его мудреная бабенция тоже с ним здесь осталась.
- Кто она ему?
- Да кто его знает, говорят полубовница, а там их не разберешь. Может домработница.
- На иностранных языках, стрекочет. Училась, чтоб кашу варить, да полы мыть.
- А ну их к ляду.

* * *

- Время катилось, жизнь продолжалась. Как-то Равиль накричал на жену и приказал ей поехать в соседний город.
- Не хочу, — упрямо ответила она.
- Как не хочешь? — рассвирепел мужик. — Может другого присмотрела?
- Меня от тебя давно тошнит, — сказала и пошла к выходу.
- В один прыжок он настиг ее. От добродушного гостеприимного человека, каким его знали в округе, не было следа.
- Или ты исполняешь по-прежнему свои обязанности, либо я тебя.
- Что сожрешь, как всех?
- Ты несъедобная, дура, старая кобыла и несет от тебя потом.
- Значит, не отпустишь?
- Сама знаешь, что нет.
- Я же не пойду сама на себя заявлять в милицию. Так, мол и так, убивала с муженьком молодых подростков, детей, женщин не старше тридцати лет и потом жрала их в шашлыках, котлетах, жаркое делала, мариновала впрок, кровь пила свежую. Не могу больше, снятся мне они. Руки на себя наложу.
- Хорошо, — сказал он. Я больше не буду заставлять тебя убивать кого-либо. Я просто приму меры по твоему воспитанию.

Он схватил ее за шиворот, толкнул на пол, она ударилась головой, он еще добавил оплеуху и сбросил в яму на заднем дворе, цементную, с крышкой.

— Не надо меня туда, я боюсь.

— Боишься? — спрашивал он сверху глядя на сидящую внизу фигурку.

— Боюсь. Выпусти меня, я не пойду никуда, с тобой останусь.

Он прикрыл крышку, тяжелую, железную и женщина завывала, как собака на луну, тоненько и беспомощно. Прошла ночь, в яме было душно, страшно. В голове вертелись все погубленные ими жизни. Еще совсем недавно пастушонок, с заклеенным ртом, глазами молил о пощаде. Равиль полоснул его по горлу ножом как барана. Парень лежал в ванной и она подставила кастрюлю, чтобы кровь стекала в нее. А потом они пили с Равилем теплую, красную жидкость и не думали о том, в ком полчаса назад эта кровь пульсировала по жилам.

У них тогда было много мяса от двух заблудившихся в лесу молодых людей. Парня и девчонки. Враз вспомнилась сцена, как они постучали в ворота и спросили как им выйти на дорогу к речному вокзалу.

— Проходите, гостями будете, — приветствовал их хозяин.

Молодежь была явно голодная. Смотрели на плиту, где жарились сочные бифштексы из девчонки, привезенной Оксаной со станции. Она была хорошо одета и сидела, ждала поезда, чтобы проехать одну остановку к бабушке.

Оксана подошла к девочке, спросила почему она одна.

— Мама привезла меня. Сейчас поезд подойдет, а там наша соседка, тетя Маша проводницей ездит. Я с ней к бабушке и доеду. Она у станции живет.

— А хочешь увидеть лисичку и живого медвежонка.

— Хочу.

— Тогда идем со мной. Тут по тропинке недалеко.

— А поезд?

— Я тебя другим провожу. Вечером. Скажем бабушке, что опоздали маленько.

Девочка чуть подумала. Наказ матери и желание увидеть живую лисичку противоборствовали в ее сознании. Но ласковая тетя была убедительна, а мамы рядом не было. И она отправилась, взявшись с тетей за ручку.

— Тебя как зовут?

— Ниночка.

— А сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Да ты уже совсем самостоятельная. Платьишко красивое на тебе.

— Мама купила.

— Ты одна у мамы?

— Нет нас четверо.

— Ты, конечно, самая старшая?

— Угадали. Остальные мелюзга бестолковая.

Оксана шла и представляла сколько радости будет у ее мужа. Она уже давно не интересовала его как женщина. Перешла в разряд подруги, соратницы по общему делу. Он их увидел заранее и пошел навстречу.

— Лисичка не сбежала? — спросила его Оксана.

— Нет, сидит вас дожидается.

— Можно посмотреть на нее? — попросила девочка.

— Конечно, — только вот сначала зайдем на минутку в комнату.

Он пропустил в двери девочку, а Оксана осталась на улице. Она знала, что сейчас будет происходить в доме, но ее нервы давно были тряпичными, не ощущавшими боли других.

Равиль провел девочку в комнату и посадил на стул. Он принес ей платье из белой ткани и велел надеть.

— Не хочу, — заупрямилась она.

— А ты захоти, — сказал он и начал расстегивать брюки.

— Вы меня собираетесь бить ремнем? — с ужасом спросила девочка.

— Заткнись, — грубо сказала она девочке.

В ванную вошел и выключил воду.

Оксана зачем-то взяла кастрюлю и подошла к девочке совсем близко. Он тоже подошел, ухватил ее за волосы, загнул голову назад и полоснул ножом по горлу. Стекающая кровь наполняла посуду. Он с кружкой в руках ожидал, пока жена нальет ему теплой крови. Оба они в красных подтеках пили жидкость только что питавшую девочку. Безжизненное тело достали из ванны, положили на цинком обделанный стол и начали разделявать, как разделявают повара туши животных.

Такая жизнь началось у них давно, с тех пор как дед Равиля, приучил его людоедству. Тогда об этом никто не догадывался. У деда было шестеро детей, но он давно оставил свою старуху и жил во флигеле возле дома, начиненного многочисленными родственниками. Там, где людей жило много, а места было меньше, чем требовалось для нормальной жизни, всегда происходили свары и споры. Многочисленные новорожденные воцарялись в этом доме ежегодно по одному-два. Как-то потерялся двухлетний малыш. Мать зазевалась с болтовней на улице, хватилась, а ребенка нет. Так его и не нашли. У деда несколько дней был вкусный обед. Потом еще терялись внуки. И совсем маленькие и постарше. Продолжалось это несколько лет. Однажды Равиль сам пришел к деду. И дед впервые оставил внука живым. Его никто не посещал из родственников и он привык считать себя ненужным им. А тут Равилька, собственной персоной. Сел за стол, пообедал с дедом.

— Тебе Мансур ничего не рассказывал?

— Нет, а что?

— Ничего, квартиру ему дали отдельную скоро сам узнаешь.

— У тебя вкусно, мамка так не умеет варить, — похвалил внук.

Время шло. Люди терялись, часто не находились. Равиль вырос и уже жил самостоятельно, но к деду навещался часто.

Равиль наездами из другого города, где он остался после ремесленного останавливался у брата Мансура в его квартире. У братца было две комнаты и наезды гостя не обременяли его. Дед постоянно при наезде внука навещал их и баловал вкусными обедами. Как-то за рюмочкой, закусывая шашлыками и хваля его изделия, братья попросили научить их готовить так как он. Тогда-то они и узнали от него правду. Сначала кровно обиделись, даже убить хотели, а он им сказал:

— Корова тоже теплокровное животное, все понимает, а ее убивают и не спрашивают, хочет она этого или нет. А люди — вредные твари и очиститься от них можно и таким способом.

Братья с его доводами согласились, особенно припоминая обидчиков.

Равиль и Мансур не общались с родителями, ушли как-то сразу и все. Мансур попал в бандитскую шайку, где давно состоял его школьный сотоварищ, а теперь Ворон по кликухе.

Добывали они себе на жизнь разбойными нападениями. Всего четыре человека парней от двадцати пяти до тридцати лет, а шуму наделали много. Домушничали, разбойничали по ночам в малолюдных местах. Но особо капиталов не накопили и частенько Мансуру приходилось их кормить уже освоенным у деда ремеслом. Жратва была всегда в запасе. Он до того обнаглел, что начал сбрасывать скелеты, разрубленные на части в мешках прямо в мусорный ящик возле дома.

Сборщик мусора однажды пригнал свою машину на окраину города на общую свалку и опрокинул привезенное «добро». Бомж Валентин, обитающий здесь, порылся в мусоре и увидел мешок. Раскрыл его, а там человеческие кости, да сразу от двух человек, взрослого и ребенка. Испугавшись, он умчался оттуда, чтобы не иметь объяснений с милицией. Но по пьянке проговорился своей подружке Гусыне, прозванной так за то, что была горластой и ходила важно, переваливаясь с боку на бок.

— Ты чё, — заявить надо.

— Ни за что.

— Он же людей жрет, понимаешь?

— А нам с тобой какое дело? Нас не съедят — мы с тобой вонючие.

— Он же убивает их и потом жрет.

— Я сказал, молчи, женщина.

— А то что ты со мной сделаешь?

— Выгоню.

— Куда?

— На свалку.

— Так мы с тобой итак вроде на свалке находимся.

— Уймись, женщина, — рассердился бомж.

— Но при первой же пьянке Гусыня тоже поделилась секретом с другими.

— Пьяные бомжи почесали затылки и решили:

— Мы честные бомжи и людоедов не потерпим.

Тогда-то и появилось у молодого опера уголовного розыска, в чьем районе работала машина-мусоросборник, дело о пропаже людей и под вопросом — людоед в районе?

Опером был Строганов Алексей Николаевич. Вместе с двумя коллегами они обшарили район предполагаемого расположения объекта и вышли на дом, в котором проживал Мансур.

При расспросах бабушек был выявлен подозрительный тип на третьем этаже. Одиноким мужчиной, к нему постоянно ходит всякая там шелопонь.

— Ходят и ходят, — ворчала старушка.

— И все по ночам.

— А сегодня мой внук Эдик как ушел в школу, так его до сих пор и нет. А на дворе пять часов вечера.

— В школе спрашивали?

— Бегала мать. Он не приходил туда совсем.

— Фенька, поди сюда, — позвала она девчонку, стоящую на балконе.

— Что надо? — спросила появившаяся девчушка лет четырнадцати.

— Эдьку видела?

— Не скажу.

— Скажешь, это милиционеры пришли к нам.

— Он с тем, из двенадцатой квартиры поднимался утром.

— Он же в школу пошел.

— Вернулся, я видела.

Алексей с Сережей поднялся наверх, там, чисто из приличия поискать, пока еще явно неизвестно где гуляющего школьника. Андрей остался у подъезда.

На звонок в дверь открыли быстро. Это был мужчина, молодой, в фартуке. Он хотел захлопнуть дверь, но было поздно. Оперативники вошли в квартиру.

— Я думал, Колька, должен был придти сейчас.

— Значит придет.

— Из кухни шли охренительно вкусные запахи жареного мяса.

— Жена готовит? — спросил Алексей.

— Нет, я сам. Один живу.

Алексею почему-то вспомнились услужливые бомжи с их рассказами о скелетах, которые были найдены тотчас оперативниками. Хотя такого везения отыскать преступника было мало.

— Можно пройти?

— Пожалуйста.

Они прошли в кухню. На большой сковороде жарилось мясо. Тошнотворный запах свежей крови витал в воздухе. На столе стояла трехлитровая банка, крышкой вниз, явно закрученная впрок.

— Где Эдик? — спросил в упор Алексей.

Хозяин попятился и сел на табуретку у стола. Его растерянность вызывала подозрение.

— Говори, где Эдик, или мозги вышибу, — сказал Сергей, доставая пистолет.

— Вон он.

— Где? — спросили оба враз.

— В банке.

— Как в банке?

От ужаса у обоих начали шевелиться волосы на голове.

— Я его замариновал, а на сковородке жаркое, сейчас друзья придут.

Этот человек был явно не в себе, если так просто говорил обо всем. Алексей высунулся в окно и крикнул Андрею:

— Срочно в двенадцатую.

Андрей повернулся, чтобы идти, как вдруг обнаружил, что пока он делал несколько шагов до дверей подъезда, впереди него зашли двое и поднимались на третий этаж. Он приотстал чуть-чуть и подождал пока дверь открылась и их впустили. Он влетел во время. Алексей подножкой сбил впереди идущего, на него кувыркнулся второй, а сзади их подпирал, войдя в дверь Андрей. Оба вошедших были окольцованы и теперь наручники Андрея надевали хозяину.

— Кто такие, — спросили оперы.

— Друзья, — ответил хрипло востроносый пришелец. Видите день рождения справлять пришли. Уже и хава готовая.

— Может поминки?

— По ком? Что Воробей допрыгался? Убили его?

— Нет. Здесь Эдик зажаренный вас дожидается.

— Поросенок что ли? Не темни, говори.

— Ничего он вам не скажет. Потому что на сковородке зажарен мальчик, по имени

Эдик, а в банке замаринован тоже он.

Двум жуликам стало плохо. Их тянуло рыгать, но почувствовав неприятные игры желудка они вскочили и накинулись на хозяина. Руки были в наручниках, но досталось ему немало. Добили бы, да оперативники не дали.

Вызвали экспертов, понятых и первобытное зрелище, рассказанное Мансуром заставляло доктора постоянно применять нашатырный спирт, ко всем, находящимся здесь. Кости Эдика было разрублены и лежали упакованные в мешок. Ванна, еще плохо отмытая издавала этот ужасный запах крови.

На допросах людоед рассказал про деда, которого уже не было в живых, но ничего не сказал о брате Равиле. Он не был прописан в квартире, даже в городе, поэтому и остался вне поля зрения правопорядка.

Когда родителям рассказали о том, как погиб их сын, мать не выдержала и умерла. А отец, забрал кости и банку, отнес в морг и попросил все это положить в запаянный гроб, чтобы можно было предать земле останки сына.

Долго судачили после приговора люди. А людоеда не расстреляли. Мораторий вышел, да и вообще его признали ненормальным и лечили долго в больнице для умалишенных в особом отделении для преступников. И никто не мог знать, можно ли исправить такого человека. Некоторые врачи считали, что можно. И потом он будет безвредный гражданин для общества.

Вскоре после этого громкого дела Алексея Строганова — сына чекиста, плодотворно работавшего в Средней Азии по изъятию коррумпированных излишеств у верхушки общества, взяли работать в особый отдел, где расследовались самые тайные и громкие преступления. Всего этого людоед не знал. Ему не за чем было думать о тех, кто прекратил его любимые обеды и теперь его кормили баландой и кашей.

Оксана вскоре, после того как девочка Ниночка была съедена, поехала на вокзал за три станции от своей. Нельзя было промышлять близко, итак уже достаточно наследили с пастушонком.

На скамейке у вокзала сидел парнишка, грязный и худой.

— Да на нем и мяса-то нет, — подумала она, но других претендентов явно не было видно. Она подошла к нему и погладила его по голове.

— Как зовут тебя?

— Петька.

— На рыбалку хочешь?

— А то?

— Со мной поедешь?

— Ну и рыбак, — расхохотался мальчик.

— Представь себе, интересуюсь и улов даже очень неплохой.

— Ты тоже бомжуешь?

— Нет у меня дом есть.

— И удочки есть?

— Конечно, — говорила она обрадованному несмышленьшу.

— Тебе сколько лет?

— Десять.

— Родители есть?

— Мать. Пьет и дерется.

— А тебя как звать?

— Петькой.

Приехали на заимку. Хозяин гостя встретил хорошо, только сказал:

— Ну и чумазый же ты. На кочегара похож. Потом ткнул его в бок и говорит:

— Да ты одна кожа да кости, парень. Надо тебя подкормить.

Оксана обрадовалась, что приглянувшийся ей парнишка жить будет. Мясо наращивать.

Так именно выразился при его встрече ее благоверный. Баньку затопила. Пошли они с Равилем мыться. А Оксана пока одежонку его вшивую всю, в печь затолкала и нашла одежду мужа, которую он уже не носил. Мала стала. После бани отмытого Петьку не узнать, чистенький, кожа белая, волосики светлые.

— Какой ты хорошенький стал, — погладила она его по голове.

— Парень как парень, — буркнул Равиль. — Только костлявый как рыба.

— Ничего, на хороших харчах быстро поправится.

— Надеюсь, — ответил хозяин.

Петька ходил за Оксаной как пришитый. И печку топил и картошку чистил и за водой бегал. И так он к сердцу Оксаны присох, что ни за что расставаться с ним не хочет. Как подумает, что ему предстоит, так и слезы подступают.

— Ты его меньше работать заставляй, — ворчал Равиль. — Пусть жир нагуливает.

— Он совсем мало ест.

— А ты его заставляй, чтоб хотел.

Она ему и пирожки и шанежки с картошкой печет. А он жаркое с хозяином наворачивает. Правда из солонины, нет свежатины, но всеравно вкусно. Петька жизни не нарадуется. И рыбалка рядом, постоянно окуней носит. Морды научился ставить, с удочкой управляться.

— Оставить бы его себе, сыночком сделать, — мечтала женщина, обойденная этой радости. Да как вспомнит про деда, что своих внуков малых жрал, жутко становится. Она не задумывалась, живя с Равилем, сначала по любви, теперь по привычке, что можно семью настоящую иметь. И начала придумывать разные разности, чтобы Петьку от смерти спасти. Как-то муж спросил ее:

— А ты не думала, что те, кто земле не преданы переселяются сразу в чужое тело?

— Как это?

— Ну съели мы, к примеру человека? А душа? Она пристраивается к тому, кто поблизости умирать собрался. Да и прогоняет ту, дряхлую душу, а сама входит в тело. Молодые, резвые, старикам с ними не справиться.

— Страсти — то какие.

— Как ты думаешь, женщина, что нам с тобой за грехи наши будет?

— В ад попадем.

— Не пустят. Нас оставят на островке между адом и землей, и наверное жрать не дадут.

— Если бы только это?

— А что еще? Ни один грешник нам руки не подаст.

— А зачем тебе их руки? Их же зажарить возможности там не будет, — захохотал он.

— И ей стало страшно, что однажды он и ее сожрет, когда никого вокруг не будет.

— А сама сколько душ загубила? — задала она вопрос себе.

С этой поры как Петька у них появился не стало у нее покоя. Начала думать, как ей убежать с этим парнем из логова. Но придумать ничего не могла. Оксана знала, что у мужа

есть тайник, где он прячет документы на новое имя, деньги, сколько не знала, но почти все, что он выгрел у людей и выручал за продажу природных богатств как лесник, складывал там.

Однажды, когда он пошел туда, она потихоньку пробралась за ним почти до самого места. Там среди леса находился камень-валун, странно, гор вокруг нет, а камень имеется. Потом он там как сквозь землю провалился. Так она и вернулась, не узнав ничего толком.

Каждую неделю Равиль ставил Петьку на весы, но тот почти не прибавлял веса, только порозовел, да крепче стал.

— Не в коня овес, — ворчал хозяин. — Кормлю, пою, а толку мало.

— Может он хворый какой?

Равиль задумался.

Больше всего на свете он боялся инфекций. Чтоб не заболеть и не умереть, хотя здоровье у него было отменное.

Оксана вставала и ложилась с мыслью о мальчике. Хотела уже отвезти его назад на станцию, а мужу сказать, что заблудился в лесу, да парень-то смысленый, сам найдет их. Рассказать правду, значит загреметь в тюрьму. Тоже не подходило. Однажды утречком Равиль ей сказал:

— Ты поговори с докторшей, мол так и так, худой ребенок, не поправляется, какая у него хворь может быть?

— Ладно, — сказала Оксана, — я схожу, поспрашаю.

Пошла раным-рано, а Петька услышал, как они говорили и так ему стало тепло от заботы о его здоровье. Он поспешил догнать Оксану в селе и послушать, что они говорят с докторшей.

Потихоньку за кустиками пробирался за Оксаной и она не заметила ничего подозрительного. Пошла она к местной докторше Анне Федоровне, ее деда знала, бочки разные заказывала у него. Подошла ко двору. Никого. Решила подождать. Значит рано еще. Сидит задумалась. Скотинку больше на выгон не гоняют, стоят привязанные, пасутся вокруг веревки. Что это за корм? Молодица какая-то прошла. Поздоровалась. Посидела-посидела на скамеечке Оксана, да и прикорнула на утреннем солнышке. Крепко так заснула. И вдали от своей заимки как будто даже человеком себя почувствовала, а не тварью кровожадной.

Проснулась от шепота. Говорили двое. Один явно ее Петька, а другой голос девчоночий. Глаза открыла и обомлела. Недалеко от нее на бревнышке сидит ее Петя и девочка с кудрявыми светлыми волосами. Ну принцесса, а не девчонка. Глаз не отведешь. У нее сердце захолонуло. Значит, он варнак, эдакий тайком за нею пробрался. Только хотела отругать парня, встала с места, а старик, хозяин дома говорит:

— Милости прошу, мадам, проходите. Сомлели на солнышке, — а сам лихо усы подкручивает.

Высокий, статный, моложавый, хотя видно, что по годам ему ого-го.

Оксана отказаться хотела, а он и говорит, как будто мысли читает:

— Отказов не принимаем, и сыночка зовите с собой.

— Аленка, — кликнул красавец — дед девчоночку.

— Иду, дедуля, — прозвенел голосок и еще раз сказал уже Петьке, — пойдем, дедушка чай зовет пить с медом.

И приняли в доме этом Оксану и Петьку как гостей дорогих. Чай свежезаваренный с травами. Мед духмяный, грудь сжимается от запаха.

— Ешь, Петр, скорее вырастешь, ишь какой худой.

— Да уж не знаю что и делать? Как кормить его, чтобы поправился.

— Побольше витаминов надо есть. Морковку, свеклу, ягоды разные. Медок.

— А мясо?

— Мясо оно хорошо в меру. С него одного умереть можно. Были такие эксперименты, когда люди ели одно мясо и умирали от него. Цинга добивала. Так что балуйтесь молочком и витаминами.

Пока они свою беседу вели Петька с Аленкой подружились. Бегают, играют в прятки догонялки.

— На отшибе живем, парню не с кем играть. Почти в лесу.

— Знаю ваш дом, бывал в этих местах. Когда строился, лес выписывал. Мы тоже на самом краю деревни, а детей кругом нас нет. Скучно внучке. Зимой школа была, а теперь ее закрыли, некому зарплату учительнице платить. Четыре ученика во всем селе осталось.

— Совсем развалилось село, — вздохнула гостья.

— Да, в былые времена улицы полны были детворы и пернатых. Гуси, индюки за ними гонялись. Крик, гам. Словом жизнь била ключом. А теперь нас человек тридцать осталось. Держимся, но не знаю сколько это протянется. Мимо ехал директор Агрокомплекса Прохватилов, почему-то сильно удивился визиту Оксаны, увидев ее, остановился и предложил довезти до дому.

— Прощайте, добрые хозяева. Жаль, что вашу внучку не увидела. В следующий раз заедем.

— Приходите. Завсегда рады будем. Дети поиграют еще.

— Дедушка, — затянула жалобно Аленка, — пусть еще поиграет Петя. Мне скучно одной.

— Мы придем с ним, милая, обязательно придем, — заверила Оксана расстроенную девчушку.

И Петька скривился, уходить не хочет. Сидор Никитович им туесок с медом подал.

— Ешь, Петр, поправляйся, голубчик.

Они сели в машину Прохватилова и тот довез их до дому.

— Почему она у тебя в деревне бродит? — грозно спросил директор лесника.

— Парень квёлый, не поправляется, узнать хотели, не больной ли.

— Тебе что есть его что ли? — Больной и больной. Пусть в лесу больше гуляет.

— Хотел узнать, не зараза ли какая, что худой.

— Да худые нас с тобой толстых переживут, — объяснил ему Прохватилов. Ты, парень, дело не забывай. Тут в лесу объявились трое. По всему селу воровство идет. К тебе тоже заглянуть могут.

— Пусть заглядывают, я их не боюсь.

— Они сокровища ищут, больше им тут делать нечего.

— Не найдут, если до сих пор мы их отыскать не можем.

— А сколько казалось, что схватили птицу за хвост и на тебе, снова обманка. Сердится хозяин, думает мы его просто за нос водим.

— Нам самим с ними не справиться, если б даже мы их и разыскали. Слишком раритетны. Многовековые изделия. Побрякушкам женским цены нет. Их нигде так просто не продашь. Сказали, что купец уже нашелся и готовит документы и возможность вывезти все это отсюда. Да вот самих сокровищ нет и нет.

— Ведь все точно тот каторжанин говорил и рисовал, только другой пристрелил его сразу, а ты поспешил его тоже, ножичек метнул в самое горлышко. Вот теперь и лазим мы с тобой три года, а все без толку.

— А нас, как всех раньше не шлепнут?

— Думаю нет. Им сопровождение нужно, да и столько лет мы их сберегали от разных искателей приключений.

— Хорошо придумали с арендой на землю. Прямо лучшего способа полного разорения крестьян невозможно было найти.

— Кто-то старался, думал. Теперь села свободные стоят.

— Ладно, что узнаешь, сообщай, — и они распрощались.

— Ничего себе мясокомбинат, — подумал про Прохватилова Равиль. — Не будет никого и он сгодится. Надолго хватит.

Эти азиатские сокровища не давали покоя многим. Только молвой разрозненные на четыре части, собирали искателей в разных местах. Людей перебито за это время — уйма, а разгадки так и нет. Многие подумывали, что их давно уже, еще тогда увели из-под носа охраны те, кто и послал забрать их для казны. Иначе зачем было расстреливать, убивать всех сопровождающих. И делить сокровища на четыре части? Что-то тут не так. Может и слух о их существовании поддерживают до сих пор, чтобы государственные люди не начали спрашивать с ответственных за их возвращение в казну? Иначе такое долгое путешествие по станциям в течение десяти лет, ничем не оправдано.

* * *

Сейчас голова Равиля была занята мальчишкой. Скелет не годился ему на обед, но и держать у себя он не мог. Вдруг увидит что и конец его делу. Подозвал Оксану, пока Петька у реки возился с удочкой и сказал:

— Толку от него никакого, я его убью.

— Умоляю тебя, оставь его. Не трогай. Он нам заместо сына будет.

— Какого еще сына? На лях он тебе понадобился сын? Никаких разговоров на эту тему, баба дурная.

В это время Петька подошел.

— Тетя Оксана я схожу к Аленке в село?

— К какой еще Аленке?

— Девочке. Такая красивая девочка там, дядя Равиль, как на картинке нарисованная.

— Что ж ты мне про неё не рассказываешь? — повернувшись к Оксане, спросил Равиль.

— Девчонка как девчонка, дочка врачихи, внучка деда Сидора, пчеловеда.

— А по мне хоть турецкого султана.

— Хороша, говоришь девчоночка?

— Никогда не видел такой. У нее кудри золотые и вьются ниже пояса.

— Да ты прямо художник, описываешь портрет.

— А я умею хорошо рисовать, — похвастался Петька.

— Ладно. Иди к ней в гости, а я тебе краски куплю, нарисуешь портрет и подаришь ей.

Приглашай ее в гости к нам.

Петька умчался быстрее ветра, а Оксана похолодела.

— Ты что задумал? Ведь они почти соседи, тоже с краю живут.

— Молчи, женщина. Закрой рот, пока тебя не спрашивают.

— Не дам. Не дам совершить такое. Она одна у матери и деда.

— Жалостливая наплась. Штук двадцать разных сожрала и черных и белых и сереньких, а теперь на нее жалость напала? Тебе так и так вместе со мной отвечать придется. Кто их заманивал сюда? Кто кружку под кровь подставлял, пашлык готовил, разделявал со мной и мясо продавал?

— Палач, — причитала. — Ты меня принудил к этому.

— Э, нет, голубка, кровавая, не думаю, что мне с другими так просто бы пришлось.

— Не хочу больше этим заниматься, — рыдала Оксана.

— Хорошо. Я тебя посажу на травку, листики, посмотрим, что запоешь.

— Лучше с голоду умру!

— Очень хорошо.

Он подошел к ней вплотную, схватил за волосы и начал бить другой рукой в живот, грудь, по лицу. От боли она осела, но он держал ее на весу за волосы и убил бы, если б не мальчишка. Тот возвращался назад. Равиль отпустил ее и сказал:

— Живо в баню, скажешь упала.

— Что так скоро? Или не приняли хозяева гостя?

— Их дома нет. На замок закрыто.

— Ничего попозже сходишь.

— Вы меня отпустите?

— Отчего же не отпустить к хорошим людям. Общение с ними заставляет ума набираться.

— Они такие хорошие.

— Вот и замечательно. Ты поди Оксану глянь, она с обрыва свалилась, в баньке отлеживается.

Петька нашел ее в предбаннике на скамейке, охающую, покрытую синяками.

— Тетя Оксаночка, что с вами?

— Упала. За корень зацепилась у дерева и скатилась по камешкам. Принеси мне воды.

Петька проворно принес воды в ковшике, она напилась, стащила банное полотенце с вешалки и еле дошла до бака с водой, окунула в него лицо.

— Ты беги, я скоро. Отлежусь маленько.

— А поесть что-нибудь принести?

— Чаю с медом.

— Я сейчас.

— Что там она просит? — спросил Равиль.

— Чаю с медом.

— Отнеси.

— Я мигом, только согрею.

Они сидели с Оксаной в полутемном предбаннике, освещенном из открытых дверей и Петька рассказывал ей о девочке, как они хорошо играют и что дядя Равиль теперь будет отпускать его к ней. И приглашает ее к нам тоже.

— Не надо к нам, — сказала испуганно Оксана.

— Почему? — удивился Петька.

— Видишь какая я красивая стала, за корень зацепилась, а здесь сплошные деревья и

таких корней много.

— А мы осторожно будем бегать. На рыбалку пойдем.

— Не девчоночье это дело рыбалка.

— Тогда цветы собирать будем и гербарий сделаем.

— Посмотрим, а пока мне плохо и ты никуда не уходи.

— Ладно, — согласился Петька, — я подожду.

Вечером пока еще было светло, Равиль пошел в село. Он остановился недалеко от дома Сидора, за углом, так что бы его не было видно. Из ворот выскочила девочка. Светлые золотистые волосы ниспадали, струились по ее плечам, беленькая с правильными чертами лица, полненькими в меру ножками, коротеньком платьице, словно в фея в сказке, предстала перед ним, так как мячик покотился в его сторону.

Равиль онемел. У него пересохло в горле, он готов был схватить ее немедленно и утащить. Но она бы не молчала, и шум, поднятый им, вряд ли помог бы сбежать с драгоценной ношей. Он взял мячик и кинул ей.

— Ты кто?

— Петькин родственник, — ответил он.

— А где Петя?

— Дома. Тетя заболела, он возле нее. Дедушка дома?

— Дома, проходите, я вам покажу куда и она, подскакивая с ножки на ножку бежала впереди, грациозная соблазнительная нимфа, так что У Равиля стучало сердце.

Он не мог поспевать за ней, этот сильный мужик, парализованный силой красоты ребенка.

— Проходи, лесник, гостем будешь.

— Здравствуйте, — приветствовал он пересохшим горлом хозяина. — Я к вам по делу. Мне бы морды новые надо сделать. Хочу рано в воскресенье, за излучиной их поставить. А с меня будет рыбка самая наилучшая.

— Хорошо, сделаю, — ответил Сидор Никитич. — Сам я уже давно не рыбачу, лодки своей нет, да и пчеловодство все время забирает. Летом опять кочевать придется в разные места. Медосбор требует странствий по лесу.

— Я так боюсь пчел и не дружу с ними. У меня рыбалка, охота. — Когда можно будет зайти за мордами?

— Послезавтра к вечеру. Готовы будут. У меня материал заготовленный есть.

Возвращался Равиль на крыльях. Петь хотелось. Такую красотищу мать выродила человеческая. Даже на обед пускать жалко.

— Жену бы такую. В Азии в одиннадцать лет замуж выдают, а этой сказывают десять. Но как до нее добраться?

— Это тебе не с вокзала беспризорника достать, за такую и башку открутят.

— Все равно заполучу ее, золотоволосенькую. А вот как — подумать надо хорошенько.

Он вдруг стал ласковым с Оксаной и однажды сказал:

— Я не трону твоего парня, пусть живет у нас, но он должен постоянно дружить с той девчонкой и иногда приводить ее к нам.

У Оксаны сердце захолонуло.

— Зачем тебе это нужно?

— Не спрашивай, выполняй и все. А то быстро разделаю твоего Петьку на шашлыки костлявые. Понятно?

— Понятно, — ответила она.

Долго ломала голову, зачем ему дружба детей понадобилась? Он мог итак украсть девчонку в любой день и сожрать. Нет, тут что-то не так. Однажды за ужином он, выпив самогоночки, подобрел и разговорился.

— Я хочу иметь вторую жену, молодую, резвую, красивую.

— Кого же это ты присмотрел?

— А ту девочку, бондаря внучку.

— Тебя чай с ума не сбросило? Кто же тебе ее отдаст, пузатому негодяю?

— Я спрашивать никого не собираюсь. К осени мы отсюда снимемся. Я вот только деньгами разживусь и уедем.

— С кем?

— С тобой, Петькой и Аленкой, чтобы поначалу не ныла. А как исполнится ей 11 лет, женюсь.

— Очумел. У нас браки разрешаются с 18 лет, а в одиннадцать дети еще маленькими считаются.

— А мы уедем отсюда в бывшую страну СНГ, где разрешат такой брак, вернее им будет по хрену, кому сколько лет.

— Не делай этого, погубишь себя, меня, Петьку и ее.

— Все решено и ныть бесполезно.

— Где ты денег столько возьмешь?

— Знаю место, давно присмотрел.

С тех пор Петька часто стал бывать в доме Сидора и он не возражал, девочке было скучно одной, да Аннушке еще самой приходилось их учить грамоте. Школа закрыта, а отдавать в район одну в интернат, Анна не захотела. Решила год учить детей сама. Она не ведала о планах замужества ее малышки, вынашиваемых сорокалетним подлецом лесником и их другом по совместительству. Если бы она могла предположить?

* * *

В районе трех станций Развилка, Каменка и Пролетарская, да еще в селе Демьяновс начали частенько исчезать люди. В уголовке Пролетарского района решили, что тут действует маньяк, довольно серьезный, поскольку за три года исчезло более тридцати человек. Все молодые в возрасте от шести до тридцати лет, при чем дети обоего пола, а взрослые преимущественно женщины.

Тогда, когда нашли кости пастушонка все остановились на версии зверя. Но недавно в районе Каменского района найдено было несколько разрубленных скелетов, уложенных в мешки и прикопанных на берегу реки. Видимо прибыли они сюда речным путем. Начали искать теперь уже ясно поставленную цель — маньяка. Только почему он разделяет тела и выбрасывает только скелеты?

— Может у него звероферма? Или свинарник?

— Кормит человеческим мясом свое хозяйство?

— Вполне логично.

— Такие примеры есть.

Уголовка начала шерстить все районы в поисках зверо и свиноферм. Таковых в трех

районах насчитали одиннадцать. Но хозяйствовали на них семейные люди, вполне благополучные и к ним ни с какой стороны невозможно было приписать исчезновение людей.

Вскоре молва разнеслась по всей области и дальше. Люди перестали ходить в лес. Парни опера были смышленные и не раз ловили матерых бандитов, а тут как будто оморочка какая, ни мысли, ни предположения.

У реки, огибающей городок Развилка, тоже нашли захоронение, сразу троих человек. Ребенка лет шести и девушек. Передали на опознание экспертизе.

Город Ростов славится своими экспертами и пришлось обращаться туда за помощью.

Особый отдел Москвы тоже подключился к данному мероприятию. Выбор пал на полковника Строганова.

— Давно не был в командировке, Сергей Николаевич, — спросил его новый начальник управления.

Старого генерала отправили на пенсию и теперь занимал его место мент по призванию, серьезный генерал-майор Алексеев.

— Давность командировки имеет значение?

— Да, — ответил начальник. — Сдается мне, что там не маньяк, а похуже орудует. Вы с таким делом уже встречались?

— Вы имеете в виду людоеда?

— Оно самое? Дело редкое, многие даже не верят в возможность такого и беспечно смотрят на рассказы о таких нелюдях.

— Куда ехать и когда?

— Район городов Пролетарский, Развилка, Каменка и село Демьяново. Где-то в этих местах и залег тот, ради которого вы и отправляетесь.

— Что есть известного об этом деле?

— Вот вам папка с материалами, а там на месте в Пролетарском вам дадут толкового следователя. Он уже занимается этим делом.

— Хорошо, извольте идти?

— Идите, полковник. Я на вас надеюсь. Получите мобильную связь, оружие, необходимое для вылазок в леса. Деньги на расходы. Вам придется прибегать к помощи людей, проводников. Желаю удачи. На связь выходите по возможности ежедневно.

* * *

В тот же день Алексей ночью должен был выехать на место преступлений.

— Далеко собрался? — спросила его Ляля.

— Отсюда не видать, — ответил он.

Одиннадцать лет супружества прошли незаметно. Он все еще любил свою непутевую, по его мнению жену и всю вину за ее пристрастие к алкоголю, брал на себя.

— Я мало уделяю ей внимания, поэтому она стала безразличной к жизни в свете и начала попивать.

Ляля действительно в последнее время сильно изменилась. Они прожили вместе одиннадцать лет, детей у них больше не было, она не работала и ничего не хотела делать по дому. Ей нравилось, слоняться из одной комнаты в другую без всякого смысла, так, придет,

посидит в кресле или на диване, заглянет в зеркало, поправит волосы и идет дальше.

— Когда ты возьмешься за ум? — спрашивала ее мать.

— А зачем мне ум? Куда я с ним денусь?

— Куда все люди деваются?

— А у тебя много этого ума? Возьми и поделись с дочерью.

— Ты неудачница. Таковую красоту загубила, сидишь дома.

— Может мне стыдно людям в глаза смотреть?

— Это отчего же?

— А ты забыла как мы с тобой малышку трехдневную на станции в чужой дом подбросили?

— Замолчи, дура. Пора забыть об этом.

— А я не могу. Она мне снится по ночам.

— Теперь хоть головой стукнись, не вернешь прошлого. Твой поезд ушел.

— А может я хочу его догнать, — говорила Ляля и шла на кухню за рюмочкой.

Она рада была отъезду мужа, так как при нем невозможно напиться. Приходится обходиться небольшим количеством водочки, этой пленительной жидкости, которая заставляет расслабиться и забыть проклятые мысли, лезущие в голову. Иногда ей очень хотелось рассказать все мужу, но она боялась, что тот немедленно оставит ее, а она не сможет прожить без все еще любимого непокорного полковника.

— Ты мне напишешь оттуда, куда едешь? — спросила она его, уже одетого у двери с походным чемоданчиком.

— Смотря по обстоятельствам.

Алексей поцеловал жену и вышел на улицу, где его ожидала служебная машина. Вскоре он ехал в края, ранее незнакомые ему.

* * *

В Пролетарском уголовном розыске начальник отдела был извещен о приезде москвича и встретил его на вокзале.

— Строганов, — представился полковник.

— Краснов, — представился майор.

Позже, когда познакомились поближе, ни фамилий, ни имен не вспоминали. Звали друг друга по имени: Алексей, Георгий.

Вначале просмотрев все документы, Алексей пришел к выводу, что на месте угрозыск зря хлеб не ел. Было допрошено много людей, имелись ниточки, предположения, но никак не ухватывалась в целом картина происходящего. Никто не имел представления в каком из трех районов скрывается преступник. Вечером третьего дня от приезда Строганова, раздался звонок по мобильнику:

— Алексей Николаевич, срочно самолетом вылетайте в Москву. Убита ваша тетушка. У вас в квартире. Той, где вы жили раньше.

Войдя в дом, полный милиции и прокуратуры, Алексей тетушку дома уже не застал. Она была в морге, требовалось опознание.

То, что это была его сердитая тетя, он увидел сразу. Но еще он увидел следы пыток на ее теле и лице. Изуродованные руки.

— Зачем она понадобилась кому-то? — думал полковник. — Жила спокойно. Неужели это связано с моей командировкой? Но как?

Предстояло выяснить, почему в квартире такой кавардак. Библиотека вся перевероршена, буквально по листику. Вытащено все белье, рассыпаны продукты. Он ходил по квартире и ему было жаль свою тетю, с которой он толком никогда не говорил.

— Здравствуй и прощай, — вот и все разговоры.

В квартире было тихо. Все разошлись, разъехались, и он остался один. Просмотрел все, что можно было посмотреть в надежде найти ответ на тайну, умершую вместе с убитой. Ничего, нигде. Разбросанные вещи кто-то собрал кое-как в одно место. Алексей сидел на диване и тупо рассматривал репродукцию — копию «Не ждали» Репина. Он совершенно машинально подошел к ней, снял с гвоздя и положил на стол. Погладил треснувшую рамку. Ему нечем было занять свои руки, и в смятении он начал разбирать картину, снимать треснувшую рамку, чтобы никогда потом не заключить ее в новую. Он просто не знал, что ему делать. Горькое запоздалое раскаяние в суровом обращении с тетушкой, не имеющей в жизни никого кроме него. Сняв рамку, он обнаружил, что холст загнутый с края, имеет под собой что-то еще.

— Картина на картине, — подумал он. — Неужели там подлинник?

Холст поддался сразу и легко отошел от бумажной основы. Там на ватмане был нарисован план, непонятно что изображающий.

Внезапно из-под ватмана выскользнула фотография. Он поднял ее и увидел точно такую же как у Ведиева женщину с надписью на обороте «Елизавета», с. Демьяново, ст. Пролетарская.

— Да ведь это же тот район, откуда он прибыл сейчас. Там орудует маньяк и он должен завтра снова улететь туда. Внимательно изучая рисунок на ватмане, он обратил внимание на буквы в углу: с. Д. на обратной стороне ватмана подпись отца. Отдельная полоска бумаги выпала при полном развороте ватмана. Отец писал: Нас предал Пр., ценности увезены в одно место. См. фото. Какое фото, он не имел понятия, так как больше ничего там не было. Значит тетушка знала тайну, которую ей доверил отец.

Он даже вспомнил когда и как это было. Алексей заканчивал учебу в школе милиции, когда к ним пришел человек и они долго шептались на кухне с тетей. Алексей услышал только несколько слов при прощании:

— Вам одной смерти мало? И сына хотите туда же? Уходите.

Теперь он понял, что эти бумаги и привез тот человек, чье лицо он не запомнил, не думал о серьезности его прихода к ним, считал, что это просто знакомый тетушки.

В управлении ему передали записку, это писала тетя за день до смерти. Она была найдена в кармане ее передника на кухне, на который убийцы не обратили внимания.

«Дорогой мой Алешенька! Почему я ни разу не сказала этого слова тебе, не знаю. Только сейчас в минуты опасности, понимаю, как люблю тебя, моего единственного, люблю как собственного сына, но веду себя как мачеха. Я не умею говорить нежности. Я увидела слезку за собой несколько дней назад. Вспомнила того, кто привез от твоего отца бумаги и я их спрятала надежно. На словах мне было сказано, что отца и его коллег предали. Эшелон увели по направлению к ст. Пролетарской, а всем сказали, что разбили его на несколько частей и захоронили. Предательство на высшем уровне. Сказано, что ты знаком с этим человеком. И

еще, в случае удачи и тебя и других в живых не оставят. Поэтому я и не передала тебе, то что должна была передать. Может сам найдешь, но лучше бы этого не было».

Твоя тетя.

* * *

Алексей, раздумывая надо всем происшедшим пришел к выводу, что здесь приложил руки его «помощник» Вадим Медведев. Он после той командировки на Север знал, что Медведев носит чин полковника управления госбезопасности и не поверил, видимо, что Строганову ничего неизвестно. В данный момент Алексей Медведева не нашел. Сказали, что убыл в командировку.

— Значит меня они из этого дела исключили, — подумал он.

Похоронив тетушку, толком не побывав дома, Алексей отправился назад самолетом и скоро уже вновь находился в кругу следователей, работающих по розыску маньяка.

Кроме этих дел Алексея интересовал снимок женщины по имени Елизавета, вероятно, что буквы с. Д. могли означать село Демьяново. Только нужно найти вескую причину поехать именно в это село. Хотя гибель Федосьи, пастушонка, отдыхающих, являлись первопричинами.

С Алексеем в Демьяново поехал капитан милиции Сергеев Юрий. Парень положительно-оперативный, не зазнайка, начитанный, хорошо ориентирующийся на местности. Вырос в Пролетарском районе и знал места вокруг как свои пять пальцев. Постоянно бывал в походах, на рыбалке. Ходили за орехами, ягодами, доезжали электричкой до речной станции, а там по реке — гуляй не хочу.

Приехали на милицейском УАЗе в село. Зашли к директору. Он Алексею таким скользким угрем показался, глаза бегают, руки дрожат, говорит много и несвязно, сразу видно, волнуется.

— Мы к вам по делу. Нам нужно остановиться в селе на несколько дней.

— Пожалуйста, милости просим.

— Нам бы квартиру с питанием найти.

— Можно, — ответил Прохвятилов. — Сейчас каждый рад будет вас принять. Работы нет, деньги нужны.

— Посоветуйте.

— Тут недавно женщину убили одну, Федосью, так к ней сестра приехала, точная копия убитой. Поначалу наших баб в смерть перепугала. Но она вряд ли справится с питанием. Есть у нас дом фельдшера местного Анны Федоровны, вот если там согласятся, будет замечательно.

— Попробуем договориться.

Подъехали к дому Сидора Никитовича. Дома он был один. Поздоровались. Рассказали с цели приезда.

— Ну что ж, господа хорошие, — сказал им хозяин. — Места у нас много, а в хорошем деле помочь надо. Проходите. У нас свободных комнат целых две имеется.

Уютный дом, скромно, но с любовью обставленный. И комнаты спартанские, но чистые

и светлые.

— Сколько мы вам должны платить за питание? — спросил Алексей.

— Обижаешь, человек московский, а селян обижаешь. У нас все свое. Кроме хлеба и сахара.

— Так неудобно, — прояснил договорные отношения Алексей. — Мы не на один день и не хотим стеснять вас затратами. Кроме того за постой заплатим, нам ведь командировочные дают.

— Наслышаны мы про ваши командировочные и зарплаты тоже. Ладно, вы я вижу на своем настаивать будете. Вот вам мое слово окончательное: полтинник за харчи и постой. Все. Никаких споров. С обоих носов — один полтинник. Идет?

— Что с вами делать, Сидор Никитович, чего доброго вовсе от дома откажете, если не согласимся?

— А то как? Конечно. Порядок есть порядок. Проходите, скоро обедать будем.

— Мы еще не проголодались. Пока по делам съездим, посмотрим, прикинем на месте, что и как.

— Была бы честь предложена, а от убытка Бог избавь, — в шутку процитировал хозяин и пошел проводить их до машины.

Первым делом осмотрели местность, где были найдены страшные захоронения. Выходило, что доставка их к месту упокоения вечного, явно проходила по реке.

Близко у берега, правого, один стиль ямы и мешки одного происхождения. Прошлись по тропам у берега. Множество мест от костерков, становищ было здесь в Демьяново.

— Река тут глубже и у берега берег пологий, нет крутизны, можно купаться, рыбачить. Лодку только метрах в ста пятидесяти причалить можно. Зато для детворы — здесь рай, пояснил, Юра.

Осмотрели местное кладбище. На нем Алексей хотел увидеть могилу убитой женщины Федосьи.

В основном белели кресты, лишь несколько простеньких памятников находились на самом печальном месте села — кладбище.

У одной из могил следователи заметили двух человек. В одном они узнали Прохватилова, уже знакомого им, а другой была женщина. Они сами подошли к машине, остановившейся возле так называемых ворот кладбища.

— Елизавета, — представилась женщина.

— Алексей, — протянув ей руку, — ответил полковник.

Он не поверил своим глазам: это была женщина с фотографии его отца и Ведиева. Женщине было лет за пятьдесят, она выглядела моложаво, смотрела за своей внешностью и была довольно эффектной.

— Юрий, — представился капитан.

Она кивнула в сторону оставленного холмика и печально сказала:

— Там похоронена моя сестра. Ее убили.

— Слышали об этой неприятной истории, — глядя ей в глаза, сказал капитан.

— Вы сюда надолго? — спросила их женщина.

— Как дело пойдет.

— Надеетесь поймать маньяка?

— С вашей помощью.

— Я плохой ловец людей, убивающих других.

— Вы ничего не можете сказать нового по делу убийства вашей сестры?

— Нет, — покачала головой Елизавета.

Они сели и уехали дальше, оставив женщину в обществе Прохватилова.

— Что это? Любовь? Дела?

— Поживем — увидим. Нужно нам с тобою как можно быстрее с хозяином и хорошими людьми поговорить, которые что-либо знают, да молчат.

— С лесником познакомиться не мешало бы?

— Так с ходу?

— Хочешь повременить?

— Сначала мнение других о нем послушать. Все-таки он живет у реки, в лесу, на отшибе, и какие дела здесь творятся, он не может не знать.

— Хорошо.

Приехали домой часов в восемь вечера. Сидор Никитович, встречая их у ворот шутливска сказал:

— А мы тут уже все жданики съели.

— А вот и не все, — раздался детский голосок.

На крыльце появилась девочка, при розовом закате дня казавшаяся чудесным видением, сказкой, потому что в жизни не могло существовать столь прекрасного создания. Ее золотые волосы шевелил ветерок и она капризно правым пальчиком накручивала локон у виска, раскручивала его и снова начинала то же. Ее стройненькие ножки из-под короткого платья выглядели идеальными. Алые губки, бровки, очерченные дугой, удивленно поднятые, чуть не свели Алексея с ума. Он даже зажмурился. Перед им стоял минитюрный портрет его жены Ляли, только детский, словно списанный с самой далекой московской красавицы.

— Ты жмуришься, потому, что у тебя замерзли глаза? — спросил его голосок, и маленькая ручка дотронулась до его руки.

— Соринка в глаз попала, — ответил он, пораженный внешним видом маленького эльфа.

— Тогда тебе поможет моя мама, пойдем, — и она повела за собой Алексея, держа его за руку, как маленького.

Юра шел следом за ними.

В комнате был накрыт стол белоснежной скатертью. Напротив каждого стула на столе лежала вырезанная цветная салфетка и на ней стоял прибор для ужина.

— Анна.

— Алексей.

— Юра.

— Аленка.

Аленка тоже протянула ручонку гостям, хотя уже вместе с ними пришла с улицы в комнату.

— А у нас есть кот. Его зовут Митрофан. У него рваное ухо и перебитый нос, — отрапортовала Аленка.

Алексей все еще не сводил с нее глаз. Это было заметно всем и Юра решил разрядить обстановку.

— А мы уже кое с кем у вас познакомились.

— И с кем же? — спросил Сидор Никитович.

— Деда, потом про взрослые дела, я хочу спросить дядев про Москву.

— Погоди, егоза, сначала по делу поговорить надо.

— У вас взрослых всегда дела и никогда нет детского времени. Я тоже хочу узнать.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Я расскажу тебе про Москву все, что ты захочешь и даже в гости к себе приглашу.

— Правда? Мама мы поедem в Москву к дяде Алеше?

Только теперь Алексей увидел маму девочки и удивился. Перед ним, устанавливая блюда на столе, стояла невысокая, чуть полноватая, но волнующей полнотой брюнетка, с карими большими глазами, строгим взглядом, милым лицом и красивыми ловко управляющимися с тарелками руками. Вся она была уютная, мягкая, добрая и от нее шло какое-то внутреннее успокоение, надежда, радость. Как глоток в жару прохладной чистой родниковой воды.

Алексей перевел взгляд с мамы на дочку и неуместно сказал:

— А вы совсем непохожи.

— Похожи, похожи, — запротестовала Аленка.

— Я ошибся, — исправился Алексей. — Вы действительно очень похожи, обе красивые.

После ужина они все разошлись по своим комнатам. Юра с Алексеем занялись делом, приведением в порядок логики узнанного за день, Аннушка мыла сначала посуду, потом Аленку, Сидор Никитович сидел на крыльце. Это была его вечерняя передышка перед сном. Окно было открыто. Алексей вышел на улицу и присел рядом. Раздался голос Аленки:

— Мамочка, я правда увижу Москву? И Красную площадь? И Президента?

— Увидишь, дочка, увидишь, — говорила ей ласково мать, и Алексей Николаевич представил себе руки Анны, укладывающие девчушку.

— Я еще не сказала всем «Спокойной ночи».

— Скажешь, успеешь.

— Нет, не успею. Они могут все уснуть.

На пороге в ночной сорочке появилась маленькая фея.

— Спокойной ночи! — пожелала она всем, и с достоинством удалилась.

Работалось плохо. Мысли постоянно натыкались на маленькую прелестницу.

— Как так может быть странно в жизни. В Москве и в далеком захолустье живут похожие друг на друга двойники. И почему меня жизнь обошла таким подарком?

— Красивая девчушка, яркая, — сказал Юра.

— Но и мама ее тоже хороша, только непохожи они совсем друг на друга.

В этот вечер они с Юрой решили лечь пораньше спать, чтобы назавтра с зарей начать работу, ту, зачем они прибыли сюда.

* * *

В эту ночь Анна почти не спала, сердцем чуяла, что произошло то, чего она так боялась: встретиться с родителями Аленки. То, что этот полковник имеет к ней какое-то отношение, очевидно.

— Господи, — просила, стоя на коленях перед Образом Христа, спаси мою девочку, не отыми её у меня.

— Чего ты, Анна, — вошел в комнату дедушка. — Не спишь. Почему?

— Этот человек — родственник Аленки, я в этом уверена.

— Сдурела, вот что я скажу.

— Он так на нее смотрит, глаз не сводит.

— Да на Аленку все пялятся и стар и млад, что они все ей родственниками являются?

— Не знаю, это моя погибель. Отберет доченьку. Уезжать надо, — бормотала она как безумная.

— Окстись, Анна. Ложись спать. Утро вечера мудренее.

Всю ночь ворочалась Анна на постели, вспоминая, как она нашла свою маленькую радость, как росла ее девочка и нате вдруг, является человек и пожирает глазами ребенка, как будто знаком с ней или она на кого-то очень похожа.

Утром, кормила всех завтраком.

Гости уехали, а она принялась убирать в их комнате. Ее работа начиналась с 10 часов утра. Посмотрела на тумбочку у кровати и села на пол. Ее Аленка только взрослая была на фотографии Алексея.

Ну точно, как дед говорит — копия с протокола.

Исподлобья смотрит своими синими глазищами и золотые волосы на цветной фотографии распущенные по плечам струятся. Она взяла фотографию и отнесла ее деду.

— Чтоб тебя приподняло да шлепнуло, — выругался дед. — И впрямь копия.

— Я же говорю, уехать надо срочно.

— Куда?

— Не знаю.

— Я тоже. И зачем уезжать, если он уже знаком с Аленкой.

— Может сестра какая или актриса заморская на нашу Алену похожа.

— Правда, дедушка, а я не догадалась. Наверное, актриса.

— А тогда почему он ее с собой фотографию возит?

— Не знаю.

— То-то и оно, что не знаем мы с тобой ничего. Пока не горюй заранее. Все разъяснится.

Анна работала, а у самой душа была не на месте. А ну как войдет и спросит строго полковник московский:

— Ты почему ребенка подкинутого не сдала куда следует, а присвоила себе?

— Что тогда я ему на это отвечу?

Непонятные слезы на глазах появились. Санитарочка Варя тотчас заметила.

— Тебе плохо, Аннушка?

— Нет, я так.

— Да уж куда так, вон круги под глазами и слезки на колесках.

Аннушка заплакала. Она рыдала громко, со слезами неизвестно откуда взявшимися, точно дождь пролился из нее. Варя молчала, боялась сказать невпопад, дожидаясь пока Анна сама ей все расскажет. Но рассказа не последовало. Тайну Анна умела хранить. Если уж десять лет молчала, то теперь и подавно не раскроет ни за что.

Начали подходить больные с жалобами. Анечка их слушала, меряла давление, выписывала рецепты, одним словом лечила телесную хворь. Только вот что со своей душой делать, не имела понятия. Алексея представляла хищником, который может отобрать у нее девочку, как ворон добычу.

В обед пришла домой. Гости не появлялись. К концу обеденного перерыва услышала мотор подъехавшей машины. Она молча все собрала на стол, попросила деда накормить их, а

сама, чтобы не встретиться с ними вышла через сад. Аленку она взяла с собой на работу.

— Где же наше прелестное дитя? — первым делом спросил Алексей.

— На работу с мамой пошла. Со мной ей скучно стало.

— Больница для ребенка опасна, — беспокожно сказал полковник. — Там может всегда появиться очаг болезни.

— В деревне редко инфекция какая бывает, ее со стороны привозят, — ответил Сидор Никитович.

Обедали наскоро и поблагодарив хозяина отправились снова.

— Мы сегодня поздно приедем, так что к ужину нас не ждите, — сказал Юра.

Вечером Аленка бегала от ворот к окнам и назад, все гостей дожидалась, а Анна успокоилась.

— Может побудут дней несколько и уедут.

— Ты напрасно горячку порежь, — читая ее мысли говорил дед. — Как приехали, так и уедут и забудут про нас, как будто никогда и не видели.

— Хорошо бы, — вздохнула Аннушка.

Она была еще совсем молода. После семилетки пошла учиться в техникум, а на семнадцатом году вдруг стала мамой.

— Я ведь даже ни разу не целовалась ни с кем, — почему-то подумала она, лежа в темноте и прислушиваясь не едут ли гости. Но их не было.

* * *

В этот день случилось происшествие в селе. Это при московском — то следователе и районном капитане.

Дом Прохватилова обворовали среди бела дня. Все было перевернуто вверх дном. Егс сожительница находилась в городе по делам, а сам он опять о чем-то вел долгую беседу с Елизаветой у нее дома.

Приехал, вошел в комнаты и ужаснулся. То, что украли деньги, бывшие на виду в комоде на ежедневные расходы — это ерунда. Он прошел в маленькую комнатку-пристройку и увидел отодранную панель и вскрытый сейф. Все его накопления, паспорта заграничный и простой, убыли в неизвестном направлении. Валюты было много, копил несправедливо, но долго, и теперь, когда его задача может оказаться невыполненной и ему придется уезжать, может стать бежать, отчалить в чужие края, на тебе, ограбили.

— Кто? — думал генеральный директор агрокомплекса.

Все деньги эти были заработаны потом и кровью крестьян, но так уж устроено в нашем государстве, что мужик кормит, а барин живет, да еще капиталы наращивает. Если удастся их план с Елизаветой и они отыщут такие близкие уже сокровища, то нужны будут наличные деньги, чтобы вывезти их и продать.

— Кто? — опять спрашивал он себя и не находил ответа.

Вызвал милицию, благо она была здесь под руками.

— Что пропало? — спросил потерпевшего Юра.

— Много чего.

— Конкретно, нужно искать по горячим следам.

Сделали опись и по ней выходило, что пропало одних денег больше миллиона.

Паспорта. Золотишко некоторое, так кой-какие побрякушки украшения. И получалось, что скромного сельского директора ограбили на полтора миллиона долларов.

— Ничего себе, — почесал за ухом Юра.

— Многовато получается, — рассмеялся Алексей. — Пожалуй стоит подумать о переходе из родной милиции в сельское хозяйство.

— Директором, — подчеркнул Юра.

Начали искать свидетелей. Примерно грабеж произошел после обеда. Люди были заняты кто в поле, кто на работе. Только две соседки-старушки, одна рядом, другая через дорогу собрались на завалинке, чтобы обсудить очередные новости исходящего дня. Обе они были ветхие, плохо видели, недостаточно слышали, но оказывается точно присутствовали при том, как из дому директора выпрыгнул кто-то в черном.

— Ен как выпрыгне с двери, да так высоко подскочив, я только хвост длинный увидела.

— А я рога на голове и морду как у козла. И он скок-скок и в огород, а там через прясла и в лес побег.

— Вы утверждаете, что это был чёрт, похожий на козла, высоко прыгал, был с хвостом и рогами?

— Утверждаем, милай, утверждаем.

— Я креститься начала, а Семеновна приговаривать:

— Чур меня, чур, меня.

— А он?

— А он поскакал, да так быстро, что мы и повернуться не сумели, ноги отнялись от страху.

— До сих пор штаны мокрые, поменять не могу.

Вносить в протокол такие показания Юра постеснялся. Но Алексей сказал ему:

— Гражданочки утверждают, следовательно мы обязаны их показания запротоколировать.

Весь районный отдел ухохатывался над взятыми показаниями. Только старый ветеран милиции послушал и сказал:

— Не грохочите, голосовые связки пригодятся, а на моем веку такой случай был.

Молодежь замолчала. Правда или нет, но это успокоило развеселившихся следаков.

ГЕЛЕНДЖИКСКИЙ СЮРПРИЗ

Григорий Сергеевич, Константин Петрович и Миша лихо подкатили к гостинице. Номер сняли крутой и вообще во время своей поездки многому научились, по крайней мере как можно небрежно, играя ключиком от комфортабельного номера, не спеша подниматься по лестнице и смотреть на женские глазки, измеряющие тебя с ног до головы, точно собираясь сшить им по костюму.

Вот и сейчас в вестибюле Григорию показалось, что на него обращает внимание совсем юное существо женского рода. Эдакий голенастый цыпленок лет семнадцати, в кое как прикрываемом сарафанчике ее голое тело. Она прямо нос вытянула в его сторону и потянулась руками. Не поймай он ее, упала бы.

— Вы рискуете сломать себе голову, — молвил шокированный любитель женского пола.

— Держите меня покрепче, прижмите к себе, погладьте спинку, — командовала узурпаторша, находясь в его огромных лапищах.

— Да не свою спинку, а мою гладьте.

Бедный Григорий Сергеевич начал усердно тереть извивающуюся молодайку, пока не дошел до нижней части спины и там внезапно обнаружил, что попал в овальный рельеф, разделяемый посередине впадиной.

— Ой, — взвизгнуло легкомысленное существо! — Вы почему меня лапаете?

— Я лапаю? — удивился уязвимый поддерживатель падающих женщин.

— Я вас подхватил, когда вы падали.

— Как прекрасно сказано, — прокартавила дама, неизвестно откуда появившаяся. — Вам понравилась Инна? Это моя дочь. Меня зовут Иоланта Владимировна.

— Григорий Сергеевич, — тускло произнес не обрадованный появлением мамыши герой по спасению девиц.

— Вы давно приехали?

— Только сейчас.

— Какой у вас номер?

— Суперлюкс.

— Как прекрасно. Там видно много комнат, а мы с Инночкой пока еще не устроены. Вечером освободятся номера. Вы не пригласите нас до вечера к себе?

Григорий расстроился, но не показывать же дамам, что он против их присутствия.

— Пожалуйста, идемте. Только у меня двое друзей с собой.

— Ах, как интересно. У меня тоже есть подруга.

— Амалия! — позвала Иоланта кого-то.

С кресла из-за пальмы начала подниматься женщина. Кругленькая, жирненькая, большая, как бочонок.

— Вы определились с жильем? — спросила она подругу.

— Временно, да.

— Ничего нет более постоянного — как временное, — процитировал Колобок.

Но шла она довольно быстро и легко.

— Эко телеса наела. Куда ей по курортам шастать? — думал печально Григорий Сергеевич, входя в свой номер.

У Миши округлились глаза. Он молчал, не способный вымолвить слово.

— Приветствуем вас, — сказала за всех Иоланта.

Она ринулась в туалет и открыла дверь настежь. На толчке сидел Петрович с выразительно — вывалившимся на колени хозяйством.

— Пардон, — извините.

Она без тени смущения доложила о пикантном состоянии товарища и встала у двери, ожидая его выхода.

Костя, оскандаленный своим непрезентабельным видом, тоже не желал выходить ко всем. Потом он ринулся через другую дверь в спальню.

Женщины щебетали о море, прогулке, обеде.

Скорбная животом Иоланта, как ни в чем не бывало присоединилась, после посещения туалета, ко всем остальным. Натиск противника был скоропалителен и продуман. Не успели хозяева глазом моргнуть как уже шли в сопровождении дам в ресторан, утолять голод.

Сели за большой стол.

— Моя дочь ест как птичка, что-нибудь поклюет и сыта.

— Я не люблю птичек, — мрачно выразила отношение к еде Амалия — Колобок. Я люблю существенное, объемное.

— А мне лишь бы вкусно.

Официант подал меню. Несколько экземпляров.

Мужчины остановились на лососе, картофеле, оливках и кофе. В придачу бутылочку водки.

Женщины повторили то же, но добавили ростбиф, что-то не выговариваемое по-французски, омаров, коктейли, пирожных, конфеты, ананас, шампанское, и зачем-то люля кебаб.

— А это к чему? — спросила мать свою крошку.

— Хочу попробовать его в местном ресторане.

— Но три порции.

— Вы тоже со мной отведаете.

Вскоре стол стал похож на свадебный. Еще добавлено было множество овощей и пир начался. Инна действительно попробовав, поклевав, по выражению матери, с кислым видом отставляла блюдо в сторону. Скоро таких отрицательных проб оказалось не менее десяти. У скуповатого Григория поползли мурашки жадности.

— Зачем заказывать, если не ешь?

— А тебе, папашка, жалко?

— Какой я тебе, девочка, папашка, у меня имя есть.

— И годы в придачу.

— Скорее дедушка, я неправильно выразилась.

Сергеевич побагровел, мать это заметила и стукнула нахалку по спине.

— Замолчи, скверная.

Та молча развернулась, отвалила увесистую пощечину и произнесла:

— Заткнись, неумная. Скажи спасибо мне, что сидишь в ресторане.

Колобок, уже довольный в подпитии, вступилась за мать.

— Как ты посмела, шилохвостая, мать ударить? Святое самое в жизни — мать.

— Кончай трепаться, жирная кобылка, — заорала на нее Инна.

Скандал перерос в потасовку.

Жирная Амалия никак не могла ухватить за короткую стрижку резвую молодую девицу, та же схватив ее волосы, водила свою жертву вокруг стола и время от времени шлепала по жирной спине. Наконец, та ухитрилась и схватила ее за сарафанчик. Лапищи были здоровыми, сарафанчик мало-мальски держался на плечиках и когда разъяренная шароподобная матрона дернула его на себя, сарафанчик резко соскочил с оторванных бретелек и свалился к ногам девицы. Инна осталась в чем мать родила, на радость подпившему люду.

— Стриптиз, мать твою.

— Спляши, дева, денег дам.

Ничуть не смущенная Инна подняла свой сарафанчик, надернула на себя, держа обеими руками спереди на груди, но ее оголенный тощий задок был виден всем и подошла к Григорию.

— Спаси меня, папашка, пойдём к тебе, а этих не пускай.

— Оставь ее нам, дедуля, — послышалось с разных сторон. — Мы потом ее вернем тебе.

Путешественникам стало жаль это создание и быстро расплатившись с официантом они отправились наверх.

Дамы тоже поднялись, но Инна крикнула им:

— Не ходите за мной, вас все равно вышвырнут вон.

Амалия и Иоланта махнули рукой на бестолковую, оставившую шикарнейший обед на столе, половина которого была вообще нетронутой.

— Они от нас не уйдут, — промычала Амалия.

— Как бычки недоделанные. Смотрят, а говорить боятся.

— Мы сначала закончим с обедом, а потом поднимемся наверх. Наши вещи у них в номере, впустят как миленькие.

В это время Миша выбирал одежду для пострадавшей.

Петрович ворчал по поводу неразборчивости в знакомствах, и пошел прилегал на диванчик в приемной, то есть первой общей комнате их номера. Усталый Григорий лежал на кровати.

На другой Инна тоже отдыхала от только что закончившихся боевых действий и думала, как ей приступить к основному плану, согласно которого она должна была или под венец пойти, либо с большими отступными выйти победительницей из готовящегося ею спектакля.

Григорий повернулся на левый бочок и засвистел носом. Это означало, что пора настала. Инна потихоньку залезла на его кровать и легла под бочок спящему ничего не подозревающему избраннику, тоже на бок, прислонясь к нему спиной, так что ее задок попал в оккупационную действующую армию. Григорий проснулся. Он тихонько прислушался к себе и вдруг выяснил, что его верный соратник, несколько лет находящийся в состоянии полного покоя, принял боевую стойку как раз напротив вражеского объекта.

— Ишь ты, прыткий какой, проснулся, — ругал он свое непослушное естество.

А Инна времени не теряла. С головой закрывшись с объектом намеченным для выполнения цели, она вмешала свои нежные, малость костлявые пальчики и Григорию не оставалось ничего как признать полное поражение в осаде. После того, как крепость сдалась, неприятель предъявил ультиматум:

— Теперь ты должен жениться на мне.

— Что? — поперхнулся Григорий. — Да это чистая случайность. Ты меня застала врасплох. Использовала недозволённые методы.

— Крепость пала от моих рук и я диктую условия сдавшемуся неприятелю.

— Зачем я тебе? Старый? Заезженный?

— Старый конь борозды не испортит, — ответила победительница.

— Я нищий, — затянул он было песню.

— А это ты видел? — спросила она и развернула перед ним газетку, где описывались их похождения в родном городе, когда толпой Григорий был признан посланником Мавроди и теперь скрывался с деньгами от граждан.

— Ты что веришь этому?

— Фамилия твоя?

— Ну моя?

— Имя, отчетво твои?

— Мои.

— Фотографии?

— Тоже мои.

— Значит кто — то из вас лжец. Газета или ты.

— Я - правда.

— Деньги где?

— В банке?

— Законсервировал?

— Сдал на хранение?

— И не побоялся?

— Караул, — закричал Григорий. — На помощь!

— Ты спятил?

В комнате быстро оказались его друзья. Как начальник охраны Миша вытащил из постели соблазнительницу с голым задом и потащил ее в ванную комнату. После водных процедур, победительница была похожа на мокрую курицу, но позиций не сдавала.

— Я вызову милицию и вас арестуют.

— За что? — спросил Петрович.

— За мошенничество.

— А мы не мошенники, у нас наследство, а не Мавроди.

— Наследство? — округлила глаза претендентка.

— Да, — сказал Миша. — Мы разыскиваем внебрачных детей и выплачиваем им то, что они должны были иметь, если бы у них был отец.

— Так я тоже внебрачная. И даже не представляю кто был мой отец.

— Где ты родилась и когда? — серьезно спросил Григорий и полез за книжечкой в карман пиджака, висевшего на стуле.

— Пятого мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Здесь в Геленджике.

Григорий тщательно просмотрел свои записи и с сожалением сказал:

— У меня ты не числишься. Нет в списках твоей матери.

— Ах, ты старый козел. Записей ему не хватает, а то, что сейчас свое кобелиное дело совершил, пока не записано?

— Ну зачем так лаяться? — Можно мирно решить проблему.

— Но она не твоя дочь. Знаешь сколько тогда желающих найдется? — возразил Миша.

— Но у нее может оказаться моя дочь, тогда как, снова сюда возвращаться?

— Нет, — сказал до сих пор молчавший Петрович. — Выдадим ей авансом, хрен с ней.

— На двоих.

— Почему на двоих?

— У нас в родне часто бывают двойни.

Наступило молчание. Положение было пикантным, у этой девицы действительно мог появиться ребенок.

— Женись на мне и все тут. Чего думать?

Языки молчунов сразу же развязались.

— Нет, Григорий, плати ей там сколько положено на воспитание ребенка.

— Но его нет?

— Но он может быть!?

После подсчетов было выплачено авансом девице Инне Чугуновой пятьдесят четыре тысячи долларов.

Инна была на седьмом небе от счастья. А будущий предполагаемый папаша и его спутники спешно съезжали из гостиницы. На выходе их остановил швейцар. Он потянул только что полученную телеграмму. Она была от Сидорова из Краснодара. — «Жив-здоров Спасибо помощь».

— Откуда он адрес узнал? — удивился Петрович.

— Я позвонил ему в больницу и сообщил где мы находимся.

Вскоре путешественники покинули столь негостеприимный для них город.

— Куда двинем? — ворчал Костя. — Отдохнуть не успели и опять в дорогу.

— Написано по очереди нам Урал предстоит. Есть такой закрытый город Нижняя Тура. За нею ГРЭС, целый город теперь выстроен.

— Как поедем?

— На машине разумеется.

— А не страшно, это тебе не восьмидесятые годы, когда мы там побывали. Сейчас и машины и люди пропадают только так в глухомани Уральской.

— Не бойсь, друг, у нас охрана есть.

— С газовым пистолетом, — отметил Миша.

— И духовым ружьем, а также банка с солью крупной и для глаз мелкой. Уксус столовый. Мы серьезно вооружены.

— Это сколько же дней мы пилить будем?

— Смотря как ехать. Суток за четверо — доберемся.

— Провизией запасаемся?

— А зачем по дороге харчевен нивесть сколько.

Покалякали, сели и машина отправилась в путь.

За рулем сидел Миша. Но его спутники тоже частенько заменяли его на время непродолжительного отдыха. Буйная Кавказская зелень с крутыми дорогами, пропастями и горами через сутки сменилась ровным пейзажем. Бесконечные поля, лес только вдали за полями, пыль и ни одной харчевни. В животе происходил бунт. Раннее утро не радовало путешественников. А тут еще грохотать начало внизу у машины.

— Похоже глушитель барахлит.

— Надо было ехать не на нашей шестерке, а своей импортной. Много ты знаешь, как она в дороге себя поведет?

— Я столько деньжищ отвалил хозяину. Клялся, что машина — зверь.

Подъехали к городу с громким названием Белинский. Классику знали из школьной

программы все. И тут всем вдруг стало жаль Виссариона Григорьевича за этот малопривлекательный город. Неубоженный, грязный. Дороги ужасные. Только проехали немного, как глушитель отвалился совсем и они мчались со страшным грохотом, пугая жителей и кур у дороги.

Спрашивали:

— Где у вас находится СТО?

— Там, — махали жители, поскорее убираясь от ревущего зверя-шестерки.

СТО нашли, но работать там начинали с 10 утра.

— Все не как у людей.

— Классика, — придерживаются приличий быта двадцатого века, — резюмировал

Григорий Сергеевич.

Нашли сторожа, дали ему сотенную и попросили присмотреть за машиной.

— Где тут у вас позавтракать можно, — спросил Миша.

Его молодой организм с особой тоской ожидал встречи с едальней.

— Квартала три пройти надо, — объяснил им сторож.

— Жмот ты, а не миллионер. — Машину чинить собрался. — Надо новую купить.

— Посмотрим, что с этой будет.

— И голодом заморил совсем.

Григорий Сергеевич рассердился.

— Я не даю вам покупать в дорогу вонючую колбасу?

— Да уж не очень — то радуешься ее приобретению. Все пишешь в толмуд свой, сколько израсходовано.

— Да вы что, парни. Разве я оттого пишу, что мне жалко. Я регистрирую расходы, чтобы хватило всем наследникам.

— Если как в Геленджике начнут появляться новые, то старым вряд ли хватит, — съехидничал Петрович.

— Ты у нас по-хозяйству, у тебя расходы на жратву, вот и ответь почему мы сейчас голодные, рыскаем в поисках кормежки.

Они бранились и не заметили, что стоят возле вывески «Закусочная».

До открытия было еще полчаса. Константин Петрович пошел через черный ход.

Толстая повариха была вальяжной, похожа на бочонок с пивом с прорезанным для рта отверстием, так как шеи совсем не наблюдалось.

— Мы очень голодны, — жалобно произнес Петрович.

Бочонок развернулся всем корпусом к нему и сказал:

— А половником не хочешь? — Видишь еще галушки только закладываю.

— А мясо? Готово?

— У нас сегодня рыбный день, — проговорила щель вместо рта.

— А индивидуально заказать можно.

— Тыща.

— Согласен.

— Заходите. Сколько вас?

— Трое.

— Полторы.

Вскоре они уминали холодную телятину с горчицей и солянку сборную.

— С собой что-нибудь можно?

— Кастрюлю с супом разве? — ответил несносный щель-рот.

— Где тут у вас что купить можно?

— В магазине. Там много разных импортных упаковок. Найдете что надо. Магазин за углом.

Магазин представлял собой набор рекламных продуктов, только в натуре. Нарезанная колбаса в пластиковых пакетах и прочая снедь, явно не подходящая для дороги. Только хлеб был настоящий, не консервированный. Его-то и прикупили с гаком рыцари дорожных приключений. Дотащились до СТО. Мастер, едва свысока видящий их, сказал:

— Для вашей марки у меня нет ничего, могу поставить с другой. Немного будет громыхать.

— А новую машину купить можно?

— Мастер почесал затылок и крикнул в окно:

— Рынкин, выдь на минуточку.

Долговязый парень ковырял в зубах и остановился в дверях, словно привидение.

— Этим господам надо новую машину.

— Какую?

— Нашу, но хорошую.

— Есть восьмерка.

— Она неудобная.

— Тогда девятка.

— Покажи.

Парень нагнул голову в дверях и повел желающих облагородить свой мустанг в пристройку.

— Ехать далеко?

— На Урал.

— В Нижнюю Туру.

— Эко несет вас. Что поездов мало?

— А там как без машины?

— Такси везде есть.

— На такси дорого, — промолвил Григорий.

— А новье дешевле покупать?

— Не считал, думаю, да.

— Индюк думал.

— Ты моих денег не считай. Сколько.

— Вы еще машину не посмотрели.

— И то верно.

Вошли в помещение, включили свет, так как оно почему-то было без окон. Несколько автомобилей стояли в ряд. Первой бросилась в глаза девятка. Цвет серебристый. Красивый. Открыли капот, салон, включили зажигание. На спидометре было две тысячи километров.

— Обкатку прошла, — пояснил продавец.

— Сколько?

— Учитывая экстренные обстоятельства, сто восемьдесят рубликов. Тысяч.

— Идет, сказал Петрович и полез за деньгами в баул.

— Ты хоть в сторонку отойди, не показывай.

— Отстань, — рассердился Сергеевич. — Што я маленький, не понимаю.

Рынкин стоял как изваяние.

— Доллары годятся?

— Годятся, если настоящие.

— Обижаеть.

Сделка состоялась и они поехали в местное ГАИ оформлять машину.

— После двух часов приходите, занимайте очередь, — безапелляционно заявил капитан и пошел быстрым шагом в сторону.

Рынкин кинулся за ним, догнал его, о чем-то покалял и вернулся к опечаленным друзьям.

— Двести баксов и через полчаса все будет готово.

— Идет, — ответил Сергеевич и выдал деньги шустрому Рынкину.

Уже через полчаса приобретенная девятка мягко шуршала шинами по дороге в сторону Урала. Ехали шустро, запасались едой и больше пока с машиной приключений не было. Два друга дремали, а Миша за рулем подклевывал носом. Видимо пора было остановиться. Он проехал еще немного и обнаружил, что они находятся на окружной дороге возле города Златоуста.

— Заедем отдохнем, в ресторане посидим, — попросил Миша своих охраняемых.

— Да уж бока околели совсем, стоит и отдохнуть.

— Зачем нам ресторан? У дороги полежим на покрывальнике, подушки маленькие для чего покупали?

— Время уже вечернее, съедем с дороги, за кустики и приляжем.

— Хорошо. Воздух свежий. Звезды.

Машина съехала по наезженной грунтовой дорожке через мосток и свернула в лес. Лесная благодать кружила голову смолой сосен и елей. Мох густой, мягкий стелился у подножия своих повелителей — деревьев.

Машину поставили, открыли дверцы, чтобы проветривалась.

Петрович взял подушку, покрывало и пошел к облюбованному пеньку. Григорий завалился в машине, а Миша прилег на краешке покрывала у ног Петровича со своей подушкой. Гнуса было мало, но все же спать не давали назойливые певучие с длинными носами твари. На этот счет, они как бывшие водилы, запаслись от комаров средствами и теперь не боялись никакого гнусного войска.

Вещи были в багажнике, в карманах ничего не оставляли.

Проснулись они от грома. Казалось, что небо треснуло у них над головой. Молнии, одна сменяющая другую, беспрестанно блистали и вслед за ними рокотал басистый гром. Дождь полил как из ведра. Два мирно спящих на земле путешественника в один миг оказались в роли мокрых кур. Влезли в машину, закрыли дверцы. Было тесно. Откинутый сиденья вместили троих, но впритык и при том, что одному из них досталось между ног рулевое управление.

Время было три часа ночи. Гроза вскоре затихла, но дождь решил показать друзьям, кто здесь хозяин. Даже окно нельзя было открыть, с такой силой он выливал свою злость на землю.

Ранний гость до обеда, поздний на всю ночь, — вспомнил Григорий присказку о дожде.

Прошло не менее двух часов, прежде чем дождь одумался и начал стихать. А потом вдруг сразу перестал лить и дверцы можно было открыть.

Миша вышел и к изумлению Петровича, глядевшего в открытую дверь, начал

балансируют руками, стоя на одном месте. Петрович, думая, что он от усталости разминается, вылез с другой стороны и начал тот же танец. Точь-в-точь как Миша, стоял на месте и размахивал руками. Григорий покачал головой, проворчал на них:

— Клоуны, и вылез тоже.

В тот же миг его балансировка совпала с руками Миши и они оба покатались в грязь. Глина, на которой они поставили машину, превратилась в скользкое месиво и никакого способа невозможно было найти сейчас, чтобы выбраться на дорогу. Они находились в плену собственной дури.

— Мы не собирались ночевать тут, — оправдывался Миша.

— А ты, Петрович, забыл как мы с тобой тоже сидели полсуток в такой ситуации с дождем.

— Ты, Григорий, большим начальником над нами заделался, что не подсказал такого исхода отдыха?

И они принялись ругаться, как ругаются бабы-торговки на рынке. Наконец, эта перепалка всем надоела и Миша произнес:

— Надо искать трактор.

— Где? — спросили враз остальные.

— Вон там впереди поле. Значит по этой дорожке на него заезжает трактор.

— Молодец, — мрачно произнес Григорий.

— Где искать тракториста?

— А он сам скоро приедет?

— Дождь, не поедет рано в поле.

— Ты думаешь мы одни такие разгильдяи в глинистых здешних местах?

И действительно вскоре послышался рокот трактора, а за ним показался он сам. Миша замахал руками трактористу и тот, словно зная о них, быстро подкатил через мосток к застрявшей машине.

— Три сотни.

— А не жирно будет?

— Счастливо оставаться, — крикнул мужичок и задним ходом попытался удалиться.

Все трое отчаянно замахали руками. Вскоре торг состоялся и деловитый тракторист вытащил несчастную машину на асфальт. Так же эффектно как и приехал, укатил обратно.

— Ее теперь отмывать надо.

— Воды сколько угодно.

Миша взялся за ведро и тряпку. Два друга сидели в машине.

— Как быстро деньги портят человека, — проворчал Петрович и присоединился к Мише.

Григорий надулся и думал о неблагодарности человеческого рода, если его, благодетеля хотели заставить мыть машину. Но потом поразмыслил, что Петрович может и бросить его команду за такое, вышел к ним и взял тряпку из рук у Миши. Тот, не сопротивляясь, отдал ее, а сам пошел зачерпнуть воды из канавы, наполненной дождем.

Вскоре вымытая машина, с чистыми боками, перекочевала на несколько метров вперед и снова принялись очищать от глины и драить ее колеса.

Дорога была хорошо асфальтированной, пейзаж сменился непроходимыми курчавыми верхушками деревьев. Кое-где группами возникали островки высоких величественных сосен с желтыми стволами без веток, глядящими с высоты своего могущества. Только если задрать

голову высоко вверх, можно было увидеть ветки этих великанов на самой верхушке.

— Строительный материал, — красотища.

Между Нижним Тагилом и Свердловском машину остановили.

— Ваши документы, — попросил у Миши вежливый гаишник с непонятно названной фамилией.

— Пожалуйста, — сказал Миша и подал права и техпаспорт.

— Извините, — вмешался Петрович, почему вы нас остановили? Кругом лес, никакого населенного пункта.

— Вы не остановились на знак «Стоп», — невозмутимо ответил блюститель порядка.

— Я увидел знак, приостановился на секунду, но так как ни единой машины ни сзади, ни спереди не было и вообще уже более получаса мы едем по лесу, то считаю, что ничего не нарушил.

Невозмутимый законник с задранном носом пошел по тропинке в лес. За ним трусцой Миша, за Мишей Григорий, за ними на машине Петрович. В укромном месте за елками стоял бревенчатый домик не домик, так небольшое укрытие. Гаишник вошел внутрь, они следом.

— Платите штраф, — невозмутимо сказал сотрудник ГАИ.

— Сколько?

— Как положено по тарифу.

— Возьмите, — протянул ему деньги Миша.

— Не возьму.

— А куда платить?

— В сберкасса.

— Где она эта сберкасса?

— Километрах в ста отсюда в поселке.

— Да вы что? Возьмите сами.

— Это нарушение.

— Хорошо, до сколько часов работает сберкасса?

Гаишник посмотрел на часы и сказал:

— Пять минут назад закрылась. А так как сегодня суббота, то откроется в понедельник.

— Вы над нами издеваетесь? — заревел Григорий громовым голосом.

— Ничуть.

— Примите деньги, нам квитанции не надо.

Гаишник положил документы в карман и вышел из домика. За ним Миша.

— Возьмите, пожалуйста штраф, — умоляюще проговорил провинившийся неизвестно в чем водило.

Гаишник свернул влево.

— Давай, парень, договоримся, — преградив ему путь попросил Петрович.

— Гаишник повернул вправо. Григорий преградил ему путь.

— Ну чего ты впрямь. Не загорать же нам здесь полтора суток. С голоду помрем.

— Я вам выпишу временный техпаспорт, а этот вышлю по домашнему адресу.

— Нет у меня домашнего адреса, — опять рассвирепел Григорий. — Я путешествую. С благими намерениями, разыскиваю детей своих.

— Почему они от вас разбежались?

— Да дальнбойщиком я ездил раньше, сам молодой, понимаешь там молодку прижал,

там полюбил, там и вовсе на недельку задержался, вот и ищу теперь своих птенцов разбросанных.

— Погодите, я сейчас, — сказал гаишник и подбежал к своей укрытой машине.

Пропищала рация. Он что-то говорил, но шум ветра в верхушках деревьев не позволял слышать разговор.

Подошел не спеша.

— Присядьте, — говорит, граждане, папаши. Вы задержаны.

И достает пистолет.

— Бежать бесполезно, стреляю на поражение. Сейчас будет здесь группа захвата.

Путешественники оробели. С Григорием случилась медвежья болезнь. Он в кусты, этот кричит:

— Стой! Стрелять буду.

Григорий кое-как штаны стащил и говорит:

— Как желаешь, начальник, тебе нюхать придется. И очередь рассыпную выдал, далеко по лесу рассыпался звук.

После он еще раз пять бегал, но больше его гаишник не задерживал. Григорий только прибежит, присядет, снова морда страдальческая и он в кусты по проторенной дорожке. В голове у гаишника мелькнула мысль:

— Может они там оружие сбросили, а теперь он бегаёт прячет. Приедут наши надо будет проверить.

Заурчали моторы и пять автомобилей с ревом принесли на захват противника. Быстро скрутили, наручники надели и засунули в спецмашину.

— Тут один все бегал вон туда в кусты, может там что-то спрятал?

— Наверное оружие, они народ ушлый.

Трое с автоматами наперерез ушли по указанному направлению. Вскоре оттуда раздались непечатные ругательства, все искатели явились назад и начали об траву очищать ботинки, от которых несло явно не оружейной смазкой.

— Обделался, паразит. Видно и впрямь виновен.

Для пущей важности врезали по несколько оплеух задержанным преступникам и вскоре в городском отделении милиции их допрашивали сердитые следователи. Они уже заранее записали себе раскрытое преступление групповое, совершенное шайкой грабителей честных граждан города и теперь удирающих от правосудия.

— Признавайся, дом Телятина вы взяли вчера ночью?

— Да мы едем еще только в этом направлении. Из Свердловска прибыли.

— Ну и что? Ограбили, уехали и назад вернулись. Алиби себе обеспечили.

Миша вспотел, доказывая, что никого не грабил и едет не оттуда, а туда, проездом до Нижней Туры.

— А в Туре у вас хаза? Пахан? — допытывался молодой дознаватель.

В это же время Петровича допрашивали двое.

— Сколько у вас с собой денег?

— Не знаю, деньгами старшой распоряжается.

— Пахан?

— Нет, Григорий.

— И все эти деньги, вы говорите, взяли на хате у Вертюхляевой? При этом вы связали ее, отстегали веревкой, вытащили все деньги и драгоценности и ушли.

— Да не знаю я никакой Вертюхляевой.

— А фамилию правильно выговариваешь.

— Дак вы же только что назвали ее.

Григорию досталась баба. Лет пятидесяти, а зануда, ну не сыщешь такой на белом свете.

— Я ваш кобелиный род хорошо знаю. Хлебнула горя, пока сына вырастила одна, да выучила.

А сама как стукнет по столу, Григорий аж испугался как бы опять сортир не искать.

— Зачем ты в Нижнюю Туру едешь?

— Женщину одну отыскать. Я получил большое наследство и решил найти всех своих детей, какие могли родиться после моих остановок. Дальнобойщиком был раньше. Так и не женился. А деньги мне одному зачем?

Следачка откинулась в кресло, посмотрела на него и говорит:

— Григорий, так ты меня не узнаешь?

— С перепугу нет. Дай осмотреться чуток. Мою записную книжку дай мне, я сразу скажу кто ты.

— Записную, говоришь? Значит все свои амурные дела вел в строгом учете?

И давай листать книжку. Точно. Вот она сама. Вера Еремеева. Тогда еще не училась в юридическом, сельхозтехникум заканчивала. Из-за неприглядной внешности никто замуж так ей и не предложил. А тут этот постоялец трехдневный объявился на КАМАЗе, машина сломалась, а мать их и пустила в дом, копейку заработать хотела. Копейку она заработала, но в придачу получила внука, того самого гаишника, что и припер их сюда как преступников.

— Разорвала бы старого негодяя, да что с тебя возьмешь? Замуж теперь уже не надо, сын вырос, только на такой зарплате живет, что приходится из-под кустика нарушителей вылавливать.

Вера встала, подошла к окну.

И тут он вспомнил девчонку, так себе, от красоты не заохаеть, как ее увидишь. Верой звали. С матерью жила строгой такой. А он Григорий пока три дня машину чинил сумел обкрутить девчонку. Обещал написать и приехать. Написать не написал, а приехать, вот он сидит перед нею, толстый, брюзглый, но ухвативший птицу за хвост.

— Как сына зовут?

— Алексеем, — ответила, не поворачивая головы. — Это он вас сюда доставил, в ГИБДД работает.

— Ничего себе, родного отца за жулика принял.

— А ты и есть домушник, только другие деньги да вещи крадут, а ты честь девичью присвоил, да сыночком наградил и на произвол судьбы бросил. Мне от тебя ничего не надо, прохвоста облезлого. Пошел вон.

— Ты сына спроси сначала, как он? Может ему деньги нужны.

Пошла пригласила, видно объяснила дорогой, потому что с порога, тот сразу улыбается и говорит ему:

— Мать сказала, что у меня отец миллионер отыскался, это правда?

— Тебе не нужны его деньги, — подсказала мать.

— Ты их наградил?

— Нет, наследство от американского дядюшки получил.

— Законное?

— Законней не бывает.

— И сколько мне причитается?

— Миллион.

— Ого. Нормально.

— Долларов.

Сынок присвистнул.

— Дорогой папуля, ничего не скажешь.

— Алексей! — начала строго мать.

— Я знаю, что ты скажешь. Во — первых повинную голову с плеч не рубят. Во-вторых, если это действительно мой отец, я его приветствую. Он совершает поступок. Мог бы не делать этого и я так бы и не узнал, что у меня есть отец. В-третьих, лучше иметь законные деньги, чем куковать в кустах, ожидая автолюбителей и собирать с них сотни. Ты об этом не думаешь, мать? Или это вошло в порядок вещей в нашем государстве, зарплату не платить нормальную и пускать людей на подножий корм. Спасайся кто как может!

— Пойдем-ка мы с тобой и с твоими друзьями, отец, чебурахнем за встречу. Я всем покажу, что и у меня тоже есть батька.

Вере ничего не оставалось как примкнуть к такой достойной компании. Дознаватели, только что с пристрастием допрашивающие «преступников» сидели с ними в обнимку и лобызались после очередной рюмки.

Назавтра Григорий с сыном отправились в Сбербанк и электронной почтой на имя Алексея был переведен миллион долларов. Парень изумленно смотрел на книжечку и говорил:

— Взаправду говорит пословица:

— Бог даст и в окно подаст.

Несмотря ни на какие протесты, уехать путешественникам так и не дали. Они были немедленно водворены в квартиру сына Григория и он с удовольствием увидел своего маленького годовалого внука. Его мать, Наталья достала из кроватки малыша и нежно спросила еще сонное сокровище:

— Гришенька не хочет просыпаться. А нужно. Кормить надо маленького.

Наталья хлопотала над ребенком, а Григорий до слез обрадовался, что его именем был назван внук. Наталья, невестка найденного вдруг свекра, маленькая, шустрая быстро управлялась с ребенком. Потом она положила его в кроватку, наказала смотреть как следует за ним новоиспеченному деду и побежала на несколько минут к своей матери.

Готовился праздничный ужин и ее присутствие сочли необходимым по-родственному.

Вскоре все уселись за стол. Осталось только одно место для Наташиной мамы, которая немного запаздывала. Вскоре она пришла, познакомилась со всеми и ее усадили на краешек, как опоздавшую. Мария была простенькой миловидной женщиной, с косою пепельных волос, уложенной вокруг головы. Она тихонько сидела и поглядывала на гостей, но не говорила ни слова. Выпили за родителей внука, потом за деда. Потом за бабушку. Потом за вторую бабушку. Мария сказала:

— Спасибо! Внук у меня действительно хороший.

— Тогда давайте выпьем и за деда этого прекрасного внука!

— Но почему его нет? — спросил Григорий.

— Как нет. Есть. Он с тобой рядом сидит.

— Кто внук?

— Дед. Константин Петрович.

— Костя? — удивился Григорий.

— Что же тут удивительного, мы были подругами, а вы друзьями.

Костя выронил рюмку из рук и полез ее доставать.

— Не надо, дадим другую.

— Что же выходит, что мы с тобой сваты, Константин Петрович!

— Выходит так, Григорий Сергеевич!

И начались воспоминания, ахи, вздохи, даже предложение от молодых остаться с ними и сыграть свадьбы.

— Какие мы невесты! Старушки, одуванчики Божии, — проговорила госпожа следовательно.

— Куда уж нам со свиным рылом да в калашный ряд, — ответил на ее явное выпрашивание комплиментов Григорий.

— И много у вас в списке еще деток?

— Хватает.

— Поедете?

— Раз уж начали дело, надо до конца довести.

— А про нас — то хоть вспомните?

— Думаю, что не только вспоминать придется, а частенько бывать, если примете.

— Что тут думать: — «Человек предполагает, а Бог — располагает». Поживем — увидим.

Целую неделю гостили они в доме своих обретенных родственников.

Но все-таки надо действительно пуд соли съесть, чтобы притереться друг к другу. Вот так с ходу, ничего бы не получилось в новой жизни. У всех были свои привычки, сложился уклад жизни и ломать его было трудно, сейчас им было уже не двадцать с хвостиком, а дело шло к закату и перестраивать жизнь трудно, даже невозможно.

Обменялись телефонами.

У путешественников пока не было ничего подходящего для оседлого образа жизни, поэтому решили вести продолжение родства по телефонам.

Рано утром гости отправились в дальний путь. Записная книжка предполагала еще один уральский заезд. В одном из поселков машина остановилась у домика, старого, покосившегося с маленькими окнами. Забор в дырах, вокруг заросшая трава. Видно было, что хозяйева или больны, или бросили дом.

Постучали в калитку. Никто не ответил. Решили войти. Дверь в дом была не заперта. Григорий вошел в избушку и на него пахло чем-то гнилым, затхлым. Слабый голос спросил с постели:

— Кто там, проходите, я не могу встать.

Григорий включил свет и увидел на постели изможденную болезнью женщину. Впалые щеки, высохшие руки, взгляд полный боли и отчаяния.

— Ты кто? — спросила женщина.

— Я Григорий. Ищу Романову Елену.

— Это я. А тебе что понадобилось здесь, что-то я тебя не припомню.

— Дальнобойщик я. Помните? Большая машина, мы останавливались у вас несколько раз.

— Как не помнить. Меня за мой грех с тобой Господь наказал.

— Почему грех?

— Мать не послушала, тебя полюбила, а тебе я не нужна была, так баловство дорожное.

— Я так не думаю.

— Так оно так. Парня хорошего обидела. Он на мне жениться собрался, а я с тобой загуляла. Вот теперь и мучаюсь за свой грех.

— Все мы заболеть можем.

— Да не за всех дети расплачиваются.

— Какие дети?

— Сын у тебя родился, повредили ему головку при рождении в роддоме, он ни ходить, ни говорить не может, а тут я заболела и пришлось мне его отдать в дом, где калеки да разные уродцы находятся.

— И сколько он там находится?

— Более восьми лет. Пока могла, сама за ним смотрела, а теперь и я и он беспомощные.

— Скажи Елена, чем я тебе помочь могу?

— Яду дать, чтоб мучиться перестала. О сыночке Юрочке душа вся изошлась, а я проведать его не могу.

Он вышел во двор, обрисовал ситуацию и Петрович решил поместить Елену в больницу с хорошим уходом. Он немедленно нашел главврача и тот внимательно выслушав, сказал:

— Мы живем очень бедно, но готовы помочь женщине. Вам надо через райздрав оформить путевку платную и чтобы она постоянно находилась тут. На коммерческой основе мы можем принимать больных.

В тот же день Елена была перевезена в больницу в платное отделение, ей наняли дополнительно сиделку, так как ухаживать за собой она не могла. Оплачено было на несколько лет вперед и теперь друзья отправились в дом, где находился сын Григория — Юрий.

На проходной их не пропустили. Окруженная высокой оградой больница с мрачными зарешеченными окнами более походила на тюрьму, чем на лечебное заведение. Григорий сунул сто долларов сторожу и тот пропустил его к главврачу.

Пока он шел по аллее, заросшей травой, неухоженным кустарникам, ему попались дети, сидящие на скамейке. Все они серые, с психическими отклонениями, не умеющими самостоятельно ходить, кто ползал, кто передвигался как ребенок ногу под себя и вперед, кто просто сидел и раскачивался на траве. У некоторых не держались головы, были запрокинуты, но чтобы не поломались шейные позвонки, их шеи окружали воротнички с твердой основой, как будто это было королевское платье. Ни у кого их них, даже маленьких, не было игрушек. Григорий прибавил шагу, но глаза детей видели его и вдруг поднялся какой-то немой безысходный вой. Словно маленьких собачек обидели большие псы и они скулили от боли и обиды.

Он вошел в коридор. Палаты были открыты и там виднелись привинченные к полу стулья и кровати. Никаких простыней и подушек. Серые матрацы с вылезшей ватой. В одной из палат сидел взрослый человек спиной к двери и, беспрестанно раскачиваясь, выл.

Григорий зашел к нему, увидел раскосые глаза, и, вдруг этот человек встретился с его взглядом. Сначала он пригнулся, вдавил голову в плечи, как будто боясь удара, но потом, поняв, что его никто не собирается обижать, что-то невнятное забормотал, протягивая к Григорию руку. Другая висела неподвижно. Ноги, сухие, как щепки, были обуты в тапочки с дырявыми пальцами, без носок.

Рука тянулась к Григорию и он пожал ее, беспомощную, вялую руку. По глазам парня

покатились слезы.

— Ам, — пробормотал он. — Ам, — и показал на свой рот.

— Значит голодный, — подумал Григорий.

— Я сейчас, принесу тебе что-нибудь, — сказал он и побежал по коридору в конец его. Жалобный вой несся ему вслед.

Главврача он застал за обедом в обществе двух медсестер и сестры — хозяйки.

На столе врача стояли тарелки с борщом, жаркое, салаты, выпечка, бутылка водки.

— Кто такой? — раскричался врач на Григория.

— Меценат. Хочу преподнести вам несколько тысяч долларов.

— Садитесь, пожалуйста. Всегда рады таким гостям. Милости просим к столу.

— У вас всех так кормят? — поинтересовался Григорий.

— Это мы все приносим из дома, — пояснила старшая медсестра пудов на десять весом.

— Я бы хотел сначала увидеть вашу столовую, больных, в чем нуждаетесь?

— Девочки, быстро в столовую. И поварам скажите там, чтобы подавали.

— Я с ними, — сказал Григорий, резво догоняя сестричек.

На столах в столовой стояли алюминиевые миски с синей кашей, без проблесков масла.

Все миски теснились на подносах, так как пациенты обедали в палатах и на улице. Здесь находились дети и взрослые, совершеннолетние. Некоторые с бессмысленным взглядом и беспорядочными движениями мало понимали, что происходит с ними, но были и такие, кто не владея своим телом, прекрасно понимал все, и их глаза, глаза мучеников, вызывали у Григория спазм в сердце.

— И мой сын тут, я допустил преступление. Я не человек, преступник. Если уж родилось такое дитя и общество сохраняет ему жизнь, должно быть и человеческое содержание бедолаг, отданных на откуп бесчестным людям.

Он снова увидел того парня, у которого стояла миска с синей кашей и ему в рот подавала ложку девочка, с заячьей губой, квадратным носом и одной рукой. У парня катились крупные слезы, он давился этой ужасной постоянной, надоевшей крупой с водой. Явно, что он был голоден, как и все остальные. Григорию захотелось схватить за горло директора этого заведения, жирную старшую сестру и резвых гладких медсестер. Их столы ломались от еды, а бедные уродцы, которым государство выдавало на пропитание приличную сумму, были голодными и похожи на прозрачную бумагу, вместо кожи. Казалось у них нет вообще никакого мяса на теле, кожа и кости, готовые скелеты для анатомических классов.

Григорий пулей вылетел из больницы.

В это время почти одновременно с ним за ворота выехала лошадка, запряженная в телегу. На ней стоял неотесанный гробик, детский, на ребенка лет шести. Рядом с гробиком сидел возница, мордатый мужик и сзади примостились два парнишки с уродливыми лицами, но умеющими ходить и что-то делать руками.

Пропустив вперед похоронную процессию, автомобиль медленно двинулся за ними.

Метрах в ста пятидесяти от больницы на поляне посреди лесной опушки находилось странное кладбище. Маленькие холмики, их было много, беспорядочно располагались по всей поляне. Могила была вырыта неглубокая. Мальчишки сняли гроб и поставили возле ямы. Мужик, подоткнул две веревки и вместе с ними опустил в последнее жилище умершего уродца. Мальчишки заплакали. Их страшные лица-маски были мокры от слез. Возница стоял и смотрел, как они зарывают своего товарища. Он грубо торопил их, но тощие ручонки едва

удерживали специально сделанные небольшие лопаты.

Наконец, ямка была покрыта землей, и ребятишки стали садиться в телегу. Сначала один помог другому: посадил его, удерживая за ноги. Потом второй протянул ему руки с телеги и тот взобрался на краешек. Они крепко вцепились друг в друга и, опустив головы, поехали в дом, где им предстояло жить до самой смерти.

Григорий поделился впечатлениями с друзьями и все они решили поехать в ОБЭП и оттуда уже искать управу на главврача.

К удивлению Григория начальник ОБЭП, майор Николаев, выслушал его серьезно и позвонил в райздравотдел.

Миша же со своей стороны дозвонился до редакции местной газеты и телевидения и сообщил, что сейчас в эту больницу пожалует ОБЭП.

Когда столь неожиданная бригада прибыла в это страшное по своей безнравственности заведение, все сотрудники были на приличном взводе, а больные спали там, где их застал сон. Ни в одном ужастике невозможно было увидеть обреченных детей на такие издевательства и голод.

Григорий сразу же пожертвовал на эту больницу двадцать пять миллионов долларов, но с условием, что власти разберутся и накажут виновных. Он не забыл отблагодарить и тех, кто безропотно поехал с ним в этот вертеп зла. Но он никому не сказал, что тот самый парень, с проблесками сознания, но с беспомощным телом и есть его сын.

Ночью его терзали сомнения в гуманности этого заведения. Если невозможно создать нормальные условия для невиновно родившихся такими детей, зачем же так жестоко обращаться с этими жертвами жизненных обстоятельств?

Он был мрачен, долго не мог придти в себя и решил больше пока никуда не ехать, кроме как навестить свою сестру по отцу, тоже как и Григорий, дальнобойщику, Надежду Грехову, которая согласно его записи проживает в селе Демьяново, Пролетарского района.

Отец перед смертью рассказал ему о ее существовании, а так как к тому времени матери уже тоже не было, Григорий и записал это имя в свою книжку. Как-никак, хоть по отцу, но сестра. Другой у него нет.

Они решили отдохнуть недельку в Екатеринбурге, а затем двинуться по намеченному маршруту.

ДЕМЬЯНОВСКИЕ БУДНИ

Алексей Строганов имел определенное представление о многочисленных жертвах. Он не исключал возможности живущего где-то в этих краях людоеда. Ему уже приходилось видеть такое в столице, тогда тоже скелеты, найденные бомжами были обделаны таким же способом. Но как вычислить это чудовище, если внешне он ничем не отличается от своих человеческих сородичей.

Кража у Прохватилова несколько развлекла их, но уже через три дня могла лечь в число нераскрытых. Показания двух старушек были смешны и непоследовательны. Они добавляли к ранее сказанному лишь, что этот рогатый, подпрыгнул и сказал: «Бе-е-е».

И даже лапой в перчатке помахал им. В паспортных отделах трех районов были взяты на учет все вновь прибывшие. Проведены обследования бывших в неладах с законом, там тоже было тихо. И пока все это крутилось, подвергалось сомнениям и добавляло факты, мало заслуживающие внимания, но лежащиеся в один большой вывод, что именно на территории районов орудует тот, кого они ищут.

Сидор Никитович как-то утром сказал Алексею:

— Тут у нас парень живет, прежде его все Никудышным кликали, а теперь по имени, отчеству зовут. Так вот вам бы с ним поговорить надо. Он у нас долго пастухом был, в лесу на разных выгонах с коровками мог видеть что-то, чего никому неизвестно. Парень он скромный, пойти побоится куда-то заявлять, если даже и сомнения будут.

— А как же нам с ним познакомиться, но так, чтобы ненавязчиво, без посещения его дома.

— Можно и дома. Это у них однажды горшок каши, да чугунок борща кто-то вылакал.

— Надо бы что-то придумать.

— У него инвалид Денис дома. Саня за ним ухаживает. Никто ему, чужой, а из госпиталя забрал, с тех пор и живет он у него. Ему бы коляска нужна. Саня сам с такой дороговизной не справится. И еще дочка его умершей хозяйки Степаниды, дитенка оставила, давно уже, так Саня и его растит заместо своего. Так неженатым и ходит. Кто такого мужа с приданным захочет?

— И все равно, Сидор Никитович. Вы лучше сами как-то его пригласите, а потом мы уже найдем возможность посетить его дом.

Так и решили. Сидор Никитович пришел к Александру и спросил:

— Ты на рыбалку не собираешься?

— Надо бы, — ответил Саня. — Давно своих рыбой не баловал.

— Тогда и моих гостей возьми с собой. Они здесь никого не знают, а на рыбалку хочется. Лодку мою возьми.

— Хорошо, — согласился Никудышный. — Только им надо будет к моему дому подойти, отсюда поближе к реке будет.

— Сказано-сделано.

Вскоре Алексей с Юрой, наряженные в одежонку Сидора Никитовича, подходили к дому Сани. Было раннее утро. Возле крыльца в странном сооружении на подобие коляски, они увидели молодого мужчину с искалеченным лицом, одноглазаго, без руки и короткого, явно не было ног.

— Здравствуйте, — поприветствовали они его.

— Здравствуйте, — хриплым голосом ответил парень и произнес: — Денис.

— Алексей.

— Юрий.

Вышел Саня. Это был еще молодой мужчина, высокий, ясноглазый.

— Здравствуйте, я сейчас. Скоро. Только с хозяйством управлюсь.

В сарае раздавалось хлопотливое кудахтанье кур, хвастливо извещающих хозяина о том, что они не даром зерно едят, вишь, с утра яйцами обеспечивают. Визг поросенка сменился блаженным чавканьем, а важные гуси уже выходили во двор.

Дениса поместили на кровать.

— Денис, там я все оставил на плите, молоко в погребе. Колюнька скоро встанет, не отпускаяй его никуда. Сами-то справитесь? — спросил он озабоченно глядя на получеловека в кровати.

— Справимся. Не впервые. Не беспокойся за нас.

Возле кровати стоял грубо сколоченный столик, покрытый клеенкой. На него Саня поставил лепешки, положил овощи. В кружку налил чай и все это прикрыл чистым полотенцем.

— Позавтракай. Слышь, Денис? А к вечеру свежая рыба будет.

— И мы все напросимся на уху к вам. Поговорим, по рюмке выпьем.

В глазу Дениса сверкнул огонек.

— Давно никаких общений не знаю. Саня у нас очень занятой. Кормилец. На нем все хозяйство, считай. Инвалид да ребенок, помощники плохие.

— Хорошие, не говори так, — засмутился Александр.

Действительно парень не от мира сего, — подумал Алексей. — Вот он герой нашего времени, юноша сосем молоденький, живет скромненько, везет свою ношу, вернее чужую и считает за благо помогать бедолагам. Надо будет подумать, как ему помочь. С пенсией решить по уходу за инвалидом. Коляску Денису выхлопотать.

Шли до берега гуськом по узенькой тропинке. Лодка стояла наготове, хорошая с мотором «Вихрь». Сели в лодку и Саня помчал их по речке на место, где по его мнению хорошо ловится рыба.

Причалили. Сели с удочками. Сане везло и он вскоре стал обладателем нескольких рыб разных пород. Величина их вполне приемлема. Уха на сегодня обеспечена.

Потом варили на обед уху, а Алексей пошел прошвырнуться в лес. Лес был смешанный, не густой. Только кое-где сваленные деревья препятствовали продвижению. Он попытался представить, что если в записке тети все было правда, то где можно было бы укрыть сокровища в этих краях. После долгих изучений попавших к нему бумаг, он пришел к выводу, что для всех был дан ложный след — распределение сокровищ на четыре части. Если существует захоронка клада, то это только здесь в этих краях.

— Иначе зачем же именно на станции Пролетарской были убиты охранники и груз снят с поезда. Кто-то остался в живых, или это просто утка.

Фотография Елизаветы тоже была непонятна. Может она стала любовницей отца или кого-то из друзей. А может у нее на участке захоронено все. Но еще речь шла и о предателе, из-за которого погибло столько людей.

— Кто он?

Вопросы без ответов. Но на них надо ответить. Не зря отец подал ему весточку через тетюшку. Если бы она тогда же сообщила ему, курсанту, все, то вряд ли сейчас полковник

Строганов находился здесь на рыбалке. Скорее всего он стал бы давно добычей рыб.

— Но старый начальник управления. Отчего он умер недавно? Старостью назвать нельзя человека его возраста. Болезнь? Не болел вроде. А он явно знал что-то наверняка, если посылал его с Медведевым к Ведиеву.

Алексей остановился, закурил и прислонившись к дереву, начал мысленно розыски по той схеме, имеющейся у него, по памяти. Что-то заползло ему за шиворот и он резко выпрямился и отскочил от дерева. В это же время на то место, где он только что стоял, упало свалившееся дерево, приличной толщины.

— Само?

Конечно. Спилить его было бесшумно невозможно.

Алексей пригляделся к стволам у тропинки и оторопел. Каждое второе дерево было подпилено, а таковых оказалось не менее десятка.

— Может браконьеры лесные древесину заготавливают? — подумал он.

Больше не захотел заниматься анализом и отправился к костру. Уха была готова. Они с удовольствием выпили по рюмке водки и отобедали речными дарами в исполнении Сани.

Как ни старались расшевелить Саню на анекдоты, ничего не получилось у господ следователей. Кроме «да», «нет», «хорошо», от него мало чего слышали.

Александр недоверчиво отнесся к чужим людям. Вон сколько страстей слышит он по телеку в разных передачах. Да и тот, подслушанный им разговор в лесу, отбивал всякую охоту говорить. У него ответственность за Дениса и Колюньку имеется. Без него им не выжить. Вот и решил Александр ни во что не вмешиваться.

Домой приехали рано. Улов хороший привезли. Сидор Никитович тоже пошел с гостями к Александру. Решил помочь с ухой. Тот ведь по хозяйству вечером занят. Дениса обихаживать надо. Нельзя парня заставляя еще и гостей угощать.

Пришли к ним. Колюнька радостью заливается. Решили все самообслуживанием заняться, а Саню потом уже в качестве гостя пригласить. Он бедный запарился заниматься вечерней работой, после его отсутствия целый день, дел накопилось не впроворот. Поросенок так визжит, как будто его режут. Куры кудахчут, гуси гогочут. Коза блеет. Содом, а не встречу устроили они долго отсутствующему хозяину.

Юра с Колюнькой принялись рыбу чистить, а Алексей на стол накрывать. Сидор Никитович банки открывает, овощи моет. Прямо кооператив в доме образовался. Даже Денис салфетки одной рукой на стол кладет, помогает.

Кот Митрофан занял за столом место. Уселся в переднем углу на табуретке и поглядывает, что где плохо лежит. Алексей, видя такое котовское усердие, положил ему кусок колбасы под стол. Тот спрыгнул на пол, схватил ее и исчез. В ту же минуту в дом сунулась остренькая мордочка Шарика.

— Про меня забыли, дескать, господа хорошие, ишь с какой добычей кот мимо меня шмыгнул.

А сам хвостиком как маятником виляет.

Пришлось удовлетворить просьбу застенчивого дворняги.

Стол был роскошен. В этом доме редко что появлялось из деликатесов, в основном щи да каша, лепешки с молоком. А тут и селедочка под луковыми кругами, колбаса сырокопченая и вареночка, красиво уложенная, шпроты в масле, ветчина красуется под веточками укропа. Помидоры краснобокие рядом с пупырчатыми огурцами на блюде лежат. Посреди пирог бисквитный, Анной испеченный специально, Сидором Никитовичем

принесен. Он — то и явился объектом пристального внимания Колюньки. Слюнки текут — невмоготу. Сидит, облизывается. Его страдания увидел Алексей и отрезал парню четверть пирога. Тот как и кот с Шариком сразу же смылся во двор. Там вкуснее разбираться с бисквитом.

Сели за стол. Налили по маленькой. Закусили не спеша. Потом еще по одной, заговорили о том, о сем.

А позже, неизвестно после которой завязалась беседа, обычная застольная обо всем и ни о чем. Денис тоже немного выпил. Накормили его. Лежит-полеживает, иногда слово вставит.

— Вам бы нужно было все-таки найти тех, кто голодный в деревне подвалы громит, — произнес он неожиданно.

— Есть предположение? — спросил Алексей.

— Думаю, да. Это не местные жители, если сбежавшие из колонии или армии, то не стали бы здесь засиживаться. Место заметное, еды мало. Станция далеко, по реке заметно будет убегать.

— Правильно мыслишь, Денис, — сказал Юра.

— Кто-то здесь тайну большую знает и может не одну, — снова продолжил Денис.

— Почему ты решил так? — спросил его Алексей.

— Федосью убили. За что? Воровать там нечего было. А прибытие ее двойника сестры и глухую умирающую деревню — основание для тайны.

— А что ты думаешь по поводу людей, которых скелетами находят?

— Думаю, здесь действует маньяк. Он хорошо окопался, более трех лет преступника никто не может найти. Значит — хитроумный и жестокий нелюдь живет где-то рядом. Не там, где станции, туда он выходит на ловлю, а здесь в глубинке под личиной благополучного человека.

— Есть предположения?

— Я не вижусь с людьми, но слышу разговоры. И мне не нравятся три человека. Прохватилов, скользкий и явно заинтересованный жить здесь, даже при развалившейся деревне. К чему, я думаю он приложил руку. Елизавета, чужачка, в развалюхе сестры живет, в неблагоустроенном доме, а сама в золоте ходит. Что ей тут делать? Могила сестры стеречь? И деревню разваливают не просто так, им надо, чтобы людей как можно меньше здесь оставалось.

— И третий подозреваемый — лесник. Живет на широкую ногу. Мужиков подкармливает мясом. Для чего? Почему он хочет быть в курсе всех сплетен, исходящих из застолья, когда мужики к нему приходят.

Алексей слушал этот правильный ход мыслей и соглашался, но молча, с Денисом.

— Ты в разведке служил?

— Да. А как вы угадали?

— Логично мыслишь.

Саня все слушал и молчал. Ему очень хотелось рассказать об услышанном разговоре в лесу Прохвятилова, Елизаветы и еще кого-то, но он не совсем был уверен в новых людях и деликатно отмалчивался.

Вечер был тихим и ласковым. Для семьи Александра он стал целым событием. Даже Денис разговорился и повеселел. Когда гости ушли, Саня спросил у него мнение о гостях.

— Правильные люди, особенно полковник и бондарь. Я бы с такими в разведку пошел.

— А Юра?

— Тоже нормальный парень. Просто он еще салага по сравнению с ними.

— Но если только это, то дело поправимо.

И Саня внезапно рассказал свою тайну Денису. Денис подумал, помолчал и сказал:

— Можешь поговорить с полковником один на один.

— Думаешь надо?

— Думаю да? Здесь явно серьезная тайна, но не связанная с похищением людей.

Вечером на крыльчке у Сидора Никитивича сидели, курили и думали, вернувшиеся из гостей постояльцы.

— Как мнение о Сане, Никудышнем, как его до сих пор некоторые величают? Парень стеснительный, а его в недоумки записали в детдоме.

— Самое лучшее. Прекрасный человек.

— Только судьба у него тяжелая.

— Где его родители?

— Отца не было. Мать прижила его с одним приезжим на уборку урожая механизатором, а потом пить начала и парень попал в детдом. От пьянки и померла. Вернулся парень из детдома, матери нет, избушка развалилась. Так и попал в дом к Степаниде. Сама она умерла, а ему наследство оставила. Внука малолетнего и сына инвалида. Сами видели, как он к ним относится.

— Видно человеческого тепла мало в жизни видел вот и отдает себя всего другим.

— Уникальный человек. Надо ему помочь. Денису протезы заказать и коляску настоящую сделать.

— Думаете, кто-то захочет помочь?

— Но пробовать надо. Вдруг.

На этом они свой диалог и остановили.

— А Аленка спит? — спросил Алексей.

— Давно, уже седьмой сон видит.

— А вот и нет. Я не сплю. Меня мама не пускает к вам на крыльчко, а я хочу послушать про Москву.

— Ладно уж иди, — послышался голос Анны, — только пожелать всем спокойной ночи.

Маленькие ножки прошлепали через комнату и в полной красе с распущенными волосами, на крыльце появилась Аленка.

Она поцеловала дедушку, потом Юру, сидящего рядом с ним и уже последнего, Алексея чмокнула розовыми губками в щеку, погладила его и сказала:

— Завтра про Москву расскажешь?

— Обязательно.

— Смотри, не приди поздно, а то меня опять заложат спать.

— Хорошо, — ответил Алексей этому маленькому чуду.

Как она ухитрилась зацепить его сердце жалостью и любовью к ней, для него было тайной. Он постоянно видел ее перед глазами. Ложась спать и вставая утром, пока дела еще не захватили хода его мыслей, а услужливая память подсовывала ему образ маленькой прелестницы, желанной дочери, которой у него не было.

Утром следующего дня они с Юрием проходили мимо дома Елизаветы. Окно, выходящее на улицу было открыто и это показалось странным, обычно оно было снаружи закрыто ставнями. Хозяйки не было слышно. Подошли к забору, постучали, позвали. Никто

не отзывается. Решили войти. Крыльцо с тремя ступенями было обито водой, рядом валялось опрокинутое ведро. Дверь оказалась незапертой. С пистолетами наготове они тихонько вошли в темный коридорчик без окон. Толкнув дверь вовнутрь, Алексей сделал шаг и получил удар по голове. Юра выстрелил наугад, но сзади его скрутили двое и притащили в комнату, где сидела связанная Елизавета с заклеенным ртом. Обоих сунули на пол к дивану поближе. Алексей пришел в себя, но голова была хорошо разбита. Мутило, кружило, словно на волнах в лодке плыл. Окно уже было захлопнуто и ставни стояли на местах. Трое в масках начали разговор.

— То, что вы менты и рыщете в поисках маньяков, нас не интересует. Отвечайте, где спрятаны сокровища?

— Какие сокровища? — удивился Юра.

— Какие ты знаешь, комедию не ломай.

Юра действительно ничего не знал об этом и разыгрывать удивление ему не пришлось.

— Что вы плетете? — спросил он людей в масках.

— Не плетем, а знаем, — ответил один из них и Юра получил пинок в живот.

— Уяснил?

— Кажется да.

— А ты, москвич, где хранишь карту?

Алексей молчал. Пока еще можно было потянуть время, так как они видели, что голова его разбита серьезно.

— Давай-ка пока их в подвал спустим, а сами обшарим дом, где они остановились.

— А дома проверили? Есть кто?

— Никого. Баба на работу с ребенком уплелась, а старик в лес подался.

Их волокли за ноги к подвалу и по ступенькам спустили вниз. Елизавету тоже. В подвале было сухо и холодно. Осмотревшись, Алексей увидел, что рот Елизаветы заклеен, но верхняя часть отошла от кожи. Он глазами попытался показать ей это, но она не понимала.

Прошло немного времени. Юра сел возле Елизаветы. Он был совсем близко от нее пристегнут наручниками к стояку. Наручник свободно ходил вверх, вниз и он поднялся. Повернулся задом к ней и рукой, свободной от столбика, оторвал ей повязку. Она попыталась зубами перегрызть веревку, связавшую ее руки. Вскоре и Юра одной рукой с шевелящимися пальцами свободной кисти в кольце наручника нашел узел и принялся распутывать его. Елизаветины руки стали свободными. Она достала из кармашка Юры ключ от наручников, который находился в верхнем, потайном, а не где обычно, и открыла наручники. Алексея развязали. У него болела голова и он потерял много крови.

— Вы Строганов?

— Да, а что вы хотите сказать этим, — ответил раненый.

— У меня к вам поручение. Я работала с вашим отцом.

— Подождите, — сказал он. — Нельзя впутывать в эту историю парня.

— Он не в курсе?

— Не в курсе чего? — спросил Юра, явно обиженный на их разговор.

— Все, что она говорит к нашему делу не относится.

— Понятно. Тогда и говорите об этом потом, чтобы я, посторонний, не слышал.

— Теперь уже все равно, — сказала Елизавета. — Они нас в живых не оставят. Только карту найдут.

— Какую карту? Я ничего о ней не знаю, — Алексей сделал над собой усилие и

разыграл удивление.

— Ту, что приведет их к желаемому.

— Кого их?

— Я не имею понятия, они в масках и вооружены.

Часа через два по одному появились все четверо бандитов.

— Там ничего нет, — пнув Алексея, — заявил один из них.

В тот же миг Юра выстрелил по ногам двоим, а третьего в прыжке сбил с ног, обхватив ногами. Алексей, ничего не подозревающего четвертого еще в самом начале, сбил пистолетом по голове. Завязалась борьба. Елизавета ловко, словно всегда занималась этим, надела наручники самому вертучему, а у двух раненых отняла пистолеты. Юра приковал еще одного туда, где только что находился сам.

Он вышел из подвала и срочно связался с отделом милиции. Помощь была выслана немедленно.

Елизавета держалась молодцом. Она считала себя победительницей и спасительницей Алексея. Он поблагодарил ее и подумал:

— Спектакль превосходный, но кто она все же?

— Вы хотели со мной поговорить? — обратился он к ней после того, как его раненого обработали в операционной и он теперь находился в палате.

— У вас приличное сотрясение и огромная гематома, покой необходим, — рассказывал ему врач нейрохирург.

А мысли Алексей были заняты одной и той же мыслишкой недоверия:

— Хорошо, я буду выполнять все ваши предписания.

Оставшись с ним одна, Елизавета наклонилась пониже и прошептала:

— Вы эту фотографию видели?

— Она показала ему ту же что и у Ведиева и него самого фотографию.

— Ты специально приехал заниматься этой операцией по розыску ценностей? — спросила она его.

— Нет, я работаю с оперативниками по обезвреживанию преступников.

— Позвольте вам не поверить, — кокетливо произнесла женщина, явно неподходящего для кокетства возраста.

— Я ничего никому не доказываю, — ответил он.

— Вы знаете, что это за фотографии?

— Нет.

— Я должна вам объяснить?

— Если пожелаете.

— Вы всегда такой неразговорчивый?

— Всегда.

— Жаль. Ваш отец был ко мне более внимателен.

— Что вы хотите этим сказать?

— Все, что вы желаете думать.

— Я думаю здесь не личный план — изображение на фотографии.

— Вы ошибаетесь.

— Возможно.

— Проясните ситуацию.

— Я была в числе тех, кто работал с вашим отцом. В этих сокровищах содержатся и

ограбленное из храмов православных всей страны, где могли, и ханские ценности, особенно женские. Там цены нет кладу. Его ценность невозможно обозначить.

— Как погиб мой отец?

— Нас предали. Был некто Ведиев.

— И каким образом?

— Наметилось сопровождение груза. В четыре разных места.

— Но почему в четыре, если все принадлежит государству? И почему не в Москву?

— Слишком опасный дорогой груз.

— И каким же образом Ведиев предал?

— Он услышал разговор о назначении четырех ответственных по сопровождению.

— И что?

— Вашего отца убрали еще на месте. Вместе со вторым, его другом. Замена произошла по приказу из Москвы. Был такой генерал Медведев. Так вот он руководил нами. И по его приказу убрали ненужных. Груз решили умыкнуть. Вместо четырех мест назначений погрузили в одно место. Его обозначили где-то в центре России. Там должны были на спецмашинах вывезти из почтового вагона ящики и временно захоронить их.

— И что же доставили?

— Доставили, отцепили от состава почтовый вагон, КАМАЗ с платформой, который просто перевозился как груз неизвестно кем и еще один вагон, пустой, якобы у него неисправность обнаружилась.

— И где это произошло?

— Я думаю, это знаете вы.

— Я? Каким образом?

— Мог отец что-либо сообщить. Или высшие силы подтянуть к этому делу?

— А почему вы оказались не у дел?

— Меня ранили, когда убили несколько человек, еще там на месте. Я еле выжила.

— Почему вы оказались здесь?

— Тут намечалась одна из четырех точек выгрузки.

— А Федосья? Она вам действительно сестра?

— Конечно, мы двойники. Ее кто-то за меня по внешности принял.

— Я не хочу влезать в это дело, оно меня не интересует.

— Неправда, — возразила Елизавета и достала пистолет, направив дуло прямо в лицо.

— Вы сошли с ума?

— Нет, полковник, жизнь или сведения. Что вы выбираете?

— Ой! — внезапно вскрикнул полковник и на мгновение секунды отвлек внимание Елизаветы.

Этого хватило, чтобы выбить у нее пистолет и скрутить, надев наручники.

— Вас уничтожат, — насмешливо произнесла она. — Вам придется отдать документы.

Алексей позвонил Юре и они отправились с добычей в район. То, что сейчас не следовало ее никуда отправлять было ясно, но и оставлять опасно. Женщина начала выкидывать непонятные фокусы, так действуют дилетанты, а не матерый раскрыватель тайны. По ходу, пришлось посвятить Юру в дело, так, чтобы тот ничего не понял, но знал, что эта женщина опасна. По дороге в район, их машину остановил представитель ГИБДД никогда раньше здесь не дежуривший. И вообще это захолустье гаишники объезжали стороной. Он приказал выйти из машины и предъявить документы. Пока Юра их предъявлял,

Алексей скрутил гаишника. Тот ногами отбил его в сторону, но Юра ловко подсек его, когда он как нинзя подпрыгнул, перевернулся и встал на ноги. Вдвоем они его скрутили и вскоре почетно доставили в районный центр.

Начальник милиции удивленно разглядывал повязанную Елизавету, незнакомого представителя ГБДД. Алексей связался со своим отделом и получил приказ немедленно самолетом доставить этих граждан в Москву.

ПОХИЩЕНИЕ АЛЕНКИ

В это время, Равиль, раздобыв необходимые деньги, путем изъятия их у Прохватилова, решил немедленно смыться из этих мест.

Он наметил маршрут: сначала ночью по реке, потом с ближайшей станции несколько перегонов до мест ему хорошо знакомых, откуда потом решит каким образом перейти границу СНГ. Больших трудностей тут не намечалось. Проблема была в другом. Он решил украсть и увезти с собой Аленку. Его душа жаждала видеть это чудо в качестве будущей жены, а пока сойдет за дочь. Пока Алексей Николаевич улетел в Москву, Равиль, подготовив все для ухода, позвонил Петьку и сказал:

— Слышь, я хочу вас прокатить на лодке, с девчонкой. Как ты согласен?

— Конечно, — обрадовался тот и мигом покати́л к дому Сидора Никитовича.

Анна была в медпункте и вместе с ней находилась Аленка. В медпункт пришел местный хуторской житель с огромным нарывом на ноге, и покрасневшей вокруг него кожей.

— Погуляй на улице, доченька, — сказала Аннушка.

Ей не хотелось, чтобы девочка видела, как она будет разрезать ногу больному.

— Хорошо, мамочка, — обрадовалась Аленка.

Она выскочила на улицу и галопом понеслась за бабочкой, летящей впереди нее.

— Аленка, привет, — услышала она голос Петьки.

— Здравствуй, — обрадовалась девочка.

— Хочешь покататься на лодке?

— Хочу. А маму надо спросить.

— Не надо, мы скоро. Лодка уже ждет нас.

— Меня мама заругает.

— Я с тобой приду и все ей объясню. Знаешь как здорово на реке.

— Взявшись за руки дети побежали на берег. Там действительно стояла с уложенными вещами лодка, и Равиль ждал их на берегу.

— Молодцы, быстро прибежали, — похвалил он. — А ну, прыгайте в лодочку-моторочку.

Дети уселись, мотор зарокотал. Было абсолютно безлюдно на берегу и никто не видел, как течение весело помогало Равилю угонять лодку Прохватилова, самую лучшую в районе.

Дети смеялись, радовались пробегающему мимо берегу. Вскоре Равиль спросил их:

— Пить хотите?

— Да, — ответили враз оба путешественника.

Он достал термос, налил по стаканчику приятного напитка и вскоре они начали засыпать. Равиль осторожно уложил девочку и от солнца прикрыл ее платком. Петьку он стукнул по голове веслом и швырнул в воду. Мотор весело взревел и лодка скрылась за поворотом.

Анна, закончив перевязку после вскрытия нарыва больному, вышла и позвала дочь. Аленка не откликнулась. Она подумала, что девочка ушла домой. Так иногда было, когда ей надоело целый день быть в медпункте. До конца рабочего дня оставалось полчаса.

— Не дождалась полчаса, — пожаловалась она Варе.

— Сама гулять отправила.

— Надеюсь она уже дома?

— А где ж ей еще быть?

Часы показали окончание рабочего времени и Анна отправилась домой. Варя осталась доделать уборку.

Подойдя к дому, Анна не услышала приветливого возгласа дочери. Она всегда встречала ее у калитки, с крыльца хорошо было видно, кто идет по дороге. Анна вошла в дом. Сидор Никитович сидел у стола и ждал ее появления с Аленкой. Собранный ужин стоял на столе.

— А где Аленка? — удивленно спросила Анна.

— Как где? С тобой ушла?

— Она убежала больше часа назад, я ее отправила погулять.

— Как отправила? Зачем?

— Больной был один, нужно было ногу разрезать, не хотела ее травмировать.

— Странно, — подумал дед и встал, чтобы идти искать девочку.

— Не ходи, я сама, — сказала Анна, — покличу ее, может услышит.

Она вдоль и поперек прошла улицы, но Аленки не было не видно, не слышно.

— Может к Колюньке забежала? — подумала мать.

Александр и Колюня готовились ужинать. Денис обрадовался приходу гостыи, но, увидев ее бледное лицо, спросил:

— Что-то случилось?

— Аленка пропала, — сказала Анна и разрыдалась.

— Как пропала? Откуда?

— Не знаю. Она на улице бегала, пока я больным занималась.

— А может с Алексеем Николаевичем встретилась и они скоро придут вместе, — подал мысль Александр.

— Его нет, он пока не вернулся.

— Может она встретилась с другими детьми?

— Я как-то не подумала об этом, — проговорила Анна.

— Поужинайте с нами, — предложил Саня.

— Нет, меня дедушка ждет. Спасибо вам.

* * *

Сидор Никитович сидел на крыльце и ждал Анну, или Аленку. Увидев ее опечаленное лицо, спросил:

— Нет нигде?

— Нет, — отвела внучка.

— И постояльцев наших нет. Они бы сразу решили что и как.

— Пойду к Прохвятилову, спрошу, не знает ли он чего?

Но Прохвятилов как будто слышал их. Он повернул свою машину к их дому и сказал:

— Постояльцев сегодня не ждите, они уехали в район, а того что из Центра наверно не будет совсем, он сегодня вечером улетит в Москву.

— Как в Москву? — удивилась Анна. — У них вещи находятся здесь.

— А что тех вещей? Пара рубашек, кому они нужны, — ответил дед.

Прохвятилов поехал дальше, а Анна с дедом переглянулись.

— А что если он забрал ее с собой? — тихо проговорила она.

— Тю. Спятила. Как это он чужое дитя заберет?

— Ты же видел портрет его жены, точная Аленка. А если она ее бросила, а он теперь узнал про это и решил забрать?

— Так не делают хорошие люди.

— Когда любишь ребенка, забываешь о себе, хороший ты или плохой.

— Не может так поступить Алексей Николаевич, — убеждал ее дед.

— Тогда где она? Он уехал, и дочь исчезла.

Анна прошла в дом, бросилась на кровать и принялась выть тонко, жалобно. Потом перешла на громкий плач и деду пришлось заставить ее выпить сбор успокоительного чая.

— Да что ты извелась вся, найдется наша Аленка, она девчонка крутая.

* * *

Лодка причалила к берегу. Равиль вышел на берег и пошел к домику, стоящему на пригорке.

— Хозяева дома? — спросил он.

Никто не отозвался. Равиль сходил за девочкой. Впереди была ночь, плыть в темноте было опасно. А это место ему знакомо и тут всегда рады его приезду. Лодку он притянул к берегу, привязал. Девочку взял на руки и принес в дом. Аленка начала приходить в себя.

— Где мы? — спросила она Равиля. — Где Петька?

— Петьку его мать забрала.

— А моя где? — пристала Аленка сердито. — Где мама с дедушкой.

— Я тебе сейчас расскажу, — попытался успокоить ее Равиль. — Дело в том, что я твой отец.

— Как? Папа? Настоящий?

— Да, моя милая. Твоя мама давно разошлась со мной и не хотела, чтобы я встречался с тобой.

— Почему? Ты плохой?

— Нет, как видишь, я хороший. Ты погостишь немного у меня? Мы с тобой к бабушке съездим.

— К бабушке? — удивилась Аленка. — Мне ничего не говорили про бабушку.

— Скоро ты увидишь ее. Завтра утром мы с тобой еще по реке часа два пройдем и на поезд. А там совсем близко до бабушки.

— Я к тебе не привыкла, ты мне пока не нравишься.

— Сама же говоришь, пока. Скоро понравлюсь. Еще как понравлюсь, — добавил он, предвкушая будущее.

Аленка похныкала:

— К маме хочу.

— Тебя уже замуж выдавать пора, а ты все о маме плачешь.

— Неправда, я маленькая.

— Какая ты маленькая, тебе одиннадцатый год идет. Пора скоро замуж.

— С фатой, по-настоящему? — спросила его удивленная «невеста».

— А как же. Все по-настоящему. И фата тебе будет и брачная ночь. Давай-ка я

накормлю тебя, и спать. Завтра вставать рано.

Поужинали. В избушке была только одна кровать. Равиль испытывал огромное желание схватить ее, взять силой то, что вскоре будет принадлежать ему. Но он побоялся, что напугает ее и тогда трудно будет скрыть их поездку в тайне. Она может кричать, люди поймут, и прощай мечта иметь такую женушку. Он уложил ее на кровать, а сам постелил себе на полу. Но сила искушения была настолько велика, что он подумал, хрен с ней женитьбой, отвести душу, пока она рядом, вот, протягивай руку и бери, делай с нею что хочешь.

Но такое решение лишало его на дальнейшее продолжение жизни с красавицей, юной, чистой. Преодолев искушение, он уснул, вернее забылся тяжелым сном.

Он так и не узнал почему в доме пусто.

* * *

В доме Анны не гас свет. У них сейчас находился Саня и они, обойдя уже все избы, думали, что она действительно уехала в Москву.

— Но как он посмел обмануть меня? — думала Анна. — Нет, не может так поступить этот человек.

Она в глубине души даже себе не могла признаться, что хотела бы попасть в объятия его сильных рук. Он ей нравился, как никто и никогда. Она, взяв на себя обязанности матери полностью устранилась от возможности создания личной жизни. С приездом к ним Алексея все перепуталось в голове никогда не целованной Анны. К ней не прикоснулся ни один мужчина. А к этому сама была готова в лапы упасть. Да только он женатый и жена у него красавица. Да тут еще и запутанная история со схожестью жены Алексея и Аленки.

— Не может Алексей Николаевич так поступить — подытожил разговор всего вечера Саня. — Я ему верю, как себе.

— Я тоже с тобой согласен.

— А если позвонить ему на сотовый, он же у него всегда с собой, — вспомнил Саня.

— Молодец, Санек, что мы сейчас с тобой и сделаем. Пойдем к Прохвятилову.

И они помчались к телефону, надеясь на него как на спасение.

* * *

Алексей прибыл в Москву самолетом, сдал привезенных недоброжелателей, ему было приказано завтра явиться в управление с утра и он поехал домой.

— На кого ты похож? — всплеснула руками теща.

— Алексей, почему, ты мне ничего не писал, не звонил? — говорила недовольная Ляля, выйдя в халатике и чуть навеселе.

— Так вот сложилось, написать было некогда.

— Я целыми днями одна.

— Заведи себе собаку.

— Только этого нам не хватало в доме, — простонала Нонна Сергеевна. — Ты еще крокодила ей присоветуй.

Алексей пошел умываться. Ляля взяла его пиджак, понюхала. Духов женских не услышала. Перевернув его вверх тормашками, она увидела на полу фотографию девочки, лет десяти.

— Мама, — я почему раньше не видела этой фотографии? Сколько мне здесь лет?

— Нонна Сергеевна вошла, посмотрела на фото и сказала:

— Значит он ее нашел.

— Кого?

— Твою дочь.

Ляля испугалась.

— Что теперь будет?

— Что теперь будет? Это мы увидим в ближайший час, как только он выйдет из ванны.

Положи фото на место.

Алексея удивили слишком ласковые разговоры тещи и жены. Они расспрашивали, кормили его, поили любимым чаем со сливками.

— Что это с вами? Какие-то вы не такие.

В это время зазвонил телефон, у него в кармане пиджака. Он подошел к стулу, достал телефон:

— Строганов слушает.

В это время на пол упала фотография Аленки и он ее поднял.

— Вы забрали ее с собой? — тихо спросила Анна.

— Откуда вы узнали, — удивился Алексей, глядя на фото девочки. — Я хотел вас спросить, но побоялся, а вдруг вы не пожелаете, чтобы она была всегда со мной.

— А обо мне вы подумали? — спросила Анна и заплакала.

— Вы плачете из-за фото? Не расстраивайтесь, я его вам верну.

— Фото? Какого фото?

— Аленки. Вот оно у меня в руках и я люблюсь маленькой очаровательницей.

— Так Аленка не с вами?

— Почему вы так говорите? Отвечайте?

— Она исчезла. Мы ее нигде не нашли.

— Минуточку, я сейчас перезвоню в райотдел и они приедут к вам. С их телефона мне еще раз позвоните, пожалуйста.

— Что случилось? — завопили обе женщины.

— Девочка потерялась, Аленка, — ответил он.

— Ну и что? Ты-то какое отношение имеешь к этому ребенку? — спросила Ляля. —

Кстати, откуда у тебя моя фотография десятилетнего возраста?

— Твоя? — удивился Алексей. — Это не твоя, это совсем другой девочки.

Ляля расплакалась.

— Ты даже не говоришь, где был.

— А что здесь секретного. Есть такая станция Пролетарская. И там недалеко в селе живет эта девочка с мамой, абсолютно на нее не похожей.

— Значит она ее у кого-нибудь украла, — вмешалась теща.

— Зачем?

— Своих нет, воруют у чужих.

Алексей задумался. Что-то такое было в словах тещи, что он должен принять к сведению.

— А наш ребенок, может девочка осталась жива?

— Ты с ума сошел?

— Но такое сходство.

— Двойников на свете много.

— Но у нее и жесты твои, понимаешь?

— Это тебе втемяшилось в голову.

Подумав Алексей сказал:

— Хочу знать в каком роддоме ты рожала и где похоронена моя дочь.

— Ты спятил. Десять лет прошло уже, там, наверное, на этом месте нахоронено десяток людей. Тем более, что мы ее не хоронили сами, а разрешили представителям роддома.

— Дай мне адрес роддома. Они могли девочку отдать, продать, усыновить. Я хочу знать.

— Не подумаю. Глупость какая. Полковник милиции бегает по роддому и ищет десять лет назад родившуюся мертвой дочь.

— Вот именно полковник милиции. И я это сделаю.

Снова зазвонил телефон.

— Это Юра. Нет нигде девочки, Алексей Николаевич.

— Вы все осмотрели? В доме лесника были?

— Но она там никогда не бывала?

— Срочно съездите и сообщите. Но если через два часа не будет звонка я уже еду в аэропорт. Сейчас согласую вопрос с начальством. Прилечу в область. Туда пришлите машину.

— Ты опять уезжаешь?

— Да. Я спешу.

— На свою ужасную станцию Пролетарская?

— Да. Туда и в село Демьяново.

— Возьми меня с собой.

— Ты лучше найди адрес роддома и все остальное, приеду, сходим туда.

Алексей поцеловал жену, махнул рукой теще и отправился в аэропорт.

* * *

Сыскари приехали в домик лесника. Первое что им показалось странно, абсолютная тишина и отсутствие людей. Обошли все вокруг, никого. Начали осматривать строения. Где-то внизу послышался стон. Прислушались. Юра впереди с фонариком, и сзади Николай, коллега по работе в уголовке, увидели вход в подвал, приваленный камнем.

Камень отодвинули. Включили свет и на полу, с разбитой головой без сознания, обнаружили женщину. Это была Оксана, жена лесника. Говорить она не могла, ничего не понимала и была немедленно отправлена на вызванной «скорой» авиации в больницу. Состояние ее было ужасным, требовалась операция головы, второй раз ее перевозить никто не рискнул, и в район был вызван нейрохирург. Операция прошла удачно, но врач не гарантировал, что больная сможет придти в себя, а тем более разговаривать.

Она пролежала без помощи более суток. Алексей примчался в село. Анна была в полной прострации, нервного срыва, но, увидев его, расплакалась.

— Значит будет в порядке, если плачет, — сказал дед.

— Как же так вы ее не досмотрели? А ну поподробнее обо всем.

Выслушав всех и поразмыслив, сыскари пришли к выводу, что вероятнее всего девочку и Петьку увез с собой лесник. Но зачем? Может он и есть тот самый преступник, которого они ищут и тогда детям грозит опасность.

— Прохватилова снова обокрали — у него исчезла лодка. Тотчас же по реке они отправились в путь.

Преследователи вскоре обнаружили пропавшую лодку Прохватилова и добрались до ночевки в домике у реки. Там на полу валялась ленточка Аленки. Она сама не умела ее завязывать сзади в волосы, а «новый папа», не имел об этом понятия. Сведения по телефону сообщались в отдел и оттуда по местному радио и областному телевидению распространялись среди людей.

Равиль вышел на платформу с девочкой. На ее голове был темный старушечий платок, сорванный им с какой-то бабки. Он посмотрел расписание, держа за руку Аленку. Подходила электричка, она явно ему не подходила, отсюда он слышал крик старухи, о том, что ее ограбил мужик, похожий на моржа.

Молодой постовой милиционер, пообещал бабушке найти преступника и вернуть похищенное. Равиль поставил девочку в тамбур, и сам стоял на подножке вагона, когда к нему заскочил сержант и приказал:

— Гражданин вы задержаны, сойдите с поезда.

— Электричка трогалась и Равиль, поддав ногой не ожидавшему подвоха сержанту, толкнул его с подножки. Скорость набиралась, сержант свистел.

— А мой платок, — ухватившись за плечо, поднимающегося с земли сержанта, — спросила старуха.

— Платок уехал, — промолвил он, — стряхивая с брюк землю.

— Как это уехал? — озадачилась простоволосая старуха. — Я в таком виде, что люди скажут?

— Скажут, что вы помолодели на десять лет.

— Правда? — удивилась потерпевшая.

Ее не расчесанные космы, привыкшие прятаться под платком, развевались на ветру. Она хватала за рукав молодого милиционера и не отцеплялась от него.

— Он денег стоит, платок-то, кто мне за него заплатит?

— Отделение милиции найдет вора и тот заплатит или вернет платок.

— А ты чай не обманываешь меня?

— С чего, бабушка. Мы раскрываем преступления и возвращаем гражданам их имущество.

— А коль так, то у меня еще и гребенка пропала с головы, видно схватил с платком вместе тот упырь.

— Но гребенка, наверное, уже совсем старая, — попытался умерить аппетиты сержант у потерпевшей.

— Всего три зуба не хватает. Она у меня еще до войны была куплена в Торгсине, на боны. Я ее берегла, лет двадцать как носить стала, и то не каждый день.

— Вы все опишите и отдайте заявление в отдел, а мне работать надо, — я должен преступников ловить.

— Так и я с тобою милай, поймаешь его, а кому отдавать будешь мою утерю, платок с гребенкой?

— В милицию отдам, там и получите.

Быстрым шагом сержант направился к туалету на железнодорожной станции, так как увидел, как мужчина ведет упирающуюся девушку. Он свистнул в свисток и прибавил шаг. Нарушитель, увидев милицию, отпустил девчонку и рванул в сторону кустов. Помог девушке встать, так как тот оттолкнул ее при побеге и она упала. Девчонка оказалась хорошенькой, растерянной и сержант распустил крылья, начал вести допрос.

— Как зовут, фамилия?

— Валентина Мохова, еду домой, из-за него опоздала на электричку.

— Скоро следующая будет, нам по пути с вами, объяснил ей сержант. Я еду туда же.

— Как это ты едешь, милай, а мой платок с гребенкой кто искать будет? — спросила его старуха, вылезая из-под стоящего на пути состава.

— Бабушка, я вашим делом тоже занимаюсь.

— Вижу как ты занимаешься? Шурлы-мырлы с молодой разводишь. Думаешь старая, дак на тебя и управу не найду. Я все расскажу твоему начальнику.

— Хорошо, хорошо, расскажете, — отбивался сержант от старухи, но та вцепилась ему в рукав.

— Паровоз летит! — крикнул он громко, и старуха, задрвав голову в небо, захотела полюбоваться на невиданный доселе летящий паровоз. Она отпала от сержанта, поезд тронулся и он долго махал вслед, бегущей за вагоном бабушке, что-то грозящей ему и пока поезд не скрылся, она бежала, вернее уже ползла, еле переставляя ноги, за электричкой.

* * *

Равиль с Аленкой проехали две остановки и она устроила скандал.

— Хочу к маме, хочу к маме, — повторяла она громко и беспрестанно.

— Люди начали оглядываться на них, но к счастью поезд остановился и Равиль вышел с Аленкой на первой попавшейся станции.

— Куда? Как спрятаться с этой орущей девчонкой?

Он пошел вдоль станции. На перроне перед вокзалом стоял автобус. На нем было написано «Водяное».

— Там что водяной живет? — поинтересовалась Аленка.

— Живет и таких как ты крикливых жрет, сырыми, нежареными.

— А разве девочки бывают и жареными? — не унималась она.

— И солеными и маринованными.

Аленка рассердилась на эту несусветную ложь, села к окну поближе и отвернулась от непутевого «папы».

Через некоторое время ей надоело молчать и она спросила:

— А можно папу поменять, если он не нравится?

Пассажиры развеселились.

— Да я хочу поменять противного папу на хорошего, похожего на Алексея Николаевича.

— Замолчи, дрянь, — зашипел он на нее.

Девчонка не унималась.

— Он меня украл у мамы и везет, — крикнула она.

— Нужно завезти их в милицию, — заволновались женщины.

— Водитель, слышите?

— Слышу. Мне часто приходится слышать разные спектакли, а потом они мирятся, а я в дураках.

— И то правда, — сказал кто-то.

Все замолчали. Показался маленький хутор.

— Остановите, мы сойдем здесь, — попросил Равиль.

Автобус остановился и они остались на дороге, возле которой стояли три маленьких домика, без света и людей.

— Куда мы приехали?

— Куда надо.

— Равиль злился, и необходимость ждать это глупое создание еще год у него все менее оставляло желания. Схватить, взять силой то, что может дать ему эта девчонка, а потом голову набок как куренку и зажарить. Сразу два удовольствия.

— Но тогда ты не будешь иметь красавицы-жены.

Мучительные раздумья перед неотступной разгулявшейся плотью привели Равиля на грань помешательства. Черневшие домишки призывно распахнули двери с выбитыми окнами, без света и каких-либо удобств. Равиль решил не останавливаться здесь. Время вечернее, он выйдет на дорогу, поголосует и кто-нибудь подберет по дороге. Он достал бутылочку воды, стаканчик, сыпанул туда снотворного и дал выпить девчонке. Взвалил ее на плечо и вышел на дорогу. Там он положил ее голову себе на плечо, а ее обхватил и держал как самую дорогую ношу.

Стоял недолго. Вдали показался свет от фар приближающегося автомобиля. Равиль замахал свободной рукой. Машина остановилась. За рулем «семерки» сидел молодой парень.

— Браток, выручи. С хутора я. Дочка заболела, нужно до ближайшего города.

— Сорок километров. Садитесь.

— Спасибо.

Пассажир уложил на заднее сиденье девочку и сел рядом с водителем.

— Равиль.

— Костя.

— Оно может она и здорова, закашляла, а я в панике.

— Тогда вам стоит заехать к моей бабушке, она бывший врач, но уже не работает. Спец по детским болезням.

— Хорошо бы посмотрела Аленку.

— Посмотрит, куда она денется.

— Вы кто по специальности?

— Я? — удивился парень. — О моей специальности лучше не спрашивать.

— Понял. Молчу. О моей тоже помалкивать надо.

— Ты что девочку украл?

— Что ты, родная дочь, только мы с ее матерью женаты не были, она меня не подпускала к ней на пушечный выстрел. Пришлось взять крепость самому. Теперь вот не знаю как и укрыться.

— Бабки есть?

— Чтобы прожить? Да.

— Тогда не вертухайся. Помогу.

В багажнике послышался шорох и какое-то позвякивание. Равиль оглянулся.

— Что интересно стало? Сейчас ты выполнишь одно поручение, а потом уже я тебе долги отдавать за работу буду.

— Это как?

— Увидишь.

Машина свернула в лес. Проехали по просеке и остановились у какого-то болота, не болота, в темноте плохо было видно. Парень достал пистолет и приказал:

— Выходи из машины.

— Зачем?

— Выходи! — рявкнул водитель.

Равиль вышел и остановился у дверцы машины. Аленка спала.

— Открывай багажник.

— Открываю.

Равиль открыл и увидел в багажнике человека с длинными волосами, не понять кто это был парень или девка.

— Вытаскивай.

Равиль послушно вытащил. Человек оказался парнем. Кожаная куртка, курчавые волосы. Глаза монгольского типа. На руке татуировка, написано имя Мансур. Значит своего рода племени.

Водитель, назвавшийся Костей, прицелился, но Равиль ловко пырнул его своим ножом, в мастерстве этого вида он был натренирован за долгие годы. Костя осел и выронил пистолет.

Выстрел прозвучал и незадачливый «убийца» сам упал мертвым на землю.

— Ты кто? — спросил парень своего спасителя.

— Никто, пассажир, подвезти попросил до города, а он меня к убийству хотел приспособить.

— Ты я вижу тоже не промах.

— Ошибаешься, просто я работал на бойне, вот и умею обращаться с режущими инструментами.

— А там кто спит? — заглянув в машину, спросил незнакомец.

— Моя дочка. А как тебя зовут?

— Зовут зовуткой, величают уткой, — так моя бабушка говорила.

— Серьезно, как обращаться к тебе?

— Мансур. Ты уже давно прочитал мое имя.

— Равиль.

— Спасибо за спасение. Садись, я поведу машину.

— А документы, если гаишники встретятся?

— Никто не остановит, не бойся, здесь мы дома.

— Хорошо.

— А тебя куда довезти?

— Я не знаю. Кочую пока без пристанища.

— В бегах?

— Да.

— Я помогу тебе на первых порах, а там посмотрим.

Дорога оказалась недлинной. У въезда в город, Мансур махал ручкой людям в форме и те, улыбаясь, отвечали ему тем же. Вскоре подъехали к большому дому. Мансур позвонил по

мобильнику, и ворота открылись. У самого подхода к дому стояли два амбала, молодые, бритые, с мордами, позаимствованными у бульдогов. В руках у них были автоматы.

— Тю-тю, — куда я влип, — подумал Равиль.

— Отведите его во флигель, приставьте охрану, дайте еду, завтра разберемся.

Подчиненные четко выполнили указания попутчика.

Девочка и Равиль очутились в прекрасно обставленном флигеле. На столе стояли продукты в корзинке. Чайник на плите был пуст. Но Равиль не стал заниматься ужином, а выключил свет и под освещение внешних фонарей принялся изучать свой приют. Комнат было три. Вторая входная дверь из коридора во двор, противоположный парадному. Несколько кроватей, застеленных, удобных. Кресла, столы, телевизоры в каждой комнате.

— Гостевая, — подумал он.

Утром Аленка проснулась и села на кровати. Изумленная незнакомой обстановкой, она изучала жилище и заметила, что Равиль проснулся.

— Привет, — поприветствовала она.

— Чай пить будешь?

— Буду. И печенья хочу.

— Посмотрим, что у нас есть.

В корзине оказался хлеб, сыр, колбаса, сгущенка, пачка печенья.

— Все по твоему заказу.

Вскоре его призвали к хозяину. Тот в халате сидел в кресле и тоже пил чай.

— Присаживайся.

— Спасибо. Я уже с дочкой позавтракал.

— Не знаю, что с тобой делать. Ты, паря, крупно влип.

— Куда?

— В историю. Я не знаю кто ты, что ты, зачем оказался в машине и для чего спас меня.

— Здравствуйте! Я тогда не думал, когда он пистолет наставил.

— То-то и оно. Он тебе тоже, как и я не знаком. Подвез тебя, не бросил на дороге с ребенком, а ты его чик и готов.

— Выходит, пусть бы он тебя лучше застрелил?

— Это тоже ни к чему. Он мог просто блефовать. Вместе с ним ты убил и тайну, которую мы желали бы узнать.

— Я понятия не имею о чем вы.

— Может это ваша дьявольская игра с сыском? План разработали, как меня выловить и девочку дали в придачу, чтобы доверия было больше.

— Вот уж никак не думал, что в сыскари причислен буду. Чушь.

— Выходит я дурак.

Крикнул кому-то:

— Зайди.

Вошел невозмутимый «бульдог».

— Приведи девочку.

— Зачем? Напугаете ее.

Аленка вошла и скромненько воззрилась на дядю в кресле.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Он тебе кто? — спросил Мансур.

— Говорит, что папа.

— А ты не уверена?

— Конечно нет. У меня не было папы.

— А кто у тебя был?

— Дедушка и мама.

— Где вы живете?

— В Демьяново.

— Пролетарского района? — подскочил хозяин.

— Да.

— А этот где тебя достал?

— Петьку за мной прислал, в лодку посадил и я уснула.

— Значит подсыпал снотворного?

— Так малость, — ответил Равиль.

— А Петька где?

— Домой вернулся.

— Вернулся говоришь? Точно?

— Конечно.

— Где сам жил?

— На заимке, у реки, лесник я.

— Ладно проверим. Пока под замок, а потом я скажу что с тобой дальше будет.

— Вот и спасай людей после этого, — проворчал Равиль, идя впереди сопровождающего.

— Дяденька, — обратилась Аленка к их конвоиру. — Отчего ты такой сердитый и не улыбаешься?

На лице сопровождающего не отразилось ничего, как будто их сопровождало дерево, похожее на человека.

— Он немой, — догадалась Аленка и тут же получила шлепок по спине.

— Мне больно!

— Молчи, — шепнул ей Равиль.

Их загнали во флигель и оставили с запертой дверью и решетками на окнах.

— Ладно, — пока все хорошо. Никуда они меня не денут. Попал в логово бандитов, но это даже к лучшему. Куда бы я сейчас мог спрятаться, если меня повсюду ищут.

* * *

Равиля действительно искали везде. Совсем недалеко от села на неводе у берега нашли запутавшийся труп Петьки. Оксана пока не пришла в себя, но врачи сказали, что смертельная опасность миновала. Всем сыскарям стало ясно, что Равиль не просто маньяк, а вполне возможно — людоед, так как чисто обработанные кости жертв наводили на эту мысль. Алексей Николаевич прекрасно понимая это, не говорил вслух свои соображения. Он боялся за Анну. Казалось, что она замерла в образе человека. Дышит, ходит, пьет воду или чай, но ее психика затормозила и становилась все хуже с каждым днем. Она отрешенно смотрела на людей, задающих ей вопросы и глядя мимо человека, спрашивающего ее о чем либо, молчала. Она не слышала вопросов. Ее мозг угасал от перенапряжения боли за утерянную девочку. Сидор Никитович потихоньку вытирал слезы. Алексей пытался его

обнадежить.

Собирая сведения о пропавших людях, по найденным останкам, милиция была убеждена, что главным подозреваемым является Равиль.

— Но зачем ему девочка? С целью выкупа? Но тогда почему не поступают сведения о цене?

Работали днем и ночью. Нашли несколько зарытых скелетов и теперь Алексей Николаевич не сомневался, что этот маньяк, людоед. Он очень переживал за малышку, но вида не показывал. С Юрой они обсудили вопрос уже ясный для них.

— Я встречался в Москве с людоедом.

— Страшный?

— На Синюю Бороду не похож. Обыкновенный с виду, не подумаешь о его мерзком занятии.

— Но как же малышка?

— Это больше всего волнует меня, — сказал Алексей Николаевич. — Он шизанутый и может наделать неизвестно что.

Позвонили из больницы и сказали, что Оксана пришла в себя и желает говорить с московским человеком.

В палате лежало несколько женщин. Их попросили временно выйти.

— Вы полковник Строганов? — спросила она.

— Да, зовите меня Алексей Николаевич.

— Я недостойна называть вас по имени, отчеству.

— Расскажите все, что вы знаете.

— А Петю нашли? Аленку?

— Пока нет.

— Он собирается взять в жены девчонку.

— Что? — переспросил Алексей. — В жены?

— Да. Он ей пообещал купить фату и платье. Она глупая и не знает что это для нее означает.

— Поподробнее о нем расскажите.

— Людоед он. За эти годы, что мы тут живем он сожрал и продал другим на шашлыки двадцать восемь человек.

— Откуда эти люди?:

— Я привозила почти всех со станций. Кому негде ночевать, кому нечего есть, кто заблудился, всех везла к нам. Потом он их убивал и разделявал, а меня заставлял вместе с ним закапывать скелеты в разные места. В сумках увозили и в лесу, или оврагах закапывали останки.

— Куда он собирался исчезнуть?

— За границу. Обворовал Прохватилова и его загранпаспорт прихватил, он на другое имя выписан. Готовил лодку. Петю отправил за Аленкой. Грузеная лодка стояла у берега по течению вниз. Девочке он приготовил снотворное. И еще он собирался ей сказать, что является ее отцом.

— Это правда?

— Что вы? Фельдшер его вообще не знала. Мы с ним давно женаты и жили вместе.

— Почему вы не сообщили милиции о его действиях.

— Я бы не успела туда доехать. Он не добил меня, потому что спешил. Надеялся, что

нескоро найдут.

— Фамилию по паспорту помните?

— Земляков Антон Сергеевич. Он сказал, что купит подходящий парик, как на фотографии будут волосы.

— Родственники, с кем он общается имеются?

— Нет. Он поехал так.

К ней приставили дежурного милиционера, пока нужда в лечении не отпадет, а там переведут куда следует. Будут заниматься следователи прокуратуры.

В доме Равиля были найдены документы, которые имелись у жертв. Разные вещи, которые непонятно теперь кому раньше принадлежали. Оставив работать несколько оперативников по найденным документам, Алексей и Юра выехали на лодке по предполагаемому маршруту.

Совсем недалеко за излучиной реки у берега запутался в верхах сети труп Петьки. Его отвязали, сообщили оперативникам, чтобы те забрали мальчика и отправились по реке дальше. Вскоре появилась бойкая дорога с транспортом в оба конца. Алексей остановил несколько рейсовых междугородных автобусов, но никто ничего не слышал о мужчине с девочкой. Наконец появился автобус с надписью «Водяное». Алексей остановил его, и они с Юрой вошли в салон.

— Прошу вас припомнить не видел ли кто-то из вас недавно мужчину и девочку, белокурую, с длинными волосами.

— Мальвину? — засмеялся кто-то.

— Не смейся, я видела. Девочка сидела у окна и ругалась с мужчиной. Она спрашивала можно ли поменять папу на другого, если этот не нравится.

— Точно Аленка, — сказал Юра.

— Сейчас мы вам покажем, где они высадились.

Показались три дома нежилого хутора.

— Здесь, — сказал водитель.

Оперативники вышли.

Три дома нежилого хутора осмотрели, но ничего не нашли. Прямо у хутора пролежала дорога, по которой шел транспорт. Подумав, они решили останавливать автобусы и разговаривать с водителями, может кто-то что-то и помнит.

Несколько автобусов пришлось сразу же отпустить. Остановили тот, в находилась женщина. Она сказала:

— Было уже темно, мы остановились, чтобы сделать пятиминутный привал, так как одного мальчика укачало. Я вышла на улицу и увидела мужчину с девочкой на руках, останавливавшего машину. Водитель остановился. Открыл заднюю дверь и мужчина положил на сидение девочку. Она так крепко спала, что ее лицо казалось безжизненным. Я еще подумала, может убили и прячут. Посмотрела на номер. Три семерки и сама машина семерка тоже.

— Я тоже тогда ехала, — сказала женщина с переднего сиденья.

— И что вы видели?

— Эта машина повернула вскоре в лес, я вам покажу куда.

Алексей с Юрой доехали до места, где по словам женщины, машина свернула в лес. Тут действительно была проселочная дорога. Но они не стали выходить из автобуса. Нужно было вызвать оперативников их местного отделения милиции и просмотреть место, где возможно

они что-нибудь обнаружат.

В отделении милиции Алексей связался с Москвой и Пролетаркой, им была выделена машина с водителем, хорошо ориентирующимся на местности. Они прибыли туда, где совсем недавно был убит водитель по имени Костя. Нашли его быстро, и вскоре узнали все его данные. Местный рэкетир, деливший территорию с другим делягой по имени Мансур. Машина Кости была угнана и ее пока не нашли.

* * *

Равиль не терял времени даром. Он решил немедленно выбраться отсюда, так как его могли в любое время убить, как это они делали с другими. У Мансура была бабушка, малость придурковатая, малость глуховатая, совершенно не ведавшая ни о чем. Ее не интересовали дела детей и внуков. Лишь бы бутылочка и закусочка были на столе ежедневно. Она нечаянно увидела Аленку и та ей понравилась. Немедленно было приказано внуку привести к ней девочку.

— Ты чья?

— Мамина, — ответила девочка.

— Хочешь к маме?

— Да. Меня мой отец, который называет себя так, украл у мамы.

— Позвать его сюда, — крикнула бабушка охраннику.

— Ты зачем украл у матери девчонку? — строго спросила бабуля, наливая в стаканчик водку.

— Это моя дочь.

— Врешь.

— Правда, я с ними просто не жил.

— Почему здесь?

— Ваш внук или сын не отпускает. А мне край нужно ехать дальше.

— Позвать сюда Мансура.

— Чего тебе, бабуля?

— Зачем держишь людей в плену?

— Никого я не держу, он мой гость.

— И долго гостить будет?

— До завтра. Рано утром мы уезжаем и его доведем до дому.

— Какому дому? — испугался Равиль.

— Вашему родному. Мы туда по пути едем.

— Ладно, — сказала бабушка. — Мужчины идите, а с девочкой мы чай будем пить.

Мужчины вышли. Бабушка усадила Аленку за стол и налила ей чаю.

— Ты красивая девочка, тебя надо замуж за хорошего человека выдать.

— Я скоро выйду замуж, мне обещал, который папа, фату и платье купить.

— А за кого, если не секрет ты выходишь, юная девица?

— Сюрприз, — сказал он мне. — Потом увижу, как платье надену.

Старуха посидела, выпила полрюмочки, закурила и сказала:

— Вот тебе флакончик, тут колпачок. Ты его поворачиваешь вот так и брызжешь в глаза тому, кто попытается тебя обидеть. Поняла?

— Поняла.

— А ну покажи, как ты умеешь?

Аленка пустила струю жидкости в воздух. Приятный аромат разлился по всей комнате.

— Это был учебный флакон. А теперь я тебе даю настоящий. И запасной возьми на всякий случай. Вдруг отберут.

— Я не отдам.

— А тебя не спросят. Мы с тобой сделаем так. Видишь куклу на комодке?

— Вижу. Красивая.

— Неси ее сюда.

Аленка принесла куклу и вскоре под ее платьем, там, где стояла пишалка «мама» был водворен флакон и припоясан пластырем. Куклу завернули в простынку, второй флакон Аленка взяла в кармашек. Он был совсем маленький и прекрасно поместился в переднем кармане.

* * *

Местный отдел уголовного розыска начал расследование по делу убийства Константина, по кличке «Рябой». Допросить Мансура не предоставлялось возможности, так как никакой зацепки не было.

— Нужно найти автомобиль, — решили оперативники.

* * *

Данные были выданы по всем постам ГИБДД и машину ожидали в любое время суток.

Равиль понимал, что отсюда нужно выбираться немедленно.

— Но как?

Бабка души не чаяла в девчонке и Мансур поглядывал на нее не платонически. У Равиля могли отобрать Аленку. Поговаривали о выкупе. И тогда у него созрел собственный план действий. Он не будет ждать, пока его пристрелят как бешеного пса.

Прежде всего Равиль, когда бывал на прогулках во дворе и в саду изучил правила дома.

Он выяснил, что постоянно в доме находятся четыре охранника. Двое у ворот с обеих сторон дома, по одному у парадного и черного выходов. Один сопровождал в поездках домочадцев, и еще один был неотлучно при хозяине.

Всего в доме проживало дополнительно к охране трое. Мансур, его жена и бабушка. Родители жили отдельно и навещали своих по воскресеньям. Бульдого образные охранники были у ворот. Смазливый, похожий на ягуара мужчина лет тридцати — личный охранник хозяина Долман Оглы. К бабушке был приставлен Ашот, Ашотик, как она его называла. Он как кот крался по двору в своих войлочных туфлях и его невозможно было услышать. Лет ему было немного, не более двадцати двух. Бабушка вставала рано, пила чай, позже завтракала уже с рюмочкой. После этого она приглашала к себе Равиля с Аленкой и расспрашивала их о жизни.

— Так ты, Алена, не признаешь своего папаню?

— Нет, — говорила девочка.

— А ты, Равиль, почему считаешь ее своей дочерью?

— Я знаю, что она моя.

— Ладно, ладно, — ворчала бабушка.

Они разговаривали, обменивались новостями, но Равиль видел, что у бабушки на уме что-то явно нехорошее для него приготовлено.

Пока после презентации у бабули Равиль находился в своей закрытой на ключ резиденции, бабушка пригласила Ашотика и сказала:

— Дорогой мой охранник. Ты явно засиделся дома и тебе пора проветриться.

— Я готов, — ответил Ашот.

— Ты должен пойти в город, найти нашего мента, который состоит на государевой и на нашей службе и разузнать у него, что им известно об этом леснике и девчонке. Говорят у нас тут крутятся даже московские менты, к чему бы это?

— А хозяин не будет возражать?

— Хозяина не будет три дня и пока что ты подчинен мне? Понял? Если надоело служить скажи, в овраге места хватит.

— Я немедленно отправляюсь, — сказал Ашот и исчез.

* * *

Совсем скоро он узнал от своего человека, что менты нашли убитого Костю и предполагают, что это дело рук Мансура, но пока нет никаких доказательств. Ищут свидетелей, допрашивают круг знакомых. Но главная новость, которую он узнал, что появились менты здесь вовсе не ради Кости, а ищут они лесника из Пролетарского района с девочкой. Все следы ведут в наш город. Они теперь будут шерстить всех подряд. Лесник украл девочку и на его совести множество убийств.

— Маньяк, — заключил мент, осведомитель.

— Как ты думаешь, за девочку можно взять деньги?

— Думаю нет. У нее мать фельдшерица, нищая и дед, бондарь, живут в деревне Демьяново.

— Демьяново? Что-то мне приходилось о ней слышать, но не помню что.

— А клад, который искали ваши ребята по заданию Мансура?

— Вспомнил. Я тогда еще малым был и меня не допускали к тайнам мансурова «дворца».

— Тогда погибли трое. Телка и двое парней. Их так и не нашли. Хотя вести от них из Демьянова сначала поступали.

— Ты думаешь, там действительно есть, что искать?

— Если бы было, давно бы нашли, или поиски не прекратили. Сейчас там наших нет, тишина.

— А сам как думаешь?

— Дыма без огня не бывает. Только я знаю из верных источников, что в Демьяново должна была быть лишь четвертая часть драгоценностей.

— А остальные?

— Тайна, покрытая мраком. Уже много людей погибли из-за версии с богатством.

— Может это утка?

— Вполне. Уже десять лет прошло со дня продолжающихся поисков, но никаких признаков нет.

— Спасибо за информацию.

— Из спасибо шубу не сошьешь.

— Верно. Бабушка послала тебе конвертик.

— Прощай.

— До свидания.

Прибыв домой, Ашот доложил бабушке все слово в слово. И та, подумав с рюмочкой в руках, прикинув версию услышанного, решила, что там что-то есть. Вспомнила девку Наташку, ее дружка Андрея, молчуна Кирю, отправленных на розыски тайного клада. Но ни клада, ни самих искателей, она больше не увидела. Тотчас же вызвала к себе Равиля, одного без девчонки, и приступила к допросу.

— А про сокровища в вашем селе ты бы рассказал мне подробнее.

— Я ничего не знаю о них.

— Врешь, — повысила голос старуха.

— Или рассказываешь, или я сдаю тебя милиции, которая разыскивает маньяка, укравшего девочку у фельдшерицы и деда.

— Не знаю, ничего не знаю, — завопил Равиль.

— Значит будешь вспоминать, — сказала бабушка и приказала Ашоту пригласить охранника.

Ашот повернулся, чтобы идти исполнять приказание старухи, но в тот же миг в спину ему Равиль всадил нож. Круто повернулся к бабушке и схватил ее за тощее горло. Он как барану перерезал его и выскочил за дверь. В доме оставались еще двое. Один с другой стороны дома находился далеко, но связывался с первым по рации каждые полчаса. Как раз было время переговоров и он стоял, слушал своего кореша. Равиль кошкой за кустами пробрался к нему и дождался конца разговора. Тот повернулся лицом, к неожиданно откуда появившемуся Равилю, но было поздно. Нож в горло с размаху вонзился и гориллоподобное существо, которое не пикнув, упало на землю. Равиль схватил его за ноги и протащил за кусты. Теперь нужно было убрать еще одного врага. Дверь гаража была открыта на одну половину. Равиль заглянул в дверь и увидел две машины. Семерку, в которой он приехал сюда после убийства Кости, и «Волгу» последнего типа. Но беда была в том, что он не умел водить машину. Вернее когда — то его друзья научили ездить на поле, по проселочной дороге, но он не знал правил движения. Хотя дом стоял на краю городка и, если ехать в сторону Развилки, дорогой минуя свое село, то там почти не было населенных пунктов. Ключи были в машине. Равиль открыл вторую половину ворот гаража и направился к воротам, выходящим на улицу. Вначале, убедившись, что ворота открываются нормально, он прошел за дом и вдруг неожиданно встретился глазами с охранником.

— Ты чего здесь гуляешь?

— Бабушка послала за девчонкой.

— А где Ашот? — спросил подозрительно тот.

— Там, что-то делает.

— Стоять, — крикнул серьезный противник Равиля, — стреляю без предупреждения.

Сам же уже по рации вызывал другого. Равиль выхватил нож и бросил с расстояния в противника. Тот выстрелил в него, но Равиль как кошка отпрыгнул в кусты. Охранник упал. Равиль быстро побежал за девчонкой, схватил ее грубо за руку и потащил к машине.

— Кукла, моя кукла, — упиралась она.

— Ладно, — бери свое дерьмо и он выпустил руку девочки.

Аленка забрала свою Катю и они сели в машину. Ворота, открытые настежь, привлекли внимание Алексея и угрозыск города, которые наблюдали со стороны за этим домом.

Машина завелась. Как ни странно, но Равиль не забыл навыков преподавания друзей по вождению машины. С большим креном, автомобиль выровнялся и повернул в сторону Развилки.

Милицейская машина в течение пяти минут оказалась у ворот. Им было странно, что ворота никто не закрывал и ранее всегда торчащий охранник не выходит, чтобы выполнить свою обязанность.

— Зайдем, — спросил Алексей.

— А машину догонять?

— Мы успеем.

Вошли в ворота, крикнули хозяев, никто не отозвался. Странно, что двери дома были открыты настежь. Тихонько, соблюдая предосторожность, разделились на две группы. Алексей с Юрой пошли в дом, остальные двое вокруг здания.

Юра первым увидел старуху с перерезанным горлом и понял, что в машине скрывается преступник.

— Кто он? — подумал Алексей.

— А вдруг это наш подозреваемый?

— Идите сюда, — позвали их опера. — Тут живой лежит. Ранен, кровью истекает.

— Вы его в больницу, вызывайте оперативку и «скорую», а мы за машиной.

* * *

Равиль чутьем понял, что надо как-то скрыться. Он остановил машину вскоре за выездом из города и остановил ее на полевой дорожке, вокруг стана, где пока никого не было. Алексей с Юрой с шумом промчались мимо.

— Зачем мы не едем? — спросила Аленка.

— Отстань, скоро поедем.

И действительно, как только машина, где ехали Алексей и Юра промчалась мимо маленького пространства, укрывшего «Волгу», Равиль тронулся с места, вывел автомобиль на дорогу и помчался, насколько позволяли его водительские возможности, вслед за милицейской машиной. Он отстал от них прилично, не имея навыков езды.

Аленка, ничего не понимая, сидела и ныла:

— Есть хочу, есть хочу!

— Успеешь, не умрешь!

— А вот и умру.

— Заткнись!

— Как это?

— Закрой рот.

Аленка обиделась и начала смотреть в окно.

Проехав наспех километров тридцать, Юра заметил:

— Не может быть, чтобы он так быстро уехал. Мы должны были догнать его.

— А если он схитрил. Остановился, переждал, пока мы проедем мимо и сейчас едет вслед за нами?

— А вы Алексей Николаевич, волшебник, я бы до этого не додумался.

— Разворачивай назад.

Они помчались назад, разглядывая внимательно все съезды с дороги, один справа, другой слева.

Равиль понимая, что его маневр будет разгадан, поставил машину у обочины дороги, а сам, взяв Аленку на руки, перебежал дорогу и спрятался за кусты. Девочке он заклеил рот. Прикрыв платком ей лицо, как будто спит, он стал высматривать проезжающие мимо машины. Менты неслись на огромной скорости, но «Волгу» заметили еще издали. Со скрежетом тормозов остановили машину. Юра потихоньку подошел к задней дверце и заглянул внутрь. Машина была пустой.

— Ушел. — Может спрятался?

— Вряд ли. Сел на попутку.

— Вызывай по радиации всех кто нас слышит. Останавливать каждое транспортное средство и осматривать на предмет розыска похищенного ребенка и преступника.

Равиль схватил свою ношу, перекинул через плечо и углубился в лес. Прошел немного и от радости присвистнул: прямо на тропе стоял КАМАЗ разворотом на дорогу и за кустиками пили ароматный кофе два парня, видимо шофера. Он подошел к машине сзади и увидел раскрытые дверцы. Внутри машина была загружена мешками. Равиль осторожно протолкнул свою ношу вперед. Затем принялся расчищать себе место у кабины. Мешки были нетяжелыми и он, перебросив несколько десятков по всей длине машины, освободил себе место. Там он положил девочку на двух мешках и сам примостился сбоку, на таком же сидении. Аленка пыталась кричать, но рот был заклеен. Она барахталась и ногами отбивала ему в живот не получающиеся прыжки, попытку встать на ноги.

Ты утихни, — прошипел он. — Это враги. Они нас убьют, если услышат.

Бой ногами прекратился.

— Я тебя развяжу, если ты дашь слово молчать.

Она кивнула в знак согласия. Он оторвал клейкую ленту и сказал тихо, едва слышно:

— Мы немного проедем с ними и сойдем, там, где можно будет поесть.

Совсем скоро водители закрыли дверцу и завели мотор. Машина тронулась. Алёнка держала свою куклу, что-то рассказывала ей.

Равиль определил по движению, что они едут в сторону Развилки.

Алексей и Юра неслись назад в сторону Водяного. Они почти не встречали машин. Шоссе было безлюдным. В ответах по радиации ничего утешительного не было.

— Провалились они сквозь землю что ли?

— Едем назад. Они не могли вернуться сюда. Очевидно сели в попутку, после того как дождались нас. Мы проехали, а они двинули дальше. Почти перед самой Развилкой впереди них шел КАМАЗ.

Оперативники посигналили им: остановиться. Машина остановилась.

— Что везем?

— Зерно, — ответил водитель.

Второй стоял рядом и с любопытством смотрел на милицейских офицеров.

— Откройте дверь.

Парень послушно выполнил их приказание. Юра залез в машину и начал осматривать

ее. Длина машины не позволяла ему увидеть, весь обзор кузова. Равиль снова закрыл малышке рот, на этот раз ладонью и вжался за мешками. Аленка внезапно увидела знакомое лицо и замолотила ногами. Ее подошва попала в стену кабины и все услышали это.

— А ну вылезай, кто там?

Равиль дернулся в карман и вытащил ножичек. Аленка, видя Юру, тоже достала флакончик и изо все сил пустила Равилю струю в глаза. Он широко открыл рот и заорал. Струя полилась и в его разинутую пасть. Алексей тоже вскочил в машину и пробирался по мешкам вглубь. Юра вцепился в руку Равиля и потащил его, чтобы освободить вторую, необходимую для наручников. Бешеный Равиль орал и начал напропалую размахивать ножом. Он чиркнул Юру по плечу, но тот увернулся и порез задел только кожные покровы. Аленка находилась под руками его и тогда Равиль наотмашь ударил понизу, туда, где находилась девочка. Алексей подоспел, схватил бандита и они вдвоем укомплектовали его руки наручниками. Маленькая Аленка лежала в крови. Бандит резанул ее в левую сторону груди. Алексей в ужасе смотрел, как бледнеет ребенок. Осторожно протащили ее до двери, так как разгружать машину было долго и бессмысленно. Маленькая Аленка безжизненно повисла на его руках.

— Скорую.

По рации немедленно была вызвана авиационная «скорая».

Девочку погрузили в самолет и тут же начали делать капельницу.

— Ее доставят в Развилки. Реанимацию, — сказала врач.

До городка оставалось десять километров и они показались двум людям вечностью. На заднем сиденье болтался Равиль, Юра находился рядом с ним. Бандит скулил и выл, орал, визжал, скрежетал зубами. Доза, выданная ему Аленкой, намного превышала ту, после которой человек долго не видит.

— Везите меня в больницу, — кричал маньяк.

— А может сразу на кладбище. Там вас ожидает толпа отправленных на тот свет людей.

— Не имеете права издеваться, — заныл Равиль, поняв, что они знают обо всем.

В больницу его все же завезли, где по нашим гуманным законам была оказана помощь пожирателю людей.

Затем его отвезли в отделение милиции, где и решился вопрос о дальнейшем ходе расследования.

Аленка лежала на кровати и белизной не отличалась от простыней. Все больные ходили смотреть хоть в щелочку, а иногда удавалось и в распахнутую дверь посмотреть на маленького бледного ребенка, похожего на ангела. Ее золотистые волосы обрамляли синеву глаз, мраморность лица и нежных дуг бровей, казавшихся смоляными-черными по сравнению со снежной белизной обескровленного лица. Было установлено, что у нее плохая кровь, редкая, с отрицательным резусом. Желаящих помочь ей было много, а толку от их крови Аленке не было. Постоянно вводились кровезаменители, плазма. Вся больница «стояла на ушах». Алексей с Юрой прибыли в палату и малышка едва заметно улыбнулась. Они не пробыли и пяти минут в палате, как срочное сообщение о вооруженном нападении на начальника станции, заставило их немедленно отправиться на вызов.

— В отделение, где лежала Аленка, заглянула бывшая врач-акушер родильного отделения, а теперь заместитель главного врача Вера Николаевна Стрешникова.

Она зашла, взглянула на Аленку, и тотчас же вышла из палаты. Зашла к ведущему девочку врачу и сказала:

— Я принимала роды у ее матери десять лет назад. Ошибиться не могу. Она в точности похожа на нее.

— Как фамилия ее матери?

— Строганова. И имя у нее Лилия. Прекрасна, как цветок.

— Вы ошибаетесь, Вера Николаевна. Фамилия девочки Железнова.

— Может она вышла вторично замуж и дала фамилию нового мужа?

— А может вообще не была тогда замужем, а потом вышла с девочкой?

— Найдите ее карту в архиве и посмотрите адрес. Нужно связаться с матерью. Кровь девочке просто необходима.

Карточка тут же была найдена, в ней значился согласно прописки адрес московской квартиры Ляли Оперативность врача была потрясающей.

Девочка находилась под угрозой смерти. Телефон был запрошен по справочной и телефонистка сказала врачу:

— Соединяю.

— Алло. Мне нужна квартира Строгановых.

— Я Строганова. Слушаю вас.

— У нас в больнице находится ваша дочь в тяжелом состоянии. Ей необходима кровь. У нее отрицательный резус.

В трубке помолчали. Потом сказали:

— Минуточку подождите.

— Мама, — крикнула в отчаянии Ляля. — Мама, она нашлась и находится в тяжелом состоянии. Ей нужна кровь, у нее отрицательный резус.

— У кого? — спросила Нонна Сергеевна, выплывая на кухню с папильотками на голове.

— У моей дочери.

— А разве у тебя есть дочь?

— Мама!

— Что мама, дай я подойду.

— Нонна Сергеевна вышла в комнату, подняла трубку телефона и сказала:

— Вы ошиблись, мадам, у нас нет девочек и мальчиков тоже.

— Но вы Строганова Лилия?

— На свете много Строгановых и Лилий. Прощайте.

Зуммер дал отбой, послышались короткие гудки. Врач сидела и смотрела впереди себя. Осматривала зеркало, стену, двери и не могла придти в себя. Потом подумала, а ведь она действительно попала не туда. Не могла же мать вот так отказаться от дочери. В кабинет заглянула медсестра.

— Нашли, — радостно сказала она.

— Что нашли?

— Кровь с отрицательным резусом. Мужчина милиционер, который привез девочку, он сдал пробу, когда прибыл сюда и срочно выехал на задание. А у него такая же кровь.

— Где он?

* * *

Юра и Алексей преследовали убийцу. Он бежал по вагону поезда, стоящему на

четвертом пути. Юра мчался сзади, пытаясь догнать его. В это же время Алексей влез на вагон и помчался наперерез убийце. Он выстрелил, целясь ему в ноги, а тот наугад палил в него. Юра почти догонял его. Алексей сделал сальто и ногами сбил преступника. Тот разрядил последние пули и одна из них зацепила полковника. Юра подоспел во время и скрученный наручниками парень лежал на крыше. Кровь расплывалась на плече Алексея. Оперативники из местного отделения вызвали «скорую» и Алексея отправили в больницу. Вскоре в перевязочной ему объяснили, что он является спасительным донором девочки, они надеялись на него, но в этой ситуации невозможно брать кровь у раненого.

— Можно, — сказал полковник. — Мне можно будет разбавить мою кровь вином, а девочке отдать то, что может спасти ее.

— Взвесив «за» и «против» врачи взяли у него неопасную для жизни дозу крови.

Ему пришлось компенсировать это многочисленными капельницами. Он практически не был тяжелым больным, но рана была неприятная и необходимо было проводить лечение и перевязки. Уже через несколько часов он сидел в палате у Аленки и старался расшевелить маленькое серьезное существо, неподвижно лежащее в постели.

— Мы с тобой оба раненые, — говорил он.

— Подобие улыбки появлялось и тут же исчезало. В глазах девочки была усталая отрешенность.

— Это от потери крови. Рана оказалась удачной для нее. Соскользнул нож и прошел мимо главной сердечной артерии. Рана болезненная, испуг, кровопотеря вот и не улыбается наша дюймовочка.

Анна узнала из телефонограммы Юры о случившемся и они с Сидором Никитовичем появились в больнице.

Увидев малышку, несчастную, бледную, страдающую от боли, Анна едва сдерживала слезы. Она не могла показать своей слабости. Нужно было ухаживать за маленькой, возвращать ее в жизнь. Сидор Никитович поглаживал пальчики девочки, и они шевелились в знак того, что она радуется своему дедушке. Сидор Никитович вышел в коридор и увидел, сидящего напротив палаты Аленки Алексея, с перевязанным плечом.

— Алексей Николаевич, как все случилось? Это вы нашли Аленку?

— Не я один.

— Господи, я не сомневался в вас ни минуты, ожидал, что вы найдете оборотня, укравшего ее.

— Анна здесь? — спросил Алексей.

— У дочери, где же ей еще быть.

Обрадованная врач появилась возле Анны и сказала:

— Скорее пойдете со мной, нужна кровь для девочки. У нее отрицательный резус.

— Я не могу сдать кровь?

— Почему?

— Я болела недавно гепатитом.

— Жаль. Хорошо, что кровь полковника подошла девочке, но он и сам ранен, много взять нельзя. Ладно побегу к нему. Посмотрим, что еще можно сделать.

— Вы знаете, я не могу взять кровь у мамы Алены.

— Почему? — спросил Алексей.

— Она недавно болела гепатитом.

— Кто вам сказал? — вмешался Сидор Никитович.

— Она сама.

— Ничего не понимаю.

Алексей отвернулся и посмотрел в окно.

— Когда же вас выпишут?

— Скоро, Сидор Никитович, и я сразу же уеду домой. Мои дела закончены. Преступник найден.

— А к нам? Вы что же не зайдете?

— Обязательно буду, нужно дома дела кой-какие уладить. Служба.

— Понимаю. А с Анной — то хоть увидишься?

— Обязательно.

В душе полковник понимал, что с Анной-то ему как раз и не надо больше видеться. Ему все больше нравилась ее скромная красота, темные волосы, уложенные в строгую прическу, милые глаза, не умеющие ничего скрывать. Ее легкая походка, руки, красиво выполняющие все, к чему бы она ни прикасалась. И особенно моменты, когда она причесывает Аленку. Целует ее в макушку, та пищит от расчески, но Анна нежно, спокойно, делает свое дело, превращая кудлатое существо в принцессу. Сколько раз он ловил себя на мысли, что ему ужасно хочется обнять Анну, поднять на руки как маленькую и унести туда, где им никто не будет мешать. Он мысленно целовал ее припухлые губы и расстегивал халатик.

— Тьфу, какой ты сексапильный ловелас, — сердился он на себя, а настойчивое видение все чаще посылало ему Анну, где он так и не решался прикоснуться к ней.

Ее святая любовь к дочери умиляла его. Делало ее мадонной в мыслях, предшествующих видению. Тогда он смотрел на нее как на что-то святое, надежное в жизни, существо, необъяснимого духа целомудрия и спокойствия. Но женщина Анна вновь появлялась и вновь его мысли путались между обожанием и желанием явно не целомудренным.

— А нужно ли тебе с нею прощаться? — думал он. — Уехать так, чтобы не видеть ее глаз, не ощущать запаха фиалки, весенней прелести, обожаемых ею духов?

Внезапно дверь открылась, и Анна вышла из палаты. Увидев Алексея, сидящего напротив двери, она удивилась и остановилась, ноги словно приросли к полу и не слушались ее. Ее щеки запылали румянцем, и она как молоденькая девушка на первом свидании не знала, что сказать ему.

— Здравствуй, Аннушка!

— Здравствуйте, Алексей Николаевич.

Он уже поднялся с банкетки и шагнул ей навстречу. Она, увидев его повязку, испугалась.

— Вы ранены?

— Немного.

— Вам больно?

— Нет.

Он смотрел на нее и ему хотелось сказать все, что проносилось в его смятенной голове, но язык не повиновался ему, он подчинился логике.

— Мне скоро уезжать. К вам не заеду.

— Почему?

— Служба, — ответил он.

— И больше никогда не приедете?

— Приеду обязательно, у меня скоро отпуск и я нагряну к вам.

— Будем рады, — ответила она и быстрым шагом пошла по коридору.

Он хотел догнать ее, но остановился и, повернувшись, направился в свою палату. Алексей Николаевич пришел попрощаться к заведующей отделением. Нина Николаевна приветливо встретила его. Еще не старая кокетливая женщина была хорошим врачом.

— А вы герой, оказывается, — сказала она, идя навстречу вошедшему.

Стул поставила за своим столом рядышком с собой.

— Ваша кровь помогла малышке. А вот родная мать отказалась выполнить свой долг.

— Как, ее мать не дала свою кровь дочери?

— Представьте себе.

— Я ей позвонила и она отказалась вообще признавать дочь.

— Но она здесь, в больнице и дома у нее нет телефона.

— Ничего вы не знаете полковник Строганов. Ой, — спохватилась она.

— Что с вами?

— Я не поняла ничего, но у матери девочки тоже фамилия Строганова.

— Вы ошибаетесь. Ее мать Анна Федоровна Железнова.

— Оказывается и сыщики ошибаются, — гордо произнесла Нина Николаевна. У меня на столе до сих пор лежит ее карта рождения. Да вот она, посмотрите, вы сыскарь, и вам эта тайна может пригодиться.

Нина Николаевна подала Алексею «досье».

Написанному там, Алексей долго не мог поверить и сидел, словно побитая собака, не зная, что сказать и что не сказать.

— Значит, эта девочка родилась у вас в больнице?

— Да. И вы сейчас увидите акушерку, которая принимала роды.

Она позвонила по телефону и вскоре в кабинет вошла Вера Николаевна. Алексей достал из портмоне фотографию жены и поднес ей:

— Эту женщину вы знаете?

— Конечно. Москвичка. Строганова Лилия Андреевна. Была вместе с матерью. Ее звали Нонна. Я запомнила. Эта Строганова категорически отказалась кормить девочку, и мы ее давали по очереди всем желающим в палате, чтобы покормили после своих малышек. Выписалась через три дня. Ранним утром они уехали к поезду. «Скорая» их отвезла на вокзал.

— Но как она попала сюда из Москвы рожать?

— Понятия не имею. Она мало с нами разговаривала. Лежала молча.

— Мне сказали, что мать отказалась дать кровь ребенку. Как вы ее нашли?

— Адрес в истории родов. По справочной мы нашли телефон и позвонили ей в Москву.

Она ответила, что я разговариваю со Строгановой.

— Лилией Андреевной?

— Да, — ответила она, но попросила минуточку для выяснения чего-то и потом взяла трубку другая женщина и отказалась от девочки.

— Телефон, — Алексей взглянул на номер и понял, ошибки нет никакой, это был их номер телефона.

— Спасибо, — сказал он, вставая. — Я именем законного представителя милиции должен разобраться в этом. Мне нужна эта история.

— Расписку напишите и ксерокопии оставьте, — сказала Нина Николаевна.

Он попрощался с обеими, попросил, чтобы после снятия ксерокопии ему занесли

бумаги в палату. Итак, нужно было собраться с мыслями. То, что Алленка его дочь, он теперь не сомневался. И кровь, и ее схожесть с Лялей и неопровержимые улики говорили о том, что его жена с целью избавления от нежеланного ребенка отправилась рожать из Москвы в захолустье. Но как же так распоряжается судьба людьми, что именно сюда он был отправлен на поиски маньяка. Да и то, что вроде бы здесь могут оказаться спрятанные драгоценности, тоже заставляло его присутствовать здесь. Прежде всего он должен выяснить как попала его дочь к Анне.

Подтверждением того, что Алленка не родная Анне, был отказ от дачи крови. И причина медицински обоснованная. С ней он пока говорить не будет. Вернее будет, но не ранее того, как он поговорит с женой дома.

Его расстроенные чувства, невероятность содеянного злодеяния, не дали возможности зайти к Алленке и проститься с ними обеими. Он не мог пока этого сделать. Боялся, что выдаст себя.

— А может это не его девочка. Может она действительно только похожа на Лялю. Всякое бывает.

Но тогда зачем та приехала в роддом Пролетарска, маленького городишки?

Все вопросы пока оставались без ответов. Вечером он, забрав свои документы вышел с Юрой, пришедшим, чтобы отвезти его на вокзал.

— Все в порядке, Алексей Николаевич?

— Вроде да, а вроде — нет, — загадочно ответил тот.

— Вы сюда еще вернетесь?

— Обязательно, — сказал он Юре, человеку к которому привык и который понравился ему пока, они с ним были в разных переделках.

Юра дождался поезда, зашел с ним в купе, посидел немного и они простились. Юра ушел, поезд тронулся. У Алексея появилось ощущение, что он оставляет здесь что-то родное, милое, нужное.

— Зачем он вот так уезжает?

Но строгий сыщик говорил обратное:

— Только факты. Чувства и эмоции могут быть ошибочными.

* * *

Очень скоро Алленка начала быстро поправляться, щечки ее порозовели, она мило щебетала со всеми, кто заговаривал с ней и, наконец, ее выписали из больницы. Провожать малышку вышла вся больница. Акушерка и Нина Николаевна, посвященные в тайну рождения девочки, дали Алексею слово молчать и они едва сдержались при знакомстве с Анной, полной противоположностью той, которая являлась Алленке биологической матерью.

Поезд быстро домчался до их станции. Потом ехали на попутке и вскоре оказались в родном доме.

Дома, когда Алленка утомилась и легла спать, Сидор подошел к Анне и спросил:

— Что, тяжело тебе без него?

— Без кого? — сделала удивленный вид Анна.

— Я, внучка, не без глаз, хоть и старый. А он тоже любит тебя.

— Откуда это можно знать?

— Мне все известно. Глянешь на вас и никакой тайны нет.

— Ошибаетесь. Он даже не зашел проститься.

— Значит так надо. Серьезно ты его зацепила, вот он к этому и относится серьезно. Как

— никак, а он человек женатый.

— На красавице, — добавила Анна.

— С красоты воды не пить, — ответил старый и добавил, — что теперь будет?

— А вдруг она ему признается и он заберет Аленку?

— Но тут знаешь, ты права. Он отец, не бросал ребенка. Ему могут отдать дочь.

— Я не смогу жить без нее, — сказала Анна. — Не смогу, — и убежала к себе в комнату.

— И чего это мы сами себе напридумывали, может у него просто кровь совпала, а его жена похожа с Аленкой как и другие двойники на свете, — ворчал дед на кухне, хотя понимал, что шанс такой не имеет основания.

Все сходилось на то, что Алексей был отцом девочки.

— Мы себя сами вводим в заблуждение, — произнесла Анна, входя к Сидору в комнату. — Кто сказал, что он отец?

— Никто.

— Кровь совпала? Так и чужие подбирают группу крови.

— Жена похожа?

— Но посмотри, сколько двойников на свете существует, которые не знают друг о друге.

— Верно.

— Но как попала девочка на крылечко, мы не знаем.

— И отсюда все сомнения.

— Может какая детдомовская подбросила.

— Утро вечера мудренее. Не будем задуривать себе голову.

— Спокойной ночи, — пожелали друг другу дедушка и внучка и разошлись на сон грядущий.

А ЛЮБОВЬ КАК СОН, СТОРОНОЙ ПРОШЛА

Ляля обрадованно вскрикнула:

— Мама! Алексей приехал.

Он поздоровался с обеими, но не принял объятий жены, отвел ее руки и сказал:

— Я устал и хочу спать.

— Вот так и дожидайся жена своего суженого, а он буркает, что устал, — проворчала Нонна Сергеевна, — и продолжила, — еще чего доброго на диване в гостиной ляжет спать.

Точно так все и вышло. Алексей молча принес подушку и плед и улегся на диване, выключив свет.

— Что за новости? — спросила раздраженно Ляля, входя в дверь.

— Не мешай, я хочу спать.

— Ах, его милость желает спать, а я не хочу спать, я хочу разговаривать с мужем, который так долго отсутствовал неизвестно где.

— Почему неизвестно? Известно. Я находился в Пролетарском районе, а последнее время в районной больнице, там, где ты родила нашу дочь.

Ляля поперхнулась. Она не смогла выдавить комок из горла и застучала в стену к маме.

— Маму на помощь призываешь? — спросил он язвительно.

— Что случилось? — всполошилась, появляясь на помощь дочери, теща.

— Нонна Сергеевна, вы мне объясните, пожалуйста, как моя жена и вы попали в больницу городка Развилки и где вы оставили ребенка?

Теща тоже лишилась дара речи, но тут Ляля уже обрела ее.

— Кто тебе это сказал? Чушь несусветную.

— Мне сказали больничные документы, что такого-то числа, месяца и года Строганова Лилия Андреевна, проживающая в городе Москве, родила дочь, весом в три килограмма, здоровую, но почему-то отказалась категорически ее кормить, и девочку кормили женщины всей палаты, тем, что осталось после их детей.

— Не понимаю, это сфабрикованный документ.

— Не думаю. Лучше расскажите, куда вы девали ребенка, иначе я передам дело в суд, и вас будут судить за детоубийство, если девочка не найдется.

Теща плюхнулась на колени.

— Это я виновата. Ляля была только четвертый день после родов и до прихода поезда легла на скамейку. Дочь положила рядом. А я, увидев, что она задремала, вышла на платформу встретить поезд. Когда он подошел, я вернулась в зал, разбудила Лялю, но девочки там уже не было. Ее украли.

— Вы заявили об этом в милицию?

— Нет, мы спешили на поезд. Ляля бредила, у нее поднялась температура и я решила, что сначала увезу ее в больницу в Москву, а потом вернусь за девочкой.

— И почему же вы не вернулись?

— Я подумала, что без матери такая кроха все равно не выживет и не поехала ее искать.

— А ты? — спросил он Лялю.

— Я долго болела, потом ты вернулся, и я сказала тебе неправду.

— Зачем вы поехали в глушь? В Москве не работали все роддома?

— Нам посоветовали. Сказали там чудо-вода и исцеляет от всех болезней.

— Вы искали, писали, спрашивали о пропавшей дочери?

— Нет. Мы же знали, что все это бесполезно.

— Хорошо. А недавно вам звонили из больницы с просьбой сдать кровь для раненой дочери?

— Я сочла это провокацией, — ответила Ляля.

— Сейчас вы обе уйдете в свои комнаты и не будете показываться мне на глаза, пока я не решу, что с вами делать?

Обе покорно пошли, молча разошлись по своим постелям, и до утра каждый не спал.

Теща боялась суда, Ляля позора и развода. Алексей не знал, как ему поступить с ними, а главное с Аленкой, которую ему придется отнять у Анны.

— Может ли она украсть ребенка? — спрашивал он у себя и как полковник милиции, повидавший много всякого, мог ответить утвердительно. Но вопрос, зачем его жена поехала рожать в тьму-таракань, породил нелогичность по отношению воровства ребенка.

Алексей был спокойным уравновешенным человеком, работа в угрозыске наложила печать недоверия на многое, что встречалось экстремальное в жизни и поэтому он привык все, вызывающее недоумение, проверять, опираясь только на факты.

Он попытался погасить смятение чтением и достал с полки наугад книгу.

Это была его любимая «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси.

Он любил читать в свободное время, которого у него явно не хватало, но любая свободная минута не проходила мимо чтения. Он иногда перечитывал Алексея Николаевича Толстого, Чехова, еле осилил Достоевского, просто он обязан был знать «Тварь я дрожащая, или человек», не из школьной программы, а уже осмысленно позже. Ему не нравились полоумные мысли героев, инфантильность героинь, страшно неприятно чувствовал читая об унижении человека и непонятной позиции героинь «Идиота». Надломленные, нравственно получеловеки, полукалеки, так они ассоциировались в его сознании. И никто ни за что не смог бы ему доказать, что все окружающие люди, вся та среда, где жил князь Мышкин, была сплошь населена дебильно-психическими уродами. Видимо в самом писателе эпоха того времени была перекошенной линзой подсознания.

Он не мог понять, как могли отнести к разряду художественной литературы и назвать романом «Что делать?» Чернышевского. Ну понадобились новые герои времени, но все равно никак не воспринимался им Рахметов и сама Вера Павловна с ее бесконечными снами.

Он любил Ивана Сергеевича Тургенева, где сочетание жизни человека, его чувств и природы жили в полной гармонии с эпохой, и каждая книга давала волю мыслям.

Очень хорошо относился к Джону Голсуорси с его «Сагой о Форсайтах», где Ирэн была действительно воплощением желаний сильного рода планеты.

Его будоражило творчество Бальзака, а самым любимым читаемым писателем был О. Генри. Сама биография писателя вызывала уважение. Его герои — действительно были похожи на жизнеспособные на века образы.

Сейчас, когда ему было особенно плохо, он перечитывал классику, дающую ответы на множественные вопросы.

В жизни много встречалось Шариковых и Беликовых, Ноздревых и Мерзляевых.

А теперь мерзость в образе жены вошла в его жизнь.

Как бы хотелось забыть ту грязь, что вошла в его жизнь вместе с Лилией, которую он любил, а сейчас она ему казалась скользкой мерзкой жабой, с которой пока еще

приходилось соприкасаться в жизни. Для того, чтобы найти себя, раздвоенного, с душой, ноющей как больной зуб, не дающий покоя.

Ему надо было установить шкалу дальнейших действий на правильно найденное решение, чтобы разрубить этот гордиев узел, тесно взявший его в плен.

Ляля. Это имя для него невыносимо. Вся в прошлом.

Анна. Еще вчера он буквально поражался ее нескончаемой любовью к девочке.

— А если она действительно украла ребенка?

В жизни милицейского полковника такое случалось довольно нередко. И люди, ворующие детей, не были какими-то отребьями, выглядели мило, положительно, пока углубленное изучение каждого дела, ставило все на место. У него даже возникла своя линия на мотив совершения преступления. Студентка медицинского техникума, проходит практику и узнает, что в роддоме находится женщина из Москвы, отказавшаяся кормить ребенка. Умная девочка знает, что имея в руках дитя, у нее есть шанс выбраться из захолустья. А именно через мужа этой женщины.

Второй мотив — шантаж той, у которой украден ребенок. Выкуп.

Третий — возможность дорого продать ребенка паре, страстно желающей его усыновить.

— Стоп! Господин полковник, — сказал сам себе Алексей. — Почему же тогда не последовало выкупа, продажи ребенка, розыска отца девочки? Значит ни один из его вариантов не проходит, особенно если вспомнить отношения Анны, Аленки и дедушки. Этот старик, русский сельский самородок не предаст никогда и ни за что. Значит все меркантильные начала — плод воображения и абсолютно несостоятельны.

— А как ты относишься к Анне? Подумал? — и сам себе ответил: - хорошо, даже слишком хорошо, но не настолько, чтобы попадать из огня в полымя.

Развод с Лялей не предполагал женитьбы ни на ком. Даже на Анне. Женщин много, нравятся иногда, но это не означает, что ты на всех должен жениться. И потом его чувство к ней было вызвано умиленным состоянием ее возни с, как он считал, ее дочкой. Не имея своих детей, он просто завидовал семейной идиллии, умению воспитывать ребенка. Эта женщина ему положительно нравилась, но не в качестве жены. Такая мысль не посещала его даже во сне. Но как быть теперь с девочкой?

— Я не могу оставить в неведении ребенка, что у него есть отец.

— А как же Анна? — говорила его другая половина мозга.

— Не знаю. Я не должен отвечать за ее поступок. Она сама захотела чужого ребенка, не узнав, есть ли у него родители.

Алексей долго думал, мучился и даже решил посоветоваться с бывшим однокурсником по милицейской школе, с которым виделся редко, но плодотворно. Всегда они решали чьи-либо семейные проблемы.

— Серега! Привет. Алексей.

— Рад тебя слышать дружище.

— Нужно поговорить.

— Пожалуйста. Я свободен как ветер. Жена путешествует с сыном по Анталии. Жду тебя часов в восемь. Устроит?

— Вполне.

Вечером они сидели в уютной кухне господина генерала и, попивая прохладную водочку, разговаривали.

— Что у тебя случилось? Ты же у нас самый образцовый, уравновешенный полковник.

— Такое случилось, что и сказать страшно.

— А ты говори. Не бойся. Я твой верный друг.

— Потому и пришел.

— Лялю мою хорошо знаешь?

— Еще бы. За нее многие наши офицеры готовы были на дуэль идти.

— Так вот эта самая прекрасная Ляля десять лет назад, пока я находился в длительной командировке, ожидала ребенка. Когда я приехал, никакого ребенка у нас не было.

— Как так?

— А вот так. Мне она вместе с тещей рассказали, как умерла наша девочка при родах.

— Всякое бывает.

— Всякое да не такое. Меня недавно отправили на помощь в поимке маньяка и я приехал в Пролетарский район. Поселились в селе Демьяново, так как все дела были сосредоточены вокруг этого района. И там я встретил девочку десяти лет, точную копию Ляли. Ее мать совершенно противоположной внешности. Отца нет. Живут с дедушкой. Я признаться даже немного влюбился в мать этой девочки.

— Бывают на свете двойники, — попытался объяснить ему Сергей.

— Бывают. Да только здесь оказался не двойник, а моя родная дочь.

Он рассказал Сергею всю эту печальную историю и показал медицинскую карту, где ясно было написано происхождение девочки.

— Да, — сказал Сергей, история. — Похлеще мелодрам. И что ты думаешь делать?

— Сначала разведусь с Лялей. Завтра же переезжаю в отцовскую квартиру, которая после смерти тети стоит закрытая.

— Это правильно.

— Потом, потом я просто не знаю, как мне поступить с Анной.

— Сначала узнай, как попал к ней ребенок.

— Думаешь, она скажет?

— А ты полковник милиции или кто?

— Применять к ней санкции я не могу, она растила мою дочь.

— Правильно. Растила. Но как она попала к ней, надо узнать обязательно.

— Это не трудно.

— А если действительно украла?

— Отберу и привезу сюда.

— А если не крада?

— Тоже хочу отобрать и самому воспитывать дочь. Я и так много потерял, не видя, как она росла.

— А как же семья? Девочка должна расти в семейной обстановке?

— Но там у нее нет отца, здесь не будет матери.

— И редко бывающего дома папы.

— По-твоему я должен оставить все как есть? Отказаться от собственной дочери в угоду

чужой тетеньке, пожелавшей стать благодетельницей девочки? Она десять лет провела в деревне, сейчас там даже школы нет и ее учит сама Анна, а сдают они экзамены экстерном в районной школе.

— Почему она не учится в районе?

— Так хочет ее «мама».

— Знаешь ли, я психолог слабоватый, но если бы у меня отобрали моего сына, я не смог бы без него. Это как будто твоя рука, или сердце, отними попробуй.

— Я пока такого не испытываю, отцовские чувства у меня только начали просыпаться. Я же многое пропустил в жизни дочери. Не слышал, как она училась говорить, не видел ее первого шага, не видел как она растет. Мне она близка, хочу, чтобы была рядом, хочу быть ее защитником, опорой, другом, отцом.

— Тогда и думать нечего. Хотя та женщина может быть любит ее по-настоящему, как родную.

— Как родную. В этом и заключен смысл родства.

— Но Ляля родная мать, а ребенка оставила.

— Или ее украли.

— Ты веришь этой басне?

— Но как не верить, если в противном случае она хуже зверя получается.

— То, что она никогда не заявляла о пропаже ребенка, не искала ее и почему-то отправилась из Москвы рожать в глушь, говорит о том, что именно Ляля тебя обманывает.

— Я думаю теперь, что такое семья? Люди, связанные воедино кровными узами, родители, дети, бабушки, дедушки. У меня лично семья — это просто секс и общий стол. У нас были абсолютно разные интересы. Я только теперь понял, что женился на статуе. Стоит в саду или в музее редкий экземпляр красоты, который является созданием гениального скульптора. Ты смотришь на нее, любишь, но никому не приходит в голову жениться на статуе, или принести ее в свой дом.

— Значит Ляля, как я понимаю, всего лишь образец красоты, но не жена, создающая семью.

— Да.

— Ты ее любишь до сих пор?

— Я презираю и считаю нечистоплотным находится даже близко рядом с ней.

— Значит, развод решен окончательно.

— Да и завтра же я еду к адвокатам, чтобы они занялись этим делом.

Эту тему они оставили в покое и принялись за политику.

— Я побывал в селах и увидел, как они погибают. Что мешает людям трудиться как раньше до семнадцатого года, когда Россия вывозила свой хлеб за границу. И какой хлеб. Нарасхват.

— Думаю, что у мужика не стало стимула трудиться. Закупочные цены на хлеб делают мужиков нищими, а те, кто дальше идет по цепочке, перекупщики, переработчики, продавцы живут прекрасно.

— Значит необходимо сделать так, чтобы сами крестьяне производили не только хлеб, но имели свои элеваторы, торговую сеть, отдавали, что положено государству по установленному ценовому плану, а остальное шло в копилку хозяину.

— Сейчас есть совсем вымершие села и деревни, умирающие, кое — как цепляющиеся за жизнь, а если еще села и существуют, то там тоже образовался перекосяк. Те, кто обладает

властью, строят, не стесняясь избенок крестьян, свои хоромы, имеют охрану, от кого? Отдыхают за границей, их дети тоже не учатся в России. А хлебороб остался, как и раньше с голым задом. Вот и тащат кто может и сколько с полей, тока, из-под комбайнов. А осенью получается, что и урожай был хорошим, и в закромах семян нет. Не на что купить горюче-смазочные на сев, нечем заплатить налоги. А о зарплате и думать забыли.

— Но сейчас многие сдали в аренду свою землю, наделы.

— Сдали и получили шиш с маком. Ни земли, ни денег. Те продукты, которые им бросают из милости арендаторы, они выкупают за деньки в кассе предприятия. Цены не менее рыночных. Вот тебе и вся собственность на клочок земли.

— Зачем же они отдают землю в аренду?

— А чем ее обрабатывать? И еще никто не спрашивает желания крестьян, войти в арендное предприятие. С них собирают заявления, а те, кто начинает упрямыться и воду мутить, оставляют без света, воды, лишают кормов для подворья. Словом начала феодализма заложены снова. Только по другому все это обзывается.

Выпили по рюмочке. Поговорили еще о том, о сем, и Алексей начал прощаться.

Поехал он в свою, отцовскую квартиру. Хорошо, что умная тетя заблаго приватизировала ее на имя Алексея. Ее домик на окраине тоже достался по наследству ему.

Назавтра он нашел адвоката Сергачева Андрея Павловича, спеца по бракоразводным процессам и начал дело о разводе.

Ляля никак не желала сдаваться. Она твердила, что у нее украли девочку. Мать ее подтверждала это. Адвокат был умный, дальновидный, дока своего дела и в три счета доказал им всю несостоятельность бредовых идей о краже ребенка. Он предложил им смириться и дать по-хорошему развод через ЗАГС, как супругам не имеющим детей.

— Но как же квартира? Вдруг он захочет отобрать у меня ее часть? — интересовалась Ляля.

— Не захочет. И не имеет права. Она ваша.

— А вещи?

— Мой клиент ничего кроме своей одежды из квартиры не берет.

— Но если я не хочу разводиться? Как я буду жить без него? На что?

— Вам придется поискать себе другого состоятельного, не милиционера, а бизнесмена. С вашей-то красотой?

Ляля плакала и улыбалась, чередуя эти несхожие эмоции.

— Прекрасно, — сказала теща, выразив это в категории состояния человека.

Прекрасно то, что Ляля разводится, или то, что ей нужно искать бизнесмена, было непонятно никому из обсуждавших. Решение было приведено к единому знаменателю, и вскоре Алексей Николаевич получил свидетельство о разводе.

За вещами он приехал, предварительно позвонив. Все было предусмотрено до мелочи для встречи с мужем, бывшим мужем.

Ляля приложила немалые усилия и теперь, когда раздался звонок в дверь, она приняла позу оскорбленной невинности. Ее волосы были тщательно причесаны, так, что казалось небрежная кисть художника развеяла их по плечам, прикрыла сбоку щечку и ей пришлось своей мраморно-великолепной ручкой отводить непослушную прядь в сторону.

— Здравствуйте, — сказал Алексей входя в комнату.

— Хорошо, что ты пришел, — томно ответила она и невинно опустила свои синие глаза. Ее грудь глубоко дышала и поднимала открытый вырез платья.

- Я только вещи возьму.
- Зачем спешить? Расстаемся навсегда. Мог бы и задержаться.
- Чтобы услышать очередную ложь?
- Фу, как ты груб. Повинную голову с плеч не рубят.
- Только не твою. Слишком грубая ошибка, именуемая преступлением.
- Ты опять за свое?
- Оставь. Я не могу задерживаться, меня ждут.
- Неужели я совсем тебе безразлична.
- Ты омерзительна.
- Какой грубиян.
- Пошлячка. Я не могу тебя видеть.
- Ну и скатертью дорога.

Повернувшись, Ляля выплыла в другую комнату и спокойно стала ждать, пока бывший муж соберет вещи.

Дверь захлопнулась, и она дала волю слезам. Его непокорность распалила душу женщины, жаждущей всеобщего поклонения. Она плакала и думала, как ей отомстить за то, что этот грубиян не заметил ее такой генеральной подготовки к встрече и проваленной только из за его мужланства.

— Хватит скорбеть, — Ляля подошла к зеркалу и принялась ваткой убирать подтеки туши с ресниц. — Ты королева, мадам и никто не посмеет это опровергнуть.

Мама пришла вскоре после ухода бывшего зятя.

— Я тут подумала на досуге и решила, давай-ка, мы с тобой, милая дочь попробуем переманить девчонку на свою сторону. Все-таки живем мы в Москве, а мне в деревне. Учиться ей там негде. Надо будет внушить ей то, что та баба украла ее у тебя.

Ляля осмотрела себя в зеркале и осталась довольна.

— Да, мама. Это был первый раунд. Надеюсь, что второй мы с тобой выиграем. Вперед. К победе! — и она подняла пальчик вместо воображаемого флага.

* * *

Алексей Николаевич поднялся по лестнице своей квартиры. Неожиданно к нему наперерез кинулась женщина и попросила помощи. Муж бушует и она находится на лестнице уже час, а там ребенок.

— Почему вы не вызвали милицию? — спросил полковник.

— Я вызову. Разрешите позвонить.

— Хорошо, входите.

Он открыл дверь и начал пропускать вперед женщину, взявшись за ручку двери. В это время в лицо ему что-то брызнуло, ожгло глаза, перехватило дыхание. Полковник потерял сознание.

Очнулся он и почувствовал, что лежит как младенец спеленатый по всем правилам. Свободным был лишь рот, да уши.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! — услышал он голос незнакомого человека. Над ним стоял мужчина в два метра ростом, с крепкими кулаками и маленькими свинными глазками на неподвижном лице.

— Здравствуйте, дорогой, — поприветствовал его еще один, стареющий подтянутый человек с пронизательным взглядом и более эстетической внешностью, выгодно отличающей его от первого.

— Вас можно перевести в вертикальное положение?

— Можно было сразу оставить меня так и не прибегать к паралитическому газу.

— Эге, — сказал эстет. Мы хорошо знаем ваши способности и не уверены, что вы не опасны даже в горизонтальном положении.

Полковника, как младенца полу присадили на диван.

— Что вам угодно? — спросил Алексей.

— Где Вадим Медведев?

— Простите, но я с ним расстался давно и более не видел.

— Позвольте усомниться в вашей искренности.

— У вас есть данные такого утверждения?

— Да. Дело в том, что он был в селе Демьяново в тоже время, что и вы. Очевидно у вас были одинаковые задания?

— Сначала скажите кто вы?

— А вы не догадались?

— Прошу подтвердить ваши полномочия пеленать меня как младенца.

— Вы знаете зачем вы были с ним у Ведиева?

— Прежде скажите кто вы? Иначе разговора не получится.

— Хорошо. Полковник Дягилев и майор Сырцов. Вот наши документы.

Показав из своих рук книжечки-удостоверения особистов, Алексей сказал:

— Может вы меня все-таки развяжете?

— Не знаю. Только после ответа на поставленный вопрос.

— Я выполнял поручение по поимке маньяка-людоеда. Выполнив его, сразу же уехал.

— А другое задание попутно вы не выполняли?

— О чем вы?

— Все о тех же спрятанных где-то там сокровищах.

— Вы прекрасно знаете, что в последнее время там был обшарен каждый метр земли вашими людьми и ничего не найдено.

— Вам придется снова вернуться туда, но уже с нашими людьми и установить куда исчез Медведев. Вы не предполагаете, что он мог найти и вывезти все незаметно.

— Не думаю. Там был значительный груз, незаметно не получится.

— И все же?

— Если вы договоритесь с нашим начальством, я согласен.

— Вы опасный человек, полковник. Но придется развязать вас.

— Вы что же хотели меня принудительно давать вам показания?

— Мы много наслышаны о вас. Кроме того, эти сокровища стали неуловимой легендой, а после пропажи нашего человека, находящегося недалеко от вас и посвященного в это дело, становится неясным ваше личное участие в данном вопросе.

— Значит Вадим пропал?

— Да. От него нет никаких вестей. Кроме него исчезло еще два человека.

— Но это можно выяснить только там на месте.

— Значит договорились.

Алексея распеленали. Физически он уцербал кроме баллончика не получил, но

моральная пощечина оставалась неоплаченной.

— Долг платежом красен, — сказал полковник, притрагиваясь к припухшим глазам.

— Мы вам сразу же оказали помощь, промыли глаза как следует. А о долге как понимать?

— Как хотите так и понимайте.

— Завтра утром в десять в нашей конторе на втором этаже в кабинете заместителя встретимся.

— Хорошо, — ответил Алексей.

Значит снова те места. И хорошо и плохо. Будет время разобраться с делами по возвращению дочери. Он вдруг подумал, как опасно сейчас было бы привезти девочку сюда. Попадет в лапы заинтересованных поисками сокровищ лиц и тогда неизвестно что будет. Может и к лучшему, что пока он не привез ее.

В кабинете, куда никто не желал бы явиться по собственной воле, ему ясно обозначили тему его следования в Демьяново. Единственно чего он пока не понимал, с кем говорит, с врагами или же настоящими людьми, одного с ним мнения о работе служителей правопорядка. Но здесь он ничего бы так и не понял. Все выяснится на месте. С ним отправлялся в путь полковник Дягилев Николай Александрович. Он должен был представлять налоговые органы в Пролетарском районе.

Полковник Строганов инспекцию службы милиции. Демьяново становилось местом отдыха: рыбалка, река там отличная, охота, леса замечательные. Да и знакомых уже довольно много стало там у Строганова. Получив соответствующие предписания, два москвича направились на периферию все с той же целью — отыскать драгоценности.

Алексей Николаевич много думал об исчезновении Вадима Медведева вместе с его подручными. Он решил расследовать это при любых обстоятельствах, так как это могло помочь в решении местонахождения захоронения драгоценностей.

Инспекция, нагрянувшая в район, была делом обычным. Пролетарка стала кем-то постоянно опекаемым местом для Первопрестольной. Тут тоже имелись мнения на этот счет, свои собственные. Мандаты, предъявленные прибывшими, были явно прикрытием для проведения давно известного дела. К этому времени скоро должно было закончиться следствие по Равилю и Оксане и Алексей Николаевич хотел послушать кое-какие показания, сделанные тем для суда. Слушания будут примерно через месяц, и он решил побывать обязательно при допросе маньяка и его жены.

В тот день Алексей Николаевич отправился к следователю прокуратуры. Ему разрешили поговорить с Оксаной.

— Расскажите все, что вы знаете о деянии вашего супруга.

— Я сначала не знала о его пороке.

— А когда узнали, почему не заявили?

— Он сначала накормил меня человеческим мясом, а потом рассказал. И пригрозил, в случае чего расправиться со мной так, что он будет по частям меня резать. Сначала одно отрежет и съест, потом другое. Я испугалась. И он долго меня никуда не выпускал, я находилась под его полным контролем.

Оксана подробно излагала факты, как потом она уговаривала, зазывала, обманывала молодых людей и подростков и привозила их со станций, из лесу, с реки. Всегда было много отдыхающих и бездомных.

— И как же все это происходило?

— Гостя усаживали за стол, давали ему выпить настой с подмешанным снотворным, чтобы не было сильного сопротивления. Как только он отключался, или дремал за столом, Равиль оглушал его тяжелым по голове, и мы с ним уносили человека на разделочный стол, обитый цинком. Кровь сливалась и он приучил меня пить ее.

— А девочки, женщины?

— Он их всех сначала насиловал. Самым садистским образом, ему нравились их приглушенные вопли, потому что рот он жертвам завязывал, но все равно было слышно. Только после этого убивал и разделывал. Мясо он срезал на шашлыки и прочее, а кости разрубал, складывал в сумку и мы их увозили и закапывали подальше от дома. В лесу места много.

— Были ли среди убитых взрослые люди?

— Были. Он их не для еды забрал. К нам зашел мужчина лет сорока и попросил напиться. Потом начал расспрашивать Равиля о каких-то сокровищах, зарытых в лесу. Равиль ответил, что для хорошего человека и сказать можно, если он поделится с ним половиной состояния. Он врал, о сокровищах нам ничего не было известно. Но Равиль угадал в нем человека милицейского происхождения и боялся, что тот раскроет его проделки. Он предложил мужчине выпить настоечки и заодно поговорить о том, как они будут извлекать сокровища. Тот согласился. А у Равиля возник план, как выведать действительно ли тот знает что-то о золоте и прочем. После настоечки тот вдруг заклевал носом. Равиль боялся его силы и того, что не справится с таким человеком. Он веревкой опутал его к стулу, ввинченному в пол и оглушил топором, но не до смерти. Затем прорубил ему оба плеча, так, чтобы тот не смог сопротивляться. Он допрашивал извивающегося от боли милиционера, пока тот не умер от потери крови. Его он разделывать не стал. Сказал, что после сорока мясо человека в еду не годится.

— Посмотрите на фотографию, этот человек был у вас?

— Да, он.

— А еще двое?

— Я пошла и позвала их, когда они пришли к нашему дому. Это было дня через два. Молодые, самоуверенные. Равиль им сказал им, что не видел их начальника, только слышал мотор лодки, уходящей от берега.

Они засомневались в продолжении поисков Вадима, но Равиль пригласил их отобедать. Шашлыки у нас были из пастушонка, которого он только что закончил разделывать. Под приятный запах жареного мяса они выпили свои смертные приговоры из стаканчиков с приготовленным зельем. Оба они попали на разделку и их мясо было продано мужикам из деревни. Те всегда благодарили моего мужа за такой роскошный подарок, как дешевое мясо.

— Это они?

— Да, — ответила Оксана, взглянув на фотографии.

Оксана потом еще долго рассказывала о всех действиях маньяка-людоеда.

— А девочку Аленку зачем он украл и почему она осталась в живых?

— Он влюбился в нее и решил жениться на ней, но только когда исполнится одиннадцать лет.

— Почему именно этот возраст?

— Он сказал, что тогда девчонка может стать женщиной и даже рожать. Он уговорил ее уехать с ним, сказав, что является отцом девочки.

— Она поверила?

— Нет. Но что-то сомнительное было в ее раздумьях. Потом она объявила, что этот, кто называется ее папой, купит ей скоро фату и подвенечное платье. Она ждала момент, когда оденет это и предстанет перед зеркалом.

Вы почему об этой девочке не сообщили?

— Он меня едва не убил и я потеряла сознание. Вдобавок закрыл, чтобы не смогла уползти, когда очухаюсь. Он убил мальчика Петьку, которого я подобрала на станции и хотела сделать своим сыном.

— А вы подумали о том, что не имеете права быть ни чьей матерью?

— Нет. Мне очень хотелось этого.

— У вас были свои дети?

— Нет. Но он сказал, что если родится кто, он с детства приучит его стать продолжателем дела родителя.

— И вы без сомнений все эти годы убивали, крали людей, ели их, кормили человеческим мясом других людей?

— Да. Но я больше не буду.

— Вы как в детском саду.

— Меня расстреляют?

— Я не судья. Согласно Закона вы получите наказание.

* * *

Наконец, суд состоялся. Многочисленная толпа ожидающих процесса не могла поместиться в зале и суд состоялся в Доме культуры, который тоже не смог разместить желающих услышать все собственными ушами.

Заседание продолжалось много дней, Алексей тоже в качестве свидетеля был вместе с Юрой приглашен на одно из заседаний.

В зале часто звучали выкрики:

— Зажарить свиней живьем!

— Повесить их и поджарить!

— Гильотину на площади установить!

Судья часто успокаивал зал, но все равно там или в другом месте возникали возмущенные реплики.

* * *

Город был ошарашен, когда обоих людоедов направили на принудительное лечение как больных людей. Люди бушевали, митинговали, ходили по инстанциям. Но дело осталось на том же уровне, на котором был вынесен приговор.

* * *

А в Демьяново те мужички, которые любили лакомиться шашлыками у Равиля, лежкой

лежали от рвоты и печали.

— Ну, что Николай Павлович, доложил о местонахождении Вадима Медведева?

— Доложил?

— Даже могила неизвестно где.

— Может еще и отыщется, он то остался цел в отличии от его помощников.

— Ты хотел сказать, не был съеден?

— Да.

— Непонятно как рождаются такие люди? У них что, особый ген имеется? Или разновидность шизофрении?

— Скорее последнее.

— И хотя их не так много, но они имеются и в нашем государстве.

— Остатки первобытного общества людоедов.

— Но не в России.

— Ну что, главный налоговый досмотрщик, дела идут?

— Идут. Я сказал, что хочу на примере одного из сел, посмотреть истинное положение налогообложения и прочего.

— И выбрал..

— Конечно Демьяново.

— Значит будем снова искать?

— А что делать? Приказ есть приказ.

— Ну ладно, мы с тобой люди государевы и будем выполнять свой долг перед Родиной.

* * *

В Демьяново они появились к вечеру и сразу же направились в дом бондаря. Там им обрадовались так, что Алексей сразу же отбросил его нехорошие мысли об Анне. Ее глаза светились неподдельной радостью.

Она не знала куда девать себя и без конца перекладывала, переставляла все, что попадалось под руки. Дед тот не знал где усадить дорогого гостя и его товарища. В комнату осторожно просунулась голова с золотистыми кудрявыми волосами.

— Это кто там такой? Золотоволосый?

— Я! — крикнула радостно девочка и через секунду повисла у него на шее.

Он закружил ее по комнате, потом посадил на плечи, благо позволял это сделать высокий потолок дома, и они принялись как два маленьких ребенка играть в догонялки-скакалки. Сначала он ее носил по комнате, потом она его догоняла, затем он ее и, наконец, оба усталые упали, а не сели на диван.

— Рассказывай, как жизнь молодая?

— Хорошо.

— В школу нынче идешь в район?

— Придется, — ответила Анна.

— А я не хочу.

— Будешь неучем, — проворчал дед.

— А это кто?

— Неуч, дурак значит, ничего не понимающий.

— Нет я дураком не хочу быть.

— Значит поедешь учиться.

— А где она будет там жить? — спросил озабоченно Алексей.

— В интернате, — ответила Анна.

— Могла бы у твоей матери, если бы не отчим, — огорчился дедушка.

— У матери? — удивился Алексей.

— Дедушка, зачем кому-то наши семейные дела?

— Ну почему же очень интересно, — сказал Алексей.

— Аленушка, ты знаешь свою бабушку?

— Нет, — ответила девочка. — А разве у меня есть бабушка? — обратилась она к матери.

— Срочно за стол, пора, все уже готово, — весело проговорила Анна, пытаясь скрыть смятение. Она укоризненно посмотрела на деда и Алексей перехватил этот взгляд, полный огорчения и сомнений.

— Странно, — подумал он, — ни разу за все время из знакомства она не сказала, что у нее есть мать. — И почему тогда год сама учила девочку, если в районе есть у кого жить?

За столом в основном тараторила Аленка. Она рассказала за несколько минут, что у Федяевых четыре котенка, а козленок один. У продавщицы, которая раньше работала, пока магазин не закрыли, Федосья, жена Макара, побилла окна. Ильич, комбайнер упал в канаву, а Анисья гадает на картах и никак не пригадает жениха.

Все новости были выложены, еда съедена, посуда убрана и в самый раз было бы поговорить с Анной, но она поспешила к больной, которой обещала поставить вечером уколы.

Сидор Никитович вышел на крыльцо. Присел покурить сигарку, как он называл сигарету. Алексей присел к нему.

— Я вижу тебя беспокоит то, что я сказал за обедом.

— Да. Почему Аня не в ладах с матерью?

— Это сугубо личное дело.

— Но Алена в интернате, одна, среди чужих, это разве решение проблемы? Худой мир — лучше доброй ссоры.

— Так — то оно так. Там видишь ли отчим, с которым Анна не поладила.

— Серьезное расхождение?

— Да. Слишком серьезное.

— Тогда почему мать не разрубила их отношения? Предала дочь?

— Нет. Там уже двое растут огольцов. Причина особая, я не могу сказать ничего.

— А я требовать, — помолчав, сказал Алексей.

— Ты приехал надолго?

— Не знаю, как получится.

— Я вижу произошли изменения в личной жизни?

— Откуда вы знаете?

— Кольцо снял с одной руки и перенес на другую.

— А я думал, ворона на хвосте принесла.

— Ты какой-то сам не свой. Совсем другой человек прибыл.

— Времена меняются. Я хочу задать вопрос и не могу.

— А ты смоги. Говорить рано или поздно надо.

— Верно. Сначала с Аней.

— Смотри сам. Хозяин-барин. Я знаю о чем разговор у вас пойдет.

— Откуда?

— Я не слепой. Век прожил, давно знаю, что ты моей внучке не чужой человек.

— Верно. Уже доказано. Только вот хотел бы я знать, как она к вам попала?

— А ты у Анны и спросишь, а то обидится, что за ее спиной решаем.

— Хорошо.

Сидор ушел в дом, а Алексей сидел и ждал прихода Анны. Он решил переговорить с ней окончательно и поставить все точки. Вскоре показалась ее быстрая фигурка, озабоченное лицо строго смотрело на него своим темными глазами.

— Вы еще не спите?

— Тебя жду. Поговорить надо.

— Поговорить? О чем?

— Ты считаешь, что нам с тобой не о чем разговаривать?

— Ну почему же? О звездах, погоде.

— И моей дочери, — добавил Алексей.

— Моей, вы хотели сказать, — поправила его Анна.

— К сожалению, у девочки есть отец — я.

— Что-то долго не было ни отца, ни матери. Особенно когда я остро нуждалась в помощи человеческой.

— Но ты сама выбрала этот путь.

— Что вы хотите сказать?

— Ты по своей воле забрала ребенка?

— Конечно.

— За это и разлад с родными?

— Они не хотели, чтобы я растила чужого подкидыша.

— Подкидыша? А разве не на вокзале ты забрала девочку у спящей матери?

— Вы. Вы, как вы смеете, я вас ненавижу, — и, заливаясь слезами, Анна вбежала в дом.

Сидор снова вышел на крыльцо.

— Извини, Алексей Николаевич, но дверь не была закрыта плотно, и я ненароком услышал то, что ты не должен был ей говорить.

— Но ведь девочка у нее. Каким образом она попала к вам?

— На крыльцо подбросили, дом-то родителей Анны рядом со станцией стоит. Вот она и вышла на крыльцо раньше всех. Писк услышала. Подобрала сверток с ребенком и в дом. А отчим ее выгнал, велел отнести в милицию. Она тогда и попала ко мне. Студентка еще была, училась, а мы с Аленкой домовничали. Коза-кормилица выполнила свою миссию мамыши, бросившей ее.

— Но почему вы не подумали об отце ребенка?

— Да разве бросают детей те, у кого муж есть?

— Вообще-то, наверное, нет.

— Вот и мы так решили. Кто знал, что у Аленки мать и отец есть, а ее на крыльцо как котенка подбросили. Эх, ты, Алексей, Алексей, обидел девчонку. Ей сейчас только двадцать семь исполнится, а у нее десятилетняя дочь. Она от всех своих ухажеров отказалась, не целованная девка так и осталась недотрогой, чтобы Аленку кто не обидел. И насмешки терпела, что незамужняя родила. Ни один человек не знает, что это не ее дочь.

— Да, действительно я дал ляп.

— И что ты теперь делать будешь? Ты ведь все права на дочь имеешь, не знал ничего, не бросал ребенка. Надо же так судьба распорядилась, что тебя именно в наш дом закинула. Что теперь будет?

— Пока не знаю. Хотел сразу же дочь забрать себе, сейчас думаю момент как раз подходящий. Ей учиться надо, не в интернате же.

— Так то оно так. Да с Анной что будет, ты подумал об этом?

— А обо мне кто подумал. Я всю жизнь мечтал, чтобы придя домой, меня ребенок и жена встречали. А тут на тебе и ребенок есть, и я прав не имею на него, получается.

— Точно вы оба с Анной без вины виноватые.

— Помоги, Сидор Никитович, ты мудрый человек. Я ведь тоже не могу своего ребенка оставить.

— Знаешь, Алексей, давай все на утро оставим. Мы с тобой говорим, а Анна слезами заливается, Аленка ничего не знает. Представь себе, как это на девочку подействует?

— О ней-то мы и не подумали. Хорошо. Все разъясним вместе. Вчетвером.

Они пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам.

Утро казалось пронизанным бациллами недоверия и полуненависти. Анна готова была прогнать этого человека, еще вчера казавшегося ей таким прекрасным, милым, а сейчас она боялась его энергичной настроенности против нее в борьбе за девочку.

И Алексею она сейчас была хуже самого лютого врага. Он в душе винил ее в том, что она не заявила в милицию о найденном ребенке, а немедленно увезла ее в деревню, вот так его дочь, потомственного москвича и благородного рода стала деревенским байстрюком, где каждый мог бросить ей в лицо о ее незаконном происхождении, так как у нее не было отца. Даже легенды о нем не было.

Их разговор состоялся в садике на скамейке.

— Вы плохо спали? — спросил он ее, впервые называя на вы.

— Но и вы не лучше, — ответило она, глядя на него с плохо скрываемым раздражением.

— Вполне понятная причина. Одна женщина бросает ребенка, вторая лишает его отца, Москвы, родословной, превращая в полусироту.

— Вы меня обвиняете?

— Да в эгоизме, иметь куклу, маленькое развлечение, на которое можно любоваться и которое всецело зависит от тебя.

— Вы, вы черствый, неблагодарный.

— Я еще и поблагодарить вас должен за то, что вы у меня отняли дочь.

— Да она бы погибла без меня?

— Можно подумать, что вы единственная на свете благодетельница. Да меня разыскала бы милиция по адресу в роддоме, где бы я ни был и, конечно, я воспитывал бы дочь сам. Сейчас она здорова, но по вашей милости чуть ли не стала добычей людоеда.

— Значит я во всем виновата?

Анна разрыдалась и убежала в дом. Алексей закурил, но его злость не проходила. Подумать только, ребенок побывал в руках преступника, чуть не погиб, а теперь ему дают возможность жить в интернате, где царят совсем не идеальные для домашнего ребенка условия.

Он пошел вместе с Дягилевым по делам в контору Агрокомплекса, вернее его филиала и там «оторвал» свою злость на Прохватилове, который казался ему воплощением зла и сверх

непонятным человеком, неизвестно зачем сидящим в разваленной им деревне.

Вернее Алексей знал все достоверности непутевой жизни этого человека, выдающего себя за другого. Значит его пребывание здесь кем-то назначалось и кто-то ждал от него долгожданных вестей победы.

Алексей объявил о том, что на территории района потерялись два молодых солдата первого года службы и теперь им предстоит вместе с населением найти их. Прохватилов собрал команду из двадцати человек. С ними вместе должен был отправиться и Алексей.

Спасательный отряд солдат-новобранцев шел цепочкой по лесу.

— Вы должны посмотреть также все захоронения после людоеда. Он мог назвать не всех, мы обязаны найти спрятанные скелеты.

Таким образом, прочесывание леса обрело смысл, который понятен был только им, москвичам. На первом же привале начались байки о разных кладах и сокровищах.

— Я вам скажу, ребята, был такой случай в деревне у нас. Несколько лет тому назад, — начал рассказывать Егорыч, старый, но еще вполне бодрый старик. — Был я на станции Пролетарская. Собрался поехать к дочке и до поезда оставалось целых три часа. Начал я искать туалет, ну приспичило меня.

— А что в платный не пошел? — спросил кто-то.

— Да чтоб я деньги платил за туалет, хрен им в зубы.

— А и правда нашли на чем наживаться.

— У меня семья девять человек, если ехать и в туалет ходить за деньги, то и штанов не хватит.

— И кто только придумал такую муть.

— Хватит вам, рассказывай дальше.

— Гляжу, а от состава поезда, где заезд в депо, но не доезжая до него, отцепили задние вагоны. Там погрузку ведут обычно в составы. А тут платформа с КАМАЗом, и два вагона один почтовый, другой с солдатами. Выкатило их человек десять.

Алексей прислушался внимательно.

— Вышел и проводник почтового вагона. Его раз за шкирятник и туда, откуда солдаты вышли.

— И какой был у них род войск?

— А кто их знает? В камуфляже и все такие здоровые, сытые. Я спрятался за платформу, ту, что стояла на другом пути. Освещение слабое, они спешат, что-то говорят негромко.

— Ну и что там было интересного?

— Ты так и простоял, а поезд ушел.

— Вам первым рассказываю, братцы. Много лет прошло, потому теперь можно.

— А может нельзя еще? — спросил его Алексей.

— Да ну, кому я нужен со своим рассказом. Так вот КАМАЗ, что стоял на платформе вдруг открылся с задней двери и только щелк, щелк вроде как хлопки какие начались.

— Выстрелы?

— Я сначала думал, кто орехи где-то колет у вагона. А глядь из десяти человек семь наповал лежат, трое автоматы выхватили и жажнули по КАМАЗу. Только «Ох» и молчание.

— И что на станции никто этого не видел?

— Шумно было там, поезд ревет, объявления по радио, музыка из приемников ожидающих поездов своих, суета и беспорядок.

— А дальше?

— Дальше к вагону почтовому подкатывает другой КАМАЗ, со стороны погрузочной площадки. Останавливается. Выходят два водилы в шляпах с полями и за ними человек с пистолетом. Дверку открывают и трое живых с двумя шоферюгами начинают носить из почтового вагона какие-ящики. Я и так, итак попытался посмотреть, но не увидел что это за ящики, только квадратные с ручками по двое носят и забрасывают.

— Неужели никто не хватился на станции вагонов?

— Пришел какой-то в красной фуражке. Только подошел поближе, а его «щелк» и за ноги и голову в вагон. Быстро груз закинули и шоферюги сели в кабину. Сзади машина маленькая, жигуленок дожидается.

— И что же уехали?

— Куда уехали? Только к машине подходить стали, снова щелчки и только один с пистолетом остался в живых. Он начал в КАМАЗ забираться, а тут кто-то из тех, кто ранен был, ему прямо в башку выстрелил он и покатился со ступеньки вниз.

— Ну. Что дальше-то?

— Дальше жигуленок следом за КАМАЗом отчалил. А КАМАЗ покатило куда-то, только огоньки мелькали. Я постоял и тихонько начал выбираться оттуда.

— Так никто и не хватился мертвых?

— Нет. Я с телефона-автомата на станции по 02 хотел позвонить и сообщить, что на станции убийство. А ноги не идут, и язык не слушается. Как будто кто по башке шандарахнул.

— Тут мой поезд пришел, а я не поехал. Несколько часов сидел на скамейке на улице. Страсть на меня напала. Видно хватились вагончиков тех, началась паника, милиция с моргалками, скорые помощи одна за другой. Потом сказали, что один из этой компании выжил, его не оказалось в вагоне и нигде не нашли. Ходили, искали, всех спрашивали. Может он как-то в КАМАЗ проскочил? А может в «Жигуленке» удрал, потому что его не нашли. Я точно помню где он стоял, а потом не нашли, сколько ни искали.

— И что же по-вашему там выгрузили, что столько людей за груз смерть приняли?

— Думаю ценности какие-то.

— А КАМАЗ?

— Не знаю. Их мимо нас много ходит. Часто останавливаются. Я сначала в каждом видел тот, но никогда не мог сказать точно, каким был тот проклятый, что увез ящики и посеял смерть.

— Что же у вас в селе никто не интересовался сокровищами?

— Интересовался. Раз бабка Федосья за грибами пошла, а когда назад возвращалась, увидела кого-то. Ее в ту же ночь пришили.

— А помните как часто стали пропадать вещи, еда в доме, засолки в подвалах, значит рыскают до сих пор там?

— А мы это и посмотрим. Может по ходу и встретимся с чем-то интересным, похожим на рассказ нашего смельчака.

* * *

Вечером поздно возвращались домой. Ничего существенного не нашли. Даже следов

маньяка, которые тот оставил после себя.

— Утром в шесть, от конторы выходим, по другому маршруту, — предупредил их всех Алексей.

Утром не явился к конторе Егорыч. Так как он жил неподалеку, то послали за ним гонца. Не заболел ли?

Степан, семнадцатилетний посол, прибежал запыхавшись и объявил, что Егорыч и его старуха лежал в постели мертвыми, в крови.

Немедленно вызвали районную милицию.

Алексей рассказал им о том, что поведал накануне Егорыч. Значит это была не легенда. Кто-то здесь из своих убрал «рассказчика» любопытной истории. Вызывали в контору по одному. Вопросы были обыкновенные.

— Где находился с вечера до утра?

— Спал, — отвечали старики.

— Гуляли, танцевали, — отвечали молодые.

Наконец, одна из девушек, смешливая Соня сказала:

— Скажу только одному, вам, — показала она на Алексея.

Пришлось другим выйти.

— Вчера, когда мы уже с гульбища пришли, я ложилась спать. Огонь погасила, а сама к окошку посмотреть, ушел ли Мишка или все еще меня караулит. Вижу, фигура черная крадется к дому Егорыча. Думала, что это он сам, кого-то высматривает. Потом этот человек пошел на крыльцо. Открыл дверь. Я считала, что это Егорыч, тем более рост у них обоих подходящий. Ну я легла. И спала. Утром мать меня разбудила я вышла и за калитку, гляжу у дома Егорыча лежит связка ключей. Вот она.

Девушка подала ключи Алексею. Связка была на брелке, с шестью ключами. В том числе один от автомобиля.

— Соня, вы понимаете, что ничего никому говорить об этом нельзя.

— Понимаю.

— Спасибо вам. Но скажите, что просто не хотите сегодня идти с нами в лес, вот и отпросились.

— Хорошо.

— Никому, даже маме, ни слова.

— До свидания.

Сыщики сразу смекнули, чья это связка ключей. Машина была только у одного человека — Прохвятилова. Он подошел к толпе, пошарил по карманам и сказал:

— Извините, я забыл дома ключи.

Долго не возвращался. А когда пришел, достал три ключа на веревочке и сел в машину. Значит, у него были запасные.

— Я скоро, — сказал он Алексею. Вы выходите, а я за вами скоро. Машину буду оставлять на стоянке у деда Сидора.

Его машина свернула в переулок, где в доме убитых работала милиция. Он на правах хозяина села зашел в дом. Сыщик в окно видели как он шел по тропинке к дому и тщательно разглядывал траву по обочине.

За Прохвятиловым была установлена слежка. Запросили его данные. Вскоре Алексей получил из Москвы сногшибательное известие, о том, что гражданин Прохвятилов покоится на кладбище в Бахчисарайском районе. Трагически погиб от рук неизвестных.

Находился в отряде спецназначения по изъятию сокровищ у коррумпированных высших чинов, и так далее и тому подобное.

Значит, господин Прохвятилов не зря трудился в столь малозначительном для него месте. Тайну сокровищ он знает. Но не знает, где они находятся, оттого и торчит тут в селе, чин важный, не привыкший к коровникам и пашне. Но прямых улик причастности его к делу расстрела провожатых груза и железнодорожников, пока не имелось.

— Он никуда не денется пока мы не разыщем запрятанное.

— Но может быть тот КАМАЗ провез груз дальше? И спрятаны они не на этой территории, а района Водяного?

— Все может быть. Но сначала для верности осмотрим этот район. Тем более, что совпадает работа по розыску жертв маньяка. Вы, Николай Александрович, с налогами управляетесь?

— Работает бригада, нарушений много, но меня больше интересует мое непосредственное назначение, жаль, что не смогу с вами пойти.

— Отпроситесь на три дня для отдыха в лесу. Ведь без выходных трудитесь.

— Начальство не отпрашивается, начальство ставит подчиненных в известность.

Назавтра Дягилев был уже в составе розыскной бригады и наблюдал за Прохвятиловым непосредственно в близости с ним. Ну и артистом же оказался полковник Дягилев. Он сразу обратился в Прохвятилову и сказал ему:

— Илья Захарович! Я к вам как к специалисту сельского хозяйства обращаюсь.

Прохвятилов поперхнулся. Но не смог отказаться от сельхозинститутского образования, иначе чем объяснить его несколько лет работающего на ниве.

— Я хотел спросить, — продолжил полковник Дягилев, — чем отличается клевер кормовой от того, что продают в аптеках. Я вижу у вас много засеяно клевером кормовых площадей.

— Чего засеяно? — переспросил «академик».

— Кормовых площадей.

Прохвятилов понятия не имел, правильно ли было словосочетание, которое называл Дягилев.

— Сеем, коровушек кормим.

— Но ведь у вас уже нет стада. Вы его почему ликвидировали, а клевер сеете?

— Ох, уж эти налоговики, — попытался обратиться в шутку Илья Захарович.

— Я ведь по строительству заканчивал сельхозинститут.

— А, тогда понятно, что с севооборотом у вас туго получается.

Часов в одиннадцать утра услышали крик парней, идущих отдельно от стариков, как они их называли.

Подойдя поближе, Алексей увидел, что они нашли руку, сухую без остатков мяса и кожных покровов. Видимо здесь поработало зверье, или людоед спешил и плохо закопал свою жертву. Осторожно пошарили саперскими лопатками и обнаружили сразу два скелета. Страшная находка поразила тех, кто только наслышан был о «художестве» преступника, но не видел дело его рук.

Осторожно достали, завернули в целлофан.

По мобильнику вызвали криминалистов из района. Вскоре они были заняты своим прямым делом.

Этот день был богат на страшные находки. Еще один скелет обнаружили чуть

прикопанным, так что видны были ступни ног. И хотя все тело было разрублено на части, преступник или его сообщница поленились захоронить его поглубже.

Вечером шли домой уставшие и ошеломленные дикими находками.

* * *

Алексей и Дягилев поздно возвращаясь домой в эти дни совсем не встречались с Анной и Аленкой. Усталые и измотанные они еле жевали, приготовленную пищу на ужин, разогретую Сидором Никитовичем и ложились спать.

Анна рада была возможности не встречаться с Алексеем. Она, как казалось ей, просто возненавидела этого человека, который отнесся к ее поступку по отношению брошенного ребенка, как к преступлению.

— Мент он и есть мент, — раздраженно говорила она Варя, а та не могла понять, за что она взъелась на еще несколько дней назад обожаемого ею человека.

— Что-то случилось? — спросила она Анну.

— Ничего. Я просто так.

— Мне-то хоть не рассказывай сказочку про белого бычка. Я то знаю, что ты его любишь.

— Знай, да помалкивай, — сердито сказала Анна. — И не вмешивайся в мою личную жизнь.

— Что я такого сказала? — обиделась Варя.

— Ты лучше мне про своего Саню расскажи. Тоже ведь ничего не получается, как бы ты за ним не бегала.

— Я бегая? — ну знаешь, фельдшерица. Подумаешь, у нее видите ли ребенок есть, и она от этого нос задрала. А без отца ребенок, хуже, чем быть старой девой.

— Ах, так ты понимаешь то, что я родила ребенка без отца?

— А хотя бы и так.

— Все, ты мне больше не подруга.

— Пошла ты.

— Отлично.

— Так посмотрим, в каком состоянии наш медпункт.

— Ревизию навести решила?

— Нет грязь, которую ты тут развела, убрать хочу.

— Это я то развела грязь? Да твоя душа грязнее любого пола, и вообще пошла ты подальше, Анна Федоровна.

Варя скинула свой белый халат и косынку и выскочила за дверь.

— Что это я? — подумала Анна. — Мы же впервые поссорились, а сколько лет вместе работаем.

Варя прибежала во двор к Александру. Он сидел у порога и чистил картошку.

— Что-то случилось? — взглядываясь в ее зареванное лицо, — спросил он.

— Не спрашивай меня, пожалуйста, ни о чем, я потом сама расскажу.

— Хорошо, — ответил Саня. — Не буду. Как хочешь.

— Кто там пришел? — спросил Денис из своей комнаты.

— Это я, Варя.

— Проходи, гостьей будешь.

Варя прошла в комнату. Денис полулежал в подушках. Его глаз под черной повязкой делал похожим его на Потемкина. Один пустой рукав, другая рука, перебирала фасоль. Он одним пальцем отгребал чистые плоды в одну сторону, а мусор в другую.

— Молодец, какой. Помогаешь Сане?

— Кто же еще нашему Сане поможет? — ответил вопросом на вопрос Денис.

Его лицо повязка не портила. Удивляли шрамы ожогов на лице, но и они стали привычными и Денис казался даже красивым.

— Такой мужик пропадает, — сказала вдруг Варя.

— Это ты про кого, — подозрительно спросил ее Денис.

— Про тебя Денис, про тебя. Я даже знаю одну особу, которая по тебе сохнет.

— Не смей так говорить со мной, рассердился он. Свои качества и возможности я прекрасно знаю.

— Я не хотела тебя обидеть. Понимаешь, есть девушка, которой ты действительно нравишься.

— Как это я могу нравиться? — опешил этот получеловек.

— А вот так. Ты парень умный, красивый, а то, что некоторых запчастей не хватает, это поправимо. Я уверена, что ты еще будешь иметь кучу ребятишек.

— Вот шальная баба, — рассмеялся Денис. И как же ты представляешь себе мою сексуальную жизнь?

— Все зависит от женщины. Ты подумай на досуге и не упускай возможности.

— Кого это ты имеешь ввиду. Уж не себя ли?

— А то ты не знаешь кого? Да вон она, легка на помине.

В дом вошла Вера. Эта скромная и внешне и душой девушка была так называемый перестарок. Двадцать семь лет, а мужика не знала. Здесь замуж выходить не за кого, а в город Вера уезжать не хотела. Тут еще этот Денис появился, весь искалеченный, а душа-то живая, полная страсти и нежности к тем, кого любит.

То, что Вера ему нравилась она знала и сама. При ее появлении он преображался. Говорил, что-то рассказывал и так складно, да интересно, что однажды Вера сказала ему:

— Тебе бы писателем быть. Так рассказываешь, что век бы не уходила, тебя слушала.

Он пропустил это мгновение, надо было сказать:

— Ну и оставайся, — а он вместо этих слов забормотал что-то о теленке, за которым Саня даже ночью встает, молоком поить надо.

Сейчас Вера заговорила с Саней о разных делах, потом под села к Денису. Помогла ему справиться с фасолью. Девушки помогли Сане готовить ужин. Стол подставили к кровати Дениса. Нехитрый ужин длился довольно долго. Потом Саня пошел управляться с скотиной. Колюнька прибежал с разбитой коленкой и орал на все село. Помогли ему, успокоили. Вера собралась домой. Она подошла близко к Денису и поцеловала его в щечку. Он притянул ее к себе своей единственной рукой и крепко прижал к себе.

— Я завтра забегу?

— Я буду ждать, — ответил он.

Варя разговаривала с Саней в конюшне. Предметом их беседы был головастый теленок, любящий поест, то есть попить молока несколько раз в день. Совсем еще маленький. Саня видел как Варя обняла за шею лобастого обжору и нежно вытерла ему мордочку от потёков молока, потом поцеловала его в лоб и принялась нежно гладить.

— Мой маленький, хорошенький, — приговаривала она малышу, а Саня стоял и слушал слова, которые он хотел услышать в свой адрес.

Он недоумевал, почему Варя так любит их теленка, своих что ли у них нет. До него не доходило, что все, что она тут наговаривала мирно лежащему после еды лобасту, предназначалось ему, непонятливому, недогадливому Никудышнему.

— Действительно, Никудышный, если не понимает, почему я провожу время с ним в конюшне и занимаюсь телком.

— Я пойду? — спросила она.

— Да. До завтра.

Она шла и злилась на эти бесконечные завтра. Но знала, что когда это завтра наступит она опять придет к нему, и будет изливать свою нежность на его домочадцев и животных.

— И когда только он догадается, что не теленок же мне его нужен?

Через несколько дней поисков, внезапно на обратном пути из леса, почти у самой дороги сделали маленький привал перекурить.

— Все, завтра никуда не идем. Нет здесь больше никаких жертв. Мы всех выискали.

У дороги стояли красавцы деревья. Всего несколько штук, почти у дороги, а дальше и вокруг поляны, покрытой мелкими пеньками, так называемая раскорчевка. И деревья сохранены были видимо специально для отдыха после лесных посещений. Совсем близко у села. Не более километра.

Рядом с тем местом, где они присели и курили, между деревьев, лежала огромная куча хвороста, уже трухлявого от ветра и дождей.

Алексей подошел к этой куче и сказал:

— Интересно, нет ли там под хворостом кого-нибудь еще?

Принялись разгребать и растаскивать трухлявые ветви. Но они продолжали быть все ниже и ниже. Вскоре уже с трудом доставали полусгнившие ветки.

Там под ними оказалась огромная яма. Видимо ловушка для диких животных, которую когда-то устроили водившиеся здесь охотники.

— Давай — ка, наклоним пару деревьев связанных как лестницу и посмотрим внутри.

— Думаешь, людоед и тут оставил свои следы?

— Кто знает. Попыток — не убыток.

Связанные лестницей деревья наклонили в яму и отправили самого проворного Серегу вниз. Он повыбрасывал еще некоторое время ветки, хворост, а потом вдруг крикнул:

— Спустите лопатку.

— Что ты там нашел?

— Пока не знаю.

— Поднимайся, — сказал Алексей, — я сам. И пояснил:

— Парень напугаться может. Полезу сам.

В несколько секунд он опустился на дно ямы. Справа сбоку он увидел отверстие, покрытое уже зарастающей новой порослью. Лопаткой разгреб землю и вдруг увидел там полусгнившие доски. Как будто кто-то там в боку у ямы вырыл себе лежбище. С краю на помосте валялась сломанная лопата без черенка. И еще он увидел веревку, черную, толстую, лежащую с краю. Пролез вглубь и увидел, что помост равен примерно метра три на три. Под опавшими листьями и землей он нашел целлофановый пакет. В нем находились какие-то бумаги.

Пакет не сгнил и бумаги сохранились. Алексей Николаевич взял пакет в руки и сунул

его за пазуху. Он раздвинул корни дерева, чтобы не зацепиться, так как скрюченные, сухие, лишённые земли корни, нависали над углублением ямы. Что-то блеснуло перед глазами.

Алексей посмотрел туда, где ему почудился блеск и увидел висящий на корне кулон с золотым завитком из которого «падали» две бриллиантовые капельки слез. Он осторожно высвободил его с места нахождения и взял в руки. Бриллианты были чисты и прозрачны. Золото в причудливой форме огранки делали кулон неподражаемым.

— Значит это и есть место, где было спрятано несметное богатство... Остался только кулон и документы на груз.

Алексей положил находку в карман и сказал всем ожидающим его появления:

— Видимо яма для сохатого все-таки была приготовлена охотниками, а пастухами или кем-то еще, чтобы корова не провалилась в нее, была завалена валежником, хворостом.

Полковник Дягилев выразительно посмотрел на него.

Алексей ничего ему не ответил даже намеком. Лишь позже, когда все вошли в село и попрощались, он вынул из кармана кулон и показал его Николаю Александровичу.

— Значит все таки было?

— Да.

— Интересно кто все это забрал?

— Наверное, будет продолжение поисков только путем опроса свидетелей в районах.

— А также в скупках.

— Вот документы, здесь опись ящиков.

— Если бы еще пленочку с негативами. Где каждый предмет виден.

— Видимо было, опись грамотная.

— Нужно немедленно уезжать нам с тобой в столицу с этими документами.

— Да. Только личные дела уладить надо.

— У тебя появились сердечные дела в селе?

— Так ничего особенного. Ты поезжай, а я завтра следом за тобой прилечу самолетом.

— Хорошо.

Вместе с парнями из местного угрозыска Дягилев отправился в путь. Для полковника Строганова оставили машину, чтобы завтра он смог добраться до района, а там в аэропорт его доставят.

Вечером состоялся главный разговор.

Настороженная Анна и настроенный решительно полковник оказались на разных позициях. Их откровенная враждебность показалась Сидору Никитовичу чрезмерно опасной.

— Анна, он никак настроен увезти с собой Аленку?

— Я не могу препятствовать, но и не знаю, как буду жить без нее.

Анна заплакала. В это время в комнату вошел Алексей.

— Мне выйти? — спросил дедушка.

— Оставайтесь, — уверенно ответил полковник.

— Ты никак Алексей, собрался отобрать дочь у матери?

— Не отобрать, а забрать то, что мое по закону.

— А я как должна жить без нее? — в отчаянии спросила Анна.

— Видимо придется привыкнуть, — настойчиво продолжил Алексей.

— А что вы девочке скажете?

— Не знаю. Пока не знаю.

— А надо бы знать. Она не щенок, которого могут привозить и увозить без спроса. Я бы

вам посоветовал, — сказал дед, — пока ей ничего не рассказывать. Все равно в район в школу отправлять, а вы ее пригласите в Москву. А там видно будет.

В комнату ворвалась Аленка. Раскрасневшаяся и счастливая с охапкой цветов, она радостно воскликнула:

— Вы все здесь? Как хорошо.

— Аленушка, — сказала ей Анна. — Ты хочешь учиться в Москве?

— Да, — закричала Аленка, — хочу в Москву.

— Значит завтра поедешь со мной, — сказал Алексей.

— Завтра? Пойду собирать свои вещи, — и она умчалась так же стремительно, как и появилась.

— Видите, — сказал Алексей. — Вот вам и все объяснение. Она ребенок и ей безразлично кто о ней страдает.

Анна тихонько плакала. В комнату снова влетела Аленка и сообщила:

— Мама, я там твои вещи тоже собираю, мне надо еще один чемодан.

— Маленькая моя, — прижав к себе Аленку, нетерпеливо спешащую собирать вещи, — я не могу поехать с вами.

— Почему? — спросила ее дочь.

— Меня с работы не отпустят, надо еще увольняться, потом отрабатывать.

— А зачем? Ты им скажи, что мы уезжаем в Москву.

— Мама придет позже, — вмешался дедушка. — А ты пока на самолете полетишь с Алексеем Николаевичем.

— Ты правда скоро приедешь? — спросила ее Аленка.

— Конечно.

— Тогда я побегу складывать игрушки.

— Оставь их, — сказал Алексей, — там в Москве мы купим новые.

— Много?

— Много.

— Тогда я только куклу и зайца возьму.

Вечер тянулся бесконечно. Все находились по разным углам и делали вид, что чем-то сильно заняты. Аленка, усталая от сборов в дорогу, уснула.

Утро наступило хмурое и дождливое. Сидор Никитович поставил в машину корзинку с провизией.

— Зачем? Мы пообедаем в аэропорту.

— Чтобы отравиться?

— Хорошо, хорошо, спасибо вам за заботу.

Анна прощалась с Аленкой так, как будто у нее вынули сердце и она совершенно пустотелая не понимает, что происходит. Алексей нетерпеливо ждал, пока машина тронется. Аленка уже сидела на заднем сидении и сияла от счастья. Наконец, мотор заурчал, и они оставили за собой село Демьяново.

— Дедушка, — рыдала Анна, ну почему он на меня смотрел как на врага?

— Дите свое защищает, думает, что и ты виновата в этой истории.

— Потому что спасла малышку?

— Ты могла отдать ее в милицию, и родители были бы найдены.

— Да, я поняла, что потеряла ее навсегда.

— Пути Господни неисповедимы, — отозвался дед и пошел в дом.

Ему старому, тоже было очень жаль девочку, он привык к ее существованию, как привык к своей внучке, и считал утрату невозможной. Он даже занемог, слег в постель и именно это спасло Анну от дикого отчаяния, охватившего ее от потери Аленки. Она ухаживала за дедушкой, видела как серьезно он болен, и боялась потерять еще родного человека.

Жизнь ее стала монотонной и ненужной. Она заставляла себя ходить, разговаривать, принимать больных, выслушивать их глупые вопросы лично касающиеся ее.

— Вы отпустили дочку в Москву?

— Да. Она там будет учиться, а не в районном интернате.

— Приедет на каникулы?

Анна старалась не отвечать на вопросы, на которые у нее не было ответов.

Путешественники по стране с целью розыска детей прибыли в Воронеж. Поселились в гостинице, конечно в лучшем номере.

Петрович, выйдя рано утром на прогулку, увидел знакомое лицо, из числа тех, кто требовал деньги за МММ.

Человек увидел его и пустился за ним следом. Петрович, попытался проскочить мимо швейцара, но стоящая машина с открытыми дверками была совсем рядом. Его втолкнули туда, и автомобиль тронулся с места.

Рот у него был заткнут чем-то неприятным, руки перехвачены наручниками и он, ничего пока не понимая, следил глазами за тем, куда они едут.

Да что толку, если он совсем не знал города. По бокам его находились ребята крепкого вида с голыми прическами. Впереди за рулем сидел тоже стриженный, но рядом с ним при костюме и галстуке человек лет сорока, был с приличной прической, лысеющий с макушки.

Вскоре машина въехала в ворота, забор дома превышал все допустимые высоты и остановилась в гараже, огромном, как и само здание. Там Петровича вытащили за шкуру и усадили в кресло. Железное с подручниками из дерева, и обивкой как у стула. Рот ему развязали.

— Вы кто?

— Мы общественность, с которой вы не поделились деньгами.

— Какая общественность?

— Много будешь знать — своей смертью не умрешь.

— У меня нет никаких денег, я просто приятель Григория.

— Звони ему, чтобы приезжал на выручку.

— Не буду.

Получив по башке и спине, он сначала лизнул соленую кровь, потом ответил:

— От перестановки мест слагаемых сумма не меняется.

— Что это ты бормочешь?

— Вспоминаю правило арифметики. Сколько бы вы меня не били, у меня деньги не появятся. Я гол как сокол.

— Звонить не будешь?

— Нет.

Новые удары вышибли из него сознание. Очухался, когда один говорил другому:

— От этого толку действительно нет. Айда в гостиницу и там все выясним.

Они уже выудили из его кармана ключ, который он унес с собой, чтобы не будить спящих. Григорий и Миша любили поспать.

Бросив Петровича в гордом одиночестве в гараже с закрытыми воротами, братва покатила в гостиницу. Неписанный для них закон явился пропуском в номер, где еще блаженно почивали два путешественника.

— Явление первое, — проговорил кто-то над ухом Миши.

Рот его оказался заклеенным, а сам он вырубленный двумя бугаями, находился в руках третьего, связывающего ему руки наручниками.

Григория посадили на постели и он увидел печальную картину: Мишу со связанными руками, лежащего на полу, с заклеенным ртом.

— Не пикать, — прошипел над ним голос. — Иначе и тебя спеленаем как младенца.

— Что вам надо?

— Чтобы ты, мешок с деньгами, выручил своего друга, который сейчас находится далеко отсюда.

— Петровича?

— Да.

— Зачем он вам? У него нет ни гроша за душой.

— Если он твой друг, ты его выкупишь.

— Сколько? — спросил миллионер, застигнутый врасплох.

Один из его гостей достал из кармана бумажку и, посмотрев в нее, сказал:

— На счету в Сбербанке твоего родного города находится сто миллионов долларов.

— И что?

— Едем к нотариусу, ты пишешь дарственную на наше имя, и мы вас всех отпускаем.

— А мне сколько останется?

— Шиш и жизнь.

— На хрена мне жизнь без денег?

Вразумительный ответ под дых сразу же научил Григория, как жить без денег.

Бритые обшарили номер, взяли всю наличность и в саквояж Григория сложили те вещицы, что приглянулись им.

— Собирайтесь, поехали к нотариусу.

— Но я плохо себя чувствую, — заартачился Григорий.

— Но все же лучше, чем на кладбище, — загоготал бритый, подающий ему брюки.

Григорий натянул их и застегнул ремнем. Мишу посадили на кровать и тоже приказали одеваться. Один из них стоял с пистолетом в руках над Григорием, другой присутствовал при одевании Миши и дулом пистолета тыкал ему в спину.

— Идти будете весело улыбаясь, молча, иначе мы шкуру сдерем с вашего дружка.

В вестибюле было много народа, и никто не обратил внимания на группу людей спускающихся с лестницы. Они спокойно вышли из гостиницы и уселись в машину.

— Трое против двоих. Трое вооруженных пистолетами. У меня даже баллончик отняли, — думал начальник охраны незадачливого миллионера.

— А мой паспорт? — забеспокоился Григорий.

— Вот он, голубчик, — загоготал сидевший рядом с ним сопровождающий.

— Нотариальная контора, — прочитал вслух Миша.

— Ты-то чего радуешься? — спросил его сидящий за рулем, не оборачиваясь.

В нотариальной конторе в коридоре сидело много желающих встретиться с нотариусом.

— Неужели столько ограбленных? — подумал Григорий.

Волосатый представитель вошел один и вскоре показался в двери. На его морде висела улыбка кинозвезды.

— Пожалуйста, проходите, — пригласил он своих спутников.

С упертым в спину дулом пистолета, Миша вошел в кабинет нотариуса, следом за ним, Григорий. И еще трое влезли в маленький кабинет. У стола стояли два стула и напротив них журнальный столик и два мягких кресла.

— Я постою, — сказал Миша и встал к окну, у стола хозяйки кабинета. Два кабанчика сели в кресла, а один волосатый за стол напротив Григория. Григорий оказался со своим стулом рядом с Мишей.

— Нет, — заявил волосатый, — пересядь, — и сам сел к Мише у окна, а Григорий пересел напротив.

— Ваши паспорта, — попросила женщина. На стол мигом легли четыре паспорта.

— Так много? — спросила она. — Наследство на несколько человек?

— Дарственная. Наш дядя решил разделить капиталы своим племянникам.

— И вы все его племянники? Так? — обратилась она к Григорию.

Тот деликатно промолчал. Кто-то двинул его ногой под столиком. Григорий моментально вспомнил о своем родстве с ними.

— Да, — сказал он, я вспомнил, точно они мои племянники.

— А вы вменяемы? — подозрительно спросила нотариус у Григория.

— У него бывает провал памяти и припадки, — вставил Миша.

И тотчас же получил по колену удар пистолетом. Заохав, он свалился на пол и увидел кнопку тревоги. Потихоньку нажал ее, и как ни в чем ни бывало, начал посматривать на грозных родичей.

— Сто миллионов долларов? — присвистнула женщина. — И вы себе ничего не оставляете?

— А зачем ему? — пояснил лохматый. Он будет жить с нами. По очереди у каждого.

— Может все-таки вы оставите дяде его долю, пятую часть.

— Ни за что, — хором ответили родственники.

— Я даю штуку.

— Тогда я тоже.

— А я нет, — заявил лохматый племянник.

Он так заволновался, что Миша осторожно вытащил у него пистолет и крикнул:

— Они вас обманывают, это принудительная сделка.

Миша переводил пистолет с одного на другого. Два тоже выхватили свое оружие. Нотариус спросила:

— Мы продолжаем совершать добровольную сделку?

— Да, — ответил Григорий, видя явный перевес в силе противника.

Совершенно внезапно нотариус схватила тяжелую статуэтку Фемиды, стоящую на столе и не видящую беспредела, стукнула по голове волосатого, так как он был ближе всех к ней.

Тот свалился под стол и вытянул ноги так, что подсек одного своего коллегу-вымогателя. Бедняга пошатнулся, глянув на него, и Григорий всем своим весом бросился ему на шею. Тот выронил пистолет, а Миша ногою поддал ему сзади между ног и видимо в точку, так как вой раздался не тише милицейской машины, которая подъехала по вызову кнопки.

— Что здесь происходит? — спросил лейтенант.

— Сделка, добровольная, — пояснил уцелевший, стоя с пистолетом наготове.

Лейтенант спокойно забрал пистолет у оторопевшего «племянника» и его коллеги опера быстренько приютили их в своей конторе.

Их забрали всех в милицию и потерпевших и виновных, для того чтобы разобраться в случившемся.

— Где мой друг? — наседал на волосатого Григорий.

— Что за друг?

— Они похитили Петровича, а потом уже за нами приехали.

Племянникам ничего не оставалось, как объяснить дорогу к гаражу, где сидел

связанный Петрович в ожидании чуда освобождения. Кроме как на чудо он не надеялся и приготовился к худшему. Увидев входящих двух человек в милицейской форме он подумал:

— Правильно говорят, что менты заодно с ними.

Менты повели себя странно. Вместо учинения допроса с пристрастием они развязали пленника, освободили ему рот и посадили в свою машину.

— В расход повезли, — мелькнула у него мысль.

Петрович грустно посмотрел на них и покачал головой:

— Такие молодые и уже все умеете?

— Такая у нас работа, — рассмеялся парень в штатском, сидевший за рулем.

— Деньги выколачивать?

— Какие деньги? — рассердился внезапно сидевший с ним рядом мент.

— Так вас же грабители за мной отправили?

— Эх, ты, ослик стареющий. Мы тебя выручать приехали.

Увидев своих в милиции живых и невредимых Петрович бросился извиняться перед операми.

— Простите дурака старого, насмотрелся фильмов, думал уже все стали продажными.

— Бывает, батя. Мы тебя прощаем.

Показания были взяты, все подписано, записано и путешественники отправились в гостиницу.

Сборы были недолгими. Состоялось экстренное совещание и все решили, что они направятся искать женщину, сестру Григория, прижитую им в командировке. Отец перед смертью просил Григория присмотреть за ней.

— Зовут ее Надежда Грехова. Пролетарский район, село Демьяново.

— Только больше мы с вами проколов не допустим. Остановимся в Пролетарском где-нибудь в захудалом доме и этой Надежде дадим весточку, так мол итак. Сергей умер, а остался у него беспризорный Григорий, ваш старший брат по отцу.

Немощный он живет в великой нужде и сейчас приехал по такому-то адресу, проситься в Дом престарелых, но быть поближе к ней, Надежде. Может когда и навестит. План им казался хитроумным и, конечно же, кто клюнет на старика, обреченного жить в приюте старости.

Похохотали, все предусмотрели и отправились на станцию Пролетарская.

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аленка поселилась в Москве. Квартира ей понравилась, особенно ванная, где можно было плескаться и мыться хоть десять раз в день. Комната, которую сделали детской, сразу же была приведена в соответствующий вид, отличающий ее от других наличием игрушек и детских книг. Алексей взял отпуск. Он вообще забыл сколько у него накопилось рабочих выходных, которые были теперь очень кстати.

— Зачем такие большие дома, голова задирается?

— А ты не смотри вверх.

— Но она сама хочет посмотреть на крышу, — поясняла Аленка.

В первый же день, когда они пошли в магазин, им на лестнице встретилась модная старуха в перчатках, шляпе, которая держала на цепочке маленькую собачку.

— Какая глупая тетя, — сказала громко Аленка. — Еще и собачку к себе припаяли.

— Фу, какая невоспитанность! — проворчала старуха. — Я сейчас натравлю на тебя собаку, и она тебя укусит.

Алексей, который шел впереди, вдруг услышал собачий визг. Его догнала Аленка и, вытирая губы, сказала:

— Я сама ее за нос укусила.

— Кого? — испугался Алексей.

— Собачку, кого же еще.

— А зачем ты это сделала?

— Старуха сказала, что она меня натравит собакой и та укусит. Вот я и опередила ее.

Воспитательные меры казались не осуществимыми по отношению к его дочери. Ее вряд ли накажешь, скорее она тебя виновным сделает. Он принял рассерженный вид.

— Ты рассердился?

— Да, — ответил Алексей.

— Какая ерунда. Ты, Алексей Николаевич — сверхчувствительная натура.

Алексей расхохотался. Откуда ты такие выводы сделала?

— За старуху заступился, хоть она и не права. Нечего меня дразнить было. А собачку мне тоже жалко, я ее не сильно укусила, только она испугалась.

— Завтра мы с тобой идем в школу. Как ты освоишься с классом?

— А чего с ним осваиваться. Кто ползет, тот получит сдачу.

— Ты что же и драться умеешь.

— А то? У нас там каждое лето отдыхал папа с мальчиком. Он тренер. Вот я и училась вместе с Володькой.

— И чему ты научилась?

Алексей хотел применить незаметный удар в плечо, то ручонки тут же выставились кулачками вперед, опередив его коварный маневр.

— Да ты молодец. Я не думал.

— А ты и не думай. Меня никто не обидит.

— Хвастунишка.

— Я знаешь, думаю, что если бы здесь была мама, это было бы отвал.

— Что?

— Ну, хорошо, обозначает.

— Скучаешь по маме?

— Вечером я привыкла, что она мне сказки рассказывает, утром волосы мои расчесывает, за ручку меня в школу водила. Мама хорошая. Я ее люблю.

— Вот так тебе, Алексей Николаевич, получил? Думал — Анна это просто. С глаз долой из сердца вон. А девочка любит свою маму и как ей объяснить все, он пока не знал.

— Подождем удобного момента, — решил он.

В этом же доме у Нонны Сергеевны жила ее давняя знакомая Алиса Николаевна, старая дева, усердно ухаживающая за собой даже в столь зрелом возрасте. Пока жива была тетушка Алексея, по праздникам они всей семьей приезжали к ней и тогда две подруги Нонна и Алиса могли отвести душу во всех касающихся их ума сплетен. А поскольку по уму они подходили более к лисьему роду, нежели человеческому, то и разговор их касался чисто хитроумных сплетений о каждом знакомом или малознакомом им человеке. Они часами могли разбирать суть того или иного индивида, нимало не смущаясь того, что знают его только внешне. И теперь Нонна решила навестить свою несколько подзабытую в семейных баталиях подругу, предварительно позвонив ей вечером.

— Алисочка, милая моя, здравствуй!

— О. Нонночка! Какими судьбами? Я уж думала, что живешь с дочерью где-нибудь в Париже.

— Ну что ты, милая. Я хочу завтра к тебе приехать. Как ты, не возражаешь?

— Буду очень рада. Приезжай после обеда, с утра меня дома не будет.

— Договорились. До завтра.

— С кем это ты там разговаривала? — спросила Ляля, входя в ее комнату.

— С Нонной, хочу завтра к ней съездить.

— Правильно. Заодно, может быть увидишь бывшего зятя.

— Ты все еще страдаешь о нем?

— Глупости. Просто вспомнила.

И Ляля уплыла в свою комнату, где и предалась в одиночестве своим воспоминаниям. Она все еще была красива, эта одаренная щедро внешностью женщина. Ее портила только полное безразличие ко всему. Она казалось ожившей куклой, большой и говорящей. Такой какой трудно было найти себе мужа. На нее глядели, удивлялись, целовали ручки, ахали вслед, но женились на других, теплых, нежных, надежных. В жизни кукла была не нужна. И бедная Ляля, ощущая на себе завистливые взгляды — дань ее внешности, не видела ни одного, кто остановился бы на ее качествах в роли жены. Бывая в гостях и на вечеринках, она так и не обрела себе «друга», способного оценить красоту женщины и предложить ей руку и сердце.

— Красивая жена — чужая жена, — говорили между собой поклонники ее внешности.

От развода в ней добавилась еще злость на мужчин, не способных оценить ее. Такая красота не должна заниматься прозой жизни, пеленками, бутылочками с молоком и прочей мелочью. Этот удел отведен для сереньких малоприметных женщин. Алексей тогда попался в ее сети из-за мужского самолюбия — его всем предпочла она необыкновенная, по ее мнению, женщина.

Назавтра Нонна Сергеевна покатила в гости к ожидающей ее приятельнице. Они встретились как две родственницы, любящие друг друга. Немедленно был водворен на стол кофе и бутылочка рижского бальзама, столь любимого атрибута гостя в качестве добавки в чашечку ложечки — другой.

— Рассказывай, как живешь?

— Неважно, — пожаловалась Нонна. — Ляля разошлась с мужем.

— Да что ты! — удивилась Алиса.

— И теперь Ляля в гордом одиночестве сидит дома.

— Такая долго не засидится.

— А куда она пойдет? На дискотеку с молодняком? В Парк Культуры и отдыха, где на скамеечке находятся мужчины, из которых сыплется песок?

— В театр, в кино.

— Туда все ходят со своими спутницами.

— В ресторан?

— С кем? Одной нельзя, примут за женщину легкого поведения.

Они говорили более часа.

— Пойдем погуляем на улицу? — предложила Алиса? — Развеемся немного. Присмотримся к другим.

— Я не против. Идем.

Они спустились по лестнице с третьего этажа. При выходе из подъезда они впритык повстречались с Алексеем и незнакомой девочкой.

Здравствуйте, — поздоровался он с бывшей тещей.

— Здравствуйте, — ответила Нонна Сергеевна, пожирая глазами девочку, которую держал за руку зять.

— Здравствуйте, — прозвучал голосок ребенка и ручонка протянулась рядом находящейся с нею Нонне, потом Алисе.

— Меня зовут Алена, — представилась девочка.

Алексей поспешно уводил ее в лифт, а онемевшие старушки стояли и смотрели вслед видению. Девочка была очень похожа на Лялю. Вылитая маленькая Ляля.

— Что это? — опомнилась Алиса.

— Не знаю.

— Дочь, прижитая на стороне, — продолжила Алиса. — Но тогда почему она похожа на Лялю, а не на него? Ты что-то скрываешь от меня?

— Да, — ответила Нонна и заплакала.

— Что ты, что ты? Вернемся домой и там все обсудим.

Они пришли назад, сели на удобном диванчике с маленькими подушечками и немного помолчали. Нонна не знала, как ей поступить. Она думала и решила, что правду знать ее подруге вовсе не обязательно.

— Ляля десять лет назад родила дочь, малышку украли в роддоме.

— Как? — испуганно спросила Алиса. — Вы ее искали?

— Везде где могли, но безрезультатно.

— И как же он ее нашел?

— Случайно. Оказался там, где живет эта воровка и как видишь, они спелись, если девочка находится здесь.

— Пока что это неизвестно, — обдумав ситуацию, произнесла подруга.

— Как бы узнать от девочки, что и как?

— Я постараюсь посмотреть, когда она гуляет во дворе, с кем гуляет и завтра же доложу тебе, в какой школе учится.

— Буду ждать от тебя вестей.

— Я постараюсь с ней подружиться. У меня есть коллекция редких книг, ты знаешь. Альбомы артистов разных поколений. Я всегда была любительницей собирать фото выдающихся людей. Думаю, мы с ней найдем общий язык.

Дома Аленка пристала к Алексею:

— Кто эти два древних изваяния?

— Как ты говоришь о людях?

— А нас, недоростков можно называть соплячками, ублюдками, паршивками?

— Где ты это слышала?

— В школе.

— И кто так вас величает?

— Учителя.

— Все?

— Нет. Некоторые.

— И тебя тоже называли?

— Не меня, а моего соседа по парте.

— И что же он возмутился?

— Я восстала против произвола власть имущих.

Аленка не успела досказать что и о чём, как раздался звонок в дверь. Алексей открыл ее и увидел на пороге даму лет сорока пяти, с пучком завернутых жидких волос, в костюме, давно ожидающем утюга или вообще замены его на более современный. С вызывающим видом она спросила?

— Вы отец Алены?

— Я ее родственник, — ответил он смущенно. — Проходите.

— Во-первых, меня зовут Нина Васильевна. Я классный руководитель девочки, хотя вряд ли это существо можно так называть. Это не девочка, это — сплав змеиного яда и пороха.

— Слышишь, как она говорит? — вмешалась Аленка в воспитательное мероприятие.

— Расскажите, в чем заключается цель вашего визита?

— Выйди вон, — приказала она своей ученице.

Аленка взглянула на Алексея, и тот кивнул ей в знак согласия.

— Сегодня ученица, которая без году неделя учится в нашей школе, где я работаю уже двадцать три года, при всех на уроке заявила:

— Нина Васильевна прекратите сплетничать, ведите урок, а все ваши новости обсудите на перемене.

Алексей едва сдержался от смеха.

— И чем же было вызвано такое?

— Я сделала замечание ее соседу по парте Дементьеву, в том, что его мать снова отправила его в школу в помятом костюме и грязной рубашке. Она у него женщина легкого поведения.

— И вы высказали свое мнение о матери мальчика при всех?

— Я педагог и обязана следить за нравственностью.

— Вы считаете нравственным оскорблять неповинного ребенка в том, чем виноваты его родители?

— Вы тоже мне мораль читать будете?

— Нет, я прошу вас уйти, а разговаривать я буду не с вами, а с вашим начальством

РАЙОНО.

— Вы мне указываете на дверь?

— Понимайте, как знаете?

Оскорбленное существо с педагогическим заочным образованием и непоколебимой склонностью к муштре детей выскочила за дверь. Потихоньку поскребся кто-то пальчиком в дверь.

— Входи.

— Она уже ушла?

— Много у вас таких учителей в школе?

— Немного, но есть. Ребята рассказывают, что у них в старших классах учительница химии в день ставит не менее десяти колов. Потом снова и снова, итак доходит, что в дневнике стоят подряд пять шесть колов у каждого.

— Странно? Может ребята не понимает, как она объясняет материал?

— Не знаю. У нас еще химии нет. Может она к тому времени поумнеет?

Алексей почувствовал всю ответственность за воспитание ребенка.

Вот она действительность. Жестокая реальная жизнь, в которую нужно непрестанно вмешиваться, чтобы не получилось в семье дитя улицы, которая быстро и точно воспитывает свои жертвы обстоятельств, занятости родителей и недостатка внимания.

— Ты иди погуляй немного во дворе, но пожалуйста не более часа и не уходи никуда, ни с кем. Здесь не деревня. Люди всякие бывают.

— Ты забыл, что людоед жил в деревне. Там жителей меньше, чем он съел.

— Получил? — сам себя спросил Алексей.

Аленка уже вылетела во двор, а он решил разобраться с происшедшим инцидентом в школе.

Позвонил заведующему районным образованием и представившись ему попросился на прием.

— Вас устроит завтра в 16 часов, — спросила женщина-заведующая.

— Вполне.

— Приходите вместе с ребенком.

Назавтра в школе случилась новая неприятность. Эта же Нина Васильевна попросила ребят записать в дневниках, чтобы они принесли деньги на шторы в класс, на разные расходы по мелочам и на походы в кино и экскурсии. Итого по триста рублей с каждого. Аленка взяла калькулятор и посчитав, сказала:

- Ого, десять тысяч пятьсот рублей. А не жирно будет столько денег?

— Железнова! Выйди из класса и больше не приходи на мои уроки без решения педсовета.

Алексей удивился появлению дочери в столь ранний час.

— Что-то случилось?

— Да. Меня выставили из класса.

— За что?

— Она сказала принести всем по триста рублей денег на шторы, кино и прочее. Я спросила, не жирно ли будет десять тысяч пятьсот рублей. Моя мама в своем медпункте в месяц получает семьсот рублей.

— Но мы уже на первое сентября собирали по четыреста рублей? — удивился Алексей.

— То-то и оно. Они себе компенсируют свою маленькую зарплату, так я слышала от

старших ребят.

— Тогда пусть официально вводят платное обучение, — рассердился Алексей. За один месяц в одном классе собирают двадцать семь тысяч рублей. В школе одна тысяча пятьсот шестнадцать человек, это значит если мы умножим семьсот рублей на тысячу пятьсот шестнадцать человек получается один миллион шестьдесят одна тысяча двести рублей. Не оприходованная левая прибыль, бесконтрольная, прибывает в школу. Кроме того сборы на питание. Сборы на охрану. Дороговато обходится бесплатное обучение. С этим надо разобраться.

— В милиции?

— Сначала в школе. Но ты не думай, что тебе все позволено. Можешь погулять, нам с тобой сегодня к шестнадцати часам надлежит явиться к начальству.

— Хорошо, я часок, не больше, — и Аленка с шумом умчалась на улицу.

Алексей принялся рассматривать ее одежду. Она как будто была подвержена долгому выкручиванию. Воротничок грязный, ленты тоже. Носки невозможные.

— Как же я буду управляться со всем этим? — подумал он. — Скоро выйду на работу, а Аленка? Придется подыскивать подходящую женщину для уборки, стирки, приготовления обедов.

Услужливая память тут же подсунула ему воспоминание о том, как ловко и красиво управлялась с девочкой Анна. Но он тут же отбросил мысль о ней.

* * *

Аленка выбежала из подъезда и тут же ее взгляд наткнулся на женщину, с которой она познакомилась вместе с отцом.

— Как поживаешь, Алена? — спросила бабуля.

— Хорошо, — ответила девочка.

— Присядь, посиди со мной.

Аленка окинула взглядом площадку двора. Ее сверстники еще находились в школе.

— Ты давно переехала к нам?

— Недавно, — ответила Аленка.

— А мама твоя тоже приехала?

— Нет, она работает. Ей пока некогда.

— А ты с папой живешь?

— Нет, — удивилась Аленка, — у меня нет отца. Одна мама. Там у нас школа закрыта, а мне учиться надо.

— Дядя Алексей твой родственник?

— Просто знакомый дедушкин и мамы.

— А мама к тебе приезжать будет?

Вопрос озадачил Аленку и она немедленно понеслась домой, чтобы задать его Алексею.

— А мама к нам приедет? — спросила она с порога.

— Не знаю. Надо у нее спросить?

— Я напишу ей.

— Потом, — сказал Алексей. — Позже. У нее работа, у тебя школа, нужно дожить до каникул.

— Когда они будут?

— В ноябре. Всего неделя, а зимние новогодние две недели.

— Я хотела посмотреть кремлевскую елку.

— Вот и посмотришь.

Они сели за стол и Аленка раскритиковала его пригоревшую кашу. Ели бутерброды и пили чай.

— Я хочу борщ.

— Я не умею его варить.

— Давай вместе учиться.

— Я куплю поваренную книгу.

— Хорошо. И продукты.

— Какие?

— Надо посмотреть, что нужно класть в борщ.

Вскоре им предстояла встреча, назначенная на шестнадцать часов.

* * *

В кабинете сидела тетя по габаритам занимающая чуть ли не половину огромного стола.

— Наверное сидит на специально сделанном стуле, — подумал Алексей.

— Слушаю вас, — проговорила не улыбкавая тетя.

— Я считал в отделе образования сидят несколько культурнее люди.

— Вы начали с оскорблений.

— У вас и вверенной вам школе мне приходится удивляться поведению учителей и вас, в частности. Меня зовут Алексей Николаевич, фамилия Строганов.

— Валентина Васильевна, — буркнула недовольная «свинка», у нее что-то заклокотало в горле и казалось, что она хрюкнула.

Аленка это немедленно уловила и прыснула в кулак.

— Девочка, вы даже в кабинете начальника плохо себя ведете.

— Извините, — сказала умное дитя.

— Я хочу вам сказать, — начала свою речь начальница, что в школе назначен педсовет, где будет слушаться персональное дело Алены Железновой.

— Она что-то натворила на уровне административного нарушения?

— Да. И будет подлежать исключению.

— Позвольте спросить: — За что?

— Не притворяйтесь телятей. Яблочко от яблоньки недалеко падает.

— Вы хотите обвинить нашу семью в создании граждан, которые должны изгоняться из общества? В данном случае школы?

— Совершенно верно. Железнова довела до слез учительницу, своего классного руководителя, и посмела дезорганизовать всех родителей. Они через своих детей отказались внести сумму необходимую для нормальной работы класса.

— Я бы назвал это вымогательством в особо крупных размерах или даже мошенничеством, статья 159 часть 3.

— Кто вы такой, чтобы судить о нуждах школы?

— Я всего-навсего полковник угрозыска по особо важным делам.

«Свинка» откинулась на спинку стула.

— Девочка выйди в коридор.

— Аленка взглянула на Алексея.

— Иди, — сказал он.

— Маленький «Насреддин» выкатился нехотя из кабинета.

— Но у нас очень маленькая зарплата и прожить на нее невозможно. Учителя героически выдерживают такую жизнь. А со снабжением школы всем необходимым нет речи. Приходится самим выпрашивать, искать.

— И вы нашли самую уязвимую категорию населения, фактически подчиненную вам безраздельно. Попробуй Саша или Маша не внести денег, которые никто не оформляет надлежащим образом и не отчитывается за них перед родителями.

— Многие родители ездят на иномарках?

— Это не повод для перекачивания денег из их кармана в ваш. Вы действуете по принципу Гавроша:

— «У него много брюк, поэтому он и не заметит, что я взял одни». Мне очень не понравилось то, что ваш классный руководитель на уроке издевается над безответным учеником, называя мать его шлюхой и прочим.

— Но она действительно...

— Никто не может заставить ребенка отвечать за действия родителей. Тем более измываться над ним, унижать его человеческое достоинство. Кстати есть по этому поводу тоже статья в Уголовном Кодексе, как распространение клеветнических сведений и прочее.

— Вы пришли меня пугать?

— Я пришел сказать, что если в вашей школе учеников унижают, обируют, ставят по шесть единиц за одну и ту же тему, вас нужно гнать как можно дальше от педагогического поприща.

— Я не могу разговаривать с вами в таком тоне.

— Перенесем его на язык ОБЭП, там парни быстро разберутся куда и на что идут деньги, добытые путем насильственного принуждения.

— Мы с вами не договоримся?

— Нет. В ваших школах налицо злоупотребление служебным положением.

— Вы собираетесь принимать меры?

— Но вы же уже приняли их по отношению к ребенку.

— Может быть оставим все так?

— Я посмотрю еще несколько дней как ребенок будет воспринимать учебу, а там посмотрим. Прощайте.

И он вышел в коридор к ожидающей его девочке.

В тот же вечер был собран экстренный педсовет. Выявили виновника выставленных единиц, поставленных с особым рвением. Действительно из класса в тридцать пять человек было носителей этой оценки — восемнадцать.

— Галина Андреевна, — спросила начальница молодую учительницу, — за что вы ставите такие жирные колы?

— За незнание.

— Восемнадцать из тридцати пяти и ни одной исправленной оценки? У каждого по пять — шесть этих жирных единиц.

— Я и впредь буду ставить их.

— Не будете. Вы просто-напросто не умеете передать знания ученикам. Они вас не понимают. Кроме того вы должны были немедленно провести дополнительные занятия с ними, завести тетради пробелов, снова спросить учеников и не допускать повторных единиц. Тут одна причина, очень похожая на профнепригодность, поэтому с завтрашнего дня на всех ваших уроках будут присутствовать представители отдела образования.

— Я не смогу при них вести урок.

— Сможете или же уходите, пишите немедленно заявление. Но с завтрашнего дня все такие оценки должны быть ликвидированы.

— Исправить на четыре? — донесся робкий голос.

— Объяснить тему доходчиво, написать по ней работу и выставить, надеюсь, заслуженные оценки, а не игру в «колы» устраивать.

— Нина Васильевна! Вы обязаны завтра же извиниться перед оскорбленным вами мальчиком.

— Никогда.

— Значит с завтрашнего дня вы оставляете школу.

— Пробросаетесь! Кто пойдет на такую зарплату?

— На какую? По ведомости, или ту, что вымогаете у родителей? Да еще в дневнике ученики записывают ваше требование. Под суд захотели? Вы посчитайте в какие суммы выливаются ваши скромные желания и куда они идут? Раздать назад принесенные детьми деньги и впредь прекратить поборы.

— Какая ее муха укусила? — шептались учителя. — А то мы не знаем сколько ей отваливает директор из наших денег.

Педсовет получился серьезный, об Аленке и не вспомнили, только на прощанье директору было по секрету рассказано о сегодняшней встрече с ученицей и ее родственником.

— Поняла, — исправимся, — ответила директриса.

Больше проблем с учителями у Аленки не было. Зато с родителями одного ученика, сына «крутого» получилось целое представление. Сын директора концерна, браток, крутой с пяток до ушей, привозил своего отпрыска на Мерседесе и лично сам забирал его, хотя за рулем был водитель. Его долговязый прыщатый Броник сидел за партой с Варей Жуковой, маленькой, скромненькой, серенькой как мышка, из огромной семьи.

Девочка была не ухоженная, вечно голодная. Аленка сидела с краю другого ряда как раз напротив их. На перемене Броник достал огромный трехэтажный бутерброд с ветчиной, сыром и еще там с чем-то и принялся важно уплетать его. Варя искоса поглядывала на него и глотала слюни. Аленка, увидев такое, подошла к нему и попросила:

— Дай кусочек от своего тяжеловеса соседке по парте, видишь она слюнки глотает.

— Чего? — едва не подавившись спросил Броник. — Нарожают всякой шелупони, а я должен кормить?

Аленка онемела. Она хотела врезать ему по физиономии так, чтобы вместе с бутербродом зубы выпали, но вспомнила слово, данное Алексею Николаевичу. От негодования она изгрызла свою ручку. Потом встала, пошла в столовую, принесла Варю тощий школьный пирожок, купленный за деньги, на которые можно было бы купить половину хорошей пиццы, отдала Варю.

Там же в столовой она разменяла данные ей полсотни на завтраки. Получились рубли и полтинники. Она вышла на крыльцо после уроков и стала ждать, когда подъедет Мерседес за

своим долговязым. Целая стайка девчонок и мальчишек стояли и глазели как шофер открывает дверцу зазнайке. Аленка подскочила к машине, где впереди сидел его отец. Он тотчас же открыл дверку и спросил:

— Тебе что-то нужно, девочка?

— Вас.

Уши ребят словно локаторы уловили предполагаемый концертный номер, который выдаст эта непонятная новенькая.

Важный браток вылез из машины и словно гора навис над Аленкой.

— О чем базар, пипетка?

— Что вы сказали?

— Рассказывай что тебе, время в обрез, — высказался с заднего сиденья сынок.

— Я вам деньги принесла, — и Аленка подала «скале» свои пятьдесят рубликов, в купюре разменянной на мелочь.

— Вобщак что ли, вкладываешь?

— Нет, это я даю для вашего сыночка на еду. Он видно у вас голодный, если с девочкой рядом за партой сидит и давится огромным бутербродом, а она слюнки глотает.

— Хочешь сказать, гребет под себя?

— Не знаю, но так не принято в коллективе лопать одному на виду у всех.

— Значит ты мне бабки отстегиваешь, чтобы жратвы было побольше у меня?

— Да.

— Ты, пипетка, что, предъяву мне гонишь?

— Хочу сказать, что вы сына плохо воспитали.

— Поехали, — побагровел «крутой» папаша.

— Подождите, — и Аленка бросила на заднее сиденье кулечек с мелочью.

От негодования папаша не мог сказать ни слова. Только назавтра в класс его «ординарец» приволок пиццу, целую корзину на весь класс с учительницей в придачу.

— Можно взять? — спросил кто-то у Бронислава.

— Что вы к нему обращаетесь, хватайте, — скомандовала Аленка и самую первую пиццу положила перед ним.

Военный конфликт был урегулирован. Броник посмотрел как уплетают все пиццу, очень вкусно пахнущую и взял в руки ту, что лежала у него на парте. Понюхал и принялся отрывать зубами куски. Он явно был доволен восхищенной его цирковой деятельностью аудиторией. Потом даже пошел вместе со всеми во двор и с этого дня «влился» в пока еще не совсем сплоченный, но настраивающийся на это коллектив разношерстных учеников. Жизнь сыграла злую шутку с ребятами, их родителями, всеми, кто проживал в стране, именуемой Россия. Сытые и голодные, богатые и бедные они вынуждены были находиться рядом и полная противоположность в их внешности и внутреннем настрое, показывала окончательный раздрай в социальной жизни. Незащищенность слабых была очевидна.

Аленка не вдавалась в подробности устройства мира, ее интересовал контингент класса, где должно быть все ясно и справедливо.

* * *

Алексея Николаевича срочно вызвали в управление.

— Готовься в командировку.

— Но у меня дочь.

— А у меня три.

— Мне ее не с кем оставить.

— Никогда еще особист не мотивировал отказ от задания отсутствием присмотра за ребенком.

— Когда и куда?

— Завтра утром, на две недели. Север. Зайди, оформи документы.

* * *

Вечером Алексей напрягал ум извечным вопросом:

— Что делать?

Времени на кардинальное решение не было. Он обратился к соседке по квартире, жене капитана милиции Крюкова, Александре.

— Александра Ивановна! Вы не могли бы присмотреть за Аленой, пока я буду находиться в командировке?

— С удовольствием, но видишь, мы отправляемся в отпуск, уже чемоданы собраны.

— Извините.

Алексей вышел на балкон. Напротив на скамеечке сидела Алиса, их знакомая. Пока была жива тетушка, она приходила к ним, чтобы встретиться с тещей, поболтать. Оценив все «за» и «против», но не найдя другого выхода, он вышел на улицу и подсел к ней. Алиса чуть не упала.

— Здравствуйте, — сказал Алексей пересохшим от волнения горлом.

— Здравствуйте, Алешенька, — вот уж не думала, что вы вспомните меня.

— У меня к вам несколько неожиданная просьба.

— Я вас слушаю.

— Мне утром срочно в командировку необходимо на две недели, а девочку не с кем оставить. Вы не могли бы присмотреть за ней?

— Конечно, могу. Что за вопрос. Девочка большая, я сумею справиться с вашим хозяйством.

— Спасибо вам, заранее. Только, пожалуйста, чтобы она никуда со двора не уходила. И питание, сами понимаете, она не умеет готовить.

— Все будет в порядке, не волнуйтесь. Вы когда уезжаете?

— В половине восьмого утра.

— Я у вас буду за десять минут до вашего ухода. Идет?

— Идет.

— Алексей встал, пошел к себе и все время думал о том, что ему не нравится такое привлечение к заботе о дочери Алисы, давней подруги тещи. Но выхода не было. Одну Аленку не оставишь. Этим вечером он представил себе далекую Анну, ее легкую походку, руки, накрывающие на стол еду или обнимающие ребенка и ему захотелось ее увидеть.

— Но, — подумал он, — в тебе говорит эгоизм, господин полковник, просто тебе не с кем оставить дочь, вот ты и прицениваешься к Анне. А ведь именно она увела на годы твою малышку.

Наступило утро. Неожиданно раздался звонок в двери. Алексей открыл и увидел Алису.

— Доброе утро, — проходя на кухню, сказала вошедшая.

— Доброе утро.

— А вот и Алена, — сказал он, глядя на входящую в кухню дочь. — Мы с ней обо всем договорились.

— Здравствуйте, — серьезно сказала Аленка. — Надеюсь мы уживемся.

— Конечно, — пропела ласково Алиса.

— Я пошел.

Алексей стоял у двери с маленьким чемоданчиком.

После того как дверь за ним захлопнулась, Алиса спросила:

— Что приготовить на обед?

— Борщ, — ответила Аленка, — мы его готовить еще не научились.

— Что ж я тебя научу, мое золотце, — сказала Алиса, совершенно не привыкшая к семейным обедам, так сама она перебивалась кое-как, схватит то, выпьет другое, ни к чему старой женщине никогда не бывшей замужем уметь хорошо готовить.

Как только за Аленкой закрылась дверь, она сразу позвонила приятельнице. Они еще с вечера договорились обо всем, нужно было только сообщить о начале действий. Борщ, который просила девочка, Нонна Сергеевна принялась готовить немедленно, котлеты, гарнир, она уже готовила утром, свеженькие и часа через два она быстренько отправилась в дорогу.

— Привет, милая, — обрадовалась ее появлению Алиса.

— Здравствуй. Что там у нас по плану?

— Придет она из школы в два часа. Сразу же обед подаем.

— Я еще яблочный пирог испекла, — похвасталась Нонна, — с вечера..

— Как я тебя ей представлю, что за причина твоего появления и кто ты?

— Ты плохо себя почувствовала и пришлось позвать меня, свою родственницу.

— Хорошо. А с Лялей когда знакомить их будем?

— Сегодня же. Ляля вроде соберется гулять, а мне ключи завезет. Мы их и познакомим.

— А если он позвонит ей, а девчонки не будет дома?

— Скажешь, что скоро будет. Надо Ляле имя другое представить. Чтобы не попасть впросак.

— А мы назовем ее Аллой.

— Хорошо. И она моя родственница тоже.

— Моя дочь.

— Но твое имя? Он же его знает?

— Точно. Тогда Нина. Просто и понятно. Нонна-Нина. Созвучно.

— Ляля предупреждена обо всем?

— Конечно. Мы до полуночи обсуждали этот вопрос.

Время прошло незаметно. Два часа наступили и вскоре Алена появилась на пороге. Ее носик повернул в сторону кухни и девочка сказала:

— Вкусно пахнет, как дома у мамы.

— Садись за стол, будем обедать. Познакомься с моей родственницей, у меня было плохо с сердцем и пришлось ее вызвать.

— Нина Сергеевна, — протянув руку девочке, соврала Нонна.

— Алена. Я иду мыть руки.

За столом Алена рассказала о школьных новостях. Ей очень понравился борщ, она съела полторы тарелки.

— На второе места не осталось, — поглаживая живот, пояснила малышка.

— Позже съешь. А на пирог яблочный местечка там не будет?

— Найдем немного, — сказала лукавая малышка.

Пирог она заприметила сразу и поэтому отказалась от котлет.

Они с отцом постоянно ели их в столовой или жарили полуфабрикаты.

— Будешь учить уроки, или пойдешь гулять?

— Сначала погуляю.

— Иди, маленькая, только не выходи со двора.

— У меня уже все извилины направлены на запрет.

— Вот и хорошо, значит можно не ожидать сюрпризов.

Аленка умчалась во двор. Ее сверстники, многие из этой же школы ожидали ее. Они прошвырнулись вокруг детской площадки, осмотрели все углы двора, но ничего интересного не обнаружили. Присели на скамейку. Лида, девочка из класса Аленки, была скромная и застенчивая. Ее старший брат Леня, учился с выпускном классе и поэтому девчонки находились под защитой этого несколько разнузданного, но очень хорошо относившегося к своей сестренке парня.

Мимо скамейки прошла молодая очень красивая женщина. Она остановилась и начала глазами смотреть вверх на балконы. Совершенно неожиданно для Аленки эта женщина, очень похожая на нее, как две капли воды, увидела на балконе Алису и Нонну.

— Вот вы куда забрались, — сказала она.

— Аленке показалась сомнительной такая фамильярность с ее опекунами. Она подошла к этой элегантной тете и спросила:

— Вы к кому?

— К своей маме.

— И где она ваша мама?

— Вон, на балконе.

— Это наша квартира.

— Да? — удивилась Ляля. — Тогда может быть очаровательная девочка проводит меня к маме. Мне нужно отдать ей ключи.

— Да, — ответила, сторающая от любопытства Аленка.

Такой женщины, как эта, ей не приходилось видеть ни разу.

Дверь уже была распахнута и обе они зашли в дом. Аленка пожирала гостью глазами.

— Меня зовут Алла.

— Аленка.

— Алла, ты не находишь, что вы очень похожи друг на друга, ну прямо двойники, маленький и взрослый.

— Да, — это просто удивительное сходство.

Подошли к зеркалу и в нем отразились два существа с длинными завитушками золотых волос, синими глазами и удивленным изгибом бровей.

— Я прямо как вы, — удивилась Аленка.

— И я прямо как ты, — ответила Ляля-Алла.

— Мама, — обратилась она к Нонне, я оставляю тебе ключи.

— Куда ты?

— Хочу прогуляться к Москва-реке.

— А мне можно с вами? — спросила Аленка.

Алла вопросительно посмотрела на женщин.

— Почему бы и нет? Покатаетесь на катере. Посмотрите на людей. На достопримечательности.

— Вы меня правда возьмете?

— Конечно, — ответила Ляля.

— И вы разрешаете? — спросила Аленка свою домоправительницу.

— Иди, милая, иди гуляй. С Аллой хоть на край света тебе можно.

Быстро переодевшись, Аленка вышла в комнату, где ее критически осмотрели три пары глаз.

— Конечно видок у тебя не очень, но мы это исправим, — сказала Ляля. — Заедем по пути в магазин и купим соответствующий элегантный костюм.

— Алексей Николаевич заругает.

— Но ведь его сейчас нет. А потом он вынужден будет понять, что тебе просто необходимо обрамление, подчеркивающее красоту.

— Как странно, — «подчеркивающее красоту», — повторила Аленка.

— Идем.

Взявшись за руки они отправились путешествовать по Москве.

Для Аленки все было открытием. Она рассматривала примечательности города так, как никогда не смотрела на него Ляля. Самой Ляле скучно было отвечать на все вопросы Аленки и она решила прокатить ее в экскурсионном автобусе, дабы снять с себя ответы на бесконечные вопросы.

Вернулись они домой часа через четыре. Звонка от Алексея пока не было.

— Ты не рассказывай по телефону, если позвонит Алексей Николаевич ничего.

— Почему?

— А когда он приедет, ты ему сделаешь сюрприз. Расскажешь о Москве столько разных подробностей. Он удивится этому.

— Хорошо. Я потом все сразу буду ему рассказывать.

Жизнь обрела для Аленки новый смысл. Усталая Ляля предложила матери самой погулять с девочкой, слишком утомительны были для нее поездки и расспросы.

— А почему Алла не поехала, — спросила Аленка у своей родной бабушки.

— У нее горе.

— Какое? — поинтересовалась Аленка?

— Ты хочешь знать?

— Да, — шепотом ответила ей девочка.

— Я тебе расскажу, но ты не должна никому говорить об этом.

— Даже ей?

— Ей тем более. Знаешь как плохо сейчас особенно, после того как она встретила тебя.

— Меня? — удивилась девочка.

— Да. У нее десять лет назад украли дочь.

— И не нашли?

— До сих пор ищем.

— А как это получилось?

— Мы с ней были на вокзале. Девочке было всего три дня. Ехали домой из роддома. Я

пошла за билетами, а дочь моя усталая прилегла на скамейке. Она была больна. Задремала. А когда проснулась, ребенка не было. Мы сразу же бросились в милицию. Милиционер оказался черствым человеком и не сразу начал искать ребенка. Уже много лет мы пишем, получаем отказы и никак не можем найти свою кроху. Алла расстроилась, когда увидела тебя. Ты так на нее похожа.

— А мы с мамой совсем не похожи друг на друга.

— Такое бывает в жизни, значит ты похожа на отца?

— Я не знаю своего отца. Его у меня нет.

— У всех есть отцы. Только некоторые не признают своих детей.

— Мне жалко Аллу. Я хочу ее увидеть.

— Завтра увидишь.

— А сегодня?

— Хорошо я ей позвоню, пусть она приедет сюда на ночь.

— Ой, скорее позвоните, я буду с ней всю ночь в комнате?

— Конечно. И вы обо всем переговорите.

Аленка ждала вечера.

Наконец Алла появилась, томная, усталая, печальная. Она села рядом с девочкой на диван и они начали говорить о Москве, о прелести ее переулочков, Москве-реке, метро и прочем, многом, что увидела Аленка за то время, пока находилась в Москве. Потом нужно было ложиться спать и Алла повела девочку в другую комнату. Помогла раздеться. Поцеловала в спинку, волосы, нежно погладила по щекам.

— Ты такая хорошая, красивая, — порывисто сказала малышка. — Мне так жалко тебя.

— У Аллы на самом деле появились слезы, не надо было вызывать искусственные. Она смотрела на свою девочку и вспомнила как оставили ее с на станции, на крыльце чужих людей. И чувство вины, перемешанное с новым, совершенно непонятым ей чувством к этой девочке, пугало ее и заставляло плакать. Ей хотелось уберечь малышку от неприятностей.

— Что я наделала, — думала она. — С такой красивой дочкой можно было сделать карьеру. Ее хоть сейчас в любую киностудию возьмут и дадут роль. По ее вине девочка не умеет танцевать, ее грация — грация кухарки, а бесцеремонность и бесшабашность — чисто мальчишеские.

— Расскажи мне про маленькую девочку, которую украли, — попросила Аленка.

— Я не могу об этом вспоминать, мне плакать сразу хочется.

— Я тебе помогу ее разыскать, хорошо?

— Как? — спросила Ляля.

— Секрет, — загадочно ответила Аленка и предложила ложиться спать.

Ляля была утомлена разговором необычайно любопытного ребенка и подумала:

— Я бы не смогла вот так постоянно заниматься с девочкой. Все легло бы на плечи матери. Но большая девочка, да такая красивая, целое сокровище для семьи. Сколько внимания уделяли бы ей вельможные женщины и в особенности мужчины. С нею, пожалуй, можно будет найти для себя спутника жизни, если не удастся вернуть Алексея.

О нем Ляля не забывала ни на минуту. И надо же так любить собственного мужа, особенно после развода, когда он стал недостижимым.

— «Время собирать камни» — сказала Нонна. Девочка от тебя без ума. Нужно будет с нею поговорить.

— А вдруг мы испортим все на свете?

— Не испортим. — Доверься мне.

Дня через три, когда отношения Аллы и Аленки стали совсем теплыми и девчонка не сводила с нее глаз, во всем подражая ей, Алла присела на диван и закрыла глаза.

— Тебе плохо? — спросила девочка испуганно.

— Очень. У меня перед глазами постоянно моя маленькая девочка.

— Мы найдем ее, вот увидишь. Дядя Алеша милиционер, он быстро разыщет малышку.

— Ты такая добрая, милая, мне с тобой легче переносить мою утрату.

— Правда?

— Если бы ты была моей дочерью?

— У меня есть мама.

— Вот я и говорю, жаль.

— Но я тебя тоже буду любить.

И Аленка поцеловала ошеломленную коварную дамочку.

Они теперь занимались косметикой, танцами, одеждой и это совсем вскружило голову Аленке до сих пор не ведающей о разных женских прелестях жизни.

— Завтра мы с тобой пойдем на вечер в школу, где я училась. Там будут все мои одноклассники.

Одевались с особой тщательностью Ляля заказала для дочери заранее платье, точную копию своего, элегантное, переливающееся праздником одеяние, от которого у Аленки потемнело в глазах.

— Какая прелесть! — сказала она, примеряя это чудо.

— А вот и туфельки.

Сияющие позолотой легкие, модельные, невиданные до сих пор, они были Аленке впору. А всего-то эта прелесть пролежала несколько лет в комодке Нонны Сергеевны, это были туфли Ляли того возраста, в котором пребывала сейчас маленькая принцесса. Ее волосы были зачесаны так же как и у Аллы и в них продета нитка жемчуга. В платье малышки вплетена точно такая же, опускающаяся с ворота до пояса.

Нонна Сергеевна позвонила в редакцию одной из газет, сообщив, что сегодня в школе такой-то предстоит настоящее чудо, и что они могут стать свидетелями, как обретут себя мать и дочь, десять лет не знающие, что живут рядом.

Класс оказался заполненным, когда Ляля входила в него. Аленка шла сзади. Все происходило по сценарию Нонны Сергеевны. Первые возгласы восхищения Ляля приняла как обычно. Потом резко посторонилась и все увидели точно такую красавицу, но молодую, маленькую королеву. Вместе они смотрелись весьма внушительно. Оператор немедленно запечатлел этот кадр.

— Это ваша дочь?

— Не знаю, — ответила Ляля.

— Но она похожа на вас как две капли воды.

— Без сомнений, что она ваша, почему же вы говорите, что не знаете этого?

— У нее украли девочку десять лет назад, — пояснила Аленка.

— Как? — вырвался возглас удивления.

— Украли и не нашли.

— А у тебя есть мама?

— Есть. Мама Анна. Живет в деревне.

— Что-то ты мало похожа на деревенскую.

— А вы с мамой Анной похожи?

— Нет, — ответила Аленка.

— А ваш отец?

— У меня нет отца.

— Есть у нее отец, — сказала Ляля. — Полковник Строганов. Но он почему-то держит свое отцовство от дочери в секрете.

— Поднялся шум, гам. Аленка теребила за платье Лялю и спрашивала:

— Правда, Алексей Николаевич мой папа?

— Правда, — ответила Алла.

Аленка притихла, посидела на скамеечке парты и сказала громко:

— Какие взрослые все вруны. Не поймешь, где правда, где ложь. Я хочу домой.

Сделав на прощанье еще несколько кадров, оператор сложил свое грозное оборудование, обещающее шумиху для всех участников этого запутанного дела.

Назавтра в газете на первой странице Аленка увидела заголовок:

КТО РАЗЛУЧИЛ МАТЬ С ДОЧЕРЬЮ?

Там же с добавлениями от собственного мнения, рассказана история девочки, похищенной десять лет назад, отец которой, не признаваясь дочери, что он отец, привез ее в Москву. Там она случайно встретилась со своей матерью, и задавался вопрос:

— Можно ли сомневаться в родстве этих красавиц?

Алексей купил несколько газет и посмотрел на первую страницу. Одну из них он чуть не выронил из рук. Портрет Ляли и Аленки в цветном изображении был представлен на суд читателей. И ему теперь придется ответить дочери, почему он не признался ей, в том, что является ее отцом? Пренеприятное положение получилось у него. Но он прекрасно понимал, чего добивается Ляля и ее дирижер — теща. Оставалось еще два дня. Он не стал звонить домой, боясь, что не сдержится при звуке голоса Алисы и, теперь не сомневался, всей семейки.

— А вдруг Анна прочтет это сочинение? — подумал он и кровь прилила к лицу его от ужаса.

— Она же может подумать, что с его согласия все это напечатано. И страшно, что скажет мудрый Сидор Никитович.

Он чувствовал себя так, как будто его облили помоями и самое главное, понял, что не хочет обидеть Анну, он желает только защитить ее от пошлости, выданной в печати. Ему страстно захотелось обнять ее, прижать к себе, прикоснуться к не целованным губам и никуда от нее больше не уходить.

— Какой же я был дурак. Мог думать о ней плохо. Сейчас эти лисицы развращают чистое сердце, воспитанное Анной в его дочери. Нужно немедленно поехать туда, но вместе с Аленкой.

До ноябрьских каникул оставалось несколько дней.

Эти оставшиеся дни Ляля прилагала все усилия, для того, чтобы привязать к себе дочь.

— Я твоя или мамина? — задавала вопрос Аленка.

— Я не знаю. Может и моя, а может это простое сходство.

— Я хочу знать точно. По телевизору часто показывают о том, как устанавливают родство. Если ты моя мама, анализ покажет это. Пойдем в больницу.

И хотя анализ на ДНК стоил дорого, тем более по — срочному, Ляля сделала его и получила ответ. Аленка прочитала его внимательно и сказала:

— Ну вот, теперь у меня две мамы.

— Так не бывает, — ответила ей Алиса.

— Но у меня же есть? — сопротивлялась Аленка.

— Ты рассказывала, как тебя похитил человек, который назвался твоим отцом.

— Да. Его потом поймали, он был маньяк-людоед.

— Значит одна мама у тебя настоящая, а другая...

— Вы хотите сказать, что другая и есть та, которая украла меня у моей мамы?

— Это ты сама сделала выводы, я тебе такого не говорила.

— Но она же хорошая моя мама Анна, и бабушка тоже.

— Люди умеют притворяться.

— А зачем ей притворяться?

— Женщины делают это, когда любят мужчин. И нет другого выхода.

— Она полюбила моего папу? И поэтому украла у мамы?

— Опять твои слова, не мои.

— Ты, малышка, не расстраивайся, правда, она всегда правда и обязательно вылезет наружу, как бы ее не прятали, — объясняла Алиса девочке. Ты мне скажи, которая из мам тебе больше нравится?

— Обе, — подумав сказала Аленка.

— А с кем бы ты хотела остаться?

— Не знаю, — растерялась девочка.

— А ты хорошо подумай, поняла? Родную мать ни за какие деньги не купишь.

— А Алексей Николаевич знает про новую маму, ну эту...

— Хочешь сказать Аллу?

— Да.

— Конечно знает.

— Ну и обманщик же он. Я не хочу его больше видеть.

— Но ты же теперь знаешь, что он твой отец?

— Знаю и не хочу такого вруна.

— И что ты собираешься делать?

— Пока не знаю.

— Может пойдешь к новой маме жить?

— Нет. Я пока не подумала. Все обманывают, все меня как куклу разглядывают. Скажите им, я сегодня никого не хочу. Пусть дома у себя ночуют и вы тоже.

— Я не могу тебя одну оставить.

— Тогда я сама уйду, — и Аленка вылетела стремглав на улицу.

Она добежала до угла и посмотрела в карман пальто, там ли кошелек. Денег оказалось двадцать рублей.

— На трамвай хватит, — подумала она и села в первый же подошедший под номером четыре.

Заплатила за проезд, села у окна и начала рассматривать дома, мимо которых шел трамвай. Проехав несколько остановок, она увидела надпись на здании «Детский дом».

Вышла на первой же остановке и направилась в сторону этого здания. Вошла в вестибюль. Вышла дежурная в белом халате и спросила:

— Что тебе девочка надо?

— Хочу сдать в детдом.

Дежурная подозрительно посмотрела на хорошенькую девочку, хорошо одетую и спросила:

— Ты сирота?

— Нет, но у меня слишком много оказалось родственников и все они врут.

— Где ты живешь?

— В деревне далеко.

— Как очутилась здесь?

— Сбежала. Если вы меня не возьмете в детдом я прыгну под трамвай.

— Что ты? Что ты? — закудахтала женщина. — Пойдем со мной.

Она привела строптивицу к заведующей. Женщина миловидная, немолодая спросила ее участливо:

— Что ты хочешь?

— Сдаться в детдом.

— Как сдаться, — не поняла заведующая.

— Остальных сдают, а я сама хочу сдаться.

— Где твои родители?

— Они у меня не правдашние. Все врут, что они мои матери, говорят, что мой отец, у которого я живу, а называю почему-то по имени — отчеству и он мне ни разу не сказал, что я ему дочь.

Где он сейчас?

— В командировке. Меня старухе одной оставил, а та привела еще одну, а ее дочь говорит, что я ее дочка, но меня украли десять лет назад, а теперь у меня их всех много и никого настоящего. Вруны одни собрались.

— Ты мне адрес свой скажешь?

— Нет. Вы меня туда отправите, а я сразу же сбегу, не хочу там жить.

— Твоя фамилия?

— Нет у меня фамилии. Пока не разберутся чья я на самом деле, буду жить без фамилии.

А зовут тебя как?

— Девочка.

— Так и будем звать «девочка».

— Так и будете.

Может нам в милицию сообщить?

— Сообщайте, но домой я все равно не пойду.

Заведующая сказала:

— Акимовна, сходи с девочкой в столовую, накорми ее, а я пока позвоню.

Добрая Наталья Ивановна поняла, что у девочки произошел душевный кризис, но в милицию сообщила, и те разрешили ей на несколько дней, пока разберутся, поддержать ее у себя в карантинном отделении.

Аленке выделили кровать с постелью, правда хуже чем дома, но чистой. Накормили, разрешили погулять во дворе. Двор был наглухо закрыт огромным забором и крепкими воротами.

— Зачем такой забор? — удивилась Аленка, спрашивая у парня, стоящего на воротах.

— Дом казенный, оттого и забор глухой.

— Как это казенный?

— А так. Раз здесь дети ничейные, их государство воспитывает, потому и живут они в казенном доме, на казенных харчах.

— Много здесь детей?

— Много, карантин кончится, увидишь.

В это время настоящий переполох поднялся в доме Алексея. Все три женщины сидели и хлюпали носами.

— Переиграли малость, увлеклись, — сказала Алиса.

— Не надо было про отца ничего говорить, — сокрушалась Нонна.

— Все так шло прекрасно, — вздыхала Ляля. — Мне показалось, что она полюбила меня.

— А как она оказалась у чужих людей? — допытывалась неугомонная Алиса.

В это же время Аленке вспомнилась их деревня, дедушка, мама, которая наверное

плачет о ней, своей маленькой предательнице. Она пришла в кабинет заведующей и сказала:

— Моя мама Железнова Анна Федоровна. Я Алена Федоровна Железнова. Живу я в селе Демьяново, Пролетарского района. Просто сбежала и все. А теперь хочу домой.

Через час были получены сведения о Железновой Анне и ее дочери. Было решено доставить девочку по ее домашнему адресу. Был выделен сотрудник милиции и малолетнюю беглянку повезли домой.

Поезд отстукивал колесами свою незамысловатую песенку. Аленка спала, а ее сопровождающий все время дремал и поглядывал, как бы она не сбежала опять. В Пролетарском он пришел в райотдел милиции и начальник, зная лично Анну и Сидора выдал ГАЗик. Аленка с почетом остановилась возле дома. Сидор Никитович сидел на крыльце, невесело посасывая трубку. Он увидел остановившуюся машину и пошел к ней. Из открытой дверки вылезла Аленка.

— Деда, — закричала она. — Деда мой миленький.

Они стояли и обнимались, слезы текли у обоих из глаз, молодой милиционер и сам отер рукавом влагу, неожиданно посетившую его. Он отрапортовал:

— Сдаю в целости и сохранности. Распишитесь за получение.

— Получение чего? — удивился дед.

— Как я понял — внучки.

— За такую бандероль можно хоть сто раз расписаться. Он поставил подпись на бумаге, подставленной ему сопровождающим.

— Без обеда не отпущу, — сказал дед, — пожалуйста, откушайте у нас.

— Хорошо, — весело сказал сопровождающий и, подмигнув шоферу, спросил: — Голодный?

— Конечно. Приглашение в самый раз.

Дед быстро накрыл на стол, и наставил столько деревенских запасов, что парень спросил:

— Выставка? Съестного?

— Тут все есть, — суетился дед, и грибы и молоко свежее и сметана и мед.

Парни наелись досыта чистой, вкусной пищи, какой редко найдешь в городе. Все неповторимо свежее, без химии. Быстро управившись с едой, гости заторопились назад.

— Счастливо оставаться, беглянка, — сказал парень, усаживаясь в машину.

— Спасибо вам, что доставили драгоценный груз, — ответил дедушка.

Анна бежала бегом из медпункта. Ей передали, что видели, как в машине ехала ее дочь. Она выскочила с работы, на ходу скидывая халат, сердце ее стучало, готово было выпрыгнуть из груди.

— Мама, мамочка!

Навстречу Анне с крылечка сорвалась и бежала ее золотоволосая дочь. Они нежно прижались друг к другу и пошли в обнимку домой. Аленка весь вечер ходила как пришитая за Анной следом, а та постоянно оборачиваясь, с занятыми чем-нибудь руками, целовала ее в макушку и они опять вместе шагали по дому из комнаты в комнату.

— Откуда ты взялась? — наконец спросила Анна.

— Из детдома.

— Какого детдома? — ужаснулись дед и Анна.

— Обыкновенного. Сначала я сбежала от них в детдом, а оттуда уже назвала ваш адрес и меня привезли.

— А Алексей Николаевич? Он знает?

— Он в командировке. Но я не хочу с ним разговаривать. Он врун.

Анна не знала радоваться ей или огорчаться. Ей очень хотелось обрести дочь назад, но спорить с правами отца, как она могла?

— Не расстраивайся, — успокаивал ее дедушка, все само утрясется. Подумай сама, зачем — то же Господь направил эту женщину рожать именно в наши края. А потом? А после Он направляет в командировку отца девочки, и ты я знаю, любишь его.

— Дедушка!

— Что дедушка?

Аленка неподдельно радовалась возвращению домой.

— Москва хорошая, но я буду жить здесь с тобой.

— А школа?

— Буду ездить с ребятами в район. Нас четверо.

— Может подвоз детей организуют?

— Кто? Прохватилов сбежал. Сегодня собрание акционеров, будем выбирать директора.

Пойдешь, дедушка, там каждый голос на счету. Нам хотят привезти кого-то из района, а мы будем настаивать на своей, сельской кандидатуре.

— Пойдем, куда же мы денемся. Нам жить.

Вечером народ собрался в конторе. Там, в большом кабинете были сделаны приставные стулья из табуреток и досок, как это обычно делалось на деревенских свадьбах. Стол накрыт скатертью от бывших времен. Это было все, что осталось от колхоза «Путь Ильича». За столом уже заседали глава администрации района, заведующий сельхозуправлением и заведующий районным отделом образования. В конце представительного ряда восседающих в Президиуме сидел человек в костюме песочного цвета, лет тридцати пяти, ни красивый, ни страшный, как говорится, что мужчина должен быть чуть красивей обезьяны и этим указателем видимо и руководствовались чины при выборе нового директора.

Акционеры, так называли бывших представителей коллективного хозяйства, а теперь ЗАО «Агрокомплекс», филиал, один из многих, расположенных в умирающих селах.

— Все собрались? — спросил глава района.

— Все, — ответили несколько голосов.

— Ну и хорошо, начнем наше собрание акционеров.

— Позвольте узнать, а кто избрал председателя собрания, секретаря, ведущего протокол?

— Ну что вы беспокоитесь, если уж мне доверен район, то, вероятно, собрание я провести сумею.

— А где же демократия?

— При чем здесь демократия? — возмутился глава. — Сорвать собрание захотели бузотеры.

— Я акционер.

Сидор Никитович встал и оглядел зал.

— Мы что же, селяне, опять как бычки на веревочке будем? Кто выбрал этих людей в Президиум, или как теперь называть то красное застолье. Я предлагаю, всем им сойти в наши ряды, а нам самим избрать председателя собрания и секретаря, который грамотно оформит затем протокол.

— Мы в принципе не против, — поняв ошибку, сказал избравший себя председатель. —

Мы, пожалуйста. Но вы же не умеете вести собрание, писать протоколы?

— А мы научимся, — ответил неугомонный Сидор.

Гости спустились вниз и уселись на свободный рядок сбоку.

— Я предлагаю председателем собрания избрать Сидора Никитовича, — сказала Варя.

— Правильно, — одобрили голоса.

— Кто за него? — поднимите руки.

Единогласно избранный председатель прошел за стол. Там остались приготовленные ручки, бумага. Протокол.

— Да тут нам и писать ничего не надо, все уже расписано и избрано, — показал протокол народу Сидор.

— Какая оплошность, — прошептал глава сельзуправления.

— Секретарем прошу назначить нашу бывшую учительницу Валентину Николаевну.

— Согласны, — с поднятыми руками прокричали сельчане.

— Как мы знаем, нам сегодня предстоит выбрать себе директора, который понимал бы наши нужды и смог организовать работу в селе. Правление господина Прохватилова сделало нас нищими. Но мы должны отстоять свое общество, пока его не продали с молотка. Нас же с вами объявят банкротами и конец всему.

— Куда пойдём? Ни хаты, ни земли не будет. Пока еще кой-какая техника жива, не продана, нужно самим заняться оживлением села. Пусть нам глава администрации поведает, что за человека привез нам на пост директора и как он поможет селу выправить наши совсем неважные дела, добитые до ручки сбежавшим директором.

— Товарищи, селяне. Вы не одни в таком положении. Вам просто необходимо присоединиться к головному хозяйству в районе, в которое вошли уже несколько сел. Одни вы погибнете. Не выживете. Ваш долг перед государством огромен.

— А откуда взялся долг, если мы всегда получали высокие урожаи и молочная продукция была лучшей по качеству в районе?

— Жизненные обстоятельства. Сейчас страна переживает трудное время, и выжить смогут только крупные хозяйства.

— Вы же своей политикой фермеров уничтожили, а теперь и последних в ложное банкротство ввергаете. Давайте, показывайте способного человека, которого привезли нам.

— Я, Козиков Юрий Андреевич, работал в хозяйстве «Южное», но оно влилось в Агрокомплекс районный и теперь я хочу помочь вам перейти в новую стадию веяний по сельскому хозяйству.

— Значит свое хозяйство ты уже обанкротил. Теперь решил добить наше.

— Вы неправильно передергиваете политику сельского хозяйства, — завопил представитель сельхозуправления. — Укрупнение, централизация — вот что нужно сейчас крестьянину.

— Тоже самое требовалось и в тридцатые годы, укрепляли, выгоняли, расстреливали. Сейчас это невозможно, вот и придумали банкротить тех, кто может сам спокойно хозяйствовать.

Шум, гам, перепалки начались в маленьком зале. Кричали долго, спорили яростно, но в конце концов пришли к соглашению избрать своего директора.

— Кого?

Опять поднялся гвалт. Перебирали всех подряд и не могли остановиться на кандидатуре, достойной по их мнению.

— Да у нас некого избирать, — сказал старый Андрей Алексеевич, с палочкой в руках, сидевший на первом ряду. Нужна фигура, чтоб галстук там, пиджак, а у нас что. Одна куртка, да штаны не глаженные.

— Нам не фигура нужна в пиджаке, а голова с мозгами, кто правильно распорядиться сможет добром общества, на себя одеяло не потянет, дворцов себе строить не будет.

— Никудышнего, — заорал хор голосов.

— Он что ни на есть честнейший человек и хозяин хороший, смотри какую семью образцовую содержит.

— Семья не акционерное общество.

— Семья — это отражение всего общества, каков хозяин — таково и хозяйство.

— У него нет сельскохозяйственного образования, — подсказал глава.

— У него жизненный университет в селе. А учиться мы его направим заочно в сельскохозяйственную Академию. Знаменитую Тимирязевку.

— Кто за него, подымай руки?

Никудышный встал, посмотрел на всех и неожиданно сказал:

— Спасибо за доверие. Я тут давно сам про себя кумекал, как нам дела выправить.

— Вот и отлично. Пишите в протокол — избрать директором акционерного общества Грехова Александра Григорьевича.

Никудышнего поздравил и глава района. Он надеялся найти с ним общий язык, когда надо будет отстегнуть земли хорошему человеку.

Больше всего за него порадовался Сидор Никитович и Анна с Аленкой.

— Не расстраивайся директор, поможем, придумает, как от беды избавиться.

Разошлись по домам, но многие не дошли до них и стояли, спорили на улице о будущем села, можно ли исправить существующее положение, или придется все же идти в кабалу к более зажиточной организации, ловко пользующейся законом о банкротстве.

* * *

Подходя к дому Александр увидел паренька лет двадцати, или чуть больше. Он стоял у забора и курил сигарету. Увидев Саню, спросил:

— Шорников Денис Петрович здесь проживает?

— Здесь, а вы кто?

— Я Олег, приехал к нему.

— Он вас знает.

— Вряд ли.

— Идемте, меня Александром зовут.

Вошли в дом. Олег поздоровался с Денисом, просто сказал, — «Здравствуйте».

— Здравствуйте, — ответил Денис.

Он решил, что этот человек пришел с собрания с Саней.

— Как собрание? — спросил бывший летчик.

— Я к вам, отец, вы меня не узнаете? Я Олег, ваш сын.

— Олег? Как ты меня нашел?

— Прости, отец, я не знал, что ты жив. Мне всегда мать с бабушкой говорили, что ты погиб там в Афгане. А недавно бабушка померла. Перед смертью попросила меня снять с

нее грех за обман. — «Жив твой батя, он в Ростове в госпитале был, а теперь, наверное в доме инвалидов, — сказала она». Я в Ростов, мать в слезы. — Прости, — говорит, он калека, зачем тебе его душу бередить?» Приехал я в Ростов. В госпитале мне рассказали, что тебя увез Александр в село к бабушке, вот я здесь, да вижу опоздал, бабули уже нет.

— Сын. Смотри Александр, у меня есть сын. Мой Олег, приехал. Не забыл.

— Вернее не знал. Я бы давно к тебе приехал.

— Ты надолго?

— Насовсем.

— А как же мать?

— У нее другая семья. Живет нормально. Двое детей. Примешь? — спросил он у Дениса.

Денис смотрел на сына и слезы капали из его глаза. Олег присел к нему на кровать и нежно обнял то, что осталось от его боевого когда-то папани.

У Александра в доме устроили настоящий праздник. Вера с Варей.

Денис в ослепительно белой рубашке сидел за столом на своем месте. Рядом с ним сидел Олег. Его уже представили девушкам и он смотрел на Веру, как на волшебницу, которая может создать счастье для его отца.

Стол как всегда приставляли к Денису. Вера причесала его непокорные волосы и вдруг сказала:

— Попросим тишины.

— Да, — вторил ей Денис.

— Во — первых поздравляем Александр тебя. Ты теперь директор. Но это звание накладывает и большую обязанность на тебя. Я считаю, что ты обязательно сделаешь нашу деревню прежней: большой, богатой, а жителей, поселившихся в городе, жизнь заставит вернуться к нам.

— А второе, — начала Вера.

— Я сам скажу. Мне необыкновенно повезло в моей несчастной жизни. Я встретил ту, единственную, которую полюбил.

— Спасибо, — сказала Вера, но ты не закончил наше сообщение. Мы с Денисом решили пожениться.

Все уставились на них с интересом.

— Не смотрите на нас с любопытством, все в порядке.

— Поздравляем, — обрадованно произнес Александр.

— Поздравляю, — добавил Олег.

— Сегодня сразу три праздника: у Александра выборы, у Дениса — приезд сына и создание семьи.

* * *

— Поздравляю и завидую, — повторила Варя. — Тебе, Верунь, завидую, у тебя все в порядке, а я никак не могу дождаться своего счастья.

— Неужели жизнь со мной, может принести кому-нибудь счастье? — удивленно спросил Александр.

— Если влюбиться в тебя так как я — да, — просто сказала Варя.

— И ты не боишься связать свою жизнь с Никудышным?

— Ох, и Никудышный же ты взаправду, — ответила Варя и поцеловала его.

— Спасибо, что сама осмелилась, я бы никогда не сказал тебе этого. Боялся, что буду обузой.

— Дурачок, хоть и большой, да я тебя еще тогда в конюховке заприметила. Да куда мне подступиться со своей любовью, когда ты всегда глобальные проблемы решал. Спасибо тебе, Александр за то, что ты такой есть на свете. Ты солнце, только местного значения. Большое солнце обогревает весь мир, а ты свой, созданный тобою.

Потом все решали, как будут жить.

— Где?

И постановили, сделать к этому же дому две пристройки отдельные.

— Три, — сказал Олег, у меня есть невеста, заканчивает сельскохозяйственный техникум. Агроном.

— Отлично, — закричали все дружно.

— А я с кем буду жить? — спросил Колюнька.

— С кем захочешь, твое место с нами везде, — ответила Вера.

И еще вопрос о регистрации браков был острым. Все это можно было сделать в районе.

— Нашли о чем расстраиваться, — уверенно произнес Никудышный. — Или я не директор и не имею своего транспорта?

Сидор Никитович перед сном сказал Анне:

— Этот Никудышный — самородок на земле русской. Такие самородки случается рождаются именно в селах и деревнях и именно они наделены недюжинным умом. Сама увидишь, как потихоньку наше село начнет возрождаться.

Весть о сыне Дениса стала радостью всего села. Люди шли, радовались, плакали, снова несли гостинца и устроили праздник в честь Олега.

— Все веселились, только Александр и Сидор Никитович обсуждали производственные вопросы.

— Я прошу Вас Сидор Никитович начать производство меда на промышленной основе. Вы получили за лето две тонны, так вы говорили.

— Да.

— Давайте немедленно поможем вас с изготовлением красивых туесков в небольшой упаковке. Закажем в типографии района этикетку с медведем и сотами. Да такую картиночку, чтобы янтарные капли капали ему на мощную грудь.

— Властелин леса предлагает свою продукцию. Надо найти нам Алексея Николаевича и через него выйти в Москве с партией товара дорогого, чистого экологически и без сахарного обмана.

У нас с вами есть кедрач. Готовые красивый натюрморт с веточкой и шишкой в корзиночке, сплетенной бабушками под вашим руководством. Это пока. Деньги пойдут на солярку, бензин. Семена есть. Спешил Прохватилов и не разбазарил их. Есть у нас с вами и старый консервный заводик. Он на ходу, про него просто забыли. И подумайте, сколько во всех дворах сейчас кормят свинок отборными яблоками и прочим. Красивые компоты наши сделать. Банок там на десять лет хватит. И еще скоро под мороз рябину, калину в корзиночках подать в областном центре.

— Слушай, Александр, а я ведь до этого не додумался старый.

— Вы только для корзинок заготовки сделайте. И артель промысловиков возглавите. За

ваш медок будем тут же по поступлении рассчитывать. И надо автолавку хотя бы раз в неделю организовать для людей.

— Здание магазина у нас нормальное. Продавщица никуда не уехала. Тебе надо просто договор заключить в районе. Необходимые продукты привезти.

— Проплатить заставят. Вперед.

— Поскребем по туескам. Выдать надо заемные расписки на деньги. Продукты завезем, маленькую наценку, не более десяти процентов сделаем на транспорт и зарплату продавца. Это дешевле чем каждому в отдельности двадцать верст киселя хлебать. И нужно поговорить с хозяевами овощных магазинов. У нас кое-что есть, пока отдадим дешевле, чем там у них, зато будет свой ассортимент у людей. Растительное масло, овес, ячмень, пшеничку на рынок, но не оптом, а поставить своего продавца.

— С миру по нитке — голому рубаха, так получится?

— Так именно так.

Разленившиеся без работы мужики были заняты в промартеле. Туда еще добавили изготовление черенков для лопат, граблей, отыскивали кузнеца, теперь живущего на хуторе в примаках. Свой дом стоял заколоченный в селе. Тот обрадовался какой-никакой работе. А оказалось, что вся садовая утварь нарасхват пошла. На рынке ее гребли и ждали когда еще привезут. Попробовали в область корзиночки, тоже с «натюрмортами» вышло здорово. Только успевали делать демьяновцы свои редкие изделия.

— К весне подготовимся основательно. Я думаю попросить сельчан отдать нам в стадо будущее всех телочек, родившихся у домашних коров. Не сейчас, конечно. Сейчас пусть растут в своих хлевах, а по весне с травой зеленой, снова свой скотный двор завести. Купить сразу стадо не под силу, а вот расплатиться за телочек возможность будет. Точно так же и с поросятами. Все равно на базар повезут. Так их в своем скотном дворе акционерном оставят, а от первых приплодов будет возврат занятых поросят. Село было маленькое, все хотели, чтобы оно приняло былое величие, и не видели убытков от поставленной задачи.

Дела пошли в гору. На рынке продавец сельхозпродукции по неделе ночевал. Только на понедельник домой возвращался. С медом, шишками, ягодами дальше ездили, хотя и на станции Пролетарской у вагона, многие покупали диковинные сувениры, везли с собой в столицу и еще куда-то. Сельчанам было не важно куда попадут их изделия, пока нужно было срочно уйти от банкротства.

* * *

Алексей вернулся из командировки утром, часов в 10. Он купил подарки дочери и очень спешил. После увиденного в газете, он не звонил, боялся сорваться и навредить еще более создавшейся ситуации.

Открыл дверь, обошел все комнаты. Никого не было.

— Наверное в школе, доченька, — подумал он.

Срочно поехал в управление и там ему было дано новое задание. Те документы, которые они привезли с Дягилевым и кулон, найденный Алексеем, решили вопрос в сторону продолжения поисков, но уже среди населения. Циркуляры во все города с описанием могущего появиться товара в скупках, у ювелиров, были разосланы.

— Алексей Николаевич! Вам снова придется вернуться туда. Обстоятельно поговорить с

населением, может кто-то что-то и знает об украденных драгоценностях. Теперь можно об этом говорить в открытую. Ищем государственное достояние.

— Опять моя дочь одна остается.

— Вы, полковник, как мать единственного дитя рассуждаете.

— Но я и есть пока у нее и мать и отец в одном лице.

— Не прибедняйтесь, я читал в газете материал о вашей девочке.

— Это утка.

— Но неплохая. Мать и дочь смотрятся великолепно.

— Оставим личные дела в стороне. Когда выезжать?

— Завтра.

Получив все соответствующие документы, Алексей отправился домой. К этому времени Аленка должна была придти из школы.

В доме было пусто. Он набрал номер телефона Алисы.

— Здравствуйте. Это я — Алексей. Где моя дочь?

— Не знаю, — ответила Алиса и заплакала. — Я сейчас приду к вам и все расскажу.

Она пришла и начала рассказывать как все было, без утайки. Алексей слушал и думал, как ему теперь разыскать и вернуть дочь.

— Вы точно знаете, что ее у Нонны Сергеевны нет?

— Точно. Аленка не захотела с ними разговаривать и меня тоже выгнала, а сама ушла из дома.

Первой мыслью было разыскивать ее через милицию. Он поднапряг свой отдел, дал фотографию девочки, свой телефон и начал собираться в аэропорт.

— Вы мне сразу же на сотовый, пожалуйста, сообщайте, если будут новости.

Что я скажу Анне, дедушке? Как объясню ее исчезновение?

В Пролетарском райотделе ему рассказали, что девочка была доставлена сюда с провожатым и под расписку вручена дедушке.

Алексей позвонил в отдел и попросил дать отбой по розыску ребенка. На машине райотдела он выехал в Демьяново. Подъезжая к дому, Алексей еще издали увидел, что на крыльце сидит Сидор Никитович и рядом с ним его дочь. Как только машина остановилась, Аленка увидев Алексей, вместо приветствия убежала в комнаты.

— Здравствуйте, Сидор Никитович!

— Здравствуй, Алексей Николаевич! Видишь, как тебя дочь встречает. А все потому, что обиделась она на тебя.

— Почему?

— Не сказал ты ей правды, что отцом являешься. Чужим дядей представился. А там дамочки ее уму — разуму без тебя обучали.

— Дал я ляп действительно, но она ребенок, не должна бы долго зла держать?

И действительно вскоре любопытный нос показался в щелку двери, один синий глаз подглядывал за сидящими на крыльце. Алексей Николаевич нарочно встал и громко, чтобы слышала Аленка, произнес:

— Ну что ж, Сидор Никитович, если меня не желает видеть моя дочь, поеду я назад, хоть и устал, отдохнуть надеялся.

— Я желаю тебя видеть, — проговорила малышка и обхватила ручонками наклонившегося к ней Алексея. — Просто ты врун, и те тетки все вруньи.

— Я не хотел тебя обидеть, боялся, что вдруг все окажется неправдой, что ты моя дочь.

Я вообще не знал, что ты где-то есть, от меня скрыли твоё рождение.

— Нина с Аллой?

— Какая Нина, какая Алла. Их зовут Нонна Сергеевна и Ляля. Даже имена выдумали, — расстраивался он.

— Ну их, папочка. Хотя мне эту Аллу-Лялю и жалко немного, у неё украли ребёнка.

— Ты ей веришь?

— Она такая печальная и такая красивая.

— Она что же сказала тебе, что ты её дочь?

— И в газете я всё прочитала и пошла сдаваться в детдом.

— В какой детдом?

— Московский. Я им этот адрес назвала, они меня и отправили.

— А почему меня не дождалась?

— Но ты я думала тоже заговорщик, с тетями заодно. Не сказал, что мой папа.

— Но теперь ты знаешь об этом.

— Я люблю тебя папа, и дедушку, и маму. Вон она с работы идет, — и Аленка помчалась навстречу идущей Анне.

Анна серьезно смотрела на Алексея. Он пытался улыбнуться ей, но такая серьезность насторожила его.

— Мы должны поговорить с вами, Алексей Николаевич.

— Я готов.

— Идемте.

Они прошли в комнату. Аленка с дедом остались на крыльце.

— Вы за дочерью приехали?

— В командировку.

— Странные у вас командировки в село наше. До вас ни один полковник сюда не заглядывал, да еще московский.

— Значит я первый. Пионер, — попытался пошутить Алексей.

— Девочка не хочет больше в Москву. Вы её заберете?

— На её усмотрение.

— Значит я теперь буду жить как на бочке с порохом. Ожидать своей участи.

— Я хотел сказать, что очень много думал о тебе.

— Потому, что хочешь отобрать у меня дочь, вот совесть и мучает. Я уверена, не будь здесь Аленки, вы бы сюда никогда не вернулись.

— Ошибаешься, Анна Федоровна.

— Идемте в дом, все равно у нас с вами разговора не получится.

— Видимо да. Идемте.

Дед Сидор по их лицам сразу определил, что разговор не получился.

— Деда, а чего они такие странные?

— Да потому что любят друг друга, а объясниться не умеют.

— А как это объясниться?

— Тебе еще рано об этом знать.

— А потом поздно будет. Уедет папа отсюда и все.

— Надо бы не допустить такого.

— А как?

— Пока не знаю. Поживем, посмотрим.

Назавтра с утра Алексей начал потихоньку входить в курс дела. Постепенно слушая, что и как говорят односельчане о сокровищах, он понял одно, что все насмерть напуганы смертью односельчан, вмешавшихся в это дело.

Дело было тонкое, нахрапом не возьмешь. Он по одному разговаривал с сельчанами. Того, что он хотел бы услышать, пока не было.

У Аленки кончились каникулы и он отвез ее в районную школу.

— Документы девочки запросите сюда, — сказал директор.

— Сегодня же позвоню сотрудникам и они отправят.

— Девочка у вас чересчур резвая. Сорванец, мальчишка. Внешность королевы, а внутри — бесшабашный парнишка.

— Так уж воспиталась. Зато неправды не переносит.

— В драку вступает?

— Еще как. От нее перепадает мальчишкам.

— Я надеюсь, что она приживется в нашем коллективе.

— У вас есть интернат?

— А вы хотите чтобы она жила в интернате?

— Там у вас плохо?

— Но это далеко не домашнее воспитание.

— Я подумаю.

Пока Алена находилась на занятиях он побывал в райотделе, встретился с Юрой.

— Не знаю что и делать с интернатом? — пожаловался Алексей Николаевич. Боюсь там будет плохо дочке.

— Зачем вам интернат? У нас дома места хватит. Кстати дочь моего брата тоже учится в этом классе. Едем к нам поговорим с мамой.

Алексей уже был знаком с мамой Юры, учительницей местной школы. Она согласилась, что девочка должна жить у них. Полагаться на воспитание интерната — опасно. Они договорились, где и как будет проживать Аленка и поехали в школу, чтобы встретить ее и забрать на новое место проживания.

— Я хочу в интернат, — заупрямилась девочка.

— Ты будешь жить у Юры.

После долгих уговоров упрямыцу привезли домой. Дом был большим, многосемейным. Вместе жили родители, два брата, Юра и старший с женой и двумя детьми. Кроме них еще в доме была старенькая бабушка. Это очень понравилось Аленке.

— Ни разу не было у меня старенькой бабушки, — удивила она всех.

Ей понравился народ, населяющий дом, особенно Ксюха, ее ровесница и Кирилл-задавака, старше их на два года. Поселили ее с Ксюшей в одной маленькой комнате. Главным для Аленки оказался пес Джигит. Кавказская овчарка, большой и сердитый. Она тут же подошла к нему под истошные вопли:

— Съест, не подходи, назад!

Но Аленка, не слушая никого уже обнималась с удивленным псом. Он оторопел от такой наглости и даже сел на задние лапы, вместо того, чтобы обляять нахалку, посмевающую вторгнуться в его владения. Джигит отвернул морду в сторону, но Аленка обхватила его за

шею и начала гладить его густую шерсть:

— Бедненький, симпатичненький, я тебя буду мыть и причесывать.

Пес внезапно лизнул ее в нос и договор состоялся. Алексей, несколько напуганный, был удивлен окончанием их знакомства. Действия дочери могли закончиться плачевно, его поражала ее бесшабашность, он хотел прочесть ей нотацию о забытой осторожности, но она ни мало ни смущаясь, проговорила, проходя мимо них к умывальнику:

— Вы не умеете обращаться с собаками. Они тоже люди и слушаются, когда с ними разговаривают.

— Почему люди?

— Потому что все понимают.

В этот день Алексей ночевал тоже у Юры, в село уехал только утром.

* * *

Григорий послал гонца в село к Надежде Греховой. Послом оказался Миша. Он увидел УАЗик и поднял руку. Машина остановилась. За рулем сидел Алексей, возвращающийся в Демьяново.

— Вы знаете Надежду Грехову? — спросил он водителя.

— Нет, не слышал о такой.

— Вы не сельчанин?

— Командированный.

— Тогда понятно.

— А вы по делам или в гости?

— Пока не знаю. Поговорю с Надеждой, будет видно.

Доехали до села. Алексей высадил пассажира на окраине и тот пошел разыскивать женщину из записной книжки Григория, любовь его отца и потому сестру его Григория Сергеевича. Вскоре он увидел на скамеечке старика. Подошел к нему.

— Скажите, пожалуйста, где мне можно найти Надежду Грехову.

— Там, — махнул старик в сторону леса. — На кладбище.

— А что она там делает? — удивленно спросил Миша.

— Отдыхает, что же еще.

— А кроме кладбища ей отдохнуть негде?

— Так там все отдыхают, кто умер.

— Она что же умерла?

— Давно.

— И у нее никого не осталось?

— Как же остался сынок, Никудышный.

— Почему Никудышный?

— Так его все величают. Он как из детдома вернулся совсем не приспособлен был к жизни.

Вот его Никудышным и прозвали.

— А сейчас он где?

— Сейчас он у нас директором выбран нашего комплекса. Пойдем я покажу тебе его дом.

Они подошли к дому Александра. Он пришел на обед, чтобы накормить свою гвардию.

— Здравствуйте, Александр Григорьевич, — сказал Миша. — Я вам привет привез от вашего родственника.

— У меня есть родственник? — удивился Саня.

Денис и Колюнька с удивлением разглядывали гостя. Миша был приглашен немедленно к столу. Ели супчик, кашу, чай с лепешками.

— У вас большая семья, — удивился Миша. А ваш дядя Григорий, родной брат вашей матери по отцу. Ваш отец давно умер, он не знал о вашем существовании. Просто у него была запись о вашей матери, и Григорий решил проведать вас.

— А где он сам?

— В районе. Он уже старик, со здоровьем неважно, хочет оформиться в дом престарелых.

— Как? — удивился Саня. — Мой единственный родственник и в дом престарелых? Не пойдет.

— Конечно не пойдет, — возмутился Денис. К нам его нужно привезти. Места всем хватит.

— Но с ним еще его друг Петрович, вместе всю жизнь отработали, а теперь постарели и стали ненужными. Тем более, что семьи ни у того, ни у другого нет.

— И Петровичу место найдем. У нас не принято стариков обижать. Сейчас пообедаем и за ними в район.

— Может мне самому съездить, чтобы вас не отвлекать?

— Нет, я хочу с дядей встретиться, мой единственный родственник и вдруг я не поеду за ним? Нехорошо.

— А я с тобой, — спросил Колюнька?

— Если места хватит в машине.

— Вы сами водите машину? — спросил Миша.

— Нет пока не научился. А вы?

— Я вожу.

— Вот бы нам такого парня в село. А трактор знаешь?

— Танкистом был в Армии.

— Мы тебя из села не отпустим, будешь у нас всей техникой заворачивать.

— Скучно тут у вас.

— А мы сделаем так, чтобы все вернулись в родное место и будет снова весело, как и раньше. Есть у меня заветная мечта увидеть вокруг себя только счастливых людей. Возродить умирающее село и сделать зажиточным наше хозяйство.

На прохватиловской машине, теперь находящейся в распоряжении Сани, выехали в район. Колюнька глаз не сводил с рук Миши. Уж очень ему нравилось как тот переключает передачи и машина послушная ему, бежит по дороге.

Григорий и Петрович не ожидали такого скорого возвращения посла.

— Значит, ты мне доводишься парень племянником. Твоя мама и я — брат и сестра по отцу. Жаль, что я с ней так и не познакомился. Зато хоть на старости довелось увидеть родственника. Мы с тобой одни на этом свете из нашего рода остались.

— Мне даже не верится, что у меня теперь тоже есть родня. Собирайтесь, поехали к нам насовсем.

— А где мы жить будем?

— Как где? У нас. Изба у нас, правда, небольшая, но мы все поместимся, не

беспокойтесь.

Твоего племяша недавно директором выбрали, — сказал Миша.

— Разваленного хозяйства, — ответил Саня. — Все разворовали и хотели банкротом объявить, да мы держимся, стараемся.

Сборы были недолгими. Приехали в село. Все скоро узнали, что у Никудышнего родственник отыскался. Каждый старался придти в дом, чтобы посмотреть на Григория. Несли все, что могли и вскоре стол был завален пирогами, лепешками, кринками с молоком, разными банками варений.

Прошло два дня и Григорий уже знал всю подноготную своего племянника. Про Дениса, Степаниду, Колюньку. И думал, зачем мы соврали такому человеку о своей бедности. Домишко малый, а все на своем месте в чистоте и пригляде. Денис, бедолага, ему бы хорошие протезы, докторов, да коляску. Но у Сани недостаток мал. Все своими руками заработал. И чужих людей лучше, чем некоторые своих содержит.

— А не мог бы ты меня, Санек, ввести в курс ваших дел? — спросил Григорий Александра.

— Дело тянется к банкротству. Если мы не сможем оплатить налоги за старое правление, купить солярку на сев, не освоить землю, мы не выживем. Сейчас артель организовали на зиму. Тут одни старики остались. Много немощных, брошенных.

— И как ты думаешь, что могло бы спасти село от гибели?

— Деньги, конечно, что же еще. Будь у меня возможность, я бы немедленно поставил свой элеватор, автономные электростанции, чтобы люди месяцами без света не сидели. Провел бы природный газ. Дорогу до района сделал. И обязательно экологически чистые корма выращивали для своего птичника, коровника, свинарника. А еще я бы хотел иметь элитный конезавод. У нас для этого имеются все данные.

— И сколько же это потянет в деньгах?

— Миллионы долларов, столько, сколько у нас никогда их не будет.

— А по налогам большая задолженность?

— Страшно сказать. Пока этот груз висит на нас, мы не сможем двинуться с места, вся наша прибыль пойдет на погашение долга, а на развитие хозяйства и текущие расходы ничего не остается.

— Да, — интересный вопрос.

— Слышал поговорку: — БОГ даст и в окно подаст!

— Хорошие слова. Пойдем я тебя познакомлю с мозговым центром села Сидором Никитовичем. Это голова. Без него мне трудно бы пришлось.

Они дошли до дома Сидора. Их встретили как почетных гостей. Сели за стол. Алексей Николаевич тоже находился с ними. Говорили долго, обо всем, расхваливал Сидор Александра. Немного выпив, Григорий сказал:

— Мне все кажется, что я когда-то уже проезжал это село. Мы с Петровичем дальнобойщиками были. Но тогда почему я не помню всего, что вижу сейчас. Был в нашей жизни момент, когда нас заставили под пулями груз один отвезти. Прошло много лет, а я все еще соблюдаю данное слово.

— А Петрович ваш где? — спросил Алексей.

— Дома остался.

— Давайте-ка мы с вами на рыбалку отправимся завтра, — предложил Алексей.

— Только без Миши, он мне нужен.

— Пожалуйста. Мы и без него рыбы наловим.

— Тогда надо Колюньку просить червей накопать, он знает где.

— Договорились? Завтра утром.

— Мы поедем на машине, там есть, где ее оставить, — сказал Алексей.

События рыбалки увенчали успехом все предыдущие командировки Алексея. Проезжая мимо места, где у дороги он нашел ограбленный тайник, Петрович вдруг попросил его остановиться. Он вышел, пригласил и Григория тоже прогуляться. Они ходили и смотрели место, где уже побывал Алексей и вдруг Петрович выдал:

— Гриш! Ты помнишь ту ночь на станции Пролетарская, когда нас с тобой вооруженные люди в «плен» вместе с нашим КАМАЗом взяли?

— Да уж как такое забудешь. До смерти вспоминать буду.

— Что же такое с вами случилось?

— Расскажи, Петрович, у тебя лучше получается.

— Ехали мы за грузом в город Водяное через станцию Пролетарская. Решили поужинать там. Все было закрыто и мы не могли разыскать даже захудалой столовой. Постояли у обочины. Хотели уже просить у жителей чего-нибудь съестного нам продать. Да ночь на дворе. Куда уж там. Подтянули пояса потуже и решили ночевать тут. А утром пораньше выехать. Места незнакомые, раньше здесь бывать не приходилось.

— Я сразу заснул, — вмешался Григорий.

— А я все про еду думал. И вдруг меня осенило. Наверняка тут есть станция, если паровозные гудки развлекаются так, что далеко слышно. И там есть ресторан железнодорожный. Я ткнул Григория в бок, чтоб не напугался, когда машина тронется, а он даже не проснулся, только промычал что-то невнятное. Ну я на гудки паровозов и пошел по улице. Там к вокзалу съезд для грузовиков есть. Я хотел его проскочить, но поперек встала машина «Жигуль» и какой-то человек вышел из нее и приказал спускаться по этому съезду к поезду задним ходом. Я развернулся. Там тупичок с вагонами. Я заартачился. Тогда он достал пистолет и сказал:

— Пулю или послушание выбираешь?

— Ладно, — проворчал я. — Показывай куда.

— Он влез в машину, кто-то убрал «Жигуль» с дороги и мы прямехонько подкатили к почтовому вагону. Было темно.

— Нам приказали выключить фары, — объяснил Григорий.

— Да еще забыл сказать, что подъезжали под пистолетом к вагону.

— Дверки заставили открыть.

— Один нас держал на прицеле, чтобы не смотрели, что там происходит. Грузили что-то. Прошло немного время и вдруг — тра, тах, тах, тихие такие хлопки пистолетные.

— К нам в машину сел тот же человек.

— Быстро вперед, — приказал он.

— Следом за нами «Жигуль» пристроился, — вмешался снова Григорий.

— Нам показывали, а я крутил баранку. Увидел у дороги написано: село Демьяново. Но мы проскочили по селу быстро и свернули направо.

— Да вот сюда, я так думаю, — объяснил Григорий.

— А тут уже и вовсе произошло ужасное. Мы подъехали к деревьям у дороги и там наш хозяин выскочил и приказал нам тоже выйти. Из «Жигуля» вышел еще один с пистолетом. Нам надели один наручник на двоих и привязали сбоку КАМАЗа, чтобы нам не было видн

их действий.

— Видно очень спешил господин, когда нас к КАМАЗу привязал веревкой. Тут Григорий оказался докой и освободил меня и себя от привязи. Но наручник был на наших руках. Мы уже поняли, что живыми отсюда не уйти. Потихоньку подглядывали как один подтаскивал ящики с чем-то к краю нашей машины, а потом они оба, один стоял в яме, другой подавал ящики куда-то там ставили. Ящики четырехугольные с ручками, как на чемодане.

— Мы приготовились к смерти. Бежать некуда. Только одна эта группа деревьев стоит, а кругом ровное место. Лесок метрах в ста от нас.

Эти люди вылезли из ямы и начали забрасывать ее хворостом, ветками. Видно все было припасено кем-то заранее. Потом один сказал другому:

— Наша миссия выполнена. Представляешь сколько тут миллионов баксов будет, если все продать? — А сам выхватывает пистолет. Второй заранее разгадал его маневр, видно у него были точно такие же мысли, но выстрелили они одновременно друг в друга. И оба оказались хорошими стрелками, свалились валетом мертвые.

— Мы сначала ошалели от страха, — сказал Григорий, а потом поняли, что в этом наше спасение. Нашли ключ от наручников в кармане у них. Сняли наручник. В яму не полезли. Шут с ней. А вот у себя в кузове обнаружили въезд для «Жигуля» в КАМАЗе, значит они хотели продолжить путешествие на нем, с «Жигуленком» в кузове.

— Трап выставили, Григорий въехал на машине в кузов, закрепили «башмаками» колеса, чтобы не болталась по кузову и поехали скорее от этого проклятого места.

— А куда же вы дели машину? — спросил Алексей.

— Мы ее почти до Водяного догнали, а там свернули в сторону и выкатили в лес. Совсем недалеко от дороги.

— А документы у этих людей были?

— Так мы же их у трупов оставили, не трогали.

— А трупы? Остались на месте?

— Нет. Мы из в «Жигуль» затолкали и оставили.

— Там где машина, там и они.

— Значит их должны были найти оперативники.

— Наверное нашли.

Посидели, помолчали.

— Вам нельзя об этом никому больше рассказывать. Может случиться непоправимое. И даже обвинить могут вас в похищении ценностей.

— А их похитили?

— Да. И неизвестно кто. Вы здесь постоянно жить собираетесь?

— Да, — сказал Григорий. У меня единственный родственник — это племяш мой Саня. Рыбы они немного наловили, иначе как объяснишь отсутствие столь долгого по времени.

Ночью Петрович потихоньку сказал Григорию:

— Выйдем на улицу.

— Что?

— Понимаешь что теперь мы не можем дать твоему племяннику денег, сразу подумают, что это мы увели что там было спрятано и поэтому денег много.

— Можно проверить, откуда они у меня?

- Сейчас такое шулерство в мире творится, что все можно сделать, даже наследство липовое, чтобы отмыть ворованное.
- Ты хочешь сказать, что нас могут упечь?
- Еще как. Молчи, не говори, что у нас есть деньги. Деньжищи.
- Я так хотел помочь племяннику.
- Своими миллионами ты посадишь его в тюрьму или его убьют охотники за драгоценностями.
- И что же мы будем делать?
- Искать похищенное. Я не сомневаюсь, что этот москвич прислан сюда специально.
- Тогда зачем мы ему все разболтали?
- Надо. От этого не уйти, раз мы сюда попали, видно это судьба. И с полковником нас свела она не случайно. Сразу видно, что человек он хороший.
- Жаль парня. Стоящий человек, дело хорошее задумал, а без денег ничего у него не получится.
- Может полковнику рассказать?
- Очумел? Нас с тобою в особый отдел посадят и поработают так, что мы во всем чего не делали признаемся и вынуждены будем отдать деньги.
- Фильмов ты насмотрелся.
- Ты думаешь страшилки показывают?
- Да куда же они хорошие люди делись? Там тоже могут быть оборотни, но единицы. Я считаю, что хорошие люди есть везде. На них земля держится.
- Возьми, к примеру, нас с тобой. Могли бы давно разбогатеть, но не стали же мы этот груз увозить.
- А может просто трусили?
- Нет. Мы никогда даже об этом не подумали. Только надо было об этом куда-то сообщить.
- И гнили бы мы сейчас где-нибудь на Колыме. Сколько трупов оставили эти ценности.
- Утро вечера мудренее. Пошли спать, но пока никому ни слова говорить нельзя.

ЗАПОЗДАЛОЕ РАСКАЯНИЕ

Ляля не находила себе места. Ей снилась ее дочь, ее чудные глазенки, любопытные вопросы, на которые она была готова отвечать. Она слонялась из угла в угол и ныла:

— Мама, как вернуть дочь?

— Сложно сказать, — отвечала Нонна Сергеевна. — Я поговорю с адвокатом.

Адвоката нашли как орехи щелкающего выигрыши по бракоразводным и семейным делам в отношении детей. Звали его Игорь Олегович Ночной. Он говорил с Лялей откровенно. Теще пришлось расстаться с массивным браслетом червонного золота, старинной выделки, бывшие воспоминания о ее грешной молодости. Ночной говорил неприятные для Ляля вещи:

— Ваше путешествие из Москвы на периферию, чтобы там рожать не поддаются никакой критике. Если бы у вас там была родственница, хоть захудалая.

— Есть там женщина, с которой я познакомилась, пока Ляля находилась в больнице. Вполне сойдет за родственницу, нужно только с нею поговорить.

— Вы хотели сказать — заплатить ей, — поправил ее адвокат.

— Да, именно это.

— Нужно будет организовать оттуда задним числом телеграммку о ее плохом состоянии здоровья. Поэтому вы и выехали туда с Лялей, где ее приспичило произвести на свет дочь.

— А та женщина, у которой сейчас Аленка, обязана была заявить в милицию о находке ребенка?

— Конечно. Обязана. Она обрекла и невинного отца на утерю дочери.

— Чистая случайность, что он оказался там в командировке.

Пришлось раскошелиться на подготовку к суду. Нонна Сергеевна отправилась в путь. Не случайно говорят:

— Дурак дурака видит издалека. И если перефразировать, то получается:

— Свояк свояка видит издалека.

Нонна Сергеевна нашла в Клавдии Ивановне родственную душу. Та делала деньги, даже из воздуха. Ее практичность была необыкновенной. Подсунуть какой-нибудь рецепт больному человеку, разумеется очень полезному и несомненно за оплату. Специальной настоечки, полезной, без которой немислимо существование человека. Конечно за деньги. И люди ей верили, слушали рассказы и платили, правда небольшие, но довольно многочисленные рубли. В Нонне Сергеевне Клавдия Ивановна почувствовала человека, который принесет ей прибыль. И она не ошиблась. Они поговорили о том, о сем, и Нонна Сергеевна перешла к делу.

— Клавдия Ивановна, меня прислала к вам моя дочь, которая попала в жизненный переплет, выход из которого находится в ваших руках.

— Рада помочь хорошему человеку, — ответила понятливая душа, заранее подсчитывающая какую выгоду можно извлечь из этого дела.

— Вы помните я была десять лет назад здесь и моя дочь родила девочку. Мы с ней были на вокзале и пока я ходила за билетами, а дочь задремала, девочку похитили.

— Какой ужас.

— Мы сейчас нашли ее, совсем недавно. Но женщина, похитившая ее, воспитала вместо дочери и теперь малышка считает ее своей матерью.

— Какое безобразие!

— Кроме того она заявила, что нашла ее на крыльце своего дома!

— Это возмутительно.

— Хотя и не пошла в милицию, а ребенка увезла с собой.

— Это должно быть наказано!

— Потому я и здесь.

— Чем я могу вам помочь?

— Мне нужно, чтобы вы объяснили суду, что являетесь моей дальней родственницей.

Бываете у меня в Москве. Тогда вы серьезно заболели и попросили кого-нибудь позвонить мне в Москву, чтобы я приехала. Ляля не захотела оставаться одна и приехала вместе со мной. Тут она и родила.

— Да. Трудная задача, — произнесла «добрая душа». — Искать придется кого-нибудь, кто подтвердит, что я заболела и попросила позвонить родственникам в Москву.

— Я понимаю, — сказала Нонна Сергеевна, — придется заплатить человеку. Сколько?

— Не знаю, милая, не знаю. Люди сейчас жадные, ненасытные.

— Говорите сколько она возьмет, я заплачу.

— Думаю пяти тысяч хватит.

— Пять тысяч?

— Ну если у вас их нет, я не ручаюсь, что кто-то согласится выступить в суде.

— Есть, есть, не беспокойтесь.

В тот же день Клавдия Ивановна объяснила все своей соседке, помогающей ей по дому за оплату и та, конечно согласилась помочь своей дорогой патронессе. Дело в том, у Клавдии Ивановны действительно проживали родственники в Москве и когда она болела, то верная Люся сообщала по данному ей номеру телефона о болезни соседки. Не могла же сама Клавдия Ивановна звонить им о том, что плохо себя чувствует. Родственники были заботливыми и иногда, если имелась возможность, приезжали, иногда откупались денежным переводом или посылкой с деликатесами. Поэтому вопрос этот был улажен в пять минут безо всякой компенсации за будущую работу в качестве свидетеля в суде. То, что она видела тогда Нонну Ивановну у своей соседки и врать не надо было и о звонках тоже. Так что Нонна получила сразу двух свидетелей за пять тысяч рублей.

Исковое заявление на имя председателя Пролетарского районного суда поступило от гражданки Строгановой, москвички о возврате ребенка, десять лет назад похищенного у нее неизвестными людьми. Там же указан адрес ответчицы Железновой Анны Федоровны, у которой в настоящее время обнаружена украденная дочь. В районном суде до сих пор такого дела не было.

Анна получила копию искового заявления и повестку явиться в суд. Предлагалось девочку привезти с собой непременно. Адрес отца был указан сельский, где сейчас находился Алексей.

— Хорошо работает разведка, — подумал он, получив известие о явке в суд.

Он вышел к Анне и увидел ее постаревшее враз лицо, страдальчески-мрачное до неузнаваемости.

— Аннушка, — сказал он и обнял за плечи. — Аннушка, ты не должна так переживать. Я с тобой, не позволю этим лисицам отобрать у тебя девочку.

— Чтобы потом забрать ее самому? — спросила в отчаянии Анна.

— Я люблю тебя, Анна, неужели ты этого не поняла?

Анна втянула голову в плечи, как будто защищаясь от удара.

— Меня? Любите? — переспросила она.

И тотчас убежала к себе. Он вошел в ее комнату впервые за все время. Чистая, невинная обстановка комнаты, никаких излишеств. Все как будто соответствовало содержанию хозяйки, все еще наивной девчонки, десять лет назад обрекшей себя на безбрачие в угоду спокойствия малышки.

Он подошел к ней и тихонько повернул к себе. Ее глаза выражали смятение, растерянность, любопытство. Он нежно притянул ее к себе и поцеловал. Она отпрянула, но потом прижалась к нему и тихонько сказала:

— Я целуюсь впервые. Неужели правда то, что ты сказал?

— Правда, Анна, правда. Я только не сразу понял, что не могу без тебя. Когда думал о тебе, у меня, казалось сердце останавливается.

— А у меня не хватает дыхания, — улыбнулась она.

Он подхватил ее на руки и нежно прижимая к себе, нашептывал слова, которые не говорил даже своей жене. Они сами прорвались откуда-то, а она слушала их и прижималась к нему, где громко стучало в груди его сердце.

— И что теперь будет? С судом? — испуганно вспомнила Анна.

— Мы поедем туда, послушаем, что нам скажут, и сами выскажем свое мнение. Ты должна быть готова к тому, что тебя могут оскорбить слова моей бывшей и адвоката, нанятого ею. Но я же с тобой, и ты не должна ничего бояться.

— А зачем приглашают Аленку?

— Так нужно в суде в таких делах. Потому, что сразу же после вынесения решения ребенка отдадут выигравшей стороне.

— Как ты страшно сказал. Как будто Алена — лотерейный билет.

— Ну что ты, не беспокойся.

Он уговаривал ее, а сам в душе знал, что теща с Лялей будут биться до конца. Их уязвленное самолюбие жаждало мести. И потом у Анны было к чему придраться. Не было свидетеля на то, что девочку она нашла на крыльце. Не заявив в милицию она тоже поступила неправильно. Может ей и отдали бы ребенка, но после всех узаконенных действий.

Алексей уехал назавтра в район вместе с Анной. Он взял ее паспорт и ничего не сказал, зачем они едут.

Остановил машину у здания ЗАГСа и они вошли в кабинет заведующей.

— Вот мои документы, — предъявив удостоверение и паспорт, сказал он заведующей. Я должен буду скоро уехать ненадолго, но до этого нам бы хотелось узаконить наши отношения.

— Я бы рада, но у нас сроки, установленные Законом.

— Аннушка, подожди меня в коридоре, — попросил он напуганную столь решительными действиями Алексея.

Анна вышла.

— Есть только одна возможность укоротить срок, если женщина ждет ребенка.

— А вы представьте себе именно этот случай и мои обстоятельства. Вы же не хотите, чтобы ребенок стал незаконнорожденным?

— Нет, конечно, — улыбнулась заведующая. — Напишите мне отдельное заявление с этой просьбой и причиной ускорения бракосочетания. Вас устроит на послезавтра. В 12

часов дня? — спросила она оторопевшего от радости Алексея.

— Конечно. Вполне.

— Тогда вот вам бланки, заполняйте их, занесете ко мне вместе с паспортами.

Счастливые Алексей и Анна писали заявления, сидя в мягких креслах за красивым столом. Каждый заполнял свой бланк. Написали, поставили подписи и Алексей занес заявления заведующей.

— Как будете регистрироваться, просто, или с шампанским, музыкой, гостями.

— Конечно с шампанским, гостями, — ответил Алексей.

Он радушно попрощался с заведующей и они с Анной вышли из здания, столь могущественного, способного полностью изменить судьбу человека.

— Почему все так быстро?

— Я слишком много потерял время, ожидание затянулось, да оно нам и ни к чему.

— А как мы объясним все Аленке?

— Так и объясним, как есть и ее фамилию тоже переменим.

— Прямо сейчас?

— Нет, только после суда.

— Ты думаешь будут осложнения?

— Бедная ты моя, запуганная жизнью малышка. Теперь у тебя будет муж, опора и защитник.

* * *

По пути заехали в райотдел. Там по поводу столь радостного сообщения, Юра устроил настоящий переполох. Они всем отделом решили присутствовать при регистрации брака в парадной форме. Начальник отдела с улыбкой сказал:

— Меня вы тоже не пробросите. Ни за что не пропущу такое событие.

* * *

— А как же Аленка? Она ведь до субботы будет в школе. Регистрация послезавтра.

— Мы ей сообщим сегодня. Дождемся конца уроков и сообщим.

— А вдруг ей это не понравится?

— Ошибаешься. Дочь твоя тебя любит и будет рада, что у нее будет муж, родной папа.

— Посмотрим, — недоверчиво ответила Анна.

Аленка вылетела им навстречу и повисла на шее матери. Потом тоже произвела с шейей отца.

— Аленушка, ты уже большая девочка и я хотел тебя спросить, как ты отнеслась бы к тому, чтобы я женился?

— На ком? — подозрительно спросила Аленка.

— А ты бы кого выбрала мне в жены?

— Конечно маму, кого же еще? Мы с дедушкой знаем, что вы любите, да не признаетесь.

Анна обняла дочь и сообщила ей, что послезавтра у них будет регистрация брака.

— А я? Меня вы возьмете?

— Конечно, — ответили оба.

— Только платье мне белое не забудьте привезти и туфли?

— Зачем тебе белое? Ты разве невеста?

— Хочу быть похожей на маму. Мама, — обратилась она к Анне, — а у тебя есть платье и фата?

— Нет, ответила Анна. — Мы так обойдемся.

— Нет, — сказал Алексей, — мы сейчас едем все вместе выбирать платье Анне.

— И фату? — серьезно спросила девочка.

— И фату.

— Тогда я ее сама выберу маме.

До магазина она не переставала трещать о предстоящем событии.

Платье выбрали самое красивое и когда Анна примеряла его, Аленка появилась с фатой в руках, поднялась на стул и сама надела на Анну. Пунцовая Анна не знала как вести себя. Все было настолько скоро и решительно, что она не могла опомниться. Вскоре с покупками в руках они вышли из магазина и повезли Аленку туда, где она проживала. Девочка категорически запротестовала. Она пожелала ехать с ними домой, готовиться к торжеству.

— Нужно сообщить, чтобы не беспокоились.

— Но это долго, — протестовала взбудораженная Аленка.

— Не спорить со старшими, — в приказном тоне сказал Алексей.

Только к вечеру выбрались они домой.

Сидор Никитович, увидев покупки и сияющие глаза внучки, просто сказал:

— Наконец-то, решились.

— Решились, дедушка и я очень, очень счастлива.

— Еще бы такого сокола отыскать в мужья.

— Ну уж и сокола, — заскромничал Алексей. — Послезавтра регистрация. Вы поедете с нами?

— Я лучше здесь обо всем позабочусь, все село сбежится, как принимать будем гостей?

— Я думаю во дворе, под навесом расставим столы.

— Я схожу к Сане и мы что-нибудь с ним придумаем.

Анна и Алексей остались одни. Они не понимали где вечер, где утро. Все смешалось в угаре любви. Назавтра уже вся деревня знала, что Анна выходит замуж за полковника. Доставали наряды, готовили незатейливые подарки. Анну и ее деда все любили в селе. Да и Алексей Николаевич уже тоже считался своим.

К удивлению Алексея в Загс прибыли десятка полтора представителей порядка. Оркестр встретил их на улице. Анна в подвенечном платье выглядела совсем юной. Прелестная девчушка находилась рядом с ней и к удивлению всех присутствующих называла ее мамой.

Церемония бракосочетания прошла торжественно. У Анны в жизни было первое золотое кольцо. Когда Алексей надел его ей на палец, она постоянно подносила руку повыше к глазам и разглядывала чудесное кольцо с камнем, названия которого не знала. Этот день показался ей единственно незабываемым в жизни. Все было ново, красиво, интересно. До этого она не бывала в ЗАГСе даже в качестве свидетеля. Оттого и было все торжественно и похоже на сказку происходящее. Когда они расписались в книге и им выдали свидетельство о браке, она все еще не верила, что с этой минуты она не просто Анна, а замужняя женщина, и замужем она за любимым, обожаемым ею человеком.

— Я тоже хочу кольцо, — хныкала Аленка.

— Но ты же пока еще не выходишь замуж?

— Нет, — ответила она.

— Тогда придется подождать. Венчальное кольцо надевают только в церкви и в ЗАГСе.

— А долго ждать?

— Я думаю, что тебе недолго. Ты у нас быстро выскочишь замуж, — говорил ей на ушко отец.

— Я тогда пока присмотрю себе кого-нибудь подходящего, да? — спросила она.

— Не торопись, вместе выберем, — ответил ей отец.

— Хорошо, согласилась она, — ты только не забудь выбирать.

В селе ждали приезда молодых. Столы во дворе под навесом были накрыты. Чего только там не было. Привезенные Алексеем деликатесы из магазина выглядели из-за пышных выпечек: кренделей с маком, домашними тортами, печеньем и коржиками, каждая хозяйка готовилась, словно на конкурс.

Огурчики соленые, маринованные, помидоры с болгарским перцем чередовались с мясными копченостями. Мясо, запеченное в тесте, ветчина, розовое сало. Посредине стояли в ряд жареные гуси, утки, индюшки. Корзиночки с кедровыми ветками, украшенными шишками, рябина уложенная в красивые плетеные высокие корзинки — создавали радостный стол. Было на что посмотреть и что поесть. А о выпивке вообще разговаривать было нечего. Каждая хозяйка принесла свою бутылку: наливки, настойки, первачок, вино из ягод и фруктов. Посуда была несколько разношерстной, но это не меняло картины благополучия.

Наконец, посол, который должен был сообщить о прибытии в село машины, крикнул:

— Едут!

Молодые шли мимо сельчан, стоящих с двух сторон. Для них была постелена дорожка прямо к их местам за столом. У Алексея защемило сердце от этого бескорыстно-доброго застолья, где в часы боли и радости собирались все.

Гуляли долго и весело. Уже усталые старики разошлись по домам, а более молодого возраста сельчане, оставались на торжественной свадьбе. Аленка уснула, дед Сидор еле живой от усталости, не мог оставить гостей и слушал, как ему рассказывают о всех своих тревогах и счастливых моментах люди, пришедшие поздравить его внуку. Он сидел за столом и думал, что скоро останется один в опустевшем доме, выпорхнет его Анна с Аленкой с мужем в Москву и будет он доживать свои дни в одиночестве. Но это его не пугало. Он был счастлив тем, что Анна обрела себе мужа, достойного и у Аленки теперь есть отец, ее родной настоящий.

— Лишь бы им хорошо было, а мне уж как придется.

Гости начали расходиться. Даже заядлые гуляки устали и потихоньку поплелись домой. Что в веселье одинаково так это по окончании и язык и ноги одинаково заплетаются, вот и выписывали кренделя по дороге, почему-то ставшей узкой, деревенские мужички. У них была трудная работа и мало веселого в жизни от забот и неприятностей, но если уж они собрались повеселиться, то все заботы и печали оставались за пределами застолья.

Назавтра приходили на похмелье. Хлебали свежую уху, закуски было не приесть целому селу.

— Когда тебя, Александр женить будем? — спрашивали селяне Никудышнего.

— Скоро, — отвечал он. Невеста уже есть, и еще какая, — говорил он в ответ,

поглядывая на рядом сидящую Варю.

Дениса тоже доставили и в первый и на второй день. Приятно было смотреть, что он постриженный, в белоснежной рубашке и в хорошем настроении сидит рядом с Саней, Верой и сыном Олегом.

Вера уже в открытую ухаживала за ним.

Закончился праздник. Готовилось печальное событие — предстоящий суд. Из-за суда Алексей задерживал переезд всей семьей в Москву.

— Ну, Сидор Никитович, собирай свои необходимые вещи, будешь теперь проживать в столице, — сказал ему Алексей после свадьбы.

— Меня там только и не хватало, в Москве.

— Не сопротивляйтесь, мы вас одного не оставим. Этот вопрос решен окончательно.

Дед вытер глаза рукавом.

— Что — то пыль в глаза летит, пойду в дом, устал, прилягу.

Слезы радости душили его. Он понял, что ему не придется одному куковать в избе, топить печи, носить воду. Все это становилось делом трудным для такого старого как он. Анна расцвела. Словно на нее краску радости брызнули. Улыбка не сходила с ее лица. Но чем ближе становился выезд на суд, тем больше она стала огорчаться и потихоньку плакать. Но перед всеми это была самая счастливая на свете Анна.

Наступил день суда. Приехали туда и привезли, как было приказано, Аленку. Ее в зал не пустили, оставили в коридоре под наблюдением милиционера, который следил за порядком. Когда Алексей и Анна вошли в зал заседаний, Нонна Сергеевна, Ляля, адвокат были уже в зале. В коридоре остались свидетели. Почему-то был вызван отчим Анны и ей пришлось поздороваться с ним. Он приветливо отнесся к ее вниманию.

— Это твоя дочь? — спросил он, указывая на Аленку.

— Она, Аленой зовут.

— Красивая. Молодец, не отступилась от своего. Приезжай к нам, мать с братьями просили передать.

— Обязательно.

— Я как свидетель прохожу, поэтому остаюсь за дверью.

* * *

Алексей сел с Анной на переднюю скамью. Она вызывалась в качестве ответчицы. Он держал ее руку и успокаивал. Но она почему-то страшно испугалась Ляли.

Нонна с дочерью постарались навести лоск. Ляля в белом костюме, с умело сделанным макияжем, подчеркивающим красоту ее золотых волос и синих глаз была предметом восхищения присутствующих в зале. Перчатки, шляпка, накидка модного салона — все говорило о том, как плохо ей бедной без дочери, украденной негодяйкой-женщиной. Она не разговаривала ни с кем, изображая горе и держала наготове платочек из кружев, силясь не заплакать, дабы не испортить свой макияж.

Начался суд. Судья читал исковое заявление после проверки явки вызванных на заседание.

Закончив обычные процедуры, судья начал спрашивать истицу. Назвав фамилию, имя, отчество, Ляля была вынуждена перед всеми рассказать свою историю. И она, ловко

понижая и повышая голос, хорошо отрепетированной перед зеркалом интонацией, поведала о том, как ее маме позвонила дальняя родственница из здешнего района, не сама, а ее соседка и попросила приехать, так как та была тяжело больна. Мать побоялась оставлять Лялю одну, так как ей предстояло скоро рожать. Муж находился в длительной командировке. И Нонна Сергеевна предложила ей поехать вместе. Она сказала дочери, что и там есть роддом, а врачи везде одинаковы, одни институты кончают.

Приехали и у нее начались в тот же день схватки. Ее прямо с вокзала доставили в роддом. Мать пока была у больной, но, Слава Богу, там обошлось без операции.

— Сколько дней было вашему ребенку?

— Три.

— И вы выписались раньше срока. Почему?

— Скоро должен был вернуться из командировки муж и я не хотела, чтобы он узнал о моей поездке с матерью к больной родственнице.

— Вы отказались кормить девочку в роддоме почему?

— У меня не было молока.

— А вот тут есть справка, что вы перевязали грудь сразу же после родов.

— Это наговоры. На вокзале мама пошла купить билеты. Я положила девочку на скамейку и задремала. Когда пришла мама, девочки уже не было.

— Вы обратились в милицию?

— Нет. Я была очень слаба и напугана.

— А ваша мама осталась искать дочь?

— Нет, мне самой потребовался уход и мы вынуждены были уехать.

— Вы искали ребенка?

— Конечно. Писали везде.

— Сюда приезжали?

— Нет.

— Почему?

— Я уже тогда сообщила мужу, что ребенок умер, боялась говорить, что девочку похитили.

— Как вы нашли ее?

— Ее привез муж после нашего развода. Он где-то в этих краях разыскал ее сам случайно.

Нонна Сергеевна говорила тоже самое. Свидетельница, больная дальняя родственница и ее соседка показали, что действительно звонили и сообщили о предстоящей операции больной, но все миновало. Напрасная тревога.

— Вы знали, что у них похитили ребенка?

— Нет. Ко мне больше они не заходили.

Анна дрожала от страха и негодования.

— Как они смеют так врать?

Приступили к расспросу ее.

— Откуда у вас девочка появилась?

— Я рано утром собиралась на практику в больницу. Вышла на крыльцо и увидела сверток. Кто-то слабо пищал. Я подняла его, заглянула в одеяльце и увидела новорожденного ребенка. Сразу же вернулась домой. Но меня выгнал из дому отчим, сказал чтобы я отдала его в милицию. Ребенок сильно плакал. Я решила, если его выбросили на улицу, значит он

никому не нужен и уехала с ребенком к своему дедушке, там мы сразу же начали купать, кормить козьим молоком.

— Почему вы нарушили закон и не отнесли найденныша в милицию?

— А чтобы они там с ним делали? Совсем крохотный ребенок. У меня ему было лучше, чем в детдоме, если бы он попал туда.

— Значит вы говорите, — спросил адвокат Ляли, — что нашли его на крыльце вашего дома. А может быть вы взяли ребенка на вокзале?

— Мне не нужно было на вокзал, я там не бываю. Кроме того, я спешила на практику. Было 7 часов утра.

— А вы подумали, как мать переживает об утерянном ребенке?

— О брошенном, вы хотите сказать?

После долгих препираний и вопросов пригласили отчима.

— Сколько времени нужно, чтобы сходить на вокзал и обратно?

— Двадцать минут.

— Сколько отсутствовала ответчица, пока не пришла с ребенком?

— Не более двух минут. Я чай не успел себе налить, только в кухню зашел и взял чайник в руки.

— Вы ее выгнали?

— Да. Сказал, чтобы убиралась, подкидышей мне не надо.

— И она сразу ушла?

— Да. И больше мы с ней не виделись все 10 лет.

— Из-за девочки?

— Да. Я знал от людей, что живут они нормально, девочка растет, Анна работает. Но мы друг друга больше не видели.

Выступил адвокат. Он просил вернуть девочку матери, так как та очень переживает утерю ребенка, в связи со сложившимися обстоятельствами. Он много что говорил этот адвокат, плохо об Анне, которая не попыталась искать родных девочки, а растила ее сама без отца. Здесь даже отец — потерпевшая сторона. Он не бросал никого, а ребенка лишился.

Ляле дали слово.

— Я вас прошу, я вас умоляю, верните мне мою девочку. Я не могу жить без нее. Она в деревне, учится далеко в районе, а у нее есть все условия учиться в Москве.

И еще много говорила эта дама, прижимая платочек к сухим глазам.

— Я выплакала все слезы.

— Ясно. Давайте спросим девочку. Она уже может решать с кем ей жить дальше.

Аленка вошла в зал, осмотрела всех присутствующих. Увидела Лялю с Нонной, но промолчала. Судья ее спросил:

— Назови свою фамилию, имя, отчество.

— Железнова Алена Федоровна.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Где учишься?

— Здесь в районе.

— Домой ездешь в село?

— На выходные.

— Тебе нравится ездить туда, сюда?

— Да.

— Алена ты должна решить с кем будешь жить дальше? Посмотри внимательно, кого ты знаешь из сидящих в зале?

— Маму, папу, Аллу, Нину Сергеевну.

— Что за Алла и Нина Сергеевна?

Вон красивая тетя, говорит, что она моя мама. А Нина Сергеевна, вроде моя бабушка.

— Алена, ты ничего с именами не путаешь?

— Нет, они так мне назвались.

— Так с кем бы ты хотела жить?

— С мамой и папой.

— Которой мамой?

— Анной.

— Она тебе родная мама?

— Конечно.

— А Лилия?

— Она не взаправдашняя мама, в Москве я из-за нее в детдом сдалась, и меня оттуда привезли домой в село.

— Твоя мама Лиля очень хочет, чтобы ты вернулась к ней.

— Никогда. Я не люблю обманщиков. Они даже имена свои наврали.

— Ты окончательно все решила.

— Да. Мне немного жалко Лялю, ее надо воспитывать.

— Ты хочешь это сделать сама?

— Нет. У нее есть мама.

Исход суда стал ясен. Адвокат говорил Нонне Сергеевне о кассационной жалобе, но та, не слушая его, вместе с дочерью удалилась из суда.

Анна сияла от счастья. Да и Аленка прыгала как козленок вокруг нее.

Вечером дома было решено, что Анна увольняется и они через неделю уезжают жить в Москву.

Сидор Никитович передавал свое хозяйство Сане. Приставили к пчелам Степана, который тоже раньше занимался этим делом и теперь согласился с предложением стать пчеловодом на зарплате.

Саня пришел к Алексею и сказал:

— Прошу вас, Алексей Николаевич, помогите узаконить наши отношения с девушками. Мы с Денисом решили обзавестись семьями. Но ему в ЗАГС трудно поехать, если бы уговорить привезти сотрудника сюда.

— Конечно я постараюсь вам помочь. Решайте на какое число и дайте мне ваши паспорта, попробую сделать вас счастливыми.

Решили провести мероприятие бракосочетания в субботу днем. В Воскресенье Алексей с семьей должен был выехать в Москву.

Договорился он быстро и подумал о том, что на свете не перевелись добрые люди. Он рассказал всё про Дениса и сотрудники ЗАГСа пообещали привезти с собой депутата, чтобы поторжественнее прозвучало вступление в брак. Давно уже деревня не видела подряд столько праздников. Тут уже Григорий и Петрович, не говоря о своих миллионах, выдали молодежи по тысяче долларов. Это никак не могло быть подозрительным, сумма невеликая.

В назначенный час был совершен обряд бракосочетания. Две пары молодоженов пригласили всех на свадьбу. По заказу Григория Миша съездил в район и привез целую машину продуктов и подарков. Когда торжественная церемония была окончена, гости были под хмельком, Григорий с Петровичем тоже приложились, Алексей, Саня, Григорий, Сидор Никитович и Петрович вышли за пределы шумного свадебного двора и уселись на скамеечке у калитки, где буйствовали вечнозеленые кустарники, стеной стоящие вдоль забора.

— Тут нас собралось несколько человек, все, которым можно доверять. Я очень жалею, что раньше не знал тебя, полковник, всю бы правду давно выложил. Сейчас вот женится мой племян, а я не могу отдать ему то, что причитается.

— Миллионы? — спросил шутя Сидор.

— Именно миллионы. Я получил наследство в четыреста миллионов долларов за границей. Брат отца оставил. У него больше никого не было. А так как я был дальнобойщиком, то вместе с Петровичем колесил по всей стране. Когда получил это огромное наследство, то подумал о старости, о не уютности жизни бобыля. И решил я поискать по свету своих могущих быть детей от любовных походов в поездках.

— Вот это да. В жизни не слышал подобного, — рассмеялся Сидор Никитович. И нашел?

— Нашел несколько человек своих деточек. Их мамы все уже как и я прожили свою жизнь как могли. Но деньги я всем оставил. Налоги заплатил, так транжирил, но осталось у меня еще три сотни миллионов долларов на счетах в банке. Я хочу сказать, Алексей Николаевич, что из-за тех драгоценностей боюсь передать Сане эти деньги. Еще скажут, что я их присвоил, продал, а не наследство получил. Бандиты убить могут. На нас уже наезжали, ладно нотариус да Миша не оплошали. И начнут искать, куда груз спрятали? А что я скажу?

— О каком грузе идет речь? — вмешался Саня.

— Попали мы с Петровичем в переплет несколько лет назад на станции Пролетарской. Нам загрузили ящики с драгоценностями под пистолетом и приказали везти сюда в село, вернее за село и мы присутствовали там при их заточении в яму под хворостом, близ дороги. Там еще растет единственная группа больших деревьев.

— Бежали мы с того места с двумя трупами в машине, которые перестреляли друг друга.

— Долго боялись, что нас найдут, а кто воры или другие какие люди, мы не знали.

— Несколько сотен миллионов потеряло государство в этих украденных драгоценностях.

— А может их не украли, а перепрятали, чтобы при удобном случае передать государству? — вмешался Саня.

— Может быть, действительно очень страшно показывать, что кто-то знает о них. Тут по лесу целые банды шастали, Федосью убили, Прохвятилов столько лет искал их с грабителями, конечно, любой человек испугается, — сказал Алексей.

— Тут главное найти человека, кому можно было бы их доверить, чтобы они именно в государеву казну попали, а не в лапы волков-преступников, — в раздумье проговорил Сидор Никитович.

— А я столько времени потерял, разыскивая сокровища по государственному заданию. Жаль, что не выполнил свой долг. Но что поделаешь?

— И вы были в командировках именно по этому вопросу? — переспросил его Саня.

— Да. И завтра всей семьей уезжаем навсегда отсюда.

— Тогда, господин полковник, милый Алексей Николаевич, товарищ Строганов, вы и есть человек, которому можно вручить сокровища, — с целой речью обратился к нему Саня.

— Как вручить, где же они?

— А вот тут рядом с вами под вечнозелеными кустарниками. Все десять ящиков в целости и сохранности.

— Здесь? — воскликнули все сразу.

— И как они попали сюда?

— Я пастухом был и там от нечего делать собирал хворост, помогал трем старикам немощным и каждый день на спине носил им по очереди вязанки.

Три дня им, четыре себе. Потом стало трудно и мало носить на горбу. Вот я и приспособил тележку, вроде тачки, но четырехугольную. Начал заранее хворост заготавливать, чтоб на зиму навозить.

Однажды перегнал стадо на новое место. Евсеич уже плохо ходил, и мы все топтались на старых пастбищах. А коровам нужна свежая травка, не вытоптанная. В старых деревьях на огромной поляне посредине я увидел яму, набитую доверху хворостом. Подумал, что мне на несколько дней хватит его вывозить. Начал растаскивать по земле, чтобы после дождей прошедших высушить как следует. А ниже лесенку обнаружил. Она была сбоку приставлена. Залез и под ней увидел прокопанный навес в стороне, досками зашитый. Топорик у меня всегда был на пастбище, я его оставлял там, не возил с собой. Доски отодвинул и увидел при дневном свете ящики, поставленные один на другой на настиле. Я первый открыл, правда возился долго. И как крышку поднял, меня словно ослепило. Там драгоценности лежат, переливаются блеском. Я вытащил горсть, посмотрел на них и положил обратно. Еще пакет с бумагами был сверху, но я как-то забыл про него, не положил обратно. Забил ящик.

— И никому не сказал о находке?

— Нет, конечно. Убьют за такое.

— Я тогда забросал сверху все хворостом. Пришел домой. Еще Степанида была жива, но ноги у нее не ходили и я мог спокойно копать во дворе канаву под те ящики. Часть выкопал, прикрыл хворостом и в тот же день привез один ящик домой, сверху закрыл обычным грузом. Так я и перевез их к себе. Все десять. Теперь спокойно вручаю вам, Алексей Николаевич для передачи в казну.

— Вот тебе и Никудышный, — произнес Сидор.

— Ай, да племяш у меня.

— Молодчина, — похлопал его по плечу Петрович.

Только молчите, пока не вывезут отсюда эти богатства, — заволновался Сидор Никитович.

— Я немедленно свяжусь с Москвой, пусть пришлют специальную машину. Но никто не должен знать, что в ней повезут. Иначе жизни лишит дорогой.

Алексей позвонил своему начальству.

— Нашел, — сказал он одно слово.

— Неужели, дорогой ты мой генерал!

— Я полковник.

— К приезду станешь генералом.

— Вы Дягилева отправьте, он знает, где меня искать. Жду.

Начальник спецотдела доложил министру о находке. Тот немедленно доложил об этом Президенту. Вскоре бронированный автомобиль выехал по маршруту с полковником Дягилевым.

Отъезд Алексея с семьей был отложен еще ненадолго. Вскоре появилась серьезная машина и полковник с двумя парнями спортивного вида прибыл в распоряжение Алексея. Вечером, когда в домах зажглись огни, были быстро выкопаны кусты и из-под них извлечены все 10 содержащих сокровища ящиков. Их уложили в машину и после ужина оперативники покинули село.

Алексею позвонили, как только машина прибыла на место.

— Как зовут того парня, что передал тебе драгоценности.

— Грехов Александр Григорьевич.

— Передай ему, что ему причитается часть суммы в которую оценена находка. Позвони куда перевести ему заслуженную благодарность.

— Саня, — спросил его Алексей, когда он появился, чтобы отвезти их в город. Ты теперь миллионер, что с деньгами будешь делать?

— У меня в хозяйстве одни дыры. Буду залатывать.

— Тебе Саня большая благодарность от правительства, им нужен твой адрес, чтобы перевести деньги, твои честно заработанные за находку.

— Мне лично не надо ничего перечислять. Пусть в банк на имя нашей фирмы поставят эти деньги.

— Да там же несколько миллионов?

— Вот и хорошо, будет чем село восстанавливать.

— Тогда я лично тебе передаю свое наследство, — сказал Григорий.

— Эти деньги можно и взять, но я их тоже вложу в наше дело, по распискам, согласно расходов. Будут прибыли — верну, а то, что мы работать будем с прибылью — однозначно.

— Теперь ты сможешь отправить Дениса лечиться за границу, протезы сделать там.

— Это в первую очередь.

— А сам ты так и останешься жить в селе?

— Я никуда отсюда не уеду. Мне за границей делать нечего. Вон сколько народу обездоленного вокруг. Я не могу оставить сельчан. Здесь моя родина, здесь же меня приютили люди добрые после детдома. Россия большая, но у каждого есть маленький уголок земли, где он родился. Страна наша сейчас поставлена на колени экономически. Я считаю, что обязан помочь ей встать на ноги, обрести тот уровень, какого заслуживает наша матушка Россия. Нас много, а она одна. Я не могу сам жить хорошо, если другим вокруг плохо. Наконец-то сбудется моя заветная мечта сделать окружающих меня людей счастливыми.

Распрощались со всеми и семья Строгановых отправилась на новое место жительства в Москву.

— Я стану врачом и вернусь сюда, дядя Саня, — крикнула из окна Аленка.

— Будем ждать, — прозвучали голоса.

ПЕРЕМЕНА УКЛАДА ЖИЗНИ

Сидор Никитович никогда и никуда не выезжал дальше своего района. Всю жизнь он прожил с сортиром на дворе и водой из колодца. Он ходил по квартире и удивлялся всему как маленький.

Аленка в качестве знающего человека помогла ему разобраться в новом укладе жизни.

Вечером, когда зажигались вечерние огни, он выходил на балкон и смотрел на столицу.

— Пути Господни неисповедимы, — говорил он себе. — Всю жизнь мечтал хоть разочек увидеть Первопрестольную и на тебе, я теперь житель Москвы.

Анна пошла работать в госпиталь медсестрой. Сколько бы ни уговаривал ее Алексей заниматься домашним хозяйством, ничего у него не выходило.

— Я не могу без работы, — сопротивлялась она.

Аленка пришла в ту же школу. Под новой фамилией Строганова. Она села за парту. Нина Васильевна, преподающая историю, вызвала новенькую по журналу, не взглянув на нее.

— Строганова к доске.

Увидев явление в образе Аленки она чуть не упала.

— Ты и фамилию успела сменить?

— Ведите, пожалуйста, урок, а разговорчики оставьте на перемену, — отозвалась новенькая-старенькая.

Учительница промолчала. Сегодня никто не пострадал от ее злого языка.

Аленку приняли радостно в свою школьную семью дети.

Через некоторое время Анну вызвали в школу. Она показала записку Алексею и спросила:

— Что бы это значило?

— От нашей дочери можно ожидать любой сюрприз, — ответил Алексей. — Пойдем вместе, заодно познакомишься с учителями.

В классе было много родителей. На отдельных скамеечках возле стены сидели ученики.

— Строгановы. Анна, Алексей.

— Уж кого, кого, а вас мы помним, — огорченно сказала классный руководитель.

Мы сегодня вызвали вас на внеочередное собрание в связи с чрезвычайными происшествиями в нашей школе.

— Алена встань!

Аленка встала и подошла к столу учителя.

— Возьми это произведение и покажи родителям.

Аленка молча подняла большой лист ватмана и все прочли:

«ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ В ОРГАНИЗАЦИЮ, цель которое СОСТАВЛЯ
БОРЬБА ПРОТИВ ДЕТСКОГО РАБСТВА В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ».

— Что это? — спросила учительница? — Расскажи всем.

— Это наша организация, которая протестует против унижения нашего человеческого достоинства. Мы не желаем, чтобы нас в школе называли мерзкими, отпетыми, уголовниками, сопляками и прочими прозвищами. Так же мы не желаем, чтобы нам

незаслуженно занижали оценки, чтобы наказать нелюбимых учеников или заставить родителей подобострастно относиться к учителям, для получения желаемой оценки.

Мы не хотим, чтобы в семье били детей за то, что некоторые бездарные учителя, срывая злость на детях за свою социальную униженность, писали в дневниках и выставляли двойки там, где сами ничего не могли толком объяснить.

Мы хотим, чтобы родителям запретили драться, хулигански оскорблять нас, так как дети пока самая униженная и незащищенная от произвола взрослых категория людей. Нас с рождения причисляют к людям, но навязывают полностью свою собственную точку зрения на все. При рождении нас не спрашивают, желаем ли мы появиться на свет. В некоторых семьях к детям относятся как к куклам, собачкам, умиляясь, заставляя есть то, что ребенок не любит... И все это под угрозой ремнями. Мы не имеем право, по мнению учителей и родителей, выбирать себе друзей, играть в игры наши, а не навязанные нам тихими бабушками на скамейках. Мы согласны, что изобретать колесо во всех поколениях было бы бессмысленно и должны принимать лучший опыт старших поколений.

— И еще. Родителями являются кошки, собаки, прочие животные, из числа людей пьяницы и порядочные, наркоманы и женщины легкого поведения, жадные, развратные, бессердечные, бродяги, воры, словом все кто имеет детей, принадлежит к званию родителей. И каждый горе-родитель своей колокольни выступает с поучениями явно унижающих, оскорбляющих детей. Нам непонятно почему между родителями и детьми нет настоящей дружбы. Никто не спрашивает мнения ребенка. У всех в словарном запасе остались только повелительные наклонения: не бегай, не сломай, сиди, замолчи, ложись спать и прочее. Мы создали свою организацию, чтобы бороться со злом, причиненном нам старшими в доме, детском саду, школе, высших учебных заведениях. Пока мы еще находимся в фазе становления, но поверьте, вам придется считаться с нашим мнением. У меня пока все.

Ошеломленные взрослые смотрели на девочку и в душе понимали неправоту своих действий. Но просто так сдать своим детям, потерять в их лице власть над ними, полную, подчас несправедливую они не могли.

— Это что у нас в классе завелось такое?

— Почему эта девочка попала именно в наш класс?

— Это же Насреддин в юбке.

— Исключить ее из школы и порядок.

— Мы не желаем, чтобы у нас в классе училось сумасбродное существо.

— А вам не кажется, что именно правда, исходящая от детей, так задела ваше самолюбие.

— Дети, кто из вас считает Аленку сумасбродкой?

— Никто, — раздались детские голоса.

— Мы тоже уйдем из школы, если ее исключат.

— Правильная девчонка.

— Вы опоздали, мы уже приняли Устав своего общества во всех классах.

— Детям выйти, родителям остаться, — провозгласила учительница.

Шумной гурьбой дети выкатились из класса.

— И что мы с вами должны теперь делать?

— Не оскорблять детей, считаться с их желаниями и мнением.

— Прекратить бить детей.

— Да это же значит, что мы выполним все их требования?

— Придется. Мы действительно зачастую вымещаем свою злость на них. Они же маленькие. Сдачи не дадут.

— Выходит мы должны считать их организацию серьезной?

— Чем серьезнее мы к этому отнесемся, тем меньше оставим им возможности борьбы за права маленького человека.

Наконец родители вступили в спор между собой, который постепенно перешел в доказательства объективного требования детей. Собрание закончилось, все поостыли и никто уже не собирался лишать законных прав учиться в этом классе возмутительницу спокойствия.

— А мне она понравилась, — сказала мама одной из учениц. — Побольше бы таких, и наша русская рабская психология закончила бы свое существование.

* * *

— Ну что там на собрании? — спросил их дедушка.

— Мы тебе потом расскажем, когда будем одни.

— При мне стесняетесь сказать правду? — пристала Аленка.

— Правда тоже бывает у всякого своя, — ответил ничего не знающий о новом предводителе движения дед.

— И что ты скажешь на это?

— Видишь ли внученька, человек постепенно постигает мудрость жизни. Маленькие дети все видят в розовом свете и поэтому не всегда можно полагаться на их знание жизни.

— Почему у нас переполнены детские дома, а родители не отвечают за свои «цветочки». Их вынуждено воспитывать государство, полностью принимая самоустранение родителей.

— По-моему ты пересказываешь сейчас чужие мысли.

— Правильно. У нас в организации и старшеклассники есть и детдомовцы. Не положено ребенку при живых родителях находиться на казенном содержании.

— Философ ты малолетний.

— Я не философ, я хочу добиться переустройства взглядов на семью и в, частности, правах детей в семье. И почему появляются брошенные.

— Для этого есть ученые, педагоги, власть.

— Мало занимаются они этой проблемой. У нас в школе есть абсолютно голодные и не ухоженные дети. Они не виноваты, что родители не могут найти работы, обеспечивающей семью.

— Ты что же решила заняться политикой?

— Я хочу предложить изменить закон о возрасте на Выборах. Необходимо, чтобы там иногда на сессиях появлялись дети, защищающие свою категорию. Не абстрактные представители, а мы, точно знающие чего хочет маленький человек. И что он не животное в доме, которое гладят, когда захотят и могут оскорбить, если не в настроении. Хотя таких отношений между взрослыми не существует. Там они понимают, что или зависят друг от друга, или могут получить сдачу на грубость и непонимание.

— Аленушка, внученька, ну как ты можешь пойти против течения существующих отношений?

— Кому-то надо быть первым.

— Хорошо, — согласился дед, — а как вы собираетесь действовать?

— На оскорбления отвечать непослушанием. Оскорбили публично на уроке школьника, весь класс солидарно уходит от этого учителя.

— А дома?

— Для дерущихся и непонимающих родителей мы думаем попросить правительство построить детские не сиротские дома, а на содержание родителей. А этих не умеющих обращаться с детьми людей, заставить пройти обучение по программе «Взаимоотношения детей и взрослых в семье».

— И что дальше?

— Если родители успешно сдают теорию и практически доказывают свою состоятельность как родителей, они получают назад своих малышей. А нет, значит, дети остаются жить там же, а родители оплачивают их содержание.

— А как вы поступили бы с теми, кто бросает детей?

— Как Ляля?

— Она все-таки родила тебя, можно бы и поуважительней.

— Я бы заставила ее пойти на работу и выплатить маме Анне и тебе все затраты на мое содержание.

— Ты так ее не любишь?

— Мне ее жаль. Она пустая кукла, от нее холодно тем, кто находится рядом.

— И ты никогда не простишь ее?

— Прощать дано только Господу Богу, ты сам меня так учил. А мне она безразлична.

Нельзя прощать некоторые поступки никогда.

Прозвенел звонок в дверь. Алена открыла замок и на пороге появилась Алиса.

— Здравствуйте, — сказала она, стоя у порога.

— Здравствуйте, — ответила Аленка.

— Я принесла вам привет от мамы и бабушки.

— Бабушки, которая положила меня на крыльцо?

— Алена, нельзя же быть такой жестокой.

— Вы это называете жестокостью, а преступление по отношению слабого, беззащитного вы считаете не жестоким?

— Кто там? — спросил дед.

— Никто, ко мне зашли спросить о девочке из нашего класса и уже уходят.

— До свидания, — сказала Алиса.

— Прощайте, — ответила девочка.

Дед сокрушенно качал головой:

— Что будет из этого ребенка?

— Политик, будущий, я от своего мнения не отступлю, — подытожила Аленка и отправилась к себе в комнату.

В Демьяново происходили события, к которым причастным был Саня. На счет фирмы были переведены деньги за драгоценности, по его желанию.

— Никудышный был, Никудышным остался, — качали головой селяне, останавливаясь на улице. — Такие миллионы подарил фирме. Уехал бы в город, купил себе дом какой захотел и, живи не работай всю жизнь с такими деньжищами.

Григорий, Петрович и Миша выдали ему чековую книжку на свой долларовый счет. Они

были абсолютно счастливы тем, что оказались востребованными в жизни. Без них сейчас не обошлось ничего, особенно в приобретении необходимых материалов для строительства и контроль за ведущимся строительством.

— Им что воровать не надо, у самих денег невпроворот.

Миша руководил всем техническим хозяйством. Дорога до района была асфальтирована и теперь в селе работал собственный магазин. Недалеко проводили газ в другие села и в Демьяново было срочно отведена ветка первоочередного долларового газа, оплаченного сразу. Возводили свой элеватор. Было подсчитано, что продажа зерна по существующим ценам не давала прибыли, работали впустую. Переработка зерна и свои магазины позволяли выйти на прибыльную систему расчетов. У реки возвели свой Дом отдыха. Лесные дары, рыба, все это привлекало людей района и области по путевкам, вполне доступным по цене любому. Были путевки на выходные, недельные, десятидневки, семейные. Катер, лодки, детская водная станция, маршруты по лесу и реке, притягивали любителей воды и леса. Начали возвращаться семьи из города, ведущие нищенское существование на чужих квартирах.

Целая улица была начата застройкой коттеджей с садом. Котельная общая на все село и водопровод решили все проблемы с рабочей силой. Зарплата позволяла жить нормальной жизнью. Пришлось открывать свою школу, так как детей теперь насчитывалось более двухсот человек разного возраста.

Появились молодые учителя, механизаторы. А доярка теперь была специалистом по конкурсу.

Денис вернулся из-за границы с протезом на одной ноге, на второй невозможно было что-либо сделать. Но у него была стоячая, опоясывающая машина, которая позволяла передвигаться самому по селу. Денис теперь работал. Он заведовал местным радиоузлом и его хрипловатый голос селяне слышали с раннего утра до вечера.

* * *

Вера, жена Александра находилась дома: слишком большое количество народа находилась на ее содержании. И хотя в селе была открыта своя столовая, никто из ее домочадцев не желал менять домашние обеды на общепитовские.

Олег дождался свою невесту с дипломом агронома. Он закончил строительный техникум и теперь занимался всей стройкой в селе.

У Дениса и Веры родился сын. Крепкий малыш стал всеобщим любимцем. Особенно занимались его воспитанием деды, Григорий и Петрович. Но только в свободное от работы время.

Незадолго до получения Александром денег за сокровища, вышел Указ Президента о списании долгов хозяйствам. Это был лучший подарок за все время существования сельхозпредприятий от государства.

На месте старой конюховки был построен Дворец Культуры.

Для стариков была организована промартель, где изготавливали хозяйственную утварь, всевозможные изделия, которым научил их Сидор Никитович.

Огромная пасека давала лучший в области мед, который находил покупателей и в столице.

Сидор Никитович зашел в магазин за продуктами и увидел баночку с Мишкой на наклейке, прозрачного меда. Там было написано, что произведен он в селе Демьяново.

— Ишь ты, шустряк, Никудышный, куда добрался, — рассматривая баночку, радовался дед.

В селе выстроили элеватор и теперь не нужно было отдавать за бесценок зерно. Не стало в Демьяново и перекупщиков.

Миша познакомился с Катериной, бухгалтером, направленным к ним на работу. Еще один коттедж был построен молодым.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло двенадцать лет. В контору Агрокомплекса вошла девушка с золотистыми волосами, каскадом ниспадающими с плеч. Ее синие глаза смотрели удивленно на все, что она увидела в селе. В кабинете директора ее встретил Александр Григорьевич. Он поднялся со своего места и направился к ней.

— Значит сдержала свое слово, приехала, Алена Алексеевна.

— Пока на практику. А там видно будет. Устроите?

— Алена, марш к нам.

Он позвонил домой и сказал, что сейчас приедет с сюрпризом.

Для Алены тоже был сюрприз — Колюнька, теперь местный учитель в школе. Он пожирал глазами девчонку и словно онемел.

Дом был огромный, трехэтажный, со всеми удобствами. Внизу одна из комнат была оборудована под радиоузел, где на месте, дома и работал Денис.

Больница была на несколько отделений. Своя, поселковая.

Село нельзя было узнать. Асфальтированные дорожки, роскошные кустарники, чисто русский ухоженный пейзаж.

Григорий с Петровичем иногда по этому поводу философствовали:

— Хорошо, что повезло Сане с деньгами. А если у кого их нет? Пропадай деревня, живи по-старому?

— Нет, — отвечал Петрович. — Сначала сбросили деревне долги, потом бы кредит дали хороший на восстановление и ставили или выбирали руководителями таких, как наш Саня. Главное — умение и желание работать. А остальное все приложится.

Больше книг на сайте - Knigoed.net